

А. ПОССЕВИНО

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ О РОССИИ XVI в.

А. ПОССЕВИНО
ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ
О РОССИИ XVI В.

Possevini Antonii

MOSCOVIA

MISSIO MOSCOVITICA

LIVONIAE COMMENTARIUS

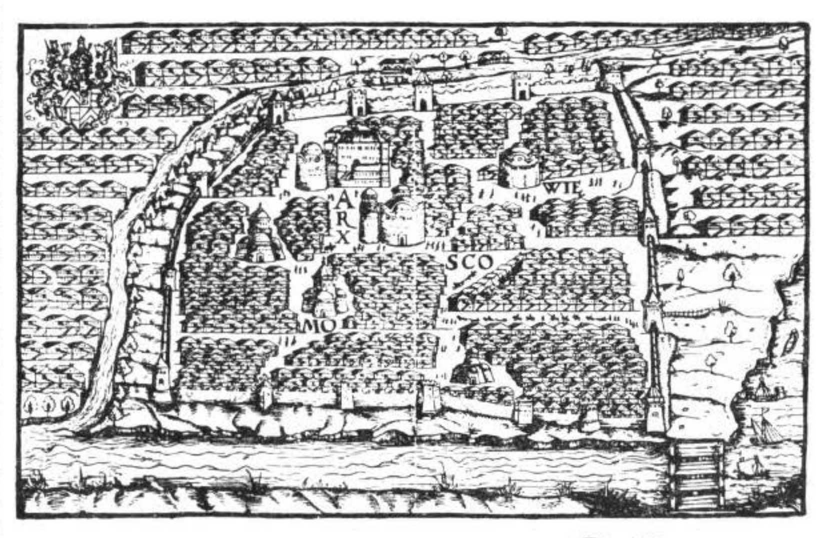

А. ПОССЕВИНО

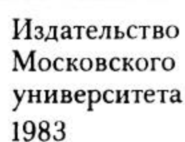
ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ О РОССИИ XVI в.

Издательство
Московского
университета
1983

*Печатается
по постановлению
Редакционно-
издательского
совета
Московского
университета*

Перевод, вступительная статья и
комментарии кандидата
исторических наук
Л. Н. ГОДОВИКОВОЙ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. Л. ЯНИН

Рецензенты:
доктор исторических наук
А. Л. ХОРОШКЕВИЧ
кандидат филологических наук
А. Ч. КОЗАРЖЕВСКИЙ

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.).—М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, 272 с.

Издание содержит трактаты известного дипломата XVI в. папского посла А. Поссевино («Московия», «Московское посольство», «Ливония») и его дипломатическую переписку, впервые переведенные на русский язык. Публикуемые сочинения дают своеобразный обзор внешней политики России и внутреннего положения, экономики, культуры, религии, быта, административного управления Русского государства конца XVI в. Издание снабжено вступительной статьей и комментариями.

Для специалистов-историков и филологов, а также читателей, интересующихся прошлым нашей Родины.

П $\frac{0503000000-171}{077(02)-83}$ 77—82

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из основных внешнеполитических задач, отвечавшей интересам экономического развития Русского государства XVI в., была борьба за выход к Балтийскому морю. Россия встала перед необходимостью налаживания непосредственных контактов с европейскими странами, так как в конце XV — начале XVI в. значительно увеличился объем ее внешнеторговых связей, а торговля через посредников, сначала ганзейских, затем ливонских купцов, ущемляла экономические интересы страны. Кроме того, русское государство испытывало большую потребность в различных специалистах, но ливонский орден решительно отказывался пропускать их через свою территорию. Ощущались и большие затруднения в налаживании регулярных дипломатических сношении с западноевропейскими государствами[1]. Однако попытки Русского государства укрепить более тесные торгово-экономические связи с Западом постоянно наталкивались на энергичное противодействие Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и ливонского ордена, ставивших своей целью экономическую и политическую изоляцию России.

Борьба России за выход к Балтийскому морю уже с конца XV в., несмотря на широкое использование средств дипломатии при разрешении конфликтов, нередко принимала характер военных столкновений[2].

Ливонская война Русского государства, начавшаяся в 1558 г., вначале шла успешно. Уже в 1558 г. к русским ото-

[1] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973, с. 6—8.

[2] Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 года и вопрос о ливонской дани. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 376—399; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений. М., 1980, с. 131—169.

шла значительная часть побережья Балтийского моря (современная Эстония, Нарва и Дерпт (Тарту), в 1563 г. был взят Полоцк. К 1577 г. почти вся Прибалтика, за исключением Риги и Ревеля (Таллина), была в руках русских. С 1578 г. намечается перелом. В войну вступило одно из самых сильных государств Восточной Европы того времени — Речь Посполитая[3]. В 1579 г. в Новгородскую область вторглись шведы, и Русскому государству, изнуренному долгой войной, пришлось обороняться одновременно от двух сильных противников при постоянной угрозе с юга со стороны татар.

В августе 1579 г. пал Полоцк, за ним Сокол. Узнав о потере Полоцка, Иван IV отступил с главными силами в глубь страны и сделал попытку к мирным переговорам. В июне 1580 г. к королю польскому и великому князю литовскому Стефану Баторию были направлены русские послы Сицкий и Пивов для переговоров о мире[4]. В сентябре поляки заняли Великие Луки, затем Невель, Заволочье и другие города, в результате чего бо́льшая часть территории бывшего ливонского ордена, с таким трудом завоеванная Россией в долгой и изнурительной войне, оказалась в руках Батория. В мае 1581 г. шведы взяли Нарву, и таким образом Русское государство потеряло выход к Балтийскому морю, дававший ему возможность осуществлять прямые торговые и дипломатические сношения со странами Западной Европы[5].

Сложная политическая обстановка вновь поставила Ивана IV перед необходимостью искать перемирия. Однако предложения русских послов были отвергнуты Баторием: ободренный последними военными успехами, он потребовал не только всю Ливонию, но и Великие Луки, Смоленск, Псков и Новгород.

Тогда на заседании Боярской думы 25 августа 1580 г. было решено послать «наскоро» гонца в Рим к папе и в Прагу к императору Рудольфу II[6].

На первый взгляд это решение кажется неожиданным. Н. П. Лихачев, анализировавший документы, связанные с приездом Поссевино, пишет, что оно поражает именно своей внезапностью[7]. На самом же деле русская история знает подобные прецеденты. В 1526 г. на пере-

[3] Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975, с. 51.

[4] Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 68. Далее — Описи царского архива...

[5] Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны.— Советское славяноведение, 1972, № 2, с. 25.

[6] «Лета 7088 августа в 25 день по литовским вестям как литовский Стефан король перемирье поруша и пришел к государеву городу к Лукам, приговорил государь, царь и великий князь с сыном своим с царевичем князем Иваном Ивановичем и с бояры послати наскоро в Рим к папе и к Рудолфу цесарю от себя с грамотами в гонцех Истому Шевригина».— ПДС, т. X, с. 6.

[7] Лихачев Н. П. Дело о приезде Поссевина. Спб., 1903, с. 143.

говоры между Василием III и польским королем Сигизмундом I вместе с представителем австрийского императора Герберштейном, автором известного сочинения о России, был приглашен и представитель папского престола Джан Франческо ди Потенца («Иван Френчюшко», как называют его русские источники). О том, что этот факт был известен Ивану IV, говорят выписки из посольских книг 1526 г., сделанные специально для него дьяком Андреем Щелкаловым по случаю приезда Поссевино [8]. Грозный надеялся, опираясь на посредничество папы и заручившись поддержкой императора Рудольфа II, добиться более выгодных условий перемирия. Русскому послу поручено было предложить папе Григорию XIII: «...вперед с тобою с папой с римским и с братом нашим с Руделфом цесарем быти в единачестве и в докончанье и против бесерменских всех государей стояти заодно хотим» [9]. Кроме того, русский царь обещал предоставить свободный проезд итальянским купцам через Россию в Персию и Индию [10].

В Риме с радостью ухватились за предлог, позволивший направить представителя папы в Россию. Папская курия внимательно следила за положением дел в Восточной Европе и прилагала определенные усилия, чтобы заручиться поддержкой России в борьбе с Османской империей и протестантскими силами Европы [11].

Еще в 1561 г. папой Пием IV был послан к Ивану IV Франческо Канобио с предложением направить русского представителя на Тридентский собор. Однако Канобио не был пропущен в Москву по приказу польского короля. В 1570 г. Виченцо дель Портико, папский нунций в Речи Посполитой, должен был ехать в Москву с целью вовлечь русского царя в антиосманскую лигу. В последний момент в Риме отказались от этой мысли и отменили посольство под предлогом «жестокости московита». В 1576 г. папская курия намеревалась отправить в Москву богослова Рудольфа Кленхена (Кленке). Цель посольства: соединение церквей и антитурецкое объединение. Неожиданная смерть посла нарушила эти планы [12]. В 1579 г. папский нунций Калигари по поручению папы Григория XIII пытался завязать связи с Москвой через пленных русских в Польше, но король Стефан Баторий воспротивился этому. Калигари хотел отправить письма в Москву через Швецию [13], но в это время в Рим прибыл русский посланец Истома Шевригин, и папская курия стала деятельно готовить своего представителя для посредничества между Россией и Речью Посполитой. Для этой миссии был выбран иезуит Антонио Поссевино [14].

[8] Описи царского архива.., с. 115.
[9] ПДС, т. X, с. 11.
[10] Там же, с. 17.
[11] Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 313.
[12] Пирлинг П. Россия и папский престол. Спб., 1912, т. I, с. 383—392, 403—416, 428—431.
[13] Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1897, v. II, p. 50—55. Далее — La Russie...
[14] Из донесения Шевригина: «... хочет послати своего посла патра язовита Антонья».— ПДС, т. X, с. 18.

Антонио Поссевино родился в 1534 г. в Мантуе в семье золотых дел мастера, духовное образование получил в Риме. Кардинал Гонзага, заметив исключительные способности Поссевино, взял его к себе сначала секретарем, а позже поручил воспитание своих племянников. В 1559 г. Поссевино вступает в орден иезуитов, (причем, проходит новициат, двухлетний срок испытания, за 6 месяцев) [15]. Почти сразу же ему даются ответственные поручения. В 1560 г. генерал ордена Лайнес посылает его в Савойю, где в это время заметно усилилось реформационное движение. Объехав Пьемонт и Савойю, Поссевино доложил о положении дел герцогу Эммануилу Филиберту и настоял на применении самых жестоких мер к еретикам. Против протестантов было послано двухтысячное войско, которое сопровождал сам иезуит [16].

К 1565 г. относится процесс во французском парламенте о праве иезуитов преподавать в парижском университете. Поссевино добился того, что иезуиты «пока» были оставлены в качестве преподавателей университета [17]. По поручению папского двора он основывает ряд иезуитских коллегий, в частности коллегию в Авиньоне, и сам становится ее ректором.

В 1568 г., продолжая проповедовать во Франции, Поссевино издает небольшую книжку «Христианский воин» (Miles Christianus), где пишет, что каждый сражающийся с еретиками солдат — герой, погибший в этой борьбе — мученик, малейшая пощада — преступление. Жители Тулузы в большой степени под влиянием этой книги, а также проповедей Оже и Поссевино в течение нескольких месяцев перебили более 5 тыс. протестантов.

В 1569 г., когда Поссевино отправился в Рим, чтобы принять последний, четвертый, обет ордена и вступить в высший класс Общества Иисуса, в Авиньоне распространился слух, что Поссевино имеет секретное поручение ходатайствовать о восстановлении здесь инквизиции. В городе началось волнение, папскому легату кардиналу д'Арманьяку с трудом удалось успокоить авиньонцев.

С 1572 по 1578 г. Поссевино — секретарь генерала ордена. С 1578 г. начинается его дипломатическая деятельность. В 1578 г. папа Григорий XIII, пристально следивший за событиями на севере, отправляет Поссевино в Швецию, где в это время усилилась партия реформаторов. Он официально назначается «апостольским легатом и викарием всех северных стран», включая Литву и Россию, при этом ему дается инструкция разузнать о положении дел в «Московии». Сначала миссия Поссевино была успешной: лестью, обещаниями, запугиваниями ему удалось склонить на свою сторону короля Юхана III и совершить над ним конфирмацию. При этом очень помогла королева Екатерина Ягеллон, на которую Поссевино имел чрезвычайно большое влияние [18]. Поссевино уехал в Рим, оставив при шведском дворе не-

[15] Pierling P. La Russie.., v. II, p. 22.
[16] Геттэ Р. История иезуитов. М., 1911, т. I, с. 117.
[17] Там же, с. 101.
[18] Memoria del cardinale di Como.— В кн.: Possevini A. Missio Moscovitica. Paris, 1882, p. 112. Далее — Missio Moscovitica.

скольких иезуитов. Вернувшись туда через год, он увидел, что труды его пропали даром: король убедился в лживости иезуитов и охладел к ним[19]. Однако им удалось целиком подчинить себе сына короля, будущего польского «короля-иезуита» Сигизмунда III.

По дороге в Швецию в 1579 г. Поссевино остановился в Вильно, где впервые встретился с польским королем Стефаном Баторием и где состоялся его диспут с кальвинистом Андреем Воланом[20]. Под влиянием аргументов Поссевино Баторий приказал Волану уничтожить свое сочинение. В том же году, будучи уже в Швеции, иезуит написал обширное полемическое сочинение против лютеранина Давида Хитрея[21]. С 1580 г. Поссевино находился в Риме, где его застало посольство Шевригина (24 февраля 1581 г.).

Папская курия дает подробные инструкции иезуиту. Основная цель миссии Поссевино — привлечь Ивана IV к антиосманской лиге и этим приблизить его к папскому двору, затем постепенно обратить русского царя в католичество и подготовить почву для полного окатоличивания России. Перед отъездом Поссевино знакомится с доступными ему материалами о России: книгами Герберштейна, Гваньини, Кобенцеля, Джовио, Кампензе, письмами и инструкциями пап Льва X, Климента VII, Пия V и Григория XIII, стремившихся завязать дипломатические связи с Россией[22].

27 марта 1581 г. русское посольство вместе с Поссевино выехало из Рима. Первая, довольно длительная остановка, была в Венеции. Здесь Поссевино вел переговоры о вовлечении Венецианской республики в антитурецкую лигу и о возможных торговых отношениях Венеции с Россией. В Австрии, Богемии, Речи Посполитой Поссевино знакомится с положением дел, регулярно отсылая донесения в Рим. В Граце (Штирия) Поссевино встречается с Кобенцелем, недавно побывавшим в России в качестве посла императора Максимилиана, и имеет с ним продолжительную беседу о положении дел в России[23].

13 июня Поссевино прибыл в Вильно к польскому королю. Баторий сначала с неудовольствием принял посредничество иезуита, считая, что переговоры дадут передышку «московиту» и позволят ему стянуть новые силы в западные области[24]. Но Поссевино увлек Батория картиной той исторической роли, которую ему будет суждено сыграть; заключив мир с Иваном IV, Баторий подготовит почву для объедине-

[19] Губер И. Иезуиты, их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. Спб., 1898, с. 103—104.

[20] Андрей Волан исполнял должность секретаря князя Николая Радзивилла Черного, покровительствовавшего кальвинизму. О Волане см.: Подокшин С. А. Франциск Скорина. М., 1981, с. 175—185.

[21] Дахнович С. Иезуит Антоний Поссевин.— Тр. Киев. духовной академии, 1865, с. 125.

[22] ДАИ, с. 20—22.

[23] Там же, с. 21.

[24] Possevini A Missio Moscovitica, p. 7—8.

ния восточной и западной церкви и будет содействовать распространению католичества в северных и восточных областях. Этим же он обеспечит себе поддержку папского престола[25]. 3 июля Поссевино вместе с канцлером Яном Замойским прибыл в Дисну. Здесь, как и в Вильно, Поссевино всячески старался использовать свое влияние на короля, постоянно беседуя с ним и почти ежедневно произнося проповеди. Он добился у короля разрешения конфисковать в пользу иезуитской коллегии, основанной в Вильно в 1579 г., часть имений, принадлежавших ранее русской церкви[26].

18 августа Поссевино приехал в Старицу (через Оршу и Смоленск), где в это время находился Грозный. Здесь Поссевино вручил царю письма папы и императора Рудольфа, а также подарки и письма к царице (ошибочно названной в письме Анастасией) и царевичам. Здесь Поссевино узнал условия Ивана IV: царь отдает Полоцк с пригородами, Луки, Заволочье, себе же требует 36 замков в Ливонии, в их числе Нарву с пригородами. Иезуиту при этом были показаны некоторые документы из архивов, подтверждавшие права русских на Ливонию. Поссевино пробыл в Старице около месяца. Грозный несколько раз принимал его, и всякий раз Поссевино пытался начать разговор с ним о вере и объединении церквей, от чего царь упорно уклонялся.

14 сентября Поссевино отправился из Старицы в польский лагерь под Псковом[27]. У царя были оставлены иезуиты Дреноцкий и Мориено, которым была дана строгая инструкция следить за московскими делами, не раздражать царя и русских, стараться встречаться с приближенными московского князя, беседовать с ними о вере[28]. Эта инструкция оказалась лишней, так как иезуитов держали почти в полной изоляции, и даже письма Поссевино не всегда доходили до них[29].

К концу сентября относится окончание 1-й части (комментария) «Московии» в виде письма к Григорию XIII от 29 сентября 1581 г.[30] Письмо вместе с записью бесед с царем было отправлено в Рим со спутником Поссевино Паоло Кампани. Эти записи, а также копии архивных документов о Ливонии, по утверждению Пирлинга, позже были утеряны[31].

5 октября Поссевино приехал в польский лагерь под Псковом. Положение поляков к этому времени резко ухудшилось. Стойкая обо-

[25] Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой. Спб., 1904, с. 269.

[26] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова). Пер. О. Милевского. Псков, 1882, с. 41. Далее — Дневник последнего похода...

[27] Описи царского архива.., с. 110.

[28] Инструкцию Дреноцкому см.: ДАИ, с. 20—22.

[29] Possevini A. Missio Moscovitica, p. 35.

[30] «Из деревни Бор на реке Шелони во владениях великого князя московского в ожидании, пока какие-нибудь отряды всадников от польского короля отвезут нас в лагерь. В день св. Михаила Архангела в год 1581» (см. с. 40 перевода).

[31] Pierling P. La Russie.., v. II, p. VIII—IX.

рона защитников Пскова, отсутствие средств на продолжение длительной осады и внутренние раздоры в польском лагере вызывали недовольство у самих осаждающих. «Провиант добываем за 12 миль от лагеря, да и то с большой опасностью. Русские захватывают лошадей, провиант и все прочее... солдаты дезертируют от холода, босые, без шапок и платья, страшно дерутся с жолнерами из-за дров, которые привозят в лагерь, отнимают друг у друга платье и обувь, затем жалобы и ропот на все... воровство в лагере страшнейшее», — свидетельствует один из участников осады [32]. Тем не менее требования Грозного показались Баторию чрезмерными, и он не захотел вести переговоры на таких условиях. Поссевино тотчас отправил царю очень красноречивое письмо, где рисовал положение русских самыми мрачными красками: «... в городе (Пскове) очень многие погибают от обстрела королевских пушек, от болезней и душевной скорби, подобно тому, как и в деревнях многие испытали на себе меч врага... король Стефан решил зимовать и вести военные действия повсюду в Московии и остальных своих владениях. Кроме того, он приказал подвезти из Риги большое количество пороха и ядер и вот уже четвертый день ждет пополнения из иностранных солдат...» [33]. Поссевино писал также, что шведский король взял Ивангород и Нарву и, следовательно, может вторгнуться в пределы Московии. Уступка Ливонии, убеждал иезуит, не будет особенно тяжелой для русской стороны, так как он обещает испросить у польского короля право свободного проезда через ливонские земли для послов и купцов [34]. Вероятно, под влиянием этого письма в наказе своим послам Дмитрию Елецкому «со товарыщи» русский царь выдвинул более умеренные и невыгодные для русских требования: он соглашался передать польской стороне всю Ливонию, оставив за собой Великие Луки, Невель, Заволочье, Холм и псковские пригороды. Послам также было предписано не поднимать вопроса о Нарве и «свейского не замиривати» [35].

Поссевино вместе с польскими послами выехал из псковского лагеря в Ям Запольский, где была назначена встреча послов. Переговоры начались 13 декабря в деревне Киверова Горка в нескольких километрах от Яма Запольского (между Заволочьем и Порховом) и продолжались больше месяца (до 15 января 1582 г.). Поссевино проявлял при этом большую активность: вел все заседания, писал протоколы, обменивался письмами с русским царем, польским королем, канцлером Замойским, кардиналом ди Комо, шведским королем и другими, снимал копии со всех документов. Переговоры велись медленно. Несколько раз польские послы в раздражении на неуступчивость русских уходили с заседаний, заявляя, что больше не вернутся. Поссевино старался примирить враждующие стороны и ускорить ход переговоров. Полякам советовал прекратить осаду Пскова, так как это

[32] Дневник последнего похода.., с. 152—153.
[33] См. с. 96 перевода.
[34] Письмо от 9 октября 1581 г. (см.: с. 97 перевода).
[35] Успенский Ф. И. Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. Одесса, 1885, с. 22—23.

затрудняет перемирие. Говорил о стойкости русских при защите своих крепостей, приводя в пример безуспешную осаду Печерского монастыря войсками Батория [36].

В то же время в письмах к Грозному он писал о бедственном положении русских: «Храмы разрушены или обращены в конюшни... трупы взрослых и детей валяются повсюду, и на дорогах их топчут копыта коней. Происходит много убийств и грабежей мирных сельских жителей, на них охотятся с величайшим азартом в лесах, забыв об охоте на диких зверей. На обширных пространствах видны следы пожаров и невероятного опустошения твоих владений. Впрочем, это везде не имеет значения, так как там не осталось ни земледельцев, ни скота, однако это на многие годы затруднит торговлю иноземных людей с твоими» [37]. Такая политика Поссевино вызвала недовольство обеих сторон. Замойский в раздражении говорил о нем: «Такого сварливого человека я не видывал, он хотел бы знать все королевские планы относительно заключения мира с московским царем, он втирался в королевский совет, когда обсуждалась наша инструкция послам. Он готов присягнуть, что великий князь к нему расположен и в угоду ему примет латинскую веру, и я уверен, что эти переговоры кончатся тем, что князь ударит его костылем и прогонит» [38]. Русские же послы писали: «А нам, холопем твоим, видетца, что Онтоней во всех делах с литовские послы стоит за один и в приговорах во всяких говорит в королеву сторону и грамоты твои, государевы, послам кажет» [39]. В ходе переговоров обе стороны старались узнать, до каких пределов послам даны полномочия уступать. Поссевино предложил польским послам первым сделать уступки и этим вызвать на откровенность русских. Такой тактический ход продвинул немного вперед переговоры. Поссевино советовал польскому королю выдавать себя за союзника шведского короля Юхана III с тем, чтобы казаться московским послам более серьезным противником. Вопрос о том, включать ли шведского короля в перемирие, долго обсуждался на заседаниях. По совету иезуита, переговоры с Юханом III были на время отложены, при этом Поссевино надеялся, что и для заключения мира со шведами московский царь выберет его своим посредником.

Больше всего споров было о двух крепостях Себеже и Велиже. В конце концов Велиж уступили польской стороне, Себеж — русской. В разгар споров о титуле царя в перемирной грамоте [40] (поляки хо-

[36] Письмо от 26 декабря 1581 г. (см. с. 132 перевода).
[37] Псьмо от 7 декабря 1581 г. (см. с. 108 перевода).
[38] Дневник последнего похода.., с. 249.
[39] Отписка Елецкого от 1 января 1582 г. См.: Лихачев Н. П. Дело о приезде Поссевина., с. 171.
[40] Здесь Поссевино, не выдержав роли беспристрастного посредника, «вырвал из рук у посла Остафьева (Олферьева.— *Л. Г.*), черную запись, бросил оную к дверям, а самого посла, схватив за ворот за шубу, все на оной пуговицы оборвал, закричав: «Подите от меня вон из избы. Мне с вами говаривати нечего» (Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшей по 1700 г., ч. 1. М., 1862, с. 176).

тели писать Ивана IV не царем, но лишь великим князем) пришло письмо от Замойского из лагеря под Псковом, в котором он писал, что положение поляков очень тяжелое и он не продержится более 8 дней [41]. Именно это повлияло на ход переговоров, и, наконец, на 21-м заседании перемирие было заключено на 10 лет. К Речи Посполитой переходила вся Ливония, за исключением 5 городов, с ливонскими замками, кроме тех, которые были заняты шведами. Таким образом, почти двадцатилетняя война России за выход к Балтийскому морю закончилась тяжелым для русских Ям-Запольским перемирием, при заключении которого деятельность Поссевино нисколько не улучшила его условий. В конечном счете Поссевино интересовала лишь окончательная цель переговоров: заключение перемирия; он стремился казаться миротворцем с тем, чтобы облегчить достижение главной цели посольства: привлечь русского царя к антиосманской лиге и подчинить его апостольскому престолу.

14 февраля Поссевино приехал в Москву. Однако Иван IV, как и раньше, уклонялся от обсуждения вопросов, касающихся религии. Поссевино добился лишь разрешения на публичные диспуты о вере, состоявшиеся 21, 23 февраля и 4 марта. Результатом миссии Поссевино было лишь то, что русский царь снарядил посольство в Рим во главе с Яковом Молвяниновым, которое должно было передать папе грамоту с общими словами о любви и братстве [42].

15 марта Поссевино уехал из Москвы и 24 прибыл в Ригу, где в это время находился Баторий. Здесь Поссевино занялся обработкой донесения генералу ордена о выполнении своей миссии, которое было отослано 28 апреля 1582 г. [43] Из Риги вместе с посольством Якова Молвянинова иезуит отправился в Рим, куда посольство прибыло 13 сентября и где оставалось до 16 октября. Переговоры с папой показали, что вопрос о крестовом походе против турок остался в том же положении, что и перед поездкой Поссевино. 4 декабря 1582 г. русское посольство вместе с Поссевино прибыло в Варшаву.

С 1582 г. до смерти Батория в 1586 г. Поссевино находится в основном в Польше, исполняя обязанности главного инспектора католических семинарий, возложенные на него папой, и получая ежемесячный пенсион в 100 экю.

Конец 1582 г. — начало 1583 г. Поссевино проводит в Венгрии, заканчивая и редактируя свои трактаты «Московия», «Ливония» и

[41] «... а если бы замедлилось дело, то он должен с посрамлением и опасностью отступить от Пскова» (Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени. Спб., 1867, с. 585. Далее: Коялович М. О.— Указ. соч.).

[42] «... и с тобою пастырем и учителем римские церкви и с братом своим с Руделфом цесарем и с иными со всеми хрестьянскими государи хотим быти в братстве и любви». — ПДС, т. X, с. 351.

[43] Издано Пирлингом в Париже в 1882 г под названием «Missio Moscovitica» (см. сн. 18).

«Трансильвания»[44]. Возвратившись из Венгрии в Краков, Поссевино почти неотлучно находится при польском короле. Баторий, несмотря на Ям-Запольское перемирие, начал деятельную подготовку к возобновлению войны с Россией, надеясь успешным завершением войны на востоке укрепить свои позиции в Речи Посполитой. При существовании сильной оппозиции со стороны литовских магнатов и влиятельной группы Зборовских Баторий думал опереться на помощь папского престола. Поссевино оказался весьма деятельным и усердным помощником польского короля, осуществляя связь с Римом и добиваясь предоставления денежных субсидий Баторию для войны с Россией. Иезуит изобрел даже предлог для нарушения перемирия: истощенная длительной войной Россия постоянно находится под угрозой захвата турками и татарами. Поляки должны прийти на помощь своим славянским братьям для защиты от ислама. В письме к Замойскому Поссевино говорит о своей готовности принять участие в этой войне: «Старый солдат Пскова всегда готов встать под знамена прежнего капитана»[45]. Поссевино удалось войти в полное доверие к польскому королю, который не переставал его хвалить в письмах к папе, кардиналу Фарнезе, Клавдию Аквавиве и др.[46] При этом Поссевино не забывает своих планов идеологического воздействия на Россию и проекта объединения церквей в юго-западных областях России. Иезуит завязывает тесные связи с князем Константином Острожским, посвятив его в свой проект унии, и даже предлагает ему созвать в Остроге нечто вроде собора, который выработал бы план объединения церквей. Иезуит самым активным образом использует типографию в Остроге для издания книг на славянских языках. Однако столь активная деятельность Поссевино в Речи Посполитой вызвала недовольство как поляков, в частности Замойского, опасавшегося слишком сильного влияния Поссевино на короля, так и самой римской курии, рассчитывавшей опереться в походе против турок на объединенные силы польского и русского государств[47].

Положение Поссевино усложнилось также из-за неприязненного отношения к нему папского нунция в Речи Посполитой Болоньетти,

[44] Трактат «Трансильвания», находившийся в личном архиве П. Пирлинга, состоит из 5 глав. Первые две содержат географическое и историческое описание Трансильвании до середины XVI в. Третья глава посвящена описанию войн с Австрией, появлению ересей, в особенности арианства, приходу к власти Батория и появлению в стране иезуитов. Четвертая глава посвящена исключительно Баторию, его избранию на польский престол, взаимоотношениям с Габсбургами. В пятой главе содержится программа религиозной политики папского престола в Трансильвании, Венгрии, Молдавии и Валахии. — Pierling P. La Russie.., v. II, p. 231—232.

[45] Ibidem, p. 256.

[46] Ibidem, p. 255.

[47] Пирлинг П. Восточная идея Поссевино.— Русская старина, 1908, т. 136, с. 570.

который считал, что Поссевино превышает свои полномочия инспектора училищ и вмешивается в дела, входящие в обязанность нунция. Об этом Болоньетти постоянно писал в Рим в своих донесениях [48]. В результате из Рима последовало предписание Поссевино удалиться из Кракова в Браунсбергскую коллегию (Восточная Пруссия) и заниматься исключительно просветительской деятельностью.

После смерти в 1585 г. папы Григория XIII генерал иезуитского ордена назначил Поссевино помощником провинциала в Речи Посполитой. В начале 1586 г. Поссевино вместе с племянником польского короля Андреем Баторием отправляется в Рим, где ему удается выхлопотать у папы Сикста V субсидию в 25 тыс. скуди для завоевания Московии. Только неожиданная смерть Стефана Батория помешала началу военных действий. После смерти короля генерал ордена Аквавива отзывает Поссевино в Рим, так как в сложной борьбе партий за избрание нового польского короля он слишком ревностно поддерживал в качестве претендента на польский престол воспитанника иезуитов сына шведского короля Юхана III Сигизмунда, что шло в разрез с политикой папской курии, отдававшей предпочтение кандидатуре одного из эрцгерцогов дома Габсбургов [49].

В 1587 г. Поссевино назначают ректором падуанской академии. С этого времени он занимается в основном литературной деятельностью: в 1593 и 1606 гг. выходят его большие библиографические работы по различным вопросам теологии. Однако даже в это время интерес Поссевино к России не ослабевает. Он пристально следит за событиями на востоке, поддерживает постоянную переписку с иезуитами из окружения Лжедмитрия I. В 1605 г. в Венеции появляется сочинение под названием «Повествование о чудесном завоевании отцовской власти яснейшим юношей Дмитрием», составленное неким Бареццо Барецци. Как доказано позднейшими исследователями [50], автором этого сочинения был Поссевино, с радостью приветствовавший открытую экспансию против России.

Умер Поссевино 26 февраля 1611 г. в Ферраре.

[48] «Поссевин, как приехал, во все тут вмешивается, суетливо набирает себе множество дел и даже позволяет себе писать вещи, о которых ничего не знает». Письмо от 28 января 1583 г.— В кн.: Россия и Италия. Спб., 1913, т. II, с. 333. «Поссевину не следовало бы приписывать себе успехов там, где результат и без того можно было предвидеть заранее, как например, в примирении короля польского с князем московским... Этого перемирия обе стороны желали настолько сильно, что если бы даже стараться нарочно создавать помехи в заключении мира, последний все равно был бы заключен».— Там же, с. 352.

[49] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в. М., 1978, с. 188.

[50] Пирлинг П. Из Смутного времени. Бареццо Барецци или Поссевино? Спб., 1902.

* * *

Деятельность Поссевино в России довольно полно отражена в русской и зарубежной исторической литературе. Еще представители дворянской историографии (М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин), опираясь на тот источниковедческий материал, которым они могли пользоваться, дали свою оценку последних событий Ливонской войны, Ям-Запольских переговоров, и в частности посредничества в них Поссевино.

Если Щербатов только обращает внимание на искажение действительного положения дел в войске Батория под Псковом в письмах Поссевино к Ивану IV[51], то Карамзин высказывает уже определенную точку зрения на значение посредничества иезуита при заключении перемирия: «Не ходатайство иезуита, но доблесть воевод псковских склонили Батория к умеренности»[52]. Русская буржуазная историография продолжает эту традицию оценки Поссевино как арбитра переговоров. С. М. Соловьев в «Истории России», анализируя документы перемирия, делает вывод о пристрастии Поссевино к польской стороне[53]. Отдельные статьи о Поссевино (Г. Воробьева[54], С. Дахновича[55] и др.) носят в большой степени информационный характер и не вскрывают значения посредничества папского престола. Резкой и весьма эмоциональной критике подвергает иезуитов, и в частности Поссевино, Ю. Ф. Самарин, но делает это с позиции славянофильства и защиты православия[56].

Эти работы, анализируя деятельность Поссевино как посредника на Ям-Запольском перемирии, почти не касаются его сочинений.

Некоторый анализ исторических фактов, содержащихся в «Московии», дает В. О. Ключевский, отмечая оригинальность сведений Поссевино: «Достоверного они (иностранцы, писавшие о России. — *Л. Г.*) сообщают мало, за исключением Поссевина, который сам два раза был в Москве и посвятил свой первый комментарий описанию религиозного состояния московского государства и изложению планов и средств касательно распространения в нем католичества»[57].

Особое место в изучении личности Поссевино занимают сочинения иезуита П. Пирлинга, представителя официальной католической исто-

[51] «Воинства короля польского весьма были отдалены быть в столь цветущем состоянии, в каком их представляет папский посол» (Щербатов М. М. История Российская с древнейших времен, т. 5, ч. 3. Спб., 1903, с. 690).

[52] Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. 9. Спб., 1892, с. 369.

[53] Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. VI. М., 1960, с. 723—724.

[54] Воробьев Г. А. Царь Иван IV и папа Григорий XIII.— Русская старина, т. 81, 1894, май, с. 52—75.

[55] Дахнович С. Иезуит Антоний Поссевин.

[56] Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. М., 1866, с. 234.

[57] Ключевский В. О. Сказания иностранцев о России. Пг., 1918, с. 18.

риографии[58]. Начиная с 1884 г. появляется серия его работ о взаимоотношениях Рима и Москвы[59], которые позже были оформлены в пятитомный труд «La Russie et le Saint-Siège», второй том которого посвящен миссии Поссевино в России.

Пирлинг имел возможность широко привлекать для своих работ материалы из ватиканского архива, архивов Венеции, Флоренции и др. Обилие изученных документов, ссылки на ранее неизвестные источники придают работам Пирлинга известную видимость объективности оценок. Этим и объясняется появившаяся под влиянием его работ точка зрения на миротворческий характер деятельности Ватикана, на беспристрастность Поссевино при заключении перемирия. В работах Ф. И. Успенского, Е. Ф. Шмурло, В. Новодворского[60] и даже в источниковедческих исследованиях «дела Поссевина» Н. П. Лихачева[61] ощущается влияние работ Пирлинга.

Многочисленные работы Пирлинга, показывая постоянный пристальный интерес Ватикана к восточноевропейским, и в особенности русским, проблемам, изображая деятельность папского престола на Востоке как некую гуманную, просветительскую миссию, в конечном итоге ставят целью апологию папства, доказывают правомерность его агрессивных действий по отношению к России.

Из других сочинений западной историографии можно отметить монографию Лизи Картуннен о Поссевино как о дипломате. Миссию Поссевино в России автор рассматривает с позиции интересов Швеции, считая, что и Иван IV, и Стефан Баторий желали мира лишь для того, чтобы переключиться на борьбу со шведами. Роль Поссевино,

[58] Павел Пирлинг (1840—1922) родился в Петербурге, окончил петербургскую 2-ю гимназию, изучал богословие в Вене, Инсбруке и Риме, где и получил степень доктора богословия в Грегорианском католическом университете. Был секретарем генерала иезуитского ордена. Долгое время жил в Париже и издавал свои сочинения на французском языке.

[59] Pierling P. Un nonce du pape en Moscovie. Paris, 1884; Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou. Paris, 1885; Bathory et Possevino, documents inedits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. Paris, 1887; Un arbitrage pontificial en XVI siècle entre Pologne et la Russie. Mission diplomatique du Possevino. Bruxelles, 1890. На русском языке: Из Смутного времени. Бареццо Барецци или Поссевино? Спб., 1902; Восточная идея Поссевино.— Русская старина, 1908, с. 136, 563—573.

[60] Успенский Ф. И. Сношения Рима с Москвой.— ЖМНП, 1884, авг.— сент.; 1885, авг.; Шмурло Е. Отчет о двух командировках в Россию и заграницу в 1892/3 и 1893/4 гг. Юрьев, 1895; Он же. Известия Джованни Тедальди о России времен Ивана Грозного.— ЖМНП, 1891, № 5—6; Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой. Спб., 1904.

[61] Лихачев Н. П. Дело о приезде Поссевина. Спб., 1903; Он же. Антоний Поссевин и Истома Шевригин. М., 1900.

который, несомненно был при переговорах на стороне Батория, незначительна, так как, по мнению автора, заключение перемирия — дело рук не папского престола, а результат успехов шведов [62].

В советской исторической литературе можно отметить целый ряд работ, вскрывающих сущность политики Ватикана по отношению к странам Восточной Европы как политики идеологической и политической экспансии [63]. Д. Е. Михневич в исследовании, характеризующем деятельность иезуитского ордена, говорит о Поссевино как о «воплощении «идеала» неумолимого, воинствующего, немилосердного ко всем, кто не угодил церкви, вечно бдительного фанатичного иезуита» [64]. Неудача миссии Поссевино, по мнению автора, вызвана тем, что Поссевино недооценивал силы русской дипломатии, игнорировал интересы и психологию русского народа [65].

П. В. Снесаревский в специальных работах, анализирующих миссию Поссевино, подвергает резкой критике стремление католических идеологов исказить историю русско-римских отношений и выдать миссию Поссевино за свидетельство «миротворческой» политики папской курии. Папское посредничество, по мнению автора, помогло закрепить победу Польши и отторгнуть от России побережье Балтийского моря [66]. Однако автор, исследуя «Московию» как исторический источник, рассматривает ее в отрыве от других сочинений Поссевино («Московское посольство», «Ливония»), что затрудняет вопрос датировки трактата и анализ фактического материала, содержащегося в нем. Недостаточно исследована автором и связь «Московии» с сочинениями других иностранных авторов о России XVI в. (Герберштейна, Кобенцеля, Джовио и др.). Характеристику Поссевино как представителя папского престола дает М. А. Алпатов. Автор указывает, что иезуита интересовало не столько заключение мира, сколько его результаты, а именно вовлечение России в антитурецкую коалицию. Поссевино не рассчитывал на добровольное подчинение России папству, но считал, что Россия, не являясь католической страной, находится вне цивилизации; только католицизм сделает русских способными к интеллектуальному развитию. Иезуит не исключал также

62 Kartunnen L. A. Possevino un diplomate pontificial en XVI-e siècle. Lausanne, 1908, p. 192—193.

63 См., например: Лозинский С. Н. История папства. М., 1961; Григулевич И. Р. Ватикан, религия, финансы, политика. М., 1957; Заборов М. А. Папство и крестовые походы. М., 1960; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959; и др.

64 Михневич Д. Е. Очерки католической реакции (иезуиты). М., 1955, с. 261—262.

65 Там же, с. 267.

66 Снесаревский П. В. Крах агрессивной политики Ватикана в России. Автореф. канд. дисс. М., 1951; Он же. Миссия Поссевино (Происки Ватикана в России во 2-й половине XVI в.).— Учен. зап. Калининград. педагогич. ин-та, 1955, вып. 1; с. 72, 83.

прямого военного нападения на Россию, поддерживая агрессивные планы Батория [67].

Из работ ученых социалистических стран следует отметить книгу Э. Винтера [68]. Поссевино, по мнению автора, вовсе не был беспристрастным посредником, но действовал от начала до конца в интересах господствующих кругов Польши. Миссия Поссевино потерпела неудачу потому, что русская дипломатия смогла разгадать тайные замыслы Поссевино и католической контрреформации [69]. Недавний «миротворец», посланный в 1586 г. папой Сикстом V для сопровождения Стефана Батория в предполагавшемся военном походе против России, выставлял в качестве оправдания тезис, что военный поход должен быть для блага России, которая в противном случае станет жертвой ислама [70].

* * *

400 лет отделяют современного читателя от событий 1582 г., однако, сочинения А. Поссевино могут представлять для исследователя этого периода русской истории несомненный интерес. Ведь речь идет о свидетельстве современника важных событий конца Ливонской войны и последних лет правления Ивана IV, причем современника, который в этих событиях принимал непосредственное участие. Характер, направленность, даже композиция сочинений Поссевино предопределены в первую очередь его позицией представителя папского престола. Цель их — ознакомить католический мир с положением дел в России, выявить ее возможности как вероятного союзника в борьбе с реформацией и Османской империей. Поссевино в своих трактатах делает попытку передать накопленный им опыт будущим посланцам папского престола, для которых, по его мнению, он проторил дорогу. В книгах иезуита хорошо видна разработанная им и другими деятелями римской курии система пропаганды католической религии и внедрения ее в страны, или не принадлежащие католическому миру, или отпавшие от него вследствие успехов реформации.

Миссия Поссевино в России потерпела неудачу, и это во многом объясняется тем, что в Ватикане, несмотря на всевозраставший интерес к России, имели довольно смутное и неопределенное представление как о характере международных отношений в Северо-Восточной Европе, так и о положении дел в самой России. Об этом свидетельствует, например, настойчивое желание Поссевино привлечь к Ям-Запольским переговорам шведского короля, что совершенно не соответ-

[67] Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. М., 1973, с. 239—247.

[68] Винтер Э. Папство и царизм. Пер. с нем. Р. Крестьянинова и С. Раскиной. М., 1964.

[69] Там же, с. 76—77.

[70] Винтер Э. Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 409—410. Литературу о Поссевино см. также: Stökl G. Posseviniana. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1963, Juni, Bd. 11, Heft. 2, S. 223—236.

ствовало интересам как русской, так и польской сторон. Об этом же говорят и постоянные попытки иезуита вовлечь Ивана IV в дискуссию о религиозных делах, с помощью которой Поссевино надеялся отвратить русского царя от «схизмы». Отсюда же и фактические ошибки (московская княгиня, к которой адресовано письмо папы, названа Анастасией, хотя та умерла еще в 1560 г., приведены неточные сведения о Максиме Греке, даются фантастические толкования некоторых русских выражений и пр.).

Однако, несмотря на тенденциозность, а иногда и ошибочность в изложении фактов и событий, сочинения Антонио Поссевино по разнообразию содержащейся в них информации представляют собой универсальный источник и могут быть использованы в различных аспектах: при изучении социально-политической истории России второй половины XVI в., истории дипломатии, военной истории и т. д. В них приводятся интересные, нередко уникальные, сведения о русских городах, численности населения в них, торговле, быте, религии русских и т. д. Большую ценность представляют документальные посольские материалы: протоколы заседаний на съезде послов, перемирные грамоты, дипломатическая переписка.

Исторические сочинения А. Поссевино на русский язык в полном объеме переведены впервые.

Эту работу с благодарностью посвящаю светлой памяти своего учителя В. С. Соколова.

Л. Годовикова

МОСКОВИЯ

КНИГА I

О делах московских, относящихся к религии

Владения великого князя Московского значительно простираются в длину и ширину к северу и востоку. Однако он имеет только 11 епископатов, главный из которых находится в Москве и управляется митрополитом, занимающим главенствующее положение. В Ростове же и Великом Новгороде архиепископы. В остальных городах: Крутице[1], Рязани, Коломне, Суздале, Казани, Вологде, Твери и Смоленске дела вершат епископы.

Раньше митрополит московский утверждался константинопольским патриархом. При нынешнем государе он уже больше им не утверждается[2], и хотя многие исполняли эту обязанность, в конце концов были или убиты, или сосланы в монастыри. Считают, что перестали искать этого утверждения после того, как отец нынешнего государя, Василий, заключил в тюрьму греческого священника, вызванного от константинопольского патриарха[3]. Когда этот священник узнал, что московиты расходятся в догматах веры и в некоторых обрядах не только с латинянами, но и с греками, он откровенно высказал это Василию. После этого он так и не смог освободиться из заключения (кстати, турецкий султан в своих письмах возражал против этого не очень решительно) и там, говорят кончил свои дни.

Теперь митрополит избирается самим государем и посвящается в сан двумя или тремя епископами. Говорят, он получает годового дохода около 18 тысяч талеров (составляющих около 13 тысяч золотых). Но с него, как и с остальных епископов, даже и не столь богатых, князь иногда берет дань или (как они говорят) «помощь». Без уведомления и разрешения великого князя они не делают ничего, что могло бы иметь хоть какое-нибудь значение. Несмотря на то что за утверждением митрополита они не обращаются к кон-

стантинопольскому патриарху, я слышал, ежегодно князь посылает ему 500 золотых на милостыню.

Между прочим, все епископы избираются из монахов, людей будто бы более совершенной жизни[4]. Поэтому они не имеют жен, никогда не едят мяса (как и сам митрополит), не носят перстеней на пальцах и, выставляя напоказ свою святость, пользуются у всех большим уважением.

У них нет обычая, как это принято у католиков, объезжать и посещать свои епархии[5] (в которых они размещают по монастырям архимандритов и игуменов), может быть, потому, что это вызвало бы подозрение у князя. Однако в некоторых городах они каждый год назначают каких-нибудь мирян как бы выездными викариями, которым поручается наблюдение за жизнью «попов» [т. е. священников] или других членов клира. С них взыскивается обычно денежный штраф, если священник окажется замешанным в каком-нибудь правонарушении.

Епископы называются «владыками» от русского слова «владарь», что означает эконома и домоправителя. Приходские и другие священники, по обычаю греческих священнослужителей, до принятия сана имеют право жениться на девице. В случае ее смерти, если захотят вести жизнь монашескую, они продолжают исполнять обязанность священника[6]. Если же женятся вторично, то уже не исполняют священнических обязанностей и даже не считаются священниками, хотя некоторые из них прислуживают в церкви как дьяконы[7]. Будто бы признак священнического сана зависит от жизни первой жёны и с ее смертью уничтожается!

Все они, включая и монахов (а у всех здешних монастырей один устав и одна одежда), удивительно невежественны в науке, касающейся происхождения их вероучения. Некоторые даже не могли ответить, кто основатель их устава, когда мы у них об этом спрашивали. Предполагают, что это некое подобие устава Василия Великого[8].

Здесь много монашеских обителей, но они очень отличаются и по образу жизни, и по соблюдению устава от наших.

Какими вообще заблуждениями опутаны московиты, можно понять из того, что они приняли христианскую веру 500 лет тому назад при московитском князе Владимире от схизматиков-еретиков[9]. Восприняв эту веру и думая, что им они обязаны очень многим, московиты легко смогли поверить всему, что бы ни наговаривали греки, завистники к римской славе и благочестию. Утверждаясь с малых лет в этом убеждении, читая испорченные хроники, не имея среди себя тех, кто смог бы устранить из их сознания эту клевету, они прониклись отвращением к католикам. Поэтому, когда они хотят кому-нибудь большого зла, они говорят: «Увидеть бы мне тебя в латынской вере!» Заметив, что кто-нибудь по простоте своей молится тем иконам, которые в почете у католиков, они говорят: «Не молись, ведь они не нашей веры».

Обычно некоторые знатные люди, которых государь приставил к нам (из любезности или для наблюдения за нами) и которые должны были заботиться обо всем необходимом, обедая с нами, не вставали, когда мы благославляли трапезу и возносили благодарность богу. Они не хотели ни молиться нашим иконам, ни оказывать им ка-

кие бы то ни было знаки уважения (в то время как свои иконы они почитают очень ревностно), ни делать что-нибудь в этом роде.

Мало того, великий князь всякий раз, как говорит с иностранными послами, при их уходе (как это случилось и с нами) омывает руки в золотой чаше, стоящей на скамье у всех на виду, как бы совершая обряд очищения [10].

Поэтому приближенные и прочие знатные люди, которые обычно в большом количестве здесь присутствуют, как нельзя больше укрепляются в своей отчужденности и отвращении к нам, христианам.

Хотя я и понимал, что нужно выждать, пока их умы созреют для благочестия, однако мне было очень трудно все это выносить. Впрочем, я надеюсь, это не будет долго продолжаться, потому что другие христианские государи или станут упрекать московского князя в этом или совсем не будут присылать к нему послов, если он не откажется от этого позорного омовения.

Московиты с детства имеют обыкновение так говорить и думать о своем государе, получив это установление из рук предков, что чаще всего на ваш вопрос отвечают так: «Один бог и великий государь это ведают», «Наш великий государь сам все знает», «Он единым словом может распутать все узлы и затруднения», «Нет такой религии, обрядов и догматов которой он бы ни знал», «Что бы мы ни имели, когда преуспеваем и находимся в добром здравии, все это мы имеем по милости великого государя».

Такое мнение о себе он поддерживает среди своих с удивительной строгостью, так что решительно хочет казаться чуть ли не первосвященником и одновременно императором.

Самой своей одеждой, окружением и всем прочим он старается выказать величие даже не королевское, но почти папское. Можно сказать, что все это заимствовано от греческих патриархов и императоров, и то, что относилось к почитанию бога, он перенес на прославление себя самого.

Он носит тиару, пышно украшенную жемчугом и драгоценными камнями и не одну (их он постоянно меняет, чтобы показать свое богатство; говорят, что они привезены из Византии) [11]. Их он или имеет при себе, когда сидит на троне, или носит на голове. В левой руке у него жезл, или посох, украшенный довольно большими алмазными зернами, как бы узлами. Он носит спускающуюся до пят одежду, почти такую, какую обычно носят папы, когда исполняют торжественное богослужение, на руках его много перстней с огромными драгоценными камнями. Справа над его троном, на котором он восседает, лик спасителя и пречистой девы. По обеим сторонам стоят по два человека, вроде королевских телохранителей, одетые в белые кафтаны с обоюдоострыми секирами, приложенными к плечам. На скамьях же во внутренних и внешних покоях сидят люди в златотканной одежде до пят (если они сами не имеют такой одежды, князь имеет обыкновение при приезде послов выдавать ее на время). Они похожи на дьяконов, когда те помогают священникам в церковной службе. В удивительном молчании следят они за выражением лица и движениями головы князя.

С левой стороны на более низком сидении, на скамье, сидит его старший сын, тоже с тиарой на голове, хотя и меньшего размера, в очень длинной и богатой одежде. Оба они, отец и сын, садясь за стол, часто осеняют себя крестным знамением, прежде чем отведают или попробуют какое-нибудь кушанье или напиток. На богослужение и в церковь они ходят ежедневно (и не по одному разу). Пока совершается богослужение, они никогда не сидят, разве только во время определенной части богослужения [12] или когда читается житие какого-нибудь почитаемого ими святого. Мало того, сами они из усердия кладут земные поклоны, касаясь лбом пола. Они строго соблюдают свои посты, внушают и поддерживают у подчиненных то мнение о их благочестии, о котором я говорил. У государя есть собственный священник — духовник, который следует за ним, куда бы тот ни отправился из Москвы. Хотя государь каждый год исповедуется ему в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено вкушать тела Христова тому, кто был женат более трех раз. А этот князь, после того как первая жена Анастасия (а сейчас ее уже нет в живых), родила ему двух сыновей [13], которые живы до сих пор, брал в жены (хотя это можно назвать и другим словом) девиц еще шесть раз. Кое-кого из них по разным причинам он заточил в монастыри, и, хотя, говорят, некоторые из них живы до сих пор, при нем находится та, которую зовут Марией, дочь Федора Нагого (с ней в прошлом году он соединился неким подобием брака) [14]. Старший его сын Иван, хотя ему не больше 20 лет [15], имеет третью жену; двух первых заточили в монастырь по приказу отца, хотя сын об этом сокрушался [16]. У второго сына Федора до сих пор та жена, которую он взял в первый раз. Этот юноша, говорят, довольно непорочен и не чуждается католиков. Хотя его телосложение не соответствует возрасту, он имеет бороду, чего нет у старшего сына, но ему не разрешается показываться перед посланцами иностранных государей к великому князю московскому. Жену (если так можно ее назвать) старшего сына Ивана зовут Еленой, она дочь знатного московита Ивана Шереметева; жену Федора зовут Ириной, отец ее — Федор Годунов.

Так как князь признает и называет себя наследником всех своих владений и того, что в них находится, земли и имущество он передает, кому захочет и у кого захочет, в любое время отнимает. По этой причине они не осмеливаются отойти от своей схизмы и каждый идет на войну, не получая жалованья. Они настолько зависят от воли князя, что сразу же отправляются, куда бы их ни послали, и желают этого не столько для себя, сколько ради детей. Ведь если те проявят какие-нибудь способности, а родители их провели жизнь честно, государь даст им или все имущество или часть его. Таким образом, он хочет быть полным господином имущества, тела, души и даже как бы мыслей подданных. И так как он хочет знать, что они между собой говорят, получается, что никто не смеет рта раскрыть. Каждое высказанное слово может в такой же мере снискать милость государя, как и стать причиной наказания.

Без его уведомления и разрешения не дозволяется уезжать к ино-

земцам. Хотя купцы других стран приплывают и приезжают в Московию, однако никто из московитов обычно не ездит в другие страны, если его не пошлют. Не разрешается даже иметь кораблей, чтобы [никто] не сбежал таким путем, и, наконец, считается, что слишком тесным общением с иностранцами можно принести какой-то вред князю. Но даже тем, кого он иногда отправляет в качестве послов к христианским государям, не разрешается разговаривать с посланцами, прибывшими к великому князю московскому в ответ на его посольство. Так не разрешалось Фоме Шевригину [17] разговаривать с нами, хотя мы по приказанию вашего святейшества провезли его через Италию со всем нашим дружелюбием и с большим почетом. И это совсем не удивительно, если принять во внимание, что, хотя послам, какого бы высокого ранга они ни были, в городе Москве предоставляется обширное помещение, оно огорожено со всех сторон таким высоким забором, что оттуда невозможно ни увидеть каких-нибудь домов, ни вообще с кем-нибудь разговаривать, ни даже вывести коней на водопой (как это случилось с нашими кучерами). И самим врачам, которых только двое во всех владениях князя (один итальянец, другой — фламандец) [18], не дозволяется навещать больного, если князь этого не разрешит.

Там нет ни одной коллегии или академии. Существуют только коекакие школы, в которых мальчики обучаются читать и писать по Евангелию, деяниям апостолов, по имеющейся у них хронике, по некоторым другим авторам, в первую очередь по Иоанну Златоусту, по гомилиям и житиям святых или тех, кого они почитают за святых.

Если покажется, что кто-нибудь захочет продвинуться в учении дальше или узнать другие науки, он не избежит подозрения и не останется безнаказанным. Таким путем, по-видимому, великие князья московские следят не столько за тем, чтобы устранить повод к ересям, которые могли бы из этого возникнуть, сколько за тем, чтобы пресечь путь, благодаря которому кто-либо мог бы сделаться более ученым и мудрым, чем сам государь. Поэтому ни переписчики и писцы (так зовут тех, кто находится у секретных дел), ни сам канцлер [19], который стоит над ними, не могут ничего самостоятельно написать или ответить посланцам чужеземных государей. Сам великий князь диктует им всё, повторяя очень пространно без особой надобности титулы и пересказывая обсуждающиеся факты. Затем продиктованное думные бояре докладывают по написанному нунциям или послам, читая всё по порядку, разделив между собой чтение по частям, что иногда происходило при мне в течение полных четырех часов, хотя они могли бы ответить на всё менее чем за один час. Но прежде чем кто-нибудь начинал читать, все вставали и он говорил: «Великий государь всея Руси приказал тебе, такому-то послу или нунцию и т. д., доложить это». Эти слова он не договаривал до конца, их вскоре подхватывал другой, излагая продолжение по лежащему перед ним куску грамоты.

С таким же (я бы сказал) религиозным почтением все они поднимаются во время пира всякий раз, как государь пьет за чье-нибудь здоровье или посылает кушанье.

По-видимому, с давних пор они привыкли к такому почитанию,

никогда, ни при каких обстоятельствах они не забывают о нем, платя дань почтения государю и чуть ли не посвящая ему свои души.

Какими бы влиятельными ни были какие-нибудь люди, если они окажутся замешанными в тяжком преступлении (или таком, которое кажется тяжким), по приказанию и соизволению государя они подвергаются высшей каре: по большей части их топят в воде или запарывают плетьми. Это до такой степени не считается позорным, что даже наказанные плетьми возносят хвалы государю.

К этим затруднениям присоединяются и другие, которые могут показаться немалыми при ведении дел и при распространении католической веры. Послы государя, часто ездившие в Вильну и другие области польского королевства договариваться о мире или перемирии, узнали, что в этом государстве в изобилии существуют различные еретические секты. Поэтому московиты говорят о них: «То, во что они верят утром, отрицают после полудня, таковы все католики», и при этом утверждают, что таков же сам польский король Стефан. Мы постоянно старались разубедить в этом как послов, так и думных бояр.

Так как в Московию обычно приезжают для торговли лютеране из Германии, кальвинисты и прочие еретики из Англии, то они уже давно занимают два храма именем римской церкви [20], к которой они принадлежат, как они говорят этим людям, совсем неискушенным в подобных вещах.

По-видимому, по коварным проискам злостного сатаны, они пытались таким образом навязать им мнение, что они католики, или вину своих раздоров и нечестивости сложить на католиков с той целью, чтобы помешать нам открыть доступ истинной вере. Но великая прозорливость и многообразная бездна божьей премудрости не допускают, чтобы что-либо скрытое не было раскрыто, и в конце концов обращают стрелы зломыслия, которые еретики направляют на других, на их собственные головы. На самом деле, государь два года назад приказал сжечь предоставленные им два храма, это проклятое семя, потому ли, что до него дошли какие-то слухи или из опасения, как бы его собственные люди не заразились этим брожением и не ввели у себя различные секты. Поэтому теперь они вершат свои дела тайно в какой-то бане. Однако мнение о римских католиках, будто мы то же самое, что лютеране и другие еретики, необходимо было устранить из сознания государя и бояр [21]. Хотя в ответ на наши просьбы сначала он решительно отказывался предоставить какой-нибудь храм тем священникам, которые будут приезжать из Италии, тем не менее позже сказал, что разрешит совершать религиозные обряды в каком-нибудь доме и хоронить католиков по римскому обряду (ведь приезжие из Германии хоронят своих умерших на отведенном им кладбище) [22].

Мы довольно подробно рассказали ему обо всем этом и добились от него охранных грамот для католических священников, купцов, и в первую очередь для послов и нунциев апостольского престола, так что, вероятно, впоследствии тем, кто будет приезжать в Московию, не нужно будет просить новых грамот для въезда и выезда. Об этом в свое время папа Климент VII пытался договориться с отцом нынешнего государя Василием, но не довел этого дела до конца [23]. Нынеш-

ний государь обещал предоставить право проезда через свои владения и проводников тем, кого святейший отец распорядится послать в Азию, если когда-нибудь решит продвинуть туда через эти области дело религии.

Что же касается богослужения и исполнения церковных обрядов, то все это делается на славянском или, скорее, на русском языке, а он почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля. Все книги они сами переписывают, но не печатают, исключая то, что печатается на станке для самого князя в городке, который называется Александровской слободой, где у государя есть типография. Этот городок находится от Москвы на расстоянии 90 итальянских миль, которые московиты называют «вёрстами». Впрочем, названия тех книг, которые они сами обыкновенно читают и которые более сведущие монахи даже переводят, насколько мы смогли узнать их за это время, будут даны в приложении к этому рассказу вместе с их календарем, из которого можно узнать, когда они почитают памятные дни святых, а также тех, святость которых еще не признана греками и латинянами.

А то, что написал в своих «Записках о Московии» Джовио[24], именно, что среди этого народа распространены сочинения четырех ученых латинской церкви и других отцов церкви, переведенные на русский язык (он думал, что последний сходен со славянским), этого еще не удалось пока узнать, хотя я тщательно об этом расспрашивал. Довольно вероятно, что даже их имена, кроме имени св. Амвросия, не дошли сюда, так как не записаны в их календарь, в котором есть упоминание о некоторых римских первосвященниках: Сильвестре, Григории Великом и других. О них, по-видимому, до сих пор не слыхали даже те из великокняжеского двора, которые обычно составляют окружение государя.

Они не знают славянского[25] языка, хотя он настолько близок к польскому и русскому, что тот священник[26], славянин по национальности, которого я послал в Москву, уже очень скоро стал многое понимать из московитского языка, хотя, напротив, московиты, с большим трудом, по-видимому, понимали по-славянски. Таким образом, раз они знают только русский язык, а греческий язык им недоступен, то нет никакой пользы от свода Флорентинского собора[27], изданного на греческом языке, который я передал в крепости Старице на реке Волге от имени вашего святейшества этому государю в присутствии многочисленного собрания приближенных. Там нет никого, кто понимал бы этот язык, если не считать того, о чем нам сообщили: в прошлом году из Византии прибыли некие греки, которые, по поручению государя, учат какого-то московита, чтобы тот взял на себя труд переводчика на этот язык. Но я думаю, что это скорее тот испорченный язык, на котором говорят нынешние греки, а не древний или тот, на котором отцы церкви писали книги и своды. Поэтому даже сама булла, или так называемый диплом, о единении, составленная Евгением IV[28] и переданная нам в оригинале светлейшим кардиналом Сан-Северино, не могла быть полезна, хотя она была написана по-латыни, по-гречески и по-русски.

Ведь переводчик этого «Диплома» на славянский язык не знал особенностей русского языка, но составил какую-то смесь из боснийского и хорватского языков. Это заметили те, кого я привез с собой из русских земель, находящихся под властью польского короля, и из Австрии. Они же позаботились, чтобы и самый «Диплом», и символ веры, изданный Пием IV, были переведены на современный русский язык. Я намереваюсь показать всё это в королевском лагере, куда тороплюсь, более сведущим людям и как можно скорее издать в Вильне.

Таким путем это с божьей помощью сможет дойти до той части России, которая принадлежит польскому королю, и до той, что принадлежит великому князю московскому.

Если среди них и есть немного людей, знающих латинский язык, число их, не считая тех врачей, о которых я упоминал выше, не превышает трех, и все они поляки: Яков Заборовский, Ян Буховецкий и Христофор Кайевский [29]. Первые два приехали много лет тому назад из польского города Вредока, а последний был задержан государем три года назад, когда приехал к своему господину, валахскому воеводе Богдану Александровичу, думая, что тот жив до сих пор. Может быть, он знает латинский язык лучше других, как они говорят, но с нами ему до сих пор не разрешено разговаривать. Поэтому пришлось приложить очень много усилий, прежде чем московиты могли вполне понять то, что мы передавали в письменном виде (как просил государь), или то, о чем мы много раз говорили с боярами.

Часто многое из сказанного нами они переводили ему без всякого смысла и не по существу. Они опускали значительную часть, преимущественно из того, что, по их мнению, будет неприятно государю и для них самих будет представлять какую-нибудь опасность. Это относилось в первую очередь к религиозным делам. Мне кажется весьма вероятным, что то же самое они делали и с грамотами других государей, хотя их писали по-русски из Литвы в тех случаях, когда их наречие не сходилось с русским. Но с божьей помощью также и это неудобство было преодолено тем, что в дело вступили наши переводчики, которых раньше они не хотели допускать. Они заново перевели все наши письменные документы.

Когда эти документы были переданы государю и думным боярам, те стали давать более пространные ответы не только устно, но и в письменном виде. Экземпляр русского перевода их ответов, сделанного нашими переводчиками, с приложением латинского экземпляра я отошлю [в Рим]. Если кто-нибудь продолжит когда-нибудь это дело, его можно будет вернуть нынешнему государю или его сыну и потомкам, чтобы напомнить об этом.

Простой народ почти никогда не отдыхает от работ, если не считать дня Благовещения [30]. Таким образом они заняты работой в воскресенье и во все другие праздничные дни, не исключая пасхальных.

Они убеждены, что только знатные люди должны часто посещать храмы и богослужения. Впрочем, низшее сословие довольствуется этой простотой. Простые люди ограничиваются тем, что часто крестятся и с величайшим благоговением молятся иконам. Их они пишут,

соблюдая полную благопристойность, и изображают святых как живых, не допуская изображения обнаженных частей тела. Они очень строго придерживаются постов, воздерживаются от молока и мяса, но церковь посещают редко. Знатные женщины и девицы почти никогда не посещают храмов, если не считать пасхальной недели, когда они принимают причастие [31].

Проповедников у них нет [32], они слушают (как уже было сказано) от своих попов только жития святых или тех, кого они почитают за святых, а также части из гомилий (в особенности из Иоанна Златоуста).

Молятся они стоя и иногда касаются лбом земли, так же принято у них приветствовать знатных людей и выпрашивать милостыню.

Они прикрепляют четыре зажженные свечи к четырем сторонам купели, которые потом гасят, и крестят детей, три раза погружая в воду все их тело.

Больные почти не принимают никаких лекарств, если не считать водки, а также воды, в которую погружают мощи святых. Кроме того, применяют окропление водой, освященной молитвами священников. Иногда они дают обет, большей частью пресвятой деве или тем, кого они почитают за святых. По выздоровлении делают к иконам дорогие серебряные оклады, соблюдая обычаи древнейшей церкви. К сожалению, они часто ошибаются, когда речь идет о почитании у них некоторых святых.

Умирающим они дают причастие, не зажигая светильников, и последнее помазание елеем после того, как те исповедуются в своих грехах священнику. Это же они делают раз в год, а иногда и чаще, если и здоровы. Когда выносят гроб с умершим, за ним следуют попы и миряне с маленькими зажженными свечами в руках, креста же впереди не несут. Только на грудь умершему кладут икону, а покойника так закрывают тканью, что едва можно рассмотреть одно лицо. Они не поют над ним ничего другого, кроме трехкратного: «Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный». Когда предают тело земле, говорят: «Помяни, господи, его душу» и произносят некоторые слова в этом же смысле из греческой литургии и Дионисия Ареопагита. Мертвым дают целование. Если умирает какой-нибудь знатный человек, его сопровождают митрополит и кто-нибудь из присутствующих в городе епископов, пока тело не будет предано земле.

Между прочим, более всего они чтут святого Николая, епископа Мирликийского. Мы видели его изображение не только на иконах, но почти полное изваяние недалеко от Новгорода Великого (в этом месте для религиозного почитания было выставлено его изображение, т. е. статуя) [33]. Тогда монахи встретили нас и поднесли на одном блюде святую воду и крест, на другом хлеб и соль, по их обычаю.

Они называют святого Николая чудотворцом (Czudotvoretz, θαυματουργον), т. е. творцом чудес. Однако они почитают его не до такой степени, чтобы сравнивать с Христом или считать самым значительным из святых — разве только кто-нибудь, не осведомленный в истинном положении дел, ошибется в этом.

У них существует несколько неправильно и превратно понимаемых

седмиц (как они говорят). Их они называют «всеядная неделя». Это значит, что вся неделя состоит как бы из воскресений. От Рождества до Крещения, восемь дней после Пасхи и в некоторые другие дни, предшествующие так называемому петровскому посту, а также в дни, предшествующие великому посту, они едят мясо и живут более свободно.

Они не признают канунов праздников, в отличие от католиков. Если какой-нибудь предпраздничный или ежегодный день другого праздника приходится на пасхальный, на другой день его не переносят.

Дважды в год, один раз в Крещенье, другой раз в Успеньев день, митрополит святит воду Москвы-реки, другие священники — в других реках. При этом много мужчин и женщин трижды всем телом погружаются в воду. Даже лошади и иконы как бы подвергаются крещению, поэтому это на их языке называется Chresczenie. Этот обычай или обряд принят не у всех, однако многие по своей религиозности его соблюдают. Даже больные, думая таким образом обрести здоровье, при самом сильном морозе, пробив во льду прорубь, погружаются в воду, и их оттуда вынимают. Когда я был в Белой Руси, мне рассказывали, что в той местности, которая зовется Червоной Русью и которая, так же как и Белая, подчинена польскому королю, в Дорогобуже есть колодец с соленой водой. Там священники после освящения ее торжественным молебствием, окропляют ею народ.

Среди священников есть «протопопы», как бы архипресвитеры и архидьяконы, которым (как это принято и у нас) оказывается большой почет.

Итак, из того, что мы видели до сих пор во время путешествия или слышали от московитов, можно понять, как много пользы было бы для святой веры и католической церкви, если бы те народы, владения которых лежат на границе между Европой и Азией, впитали с самого начала истинную веру или познали бы ее теперь, а католики, государи областей, близко расположенных к этому народу (а когда-то они легко смогли сделать это), позаботились, чтобы их народы обрели ту твердость в деле католической веры, которую они имеют в схизме и которая держится среди их народа. Так как московиты погрязли в заблуждениях, то по возвращении от польского короля к великому князю московскому, я, с божьей помощью, займусь описанием этих ошибок и одновременно постараюсь опровергнуть возражения, если они появятся.

ТРУДНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ В МОСКОВИЮ КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

Из сказанного выше можно понять, что дело введения в Московию католической веры будет очень трудным. Если же я, хотя и в коротких словах, коснусь того, о чем нужно сказать, оно может показаться еще более затруднительным.

Прежде всего, подавляющая часть народа не знает, что такое

схизма. У них никогда не было никого, кто показал бы им, что те обряды и догматы религии, которых они придерживаются, далеки от истинной веры. А если бы к ним даже и приехал какой-нибудь католический священник (ведь до сих пор доступ к внушению евангелия и истины вообще был закрыт), у него может возникнуть опасение, нужно ли вообще внушать сомнение в собственной схизме людям невежественным, которых, может быть, следует оставить их во всей их простоте.

Здесь очень жестоко наказывают того, кто осмеливается сказать что-нибудь против русских религиозных обрядов и догматов. Всякая возможность произносить проповеди исключается, а это почти единственный путь внесения евангельского света, присущий божественной мудрости. Если бы кто-нибудь попытался сделать что-нибудь подобное, это оказалось бы для него чрезвычайно опасным и встретило бы большие трудности, разве только он действовал бы по обету.

К этому нужно добавить, что приближенные государя во главе с самим государем (а в их руках находится вся полнота власти) много слышали и постоянно слышат о католиках и приверженцах римской веры от купцов, которые почти все еретики. Всё услышанное истолковывают в самом дурном смысле. Зато они никогда не слыхали об огромном числе католиков, о великом множестве благочестивых дел, о единодушном согласии в делах веры, о великолепии, принятом у нас в исправлении богослужений.

Сравнивая наше высшее духовенство и священников со своими епископами и монахами, они думают, что последние ведут более благочестивый образ жизни, поэтому у них более чистое богопочитание и более правильная религия. Все это потому, что они слышат от еретиков обычную у них удивительную хулу [на католиков].

Природа схизмы такова, что она содержит в себе внешний вид благочестия и в большой степени самое существо религии, однако довольствуется этим: еретики в наше время завлекают народы показным благочестием, но она [схизма] не имеет управляющей главы и потому не занимает главенствующего положения, откуда можно было бы воспринять смысл и устремление к духовной жизни. В нее с трудом проникает сила какого-нибудь довода. Даже если что-нибудь и проникнет под давлением истины, едва ли это долго удержится. Поэтому те, которые в другом месте были бы более полезны, видимо, напрасно потратят силы и средства среди людей, ведущих свое происхождение от скифов и татар.

Католической церкви известно, насколько упорны были донатисты[34] во времена св. Августина, хотя они и воспринимали в основном почти всё. Тем не менее они были отвергнуты (если уж говорить о самом главном) самим наместником бога на земле. Греки же, от которых эти люди почерпнули схизму, испытав высшее расположение, щедрость и правдивость апостольского престола, сорок раз публично признавались, что соединятся с нами, однако всегда отступали от этого и доказали, чего можно ждать от дурного побега.

Великий князь московский, узнав от своих послов, приехавших в Вильну по делам мира, о том, что я прибыл к польскому королю от

вашего святейшества, написал королю через Христофора Дзержка[35], что Московия со времени Флорентинского собора объединена с католической церковью одной религией и что он разрешает католикам в Московии совершать богослужение по их обрядам[36]. Однако оказалось, что он совершенно об этом не думал. Напротив после покорения большей части Ливонии он изгнал оттуда всех католиков до единого силой оружия, насадил повсюду русскую веру и строжайшим образом утвердил ее (следуя примеру деда и отца, сделавших то же самое в Новгороде)[37].

После продолжительных переговоров с его советниками мне были предоставлены документы и дела из наиболее тайных архивов. Московский князь хотел довести их до сведения папского престола для охраны своих интересов от польского короля. Я, конечно, хорошо понял, что все его попытки, как и попытки его отца Василия со времени Льва X, Климента VII и при вашем святейшестве, продолжить дружбу с папами, царями и другими государями направлены к расширению пределов его владений и схизмы и приготовлению оружия для этого дела. Таким же образом в прежние годы поступал и турецкий султан после того, как добился всякими дурными приемами дружбы с христианами и проник в недра Европы.

Что касается королевского или цесарского титула — тот, кто сам себе их присвоил, ничего не хочет получать из другого места. Он привлекает на свою сторону некоторых могущественных государей тем, что называет себя в грамотах братом цезаря, царем, т. е. государем и повелителем казанским и астраханским[38]. И то, что ваше святейшество в своих грамотах не называет его подобными именами, этим он не очень доволен. Напротив, он очень огорчен тем, что в них нет по крайней мере такого титула, где упоминаются некоторые области, которые ему не принадлежат. Может быть, выше святейшество подумает, нельзя ли к этому что-нибудь прибавить, принимая во внимание обширность владений этого государя и надежду приобщить его к лучшему: ведь перо от лишних взмахов не сотрется. Однако ему следует писать так, чтобы не называть его государем всея Руси, но просто Руси, и не наследником Ливонии или чем-нибудь подобным в ущерб другому.

Кроме того, значительная трудность, которая удерживает московитов в схизме, заключается в том, что (хотя это совершенный вымысел) мощи некоторых схизматиков прославены тем, что они остаются нетленными, и с их помощью часто совершаются чудеса: по уверению московитов, слепые прозревают, больные излечиваются. По-видимому, опасно преуменьшать внушенную им святость этих людей или высказывать сомнение, на самом ли деле они были святыми и мучениками. К ним причисляют Бориса и Глеба, митрополитов Петра и Алексия, мощи которых, говорят, выставлены в Москве, а также некоего монаха Сергия, умершего 190 лет тому назад, спасавшегося в Троицком монастыре, который расположен в 60 итальянских милях от их столицы[39]. Говорят, в этом монастыре, первом во всей Московии и довольно богатом, находится около 200 монахов. Именно туда отправился из крепости Старицы московский князь для празднования Сергиева дня

через три дня после нашего отъезда (мы 14 сентября двинулись по направлению к Пскову), собираясь оттуда в скором времени переехать в свою царскую резиденцию — Александровскую слободу.

Важно, по-видимому, и то обстоятельство, что было бы очень трудно заставить их отказаться от богослужения на славянском языке и заменить его богослужением на латинском или добиться разрешения для нас вести его на греческом языке. Если бы это и удалось через некоторое время, нужно было бы тщательно изучить, правильно ли переведено то, что читается у них из Ветхого Завета или Евангелий. Эта вещь, может быть, никогда не делалась даже и самими греками, да и не легко это сделать, так как я не знаю никого, кто понимал бы язык московитов с особенностями его фраз наряду с твердым знанием греческого и латинского языков и вместе с тем имел бы прочную основу в теологии. Я слышал, что русские епископы, подданные польского короля, иногда совершают богослужение на греческом языке, но этот язык едва ли кто-нибудь знает. Если бы даже кто-нибудь перешел в католичество, на них нельзя положиться, так как, если бы они и знали оба языка, они полные невежды в теологии. Пусть ваше святейшество решит, будет ли польза от того, что на одного или двух лиц такого рода будет возложено подобное поручение.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИМЕРЫ

Поистине, нам внушает надежду на лучшее тот, для кого нет ничего невозможного. Он ниспосылает благодать молящимся о царстве божием, а в наш век, в отдаленнейших странах Индии, на Западе, Востоке и Юге воздвиг повсюду на месте низвергнутых идолов знак креста и сделал так, что за незначительный промежуток времени богослужение стало вестись среди самых разных национальностей на едином латинском языке.

Но остается четвертая часть мира, обращенная к Северу и Востоку, в которой необходимо правильно проповедовать евангелие. Божественное провидение указало, что для истинной веры может открыться широкий доступ, если это дело будет проводиться с долготерпеливым усердием теми способами, с помощью которых так много других государств приняло на себя иго христово. Ведь не без божьего соизволения нам открылся — и это уже что-нибудь да значит — путь в Московию в то время, как ваше святейшество стоит при управлении ключами церкви. Ибо, когда собираются работники христовы, тут им и нужно дать наставления, как им обрабатывать виноградники господни, потому что господь захотел, чтоб это осуществилось после Тридентского собора [40], который по вдохновению свыше указал, что для распространения евангелия существует единственное средство — семинарии. Кроме того, король польский Стефан открыл доступ католикам в Московию силой оружия: он правильно понял, что это продвижение не помешает ни его достоинству, ни благу государства. Из уважения к вашему святейшеству (даже в разгар войны) мне было дано разрешение на безопасный проезд в Московию, что другим не дозволялось никогда даже в мирное время.

К этому можно прибавить весьма почетный прием, оказанный великим князем, который нам ни в чем не отказывал, может быть, потому, что неудачи войны сделали его благоразумнее, а может быть, потому, что он вообще оказался мягче по сравнению с тем мнением, которое сложилось о его характере. Почти невероятно, что я, ничтожнейший из людей, смог бы в другое время получить полную возможность говорить об этом деле и узнать, даже довольно быстро, почти все внутренние дела, если бы божественное провидение не указало, что пришло удобное время приняться за это предприятие и что, наконец, оно само этому помогает.

Я сказал великому князю при удобном случае: пусть он подумает, может быть, господь справедливо возложил бремя такой войны на его плечи, раз он ничего не отвечает наместнику Христа о деле религии (князь создавал разные оттяжки и уклонялся ото всего этого). Было видно, что мои слова на него сильно подействовали. Он начал смягчаться и сказал, что во всяком случае к моему возвращению даст мне ответ по поводу этого, ведь незадолго до этого я просил его сделать это обязательно. Мне передали некоторые его слова, из которых мы поняли, что он разрешит нашим людям иметь храм или даже построит его для нас, если установится мир. Но искренне ли он это сказал или под влиянием трудностей войны, покажет время [41]. Конечно, он пока сделал только некоторые уступки католическим купцам и священникам, но то, что начались переговоры о мире с двумя государями, польским и шведским, и то, что господь показал, что ему угодно создать между некоторыми государями более тесную связь (если они искренне будут обращать больше внимания на общее благо, чем на частные дела), по-видимому, даже этим не нужно пренебрегать, в особенности тем людям, которые знают, что большие здания не строятся в один момент, что в деле веры господь обычно требует больших усилий и упорства от тех, кому следует проявлять свою силу над паствой.

Итак, дело уже начато, можно найти не один повод вести переговоры о религии и разные беседы о благочестии с советниками и приближенными князя. Одних можно наставлять в первую очередь словом и приказом и между тем делать учениками, народ обучать языку, писать книги на их наречии и их буквами, издавать их в свет, в особенности, если наши люди смогут обосноваться в Полоцке и Дерпте (если Ливония отойдет от московского князя), чтобы иметь возможность, находясь в безопасном месте, с помощью этих средств воспитывать московитов. Такие меры, разумеется, без большого шума обычно разравнивают дорогу к успешному ведению божьего дела [42].

Что касается схизмы и смысла учения греков (а русские, или московиты, идут по их стопам), то как бы часто греки ни возвращались к своему охаиванию решений Флорентинского собора, если бы сразу же после Флорентинского собора вторично были распространены книги о нем для привлечения народа и введения общего языка [богослужения] на Востоке и учреждены были бы школы греческих учеников, которые тут же восприняли бы эту истину, пока многие неопытные люди из этого синода еще только перебирались в Грецию, недостаточно было бы одного Марка Эфесского [43], чтобы подорвать столь важное и свя-

тое дело. А если бы тогда этот же способ также применялся и при обращении русских, католическая церковь имела бы обильную жатву. Сейчас ее нет, и это не может служить утешением.

Если бы [папы], кроме Евгения IV, Иннокентий III, Григорий X, Александр VI, Лев I и Климент VII, занявшись этим делом, не довольствовались бы только созывом соборов, отсылкой одного человека или письма, но теми разными способами, которые всегда были свойственны легатам и апостолам Христа, продолжали дело упорно и постоянно и позаботились, чтобы Россия, которая принадлежит польскому королевству, впитала католическую веру (а это можно было сделать даже легко, так как польские короли давали привилегии греческим епископам, если они приняли решения Флорентинского собора), мы имели бы уже как бы очень крепкое орудие, которое смогло бы применяться для покорения московской схизмы. Однако мы выпустили из рук эту часть России, хотя она и ближе к папской области, и дело, более чем надежное, начато не с той стороны. А господь, который всё располагает по порядку и который, прежде чем приступить к обращению мира, предоставил апостолам и ученикам три года для обучения, не предоставил этому делу не только благополучного исхода, но даже надлежащего продвижения вперед, так как всё делалось не по тому примеру, который показан нам во Христе.

То обстоятельство, что московиты произошли от смешения скифов с татарами, ни в какой мере не должно затруднять работ верного работника христова. Ведь господь нуждается и в тех, созданных по его образу и подобию, кого он хочет спасти. Как апостолам, так и апостольскому престолу сказано, чтобы он учил все народы. Этому престолу чудесным образом помогает бог, так как то, что обозначается именем апостольского престола, он поддерживает: он посылает своих работников, чтобы вырвать души из бездны ошибок. Они должны выполнить посольскую миссию во имя Христа, а не для себя или только во имя человеческих дел.

Возвращаясь к сказанному раньше, я хочу добавить: существует нечто общее, что роднит наших людей, уже с давних времен искушенных в делах католической церкви, с ними: я имею в виду простоту, воздержание, покорность, отвращение к богохульству, а это дает большую надежду, что они смогут быть еще более постоянными в благочестии католической религии. Сила небесной мудрости, наконец, смягчает и более грубые нравы, извращенные по природе. И Христос приходит не для здоровых, но чтобы исцелять больных. Если кто-нибудь подумает, что напрасно потеряет силы и средства, если по приезде в эту страну не будет иметь сначала к чему приложить талант, пусть он подумает о том, что сделал на протяжении всех этих 30 лет Андреа Овиедо[44] из нашего Общества, человек, одаренный исключительными достоинствами, посланный с другими сотоварищами в Эфиопию. На него не возлагали много надежд, однако ему удалось обратить в католичество эфиопского правителя и оставить семена своих трудов, которые когда-нибудь — ведь господь не обманывает надежд — принесут плоды. Но даже если бы он ничего не сделал, он много претерпел и примером своего терпения проторил другим дорогу, на которую

они должны ступить. А если бы ему при его слабых возможностях удалось установить какой-нибудь способ посылать из Эфиопии учеников, то в скором времени удалось бы получить и другие плоды.

Может быть, ваше святейшество согласится позаботиться о тех семенах, которые этот благочестивый муж отобрал из плевел схизмы, так как ежегодно из Эфиопии в Иерусалим отправляются абиссинцы: либо купцы, либо другие люди для дела религии.

Конечно, очень много значит, что господь утвердил некую живую основу, на которую могут опереться скифы, татары и другие народы из самых отдаленных частей Востока, куда только заходит господь.

Если к тому времени, которое отводится на беглое изучение теологии, философии и некоторых языков, которые едва ли когда-нибудь пригодятся, прибавить два года на изучение более полезных языков, на которых можно перечитать живые книги и узнать настроения людей, в этом никогда не придется раскаиваться. То же самое можно будет сделать и на московской земле, где при помощи обучения скромностью жизни и святостью богослужений будут уничтожены вымыслы еретиков и принятые о католиках дурные мнения.

Это обстоятельство сможет придать острые шпоры тем, целью призвания которых является спасение душ. Они помнят, как блаженной памяти Франциск Ксаверий[45] из нашего Общества согласился продать самое тело как бы в рабство какому-то язычнику индусу, чтобы таким образом (а для иностранцев нет другого способа) проникнуть в Китай, чтобы принести туда свет, который в оковах принес в Рим апостол Павел и который из оков же и подземелий в более ранние века великие первосвященники распространяли не только в городе [Риме], но и во всем мире.

В том, что нынешний великий князь московский ищет дружбы с папой и другими христианскими государями, в этом мы также увидели удивительные пути божественного промысла, который обличает лукавых в их хитрости. Провидение допускает, чтобы вперед шло не только то, что одухотворено, но и то, что оживлено. Я надеюсь, церковь скажет когда-нибудь: велико милосердие господа, который, единый своим духом, но многоликий, может призвать к жизни сынов Авраама из камней.

Если бы даже нас вдохновляло только то, что мы сможем сделать для распространения католической веры подобное тому, что этот государь делает для распространения схизмы, — это принесло бы много пользы и смогло бы отвратить суд господен, чтобы, возвысившись в этом, он нас не осудил, так как, кроме того, этот наш подвиг отмечен был бы благочестием христианина и поистине в своем сладком благоухании явился бы приятнейшей для господа жертвой всесожжения.

СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ В МОСКОВИЮ КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

Прежде всего, по-видимому, нужно основать семинарию, что показало бы всему миру отеческую заботу вашего святейшества о рус-

ских. Возведению этого священнейшего здания помогли бы люди дела (без которых господь не делает никогда ничего подобного).

Если такое решение будет принято в Риме, это придаст блеск апостольскому престолу, а среди всех прочих народов, и в особенности среди здешнего народа, сможет снискать доброе имя.

Поэтому всё предпринимающееся для греческих коллегий, может быть, окажется в большой мере полезным для русских. Нужно только принять во внимание расходы на дорогу, долгий путь, надменность, которую люди из этих северных областей обычно проявляют в Городе даже самими взглядами, думая, что им все полагается, хотя бы это делалось из милости. Если же они, находясь некоторое время как бы на испытании на положении бедных учеников, впитают основательную долю образования, некоторые избранные в небольшом количестве могут быть позже посланы в Рим, тем более что не нужны будут труды и расходы, чтобы посылать туда всех тех, которым, прежде чем изучать латинский и греческий языки, нужно будет изучить итальянский. На это уходит много времени, о чем свидетельствует история с неким молодым московитом, которого я привез к вашему святейшеству, с некоторыми другими русскими, возвращаясь 3 года тому назад из Швеции[46].

Вильна — столица Литвы, в ней находятся коллегии и университет нашего Общества, утвержденные вашим святейшеством. Сюда приезжают также некоторые русские. Если они бедны (а таких большинство), они занимаются теми науками, которые, по их мнению, важны для занятия частными делами; если они побогаче, то обращают внимание на другое: как бы приложить свои труды к святому делу распространения веры.

Великий князь московский никому из своих не позволяет уезжать за границу для изучения наук, и, вероятно, в дальнейшем он будет поступать еще строже, если услышит, что это можно сделать в Литве, с которой он или воюет, или испытывает к ней постоянную неприязнь. Нужно принимать во внимание интересы обоих народов, а, если бы спросили, где следует основать подобную семинарию, я сказал бы, что меньше трудностей для дела могли бы доставить семинарии прежде всего в Вильне или Полоцке для русских из королевства польского и для тех, которые были взяты в плен в Московии на войне за последние три года. А тех, кого можно было бы вывезти из Москвы, можно послать в Оломоуц или Прагу в папские семинарии, где благодаря родству тамошнего языка с русским они гораздо легче могли бы усвоить в достаточной мере науки. Если это произойдет, нужно, по-видимому, возложить на какого-нибудь верного и разумного деятеля заботу иногда навещать их и прочих учеников из северных стран — Швеции, Готланда и любых других, и стараться через них передавать всюду к их соотечественникам письма и книги, а после достаточного их обучения рассылать их в разные места как бы для работы на ниве господней, но на их место ставить других из всего этого северного и восточного края. Обо всем он сам должен заботиться, насколько это в его силах. У них не должно быть недостатка в средствах на жилье и питание, получаемых от королей, князей и епископов. Иначе этим

ученикам нелегко будет довольствоваться только поддержкой семинарий, — а их начальникам достаточно и того, чтобы следить за соблюдением правил и за усердным обучением учеников. Да и сами ученики, у которых обычно не сразу пробуждается жажда обращения душ, не будут отказываться от тех наук, которые необходимы для достижения этой цели [47].

Кстати, то, что я от имени вашего святейшества начал делать в светлейшей венецианской республике, следует сделать еще более энергично [48]. Нужно, чтобы венецианцы послали одного-двух купцов, пусть и частных лиц, но людей честных, чтобы те старались воспользоваться любым случаем и способствовали тому, чтобы католические священнослужители смогли стать твердой ногой в этой стране. Если эти последние будут достаточно искусны, они смогут добиться многого для провозглашения славы божьей на столь обширном пространстве. Без сомнения, когда-нибудь будет небесполезно, если при ныне здравствующем государе или другом, более податливом, или, может быть, при его католическом преемнике то, о чем сейчас идет речь, будет принято некоторыми другими христианскими государями. Поэтому были приняты меры, чтобы московит написал к ним любезные письма, которые вместе с моими письмами и охранными грамотами безопасного въезда и выезда для них я отошлю к вашему святейшеству как только буду в королевском лагере.

Нет оснований для сомнений, будто бы для посылки купцов нужно очень много денег из-за дальнего пути и для покупки и продажи товаров. Ведь если они приедут только посмотреть, какие здесь имеются товары или узнать цены на меха, воск, мед, кожу и тому подобное, это не потребует больших расходов, в особенности, если они проделают сухопутное путешествие через Польшу и если удастся добыть от польского короля грамоты, а их нетрудно будет получить, когда между этими государствами будет заключен мир. В таком случае едва ли возникнет какая-нибудь опасность или затруднение в пути. Даже если бы они сами повезли в Московию шелк или что-нибудь другое для украшения одежды, что привозится туда с Востока или там изготовляется, можно было бы ввезти через Польшу в Московию по кратчайшему пути, не меняя средств передвижения, много товаров без тех больших пошлин, которые взимаются в Италии. Если же Венецианская республика не решится по другим причинам воспользоваться представившимся случаем, тогда, может быть, ваше святейшество соизволит сделать так, чтобы все то, чего я добился от этого государства в этот мой приезд, было бы сообщено венецианцам или их оратору [49] со всей откровенностью, как от отца к детям. Он же по правилам, существующим в этой достойной республике, передаст сообщение об этом в высшую инстанцию с тем, чтобы оно было рекомендовано к исполнению. Я был очень хорошо принят в этой республике и нисколько не сомневаюсь, что, вернувшись туда, смогу убедить венецианцев во всем этом, а может быть, даже в чем-нибудь другом. Однако необходимость поездки к великому князю московскому и занятия другими делами, которые уже были начаты, не позволили мне сделать того, что через несколько месяцев (если будет угодно воле божьей) и при более удоб-

ном случае свершат те, о ком святейший престол получит представление как о людях, угодных богу.

Я умоляю ваше святейшество подумать, нельзя ли выбрать как можно скорее каких-нибудь умных и благочестивых купцов из Рима или еще откуда-нибудь, присоединив к ним двух священников. Ведь я добился от великого князя охранных грамот, в которых из уважения к вашему святейшеству он разрешает всякому, кого пошлет ваше святейшество, безопасный въезд и пребывание в Московии.

Было бы очень удобно, если бы в то время, как московит давал для вашего святейшества эти письма, он сам узнал бы о других таких же, в которых разрешается московским послам и другим лицам свободный въезд в Италию. Поэтому я умоляю ваше святейшество приказать приготовить их, присовокупив выражения, свидетельствующие об отеческой любви, с тем, чтобы к тому времени, когда туда вернутся люди, отосланные мною из королевского лагеря, они были бы мне доставлены. Здешний народ очень легко поддается знакам внимания из-за границы. К тому же это даст повод к возвращению и деятельности во имя спасения их душ, которая особенно угодна господу.

Московия по традиции чрезвычайно зависит в делах религии от Руси, находящейся под властью польского народа (совсем недавно московские епископы утверждались киевским митрополитом русской веры[50]: Киев — область Руси под властью польского короля). Поэтому будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки королевской Руси присоединятся к католической церкви[51]. Следовательно, нужно серьезно подумать, не напишет ли ваше святейшество дружелюбные бреве к этим владыкам (а их 8, считая находящегося в Вильне митрополита), к которым их доставит какой-нибудь богослов (я не называю никого по имени). Нужно, чтобы человек, предназначенный для выполнения этого поручения мог представить его надлежащим образом и в удобный момент. Пусть ваше святейшество призовет их познать истину и сообщит обо всем, чего они могут ждать от апостольского престола и что могло бы быть предоставлено им как детям от отца и пастыря вселенской церкви. Следствием этого будет то, что, узнав об этих планах и получив при этом благочестивые книги о религии (а их я позабочусь издать в Вильне по-русски), они станут лучше разбираться в делах религии.

Таким образом, пасторский жезл вашего святейшества с божьей помощью будет направлен к этой цели.

Некоторые русские князья (кое-кто из них уже обратился к католической вере) с распростертыми объятиями примут благость святого престола. Когда мы ехали через королевскую Русь в Московию, некоторые знатные люди, отставшие от своей схизмы, доверительно говорили с нами. И если все то, что они почерпнули от нас, будет высказано когда-нибудь схизматикам, это будет иметь очень большое значение для их обращения. Некоторые князья, как, например, в Остроге и Слуцке[52], имеют типографии и школы, в которых поддерживается схизма, а во Львове, кроме католического архиепископа и русского владыки, есть армянский епископ со своими армянами, и, что бы ни пришло

к ним из католической веры, это, с божьей помощью, могло бы дойти до самой Армении.

Пусть ваше святейшество из милосердия, которым оно дарит своих детей и слуг, соблаговолит рассмотреть и прикажет дать инструкции: как должны вести себя в Московии наши и другие священники во время постов, которых много у московитов, а также во время некоторых чтимых у них праздников, посвященных тем, кого они считают за святых, хотя, как было сказано, они схизматики (в эти дни они особенно воздержанны и постятся), что делать перед их иконами, написанными, впрочем, благочестиво (в то время как наших икон они не признают), какой почет должен оказывать посланец святого престола митрополиту и их владыкам, как обращаться с людьми более скромного положения, чтобы, внушив им сомнение в правильности их схизмы, не помешать им спастись.

Из деревни Бор[53] не реке Шелони во владениях великого князя московского в ожидании, пока какие-нибудь отряды всадников от польского короля отвезут нас в лагерь. В день святого Михаила Архангела[54] в год 1581 г. Деревня Бор находится от Новгорода в 50, от Пскова — в 100 итальянских милях.

КНИГА II

Папе Григорию XIII

В этом сочинении я изложу, с божьей помощью, каково положение дел в Московии, чего можно ожидать от московского князя Ивана Васильевича, ныне стоящего у власти, какие благоприятные случаи для поддержания с ним дружбы могут представиться апостольскому престолу для распространения более правильного богопочитания на всем огромном северо-восточном пространстве для воодушевления христианских государей, для заключения с ними союза и, конечно, для более прочного становления христианства у московского князя, что является главной целью.

Я не осмелился писать об этом в первом комментарии, который отослал вашему святейшеству из королевского лагеря под Псковом при первой поездке[1] к московскому князю, во-первых, потому, что не говорил с ним об этих делах сколько нужно, во-вторых, потому, что я понимал, что по окончании дела перемирия между королем Стефаном и московским князем (что свершилось по милости божьей) при втором приезде смогу яснее многое представить себе. Поэтому я все свои силы направил на исполнение того, ради чего был послан вашим святейшеством, и на поездку по городам и крепостям здешнего княжества. Кроме того, я оставил у московского князя двух человек[2], которые в мое отсутствие в течение 5 месяцев сумели увидеть многое. Таким образом, мне было легче сопоставить то, что я узнал из исторических сочинений и что слышал от разных послов сначала в Швеции, а потом в Польше, также не раз от королей, владеющих этими государствами,

и, наконец, от самого московского князя, с существующим положением дел. Ведь этого требует обязанность, возложенная на меня вашим святейшеством. Обо всем этом я подробно расскажу во имя господне.

ПРИХОД К ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ ТЕПЕРЕШНЕГО МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ, РАСШИРЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ ГОСУДАРСТВА И ПРОЧИЕ СОБЫТИЯ

Князь Иван Васильевич родился в 28 году[3] нынешнего века. Обладая пылким нравом и желая возвеличить своё достоинство, он по достижении высшей власти решил отомстить за беды, причиненные татарами, и стать прочной ногой в Ливонии.

При наступлении на Казань ему (как мне рассказывал польский король Стефан) легко было захватить город при помощи медных пушек, так как татары не знали ни оружия, ни осадных орудий такого рода. Отсюда московский князь начал завоевание Астрахани, известного восточного рынка, расположенного у Каспийского моря в устье реки Волги, которая была столицей второй татарской орды (т. е. царства). Он отодвинул границы своих владений на 300 миль от Астрахани до черкесов. Эти черкесы[4] населяют горы близ Каспийского моря, их владения раньше простирались до границ Персидского царства, пока в прошлом году Селим[5] не отнял Железных ворот[6] и других крепостей у персидского царя. Благодаря такому соседству и родству по греческой вере[7] московский князь расположен к черкесам (кстати, он был женат на дочери одного из их князей, впоследствии умершей)[8]. Когда-то князь выполнил их просьбу прислать к ним опытных строителей крепостей, в которых они могли бы отражать набеги турок[9]. С тех пор он хранит с ними такую дружбу, что эти его соседи только его и считают государем, потому что он является для них как бы покровителем. Между прочим, это простой народ[10], и он более расположен воспринять истинную веру в бога, чем часть скифов и русские, которые почти слились в один народ, подчинившись власти московита.

Существуют еще ногайские татары. В этом году, как обычно, они вторглись во владения московского князя, но, умилостивленные подарками, ушли.

С союзниками турок, крымскими татарами, населяющими Херсонес Таврический, от которых, как от сильных противников, он терпел много поражений и опасался еще бо́льших, он заключил мир, потому что был занят войной с Польшей. Поэтому, когда я уезжал из Москвы, столицы Московии, он говорил мне, что не сможет поднять оружия против татар вместе с польским королем Стефаном, так как со дня на день ожидает своих послов и великое посольство татарского хана, с которым он заключает мир, уже скрепленный печатью обоих государств[11].

Что же касается Ливонии, то срок перемирия, заключенного с ливонцами на 50 лет (на что предки этого государя согласились из-за того, что их войско было почти все перебито под Псковом при ливонском магистре Плетенберге)[12], был нарушен в 50 г. нынешнего века. Московский князь оправдывает это разными доводами: и тем, что ли-

вонцы не выполнили условий договора, и тем, что храмы, в которых московиты в Дерпте и Ревеле исполняли церковные обряды по русскому обычаю, были разрушены лютеранами (однако это нечестивое дело было приписано католикам). Поэтому он и объявил им войну. Взяв Дерпт и другие крепости с величайшими потерями для ливонцев, он захватил большую часть Ливонии и заложил семена продолжительной войны с Польшей. Обо всем этом я писал в той записке, которую совсем недавно отослал из этой страны к вашему святейшеству[13]. Некоторое время его действия имели хороший результат, но впоследствии принесли московитам величайшие беды. Московскому князю нужно было размещать гарнизоны в чрезвычайно удаленных друг от друга областях и в многочисленных крепостях, а войну вести почти только с помощью своих солдат в разных местах и в течение многих лет. Защитники крепостей оставляли дома жен бездетными. Если кто-нибудь из них погибал, его место занимал другой, — в результате народ очень поредел. К тому же нужно было еще обучать стрельцов (или, как их обычно называют, фистулаторов, или склопетариев), которые пользуются небольшими ружьями. Этот вид оружия был неизвестен его предкам, пользовавшимся почти только луками и стрелами[14]. В войско набирают каждого десятого. Они становятся либо княжескими телохранителями, либо служат на войне, либо размещены по гарнизонам крепостей. Дома они оставляют жен и детей, и иногда, в случае их гибели, дома мало-помалу лишаются людей. Многих погубила чума, о которой никогда до этого времени не было слышно в Московии из-за очень сильных здешних холодов и обширных пространств[15]. Многочисленные войны, казни многих тысяч людей (даже знатных), постоянные набеги татар, сожжение ими 12 лет тому назад столицы (к этому можно прибавить постоянные победы короля Стефана в течение последних 3-х лет) довели князя до такого состояния, что его силы можно считать не только ослабленными, но почти подорванными. Известно, что иногда на пути в 300 миль в его владениях не осталось уже ни одного жителя, хотя села и существуют, но они пусты. В самом деле, ровные поля и молодые леса, которые повсюду выросли, являются свидетельством о ранее более многочисленных жителях; впрочем, области, расположенные к северу от Москвы, имеют весьма значительное число людей, так как не испытывают набегов татар и обладают более здоровым климатом. Об этом в ответ на мои тщательные расспросы рассказали те итальянцы и испанцы, которым в знак расположения к вашему святейшеству и католическому государю великий князь московский даровал свободу и которых я привез с собой в Италию. Они убежали из турецкого плена через Азовское море, 18 месяцев странствовали на этих обширных землях, проехали огромные расстояния и, наконец, были переправлены в Вологду[16].

Между Казанью и Астраханью есть пространство, представляющее собой огромную пустыню с очень редкими жителями, так что путешественники, которые ездят туда и обратно, и княжеские посланцы поддерживают жизнь часто в течение целых месяцев только тем, что добывают рыбной ловлей или охотой, не имея какой-либо другой пищи и хлеба.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ГОРОДА И НАРОДЫ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ

Наиболее значительные по многолюдству и известности города по эту сторону Дона следующие: Москва, Смоленск, Новгород, Псков, Тверь и, кроме того, к северу Вологда (а к востоку — Казань и Астрахань, которую Джовио и другие называют Цитрахан). К городам они причисляют Ярославль, Александровскую слободу и еще несколько городов подобного рода, хотя, пожалуй, их стоило бы называть «городки», если бы не то обстоятельство, что они имеют, по местному обычаю, крепости, не заслуживающие пренебрежения. Достойно удивления то, что некоторые приписывают им население в сотни тысяч простого народа и десятки тысяч знатных людей, которые зовутся здесь боярами. Они повторяют сведения Альберто Кампензе[17] (сочинение которого ваше святейшество передало мне для прочтения перед моим отъездом в Московию) и того же Джовио (составившего свои «Записки» на основании сообщений некоего московита Дмитрия[18], присланного отцом нынешнего князя к папе Клименту VII). Однако я не знаю, какую долю правды они содержат. То же самое делали и другие, которые по выполнении посольской миссии возвратились оттуда. Я считаю, что послы иностранных государей, так как их принимают с изысканнейшими почестями, недостаточно хорошо поняли обычай московского князя собирать людей и расставлять их в середине города и на наиболее возвышенных местах. Упоминая о делах, чуждых им, они могли (как это часто бывает) превозносить их несоответственно истине. Конечно, могло быть и так, что они немного ошибались, так как московиты (как мы говорили) во времена наших дедов меньше воевали, меньше переносили болезней, не были уменьшены столькими казнями, в меньшем количестве размещались в крепостях и не оставляли опустелых домов без потомства.

Что касается царской столицы, которой, как я говорил, является Москва, я сообщаю следующее: в настоящее время в ней не насчитывается и 30 тысяч населения, считая детей обоего пола. И какое бы впечатление ни производил город на человека, подъезжающего к нему, когда приезжий оказывается на небольшом расстоянии (я не говорю уже о въехавшем), открывается картина, более соответствующая истинному положению дел: сами дома занимают много места, улицы и площади (а их несколько) широки, все это окружено зданиями церквей, которые, по-видимому, воздвигнуты скорее для украшения города, чем для совершения богослужений, так как по большей части почти целый год заперты. Конечно, и при нынешнем государе Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами[19], большая часть жителей погибла при пожаре, и всё было сведено к более тесным границам. Сохранились следы более обширной территории в окружности, так что там, где было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль. И так как быки, коровы и прочие подобные животные, ежедневно выгоняемые на пастбища, содержатся в городских

домах, бо́льшая часть которых окружена изгородью или плетнем, дома имеют вид наших деревенских усадеб.

Однако в двух московских крепостях, одна из которых примыкает к другой [20], есть нечто более великолепное. Одну из них украшают несколько замечательных храмов, построенных из камня (в то время как остальные храмы города деревянные), и княжеский дворец, другую же — новые лавки, которые расположены каждая на своей улице по характеру представленного в них товара. Но так как эти лавки малы, то в одной венецианской лавке, кажется, больше товара, чем хранится на целой московской улице. Здесь почти не живут, и, конечно, те, кто имеет свое жилище в городе, ясно показывают этим, насколько это им важно.

Я склонен думать, что в Смоленске, Новгороде и Пскове насчитывается одинаковое количество народа — то есть, когда нет войны, они в конечном итоге насчитывают по 20 тысяч жителей каждый. Сколько бы московиты ни хвастались, говоря о большем количестве, я не думаю, чтобы населения было больше по тем причинам, о которых я говорил, и из-за огромных расстояний между храмами и домами. При прибытии послов крестьяне, живущие в селах и деревнях, собравшись по приказу государя (о чем было сказано выше), создают видимость многолюдства.

Но уже гораздо малочисленнее народ в Твери, которая издали производит впечатление большого и красивого города. На самом деле, она не окружена стенами, хотя имеет значительное количество разбросанных повсюду домов, она почти не испытала потерь на войне и нападений врагов.

По этой же причине Вологда и Казань, но в особенности область, простирающаяся на север, изобилует населением. Но как бы ни обстояло дело, сколько бы земель ни занимал московский князь от границы Литвы и Ливонии до Каспийского моря, Лапландии, Черемисии и прочих, скорее пустынь, чем населенных мест, справедливо говорят, что он выводит в строй 200 или 300 тысяч конницы и, кроме того, имеет бесконечное множество татар, которых, если захочет, может посылать в военные походы.

КРЕПОСТИ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ И СПОСОБ ИХ ЗАЩИТЫ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ

Крепости и укрепления, существующие в настоящее время у московитов, довольно значительно отличаются от тех, что были в прежние времена. Укреплены они не одним и тем же способом.

Некоторые сложены из камня и кирпича, к ним относятся две крепости в Москве, крепости в Новгороде, самом Пскове, Порхове, Старице, Александровской слободе, отчасти в Ярославле, а также на Белом озере.

Другие же состоят из земляного вала и плетней, спресованных до твердого состояния, как, например, в Смоленске. И в самой Москве есть сооружения из стен, возведенных после татарского пожара. Остальные, сложенные из бревен, скрепленных четырехугольником с

землей или песком посередине, выдерживают натиск и удары, но не выносят огня. Поэтому их иногда обмазывают глиной. Но вообще у них нет вынесенных вперед укреплений, которые отвечали бы предъявляемым к ним требованиям (что так свойственно нынешнему и прошлому веку).

Две крепостные стены в Москве построены по приказу князя Василия, отца нынешнего государя, миланским архитектором и итальянскими строителями[21]. Память об этом сохраняется в надписи над воротами в крепостной стене, сделанной латинскими буквами под святым ликом пречистой девы. Эти высокие стены и расположенные повсюду башни свидетельствуют о творении, достойном царя.

То же самое наблюдается и в Новгороде, но в самой крепости, кроме того храма, возле которого живет архиепископ со своим окружением, едва ли есть подобные ему строения. Новгород был построен в древние времена почти в виде круга, а в прошлом году некий римский архитектор окружил его валом и заключил близлежащий монастырь в новые укрепления[22]. Выдающиеся вперед из этого вала укрепления, расположенные на соответствующих местах для того, чтобы помешать врагам взобраться [на вал], могут выдержать натиск больших осадных орудий.

В Пскове есть, во-первых, стена из камня, добываемого из русла реки, во-вторых, стена с башнями, проходящая по середине города, который имеет форму как бы вытянутого треугольника. Примыкающие к этой стене три ряда укреплений представляют собой необычный способ защиты и, как мы могли это наблюдать временами, находясь в лагере польского короля, давали осажденным силу, а осаждающим приносили заботы и беспокойство[23]. Осаждающие сбивали только зубцы, а стену, выступающую из пола от самого основания, не смогли повредить ни молотками, ни кирками настолько, чтобы ее разрушить. Тем, кто по своей предприимчивости взобрался на высокие стены, предстоял еще спуск, где московиты встречали их ударами. Если осаждающие пытались спрыгнуть, то оказывались отрезанными от остального войска городскими стенами, так что все должны были погибнуть. Хотя вторжение на первых порах могло показаться успешным, однако солдаты, если им и удавалось спуститься, оказывались настолько запертыми среди деревянных домов, которыми сплошь застроен город, что стоило появиться огню, как они сами должны были бы сгореть[24]. Московиты же оказались бы в безопасности в окруженных стенами крепостцах. Кроме того, воевода этого города позаботился построить повсюду среди крепостных башен другие, тоже деревянные, предназначенные для того, чтобы поставить на них более крупные орудия, из которых можно было бы вести постоянный обстрел.

Таким же образом московиты построили из бревен большую башню в Полоцке, которая почти не давала возможности приблизиться в каком бы то ни было месте со стороны лагеря или с любой другой стороны. Между прочим, несмотря на ожесточенный обстрел польскими ядрами, она почти не покосилась. Тем не менее в конце концов она была взята благодаря мужеству короля Стефана, усилиям и храбрости королевских войск.

В Порхове, кроме башни, под которой находятся единственные ворота и крепость и откуда можно подняться куда угодно по лестницам, нет никакого другого оборонительного сооружения, поражающего врагов при их приближении[25]. Московиты отражают врагов от стен или в рукопашном сражении, или отгоняют их на расстоянии пиками и ядрами.

Способ укрепления других крепостей почти такой же. В Смоленске крепостные валы, которые с одной стороны омывает река Днепр, тройное укрепление такого рода и крепость, расположенная на вершине холма вместе с храмом, могли бы доставить много хлопот осаждающим. Вал имеет на небольшом расстоянии друг от друга отверстия, где можно разместить для защиты небольшие пушки, если бы кто-нибудь попытался начать штурм.

Вот что можно сказать о способах укрепления крепостей.

Насколько слабо защитники сопротивляются полякам в открытом бою или в поле, настолько решительно они защищают крепости и города. Даже женщины часто выполняют обязанности солдат: приносят воду заливать начавшийся пожар, бросают со стены собранные в кучи камни или скатывают бревна, заранее приготовленные для этого. Этим они приносят большую пользу своим, а врагам наносят большой урон. Если кого-нибудь из защитников при натиске врагов разрывает при взрыве на части, его место занимает другой, второго — третий. В конце концов никто не щадит ни сил, ни жизни.

Они привычны к холоду, часто защищаются от дождей, снега и ветра только лишь с помощью какого-нибудь плетня из веток или плаща, натянутого на вбитые колья. Кроме того, они очень терпеливо переносят голод, довольствуясь намешанной в воде овсяной мукой, куда добавляют немного уксуса — вместо питья, и хлебом в качестве пищи. Польский король рассказал мне, что в ливонских крепостях находились такие, которые питались таким образом очень долго, так что почти все уже пали. Оставшиеся же в живых, хотя чуть дышали, держались до последнего момента, беспокоясь лишь о том, как бы не сдаться осаждающим, по-видимому, чтобы хранить верность своему государю до самой смерти. Именно поэтому они стремятся своей храбростью одолеть более многочисленных врагов или по крайней мере обессилить их своей выносливостью и терпением.

Но это в разных местах бывает по-разному.

ДРУГИЕ СИЛЫ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ

Великий князь всё держит в своих руках: города, крепости, села, дома, поместья, леса, озера, реки, честь и достоинство. На столь обширном пространстве земель, по-видимому, ничто не может быть значительнее тех сил и богатств, которыми он владеет. Они были гораздо больше, когда мир давал возможность шире развиваться торговле, когда процветала Ливония, а плавание по Балтийскому морю было очень оживленным. Но когда всё это было разрушено и ослаблено, силы его тоже должны были уменьшиться, хотя внешний вид княжеского величия не изменился.

Считают, что князь обладает огромными сокровищами: сколько бы ни ввозилось в Московию обработанного или необработанного золота, всё это, насколько возможно, он собирает и почти никогда не разрешает вывозить. Даже серебро едва ли когда-нибудь вывозится, разве только для выкупа пленных или при наборе иноземных солдат, что, однако, бывает редко.

При обмене московиты часто пользуются мехами и шкурами вместо денег, а если отправляются куда-нибудь, по большей части и самую пищу берут с собой. Талеры (германские монеты) они обменивают на «деньги» и «московки» (этими словами они называют свои монеты). Их теперь гораздо реже, чем раньше, чеканят из чистого золота [26], так как любой золотых дел мастер изготовляет их по своему усмотрению, не заботясь о том, что было до него. Если, возвращаясь откуда-нибудь, послы привозят золотые или серебряные дары, московский князь отбирает их в свою казну, причем может выплатить им в серебряных монетах какую-нибудь сумму, а может и не выплатить. Отец его, разграбив ливонские города и храмы, вывез на тяжело груженных повозках сколько мог богатств, золота, серебряных и золотых сосудов, чаш и других вещей такого же рода [27]. Поэтому нет сомнения, что у великого князя скопилось огромное количество этих вещей. После татарского набега и сожжения Москвы он разместил их в трех крепостях: Москве, Ярославле и Белом озере.

В городах и княжествах нет таких самостоятельных правителей, которых у нас принято называть князьями. Это — почетный титул, которым они пользуются, чтобы придать себе, а скорее своему государю больше чести, а также для обозначения наместничества.

Правда, некий татарин [28], доказавший верность нынешнему князю при взятии Казани и перешедший в русскую веру и схизму, получил город Коломну и некоторые другие города. Кроме того, за ним осталась и часть его владений. Тем не менее полная власть принадлежит московскому князю, кроме некоторых доходов, идущих татарину, и те князь может отнять, когда захочет.

Если же он дарует кому-нибудь села и деревни, они не передаются по наследству, если это не утверждается князем. Крестьяне из своих доходов выплачивают ему подать и отрабатывают, как и господину. Оставшееся, как бы мало оно ни было, оставляют себе на пропитание или используют как-нибудь еще. В результате этого никто не может определённо сказать, что ему что-либо принадлежит, и (хочет — не хочет) каждый зависит от воли князя. Если у кого-нибудь есть излишки, он тем более чувствует себя связанным, сделавшись более состоятельным, тем более боится за себя. Поэтому часто они все отдают князю. Отсюда возникает угодливость и страх, так что никто не смеет рта раскрыть, а переселением людей в разные гарнизоны пресекаются пути к заговорам. Если у князя возникает малейшее подозрение в чем-нибудь подобном, за этим следует казнь таких князей, их сыновей, дочерей, крестьян, даже и невинных. Так случалось не один раз.

Один знатный человек из княжеского окружения мне рассказал, что приобрел кое-какие поместья, но в течение многих лет он не может

позволить себе покрыть крышей и отстроить деревянные дома. Крестьяне, на которых возложена эта обязанность, задавленные работами на князя, не имеют возможности вздохнуть [29].

Существует 40 германских семей из тех, что были вывезены из Ливонии, оставленных в Москве для занятий ремеслом по приказу князя. Остальные, а их было очень много, отосланы в Казань, и другие места. С них ежегодно взимается денежная подать. Конечно, они, поразмыслив, стали уже называть верховного первосвященника самым почтительным образом и не отказывали мне ни в малейшем знаке внимания, помня, какой почет когда-то воздавала Ливония апостольскому престолу, каким миром пользовалась, какими славными именами называлась (например, оплотом христианского мира), когда знала католических и законных своих государей и, в особенности, когда зависела от великого первосвященника. Когда же эта отеческая власть была утрачена, ливонцы в скором времени были почти уничтожены рыцарями тевтонского ордена, когда те дерзко нарушили церковный устав. Позже они напрасно просили помощи отовсюду и, наконец, попав под ярмо еретиков, начали влачить самую жалкую жизнь в московском государстве, если можно назвать жизнью это существование в ереси.

Что касается самих лесов, озер и рек, то, сколько бы ни собирали оттуда дорогих мехов и рыбы (а ее великое множество), значительной частью всего этого владеет князь. Меха предназначаются для подарков и продажи, сушеная рыба для снабжения крепостей и в пищу, и всё, что из этих запасов предоставляется князю, оказывается наилучшим. Никто не может распродавать своего прежде, чем не будет распродано принадлежащее князю.

Назначенные писцы или переписчики (их называют испорченным греческим словом «дьяк», т. е. служитель, слуга) не только в княжеском дворце с величайшим старанием записывают счета и приход, но и в каждой области всё тщательно собирают и предоставляют главному казначею.

Пошлины не очень велики. Послам разрешается привозить с собой сколько угодно купцов, которые по приказу князя ничего не платят и получают от него содержание [30]. Когда-то астраханские купцы приезжали с берегов Каспийского моря и из Персии гораздо чаще, но из-за того, что большая часть татар была разбита, и из-за длительной войны с Персией, этот рынок стал менее многолюдным.

Я не слышал о золотых или серебряных рудниках, железные же существуют, но здешние люди, не очень деятельные, их почти не разрабатывают.

Князю все оказывают такой почет, который едва можно представить в помышлении. Они очень часто говорят (если даже так и не думают), что их жизнь, благополучие и все остальное дарованы им великим князем. По их мнению, все приписывается милости божьей и милосердию великого царя, то есть короля и императора, как они называют своего князя. И под палками, и чуть не умирая, они иногда говорят, что принимают это как милость.

Могло бы показаться, что этот народ скорее рожден для рабства, чем сделался таким, если бы большая часть их не познала порабоще-

ния и не знала, что их дети и все, что они имеют, будет убито и уничтожено, если они перебегут куда-нибудь[31]. Привыкнув с детства к такому образу жизни, они как бы изменили свою природу и стали в высшей степени превозносить все эти качества своего князя и утверждать, что они сами живут и благоденствуют, если живет и благоденствует князь. Что бы они ни видели у других, этому не придают большого значения, хотя мыслящие более здраво и побывавшие за границей без особого труда признают силу и могущество других [государей], если не приходится опасаться доносчика.

Купцы с берегов Померании, из Голландии и Англии обычно переправляются в Московию через Балтийское море для покупки воска, кожи и мехов. А некоторые голландские и английские корабли, груженные медью и другими товарами, ежегодно приходят по верхнему Северному океану (его называют «Ледовитым», суровым, жгучим) в порт св. Николая[32] почти в самый Петров день. Отсюда товары перевозятся почти за 100 германских миль в Вологду, оживленный рынок Московии.

СОВЕТНИКИ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ[33]

При князе находятся 12 знатных людей, которые выносят приговоры по тяжбам и докладывают ему о наиболее важных делах. На их обязанности лежат также другие дела и книги прошений (так как князю их не передают). Они перемещаются в ранге и должности по усмотрению государя.

Когда я был в Московии, их имена были следующие: Иван, сын Федора (они говорят «Федорович»), два его сына Федор и Семен[34]. Затем Никита Романович[35], сестра которого Анастасия была когда-то женой государя (о ней я писал вашему святейшеству в первой книге). Андрей Щелкалов, канцлер[36], его брат Василий[37], Богдан (то есть которого бог дал, богом данный) Яковлевич Бельский[38] (он целых 13 лет был первым любимцем князя и спал в его опочивальне), Невежа, брат Богдана, Василий Иванович Зюзин[39], родившийся в Литве, после того как туда бежал его отец, московит по национальности. Став старше, он перебежал в Московию. Он почти один из всех немного знал по-латыни (польский язык знал Андрей Щелкалов). Игнатий Татищев[40], Баим Воейков[41], Михаил Андреевич Безнин[42]. Имя казначея казны, или сокровищницы, — Петр Иванович Головин[43].

На обязанности канцлера лежит размещение знатных людей по крепостям, которые содержатся за счет земель и поместий, приписанных к ним князем. Этим людям едва ли дается какое-нибудь жалованье или после многих лет службы освобождение от обязанностей.

В остальном наместники крепостей и городов управляют так, что знают, кому из бояр посылать письма на имя князя. Им отвечают от его имени, хотя сам он никогда не подписывает собственноручно писем к ним или к другим государям.

Великий князь московский Иван Васильевич от своей первой жены Анастасии имел двух сыновей — Ивана и Федора. В первый мой приезд оба они были живы. Ко второму приезду первенец Иван, достигший 20 лет, уже способный управлять государством и любимый московитами, скончался. Говорят, у князя рождались сыновья и от других жен, но впоследствии умирали.

Сведения о смерти Ивана имеют большую ценность. Это обстоятельство достойно упоминания потому, что оно оказало большое влияние на смягчение нрава князя, так что во время наших бесед он многое выслушивал снисходительнее, чем, может быть, сделал бы раньше.

По достоверным сведениям, сын Иван был убит великим князем московским в крепости Александровская слобода. Те, кто разузнавал правду (а при нем в это время находился один из оставленных мною переводчиков) [44], передают как наиболее достоверную причину смерти следующее:

Все знатные и богатые женщины по здешнему обычаю должны быть одеты в три платья, плотные или легкие в зависимости от времени года. Если же надевают одно, о них идет дурная слава [45]. Третья жена сына Ивана [46] как-то лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна и не думала, что к ней кто-нибудь войдет. Неожиданно ее посетил великий князь московский. Она тотчас поднялась ему навстречу, но его уже невозможно было успокоить. Князь ударил ее по лицу, а затем так избил своим посохом, бывшим при нем, что на следующую ночь она выкинула мальчика. В это время к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супруги, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом. Перед этим в гневе на отца сын горячо укорял его в следующих словах: «Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве».

Ранив сына, отец тотчас предался глубокой скорби и немедленно вызвал из Москвы лекарей и Андрея Щелкалова с Никитой Романовичем, чтобы всё иметь под рукой. На пятый день сын умер и был перенесен в Москву при всеобщей скорби [47].

Отец следовал за телом и (при приближении к городу) даже шел пешком, в то время как знатные люди, все в трауре, прикасаясь к носилкам концами пальцев, как бы несли [их]. Одежду, сшитую по случаю траура, они носили и при нашем возвращении, волосы их были распущены в знак скорби, они не носили шапочек, обличающих их знатное происхождение. В этом мы увидели дивную милость божественного провидения и справедливости, так как при первом нашем приезде к князю они насмехались над тем, что мы одеты в черное и приехали как бы в лохмотьях (ведь этот цвет им непривычен и служит знаком скорби); теперь сами по случаю траура по умершем Иване они вынуждены им пользоваться и не осмеливаются заикнуться об этом [48].

Что касается прочего, то князь, созвав думу, сказал: по его грехам

случилось, что Иван умер, были некоторые другие обстоятельства, которые давали повод сомневаться, будет ли власть прочной, если она перейдет к младшему сыну Федору. Князь потребовал от бояр, чтобы те подумали, кто из наиболее знатных людей царства мог бы занять место государя. Они ответили ему, что не хотят никого другого, кроме того, кто остался в живых — Федора, потому что им нужен тот, кто является сыном государя. Они убеждали его снять с души скорбь, и, хотя он объявил, что примет монашеский чин, пусть он оставит это намерение, хотя бы на время, пока дела в Московии не станут более прочными. Бояре держались того мнения, что о подыскании другого [наследника] он говорит для того, чтобы узнать настроения, и, если бы он заметил, что кто-нибудь обратил внимание на другого, то и он, и тот, который пришелся ему по душе, расстались бы с жизнью.

Каждую ночь князь под влиянием скорби (или угрызений совести) поднимался с постели и, хватаясь руками за стены спальни, издавал тяжкие стоны. Спальники с трудом могли уложить его на постель, разостланную на полу (таким образом он затем успокаивался, воспрянув духом и снова овладев собой). Однако некоторые не переставали обдумывать разные варианты, кто же, наконец, мог бы быть наследником, если бы что-нибудь случилось с Федором, так как не было из этого рода другого [наследника] и 30 лет оставалось свободным место конюшего, которому эта власть могла быть передана (как наместнику) [49].

После смерти Ивана князь, отдаваясь слезам, одетый в полный траур, приказал тем послам, которые отправлялись вместе со мной к вашему святейшеству, не выдавать другой одежды, кроме черной, хотя и шелковой. Во всем его царстве (и особенно при дворе) тот же вид, заупокойная служба, корона снята, и, если кто-нибудь блистал другой одеждой, едва ли она была великолепной.

Во все монастыри он разослал много денег на спасение души сына. Кроме того, с Ахматом, не то турецким послом, не то наместником [50], который был в Москве в течение трех лет, потому что войско польского короля [всюду] бродило и дороги для возвращения были небезопасны, он послал двух московитов к патриархам и в восточные монастыри, дав им по 10 тысяч рублей (рубль ценится немного больше двух крон) на раздачу милостыни и чтобы получить утешение по смерти сына. Ведь каждые три года к ним же на Восток он посылает деньги [51], так как русские там почерпнули в старину знакомство с греческой верой, которую имеют и сейчас, хотя уже во многом [с ней] расходятся.

СПОСОБ ПРИЕМА ПОСЛОВ В МОСКОВИИ И ОБРАЩЕНИЯ С НИМИ

Рассказ Герберштейна о приеме чужеземных послов у московского князя достоверен, но относится к более ранним временам [52].

Нам, кроме всего прочего, разрешили также посетить крепости Смоленска и Новгорода, где в знак величайшего уважения нас встретили залпами больших пушек.

Говорят, что не всегда это было принято по отношению к другим послам, прибывавшим к их государю.

Приказано было также сначала епископу смоленскому, а затем архиепископу новгородскому во время пребывания в Смоленске и Новгороде доставлять нам обильнейшее угощение по обычаю этого народа. Сами же епископы просили нас оказать им честь присутствовать на богослужениях, которые они совершали в ярко освещенных и пышно разубранных по приказу государя храмах [53].

Мало того, сам государь, собрав в Москве на обширной площади тысяч 5 народа, чтобы придать этому событию больше блеска и величия, сошел из своего дворца с боярами и приближёнными (впереди шли священники, неся икону пресвятой богородицы), чтобы отвести нас в храм [54]. Там он приказал приготовить почетное место, откуда мы могли бы видеть церемонию их богослужения. Но мы по некоторым соображениям не захотели ни присутствовать на богослужениях, совершаемых их епископами (если их можно назвать епископами), ни войти в храм вместе с московитом. А так как мы смело отказались от этого перед лицом государя и великого множества народа, кое-кто стал думать, что с нами будет. Многие московиты стали колебаться в своем слишком высоком мнении о собственной религии. Соображения, которые мы тогда ему публично высказали, и причины отказа мы изложили в другом сочинении [55]. Главная причина заключалась в том, чтобы не создавать впечатления, будто бы посланец вашего святейшества все это одобряет и оказывает почтение и благоговение епископам, не утвержденным апостольским престолом. Государь и все остальные имеют обыкновение прикладываться к их руке, низко склонив голову к земле. Великий князь вызвал шесть епископов, не считая митрополита, как для богослужения, так и для беседы со мной о религии. Однако, получив наше сочинение, которое государь еще раньше просил при всех у меня, о различии между католической верой и русскими догматами, они не сказали ни слова. Только один из них, архиепископ ростовский, все одобрил, был сослан в изгнание, лишен сана и умер более счастливый, чем те, кто пережил его [56]. На трех пышных пирах, куда государь приглашал меня вместе со всеми моими людьми и в первый, и во второй приезд, всё было обставлено с царским великолепием. Кроме продовольствия и средств на прожитие, которые доставлялись нам в достаточном количестве по его приказанию приставами (это слово обозначает знатных людей, приставляемых к послам, и значит приблизительно «привязанный»), он посылал нам каждый день кушанья со своего стола.

За день до назначенных переговоров с ним и его советниками, он присылал трех человек [57], а на следующий день рано утром — других в таком же количестве, и они объявляли, что немного позже мы увидим «ясные очи» великого царя. Таким образом мы были подготовлены. А через час приставы объявляли нам, что прибыли приближенные люди и некоторые советники государя. Они подъезжали почти к самому подворью [58] примерно с сотней конных людей, чтобы отвезти нас. Из них главные трое, сидя на лошадях и протянув руку, приветствовали меня от имени государя, и мы отправлялись в путь. По обеим сторонам доро-

ги на протяжении почти 1000 шагов располагались дворцовые стрельцы в количестве около 1500 человек. После этого я входил во внутреннюю часть дворца, наполненную людьми, блистающими богатой одеждой и оружием, и меня приглашали сойти с коня. У нижних ступеней меня встречали бояре и отводили к государю. Сначала, пригласив меня сесть, он или сам беседовал со мной, или приказывал отвести меня в палату, где я должен был говорить с боярами. Иногда мы проводили там долгие часы, подробно говоря обо всем и часто до крайнего утомления. У них были свои переводчики, у меня — свои. Если я предлагал что-нибудь новое (что по ходу дела случалось часто), тотчас все они шли к государю, чтобы спросить ответа, который передавали в точности, не осмеливаясь обнаружить ничего своего. Мне нелегко было проследить за их словами, насколько правильно и, главное, точно повторяли они то, что я предлагал. Часто после обычных почестей, конные люди и бояре выезжали мне навстречу и приводили к государю. Бояре читали мне его ответ по написанному, разделив между собой чтение на большие куски, и только после этого передавали. Поэтому в течение двух месяцев, когда приходилось постоянно говорить с этим государем, и в течение пяти месяцев, пока я ездил туда и обратно и вел переговоры с польским королем и послами польского короля и московского государя, я не получил о деле достаточно ясного представления. Только когда они собрали кое-что о старине из литовских, польских и московских дел, в которых подтверждается их точка зрения, они смело выдали их из архивов. Впоследствии из них я почерпнул немаловажные сведения для знакомства и обсуждения тамошних дел. Но так как из писем и документов, отосланных вашему святейшеству, это можно будет яснее понять, здесь достаточно об этом [59].

Лишь только до московского князя дошла весть о нашем прибытии, он немедленно послал нам, почти к границам своих владений, где мы разбили лагерь, всадников, лошадей, продовольствие и через своих гонцов охранную грамоту. Он дал нам 60 человек из своего окружения, которые при остановках готовы были оказывать нам всяческие услуги. Окруженные этими телохранителями, мы не могли без большой необходимости выйти из дому или послать куда-нибудь. Прислал он и лошадей в богатой упряжи, которых обычно дарят послам и на которых мы должны были ехать. Кроме того, он назначил для нашей свиты множество людей, татар и московитов, которые должны были обеспечить нам безопасный путь в лагерь польского короля, находящийся на расстоянии 600 миль, а позже выехать за пределы его владений. Всё это я правдиво описал в другом сочинении [60], и, думаю, этого здесь подробнее рассматривать не стоит. К большому нашему неудобству случалось, что московский князь по своей подозрительности не допускал к нам врачей во время болезни.

Как было сказано раньше, я оставил двух человек [61] у московского князя, пока сам ездил к польскому королю, чтобы они узнавали о состоянии дел и пытались, насколько возможно, внушить этому народу сколько-нибудь благочестия. Князь обещал мне в присутствии 100 знатных людей относиться к нашим людям так же, как и ко мне, если бы я остался. Однако им не было дано никакой возможности выходить, ес-

ли не считать одного-двух раз. По приезде из Старицы в Москву их поместили в довольно тесной комнате. Они вынуждены были пользоваться одним и тем же местом как алтарем, где должны были молиться, как столом, где должны были писать и читать, и как местом, где должны были спать. У дверей постоянно находилась охрана, трое бояр и столько же простых людей. Имена их следующие: Сунебул, Куфара, Кудеяр, Куфара, Мирослав и Куроедов [62].

Там пробыли они четыре с половиной месяца, а пожаловавшись, что князь не сдержал обещания, получили ответ от знающего человека: князь одно обещает иностранцам, другое приказывает приставам, на словах он говорит одно, другое держит на сердце, и были многие, которым он давал гарантию свободного въезда и выезда и которые просили дозволения вернуться к себе, но тотчас поплатились за это жизнью. Поэтому у тех, кто клятвенно обещал остаться в Московии до конца своих дней, нет никакой возможности ни подойти к другим [людям], ни поговорить при встрече. Если бы кто-нибудь сделал это или на кого-нибудь пало малейшее подозрение в этом, он был бы наказан смертной казнью — будь он русский или иного происхождения. Многие хотели подойти к нам, но по этой причине не осмелились. Среди них был даже некий врач, горячо желавший очиститься таинством исповеди и получить святое причастие. Он просил разрешения прийти к нам, но не только не смог этого добиться, но и выслушал следующее грозное предупреждение: «Для чего ты, иностранец, осмеливаешься посещать людей этого народа? Если не хочешь быть убитым, остерегайся в будущем даже и предлагать такое». Но были и такие московиты, которые стонали от этого рабства и говорили, что, пока князь не начнет другого образа жизни, нет надежды на распространение благочестия истинной веры.

Когда же я из польского лагеря или из другого места посылал со своими людьми письма без печати в одной связке с письмами к князю, чтобы не вызывать никакого подозрения, хотя они и не содержали ничего кроме того, что относилось к нашим порядкам, он их или не хотел отдавать, или приказывал некоторые из них перевести на русский язык, чтобы, как я полагаю, не оставаться в неизвестности. Он делал это, по-видимому, из-за чересчур обостренной и беспокойной подозрительности, если не из страха.

По окончании последнего большого пира перед отъездом из Москвы в Ливонию, поднявшись, он протянул мне и всем моим спутникам руку и просил меня приветствовать ваше святейшество и польского короля. Когда я вернулся домой, он прислал письма и дары, которые в конце концов были частично отданы студентам в Оломоуце, Праге [63] и других местах, частично иногда использовались для подарков самим московитам при проводах. Я дважды пытался отказаться от них [64], но бояре уговаривали меня, что не до́лжно мне нарушать древнего обычая этого государства и портить милостивое настроение государя, ведь он сам не отверг даров вашего святейшества и своим людям, кого он посылал и пошлет туда, он позволит принимать дары от других государей. Следуя совету, данному мне раньше, принеся благодарность и раздав деньги среди многочисленных придворных, я принял дары. Но,

чтобы он по этому поводу узнал что-нибудь более возвышенное и святое о характере наших установлений, я обратился к нему со следующими словами, переданными ему через думных бояр:

«Позволь, милостивый великий государь, просить тебя в третий раз, наконец, во имя крови Иисуса Христа те дары, что ты приказал приготовить мне по твоему великодушию, не принять, не вызывая твоей немилости. Видит бог, я не гнушаюсь [ими] из-за какого-то пренебрежения и незнания исключительной щедрости твоей светлости.

Но по моему призванию к духовной жизни и по обетам бедности, которые я часто давал именем милосердного бога, дай ради милосердия Христа то, что я буду считать величайшим благодеянием. Вспомни, как несколько дней тому назад ты сказал мне (хотя по поводу других людей, на которых не распространялись взятые мною обеты), что самое лучшее — следовать смирению и бедности господа Христа. Поэтому позволь мне на деле следовать этому. По милости божьей, мир заключен без этих одежд и мехов, без них же, с божьей помощью, совершится остальное, что ты желаешь. Ты никогда не будешь иметь недостатка в каких-либо услугах моей верной преданности. Дорожных припасов, которые ты выдал моему товарищу Павлу[65] для возвращения к великому первосвященнику, и тех даров, что ты отослал его святейшеству, будет достаточно. Конечно, и их я не позволил бы принять, если бы они не были необходимы при таком пути и продолжительном пребывании всех нас в королевском лагере и в этих местах и если бы мы не боялись обидеть тебя и этим помешать лучшему. А этими дорогими мехами мы не пользуемся: скорее мы отдадим сами нашу кожу и жизнь за распространение католической веры (если такой дар будет угоден богу). Поэтому я не позволил ехать со мной купцам (хотя они этого очень добивались), чтобы от людей такого рода не случилось препятствия тому, для чего меня послали, или ссор с твоими людьми. К тому же, по милости божьей, у меня достаточно [средств], чтобы иметь возможность вернуться к великому первосвященнику. А если бы ты захотел щедро наградить меня богатым даром, сохрани ко мне то милосердие, которым ты почтил меня. Так как ты признаешь себя овцой стада Христова, подумай о том, что тебе дóлжно следовать водительству его видимого пастыря, то есть великого первосвященника, которому господин наш Христос передал свою паству для пастьбы. Кстати, узнай: в нашем ордене состоит несколько тысяч людей. В наш век, когда открыты новые земли и Европу стали раздирать разные расколы, их, отказавшихся от имущества и от всяких забот о частных делах, господь призвал как бы в одно войско. Все мы заключили содружество во имя Иисуса, чтобы довести его имя и духовные богатства католической церкви до народов Индии, до еретиков и тех, кто не совсем соединился с католической церковью. Поэтому и оставили мы всё. Мы не принимаем и не принимали никаких почестей, за исключением тех, которые не приносят никаких доходов и связаны с явной опасностью для жизни. Ведь некоторые из нас около 30 лет тому назад были посланы в некоторые патриаршества и епископаты Индии и Эфиопии, чтобы в этих отдаленнейших странах принести в жертву многодневные труды и жизнь во славу Христову, не получая никаких земных благ. Поэтому,

куда бы снова ни послал нас святой апостольский престол, мы сможем вернуться (если будет нужно) к тебе. Позволь, если в них нет такой необходимости, не брать [даров]».

Если он и не был тронут этими доводами настолько, чтобы оставить у себя дары, однако почерпнул из них какой-то свет истины. Так были заложены основания для столь большого здания, которое, мы не сомневаемся, будет в Московии в свое время. Он же с истинно царским великодушием приказал дать нам проводников и всё в изобилии. Так мы уехали от него и направили свой путь через Россию к польскому королю Стефану.

КОГО И КАКИМ ОБРАЗОМ МОСКОВСКИЙ КНЯЗЬ ПОСЫЛАЕТ К ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРЯМ (ПОСЛЫ ЗДЕСЬ НЕ ОДНОГО РАНГА). ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ВСЕМ ПУТИ С ПОСЛАМИ, ЕХАВШИМИ ВМЕСТЕ С А. ПОССЕВИНО К ВЕЛИКОМУ ПЕРВОСВЯЩЕННИКУ

Великий князь московский пользуется табелляриями, интернунциями и так называемыми «великими» послами для ведения с иностранными государями дел, касающихся войны, мира и торговли. Табелляриии называются «гонцами», они только возят письма. Интернунции — «посланцы», они же «малые послы», — кроме писем имеют некоторые поручения. Их обычно сопровождает несколько человек свиты. Главные послы (их обыкновенно трое, не считая секретаря) называются «великими послами». Их довольно редко посылают дальше королевства польского, так как им полагается большая свита, а содержание не предоставляется (так принято и в Московии и в Польше) [66]. Для продолжительного путешествия за пределами королевства польского необходимы были бы значительные суммы денег, а князь на это или им совсем не дает денег, или дает очень мало. Польский король и великий князь московский, так как это считается у них проявлением уважения, обычно посылают 100 или 200 человек со своими послами, к которым присоединяются и купцы. Впрочем, сами московские послы возят с собой товары для продажи, что не очень пристойно для выполняющих такие обязанности. Поэтому, если они что-нибудь дарят, это делается для получения бо́льшего вознаграждения и ответного дара, а если этого не дают, они выпрашивают и почти вымогают. Московские послы, прибыв в Киверову Горку [67] (небольшое селение под Ямом Запольским) вместе со свитой в 300 человек, открыли лавки и в промежутках между делами заключения мира, возложенными на них, исправно занимались продажей и обменом с поляками через своих людей.

Из Новгорода, находящегося на расстоянии около 200 миль, вскоре они стали получать продовольствие и приготовленную пищу (хорошо сохранявшуюся на морозе), так что вообще не делали никаких расходов. Кстати, это обстоятельство было нам удобно, так как каждый из

4 послов[68] по поручению своего государя присылал пищу, чередуясь по дням с другими.

В самом разгаре зимы мы помещались в палатках, раскинутых в глубочайших снегах. Постоянно горевший огонь кое-как изгонял оттуда страшный холод, а часть наших людей помещалась в каких-то деревянных хижинах, полных сажи и дыма. К тому же окрестные поля были опустошены королевскими войсками, поэтому едва ли можно было что-нибудь купить, кроме хлеба. Гнилая вода или снег, едва расстаявший на огне, составляли питье для лошадей и шли на приготовление горячей пищи.

Тем не менее послы московского князя, приезжая к другим иностранным государям, если не получают даром лошадей, помещений, проводников, подарков, тотчас начинают превозносить до небес милосердие, щедрость и могущество своего государя (так по большей части его называют), а других, как бы велики они ни были, обыкновенно бранят за бедность[69].

Узнав это на примере Шевригина, первого посла к вашему святейшеству, и познакомившись с такими же привычками многих других, при учреждении второго посольства в Рим я убедил московского князя послать не больше 10 человек.

Мне предстояло проделать путь во много тысяч миль: сначала отправиться в Оршу, оттуда в Ливонию и Польшу, а затем через Германию в Италию. Я видел, что моя обязанность сопровождающего будет гораздо более трудной, если посольство будет состоять из 100 или 200 человек, которым нужно будет повсюду добывать продовольствие. При этом создавалась опасность, что погибнет все то, ради чего святой апостольский престол потратил при московском посольстве столько стараний, забот, трудов и средств, если всё не будет предоставляться им бесплатно.

Во главе посольства стояли два знатных человека, вместе с которыми мне нужно было действовать, чтобы исполнить дела величайшей важности и скрепить дружбу христианских государей. К этому посольству великий князь приставил переводчика, отвергшего католическую веру и принявшего схизму (что он сделал в целях своей безопасности и выгоды). Мы с трудом от него отказались и потребовали себе другого знатного поляка и католика, чего и достигли[70]. Важно, чтобы по возвращении из этого посольства кто-нибудь мог рассказать московиту об истинном положении вещей и дружелюбии католических государей, если остальные попытаются очернить всё это своими измышлениями.

Много неприятностей случилось из-за Шевригина или, скорее, из-за его спутника, бывшего когда-то католиком, потом лютеранином и, наконец, погрязшего в ошибках русской веры, который в Каринтии убил итальянского переводчика, прибывшего из Московии[71], как только я уехал от них, направляясь к великому герцогу Карлу. Тогда они с трудом вырвались из Италии, где перед этим были приняты с большим почетом и одарены богатыми подарками.

При втором посольстве[72] никогда не бывало ни резни, ни каких бы то ни было ссор, из-за которых нужно было бы прибегать к оружию. Без сомнения, они предавались бы им, если бы их не удерживали со-

ображения дружбы, надежда на подарки, а иногда и страх. Допускалось, что иногда они платили за постой из своих средств, и, хотя они делали это неохотно, однако, это помогло им лучше оценить щедрость итальянской церковной власти (которой они были приняты лучше, чем могли ожидать).

В этом путешествии для меня стали понятны характеры тех московитов, которых я сопровождал: мы узнали их довольно хорошо, так как я должен был отвезти их обратно по приказу вашего святейшества в царство польское.

Когда мы прибыли в первый раз туда из Московии, и они удивились, что не нашли посланных им навстречу по обычаю от польского короля лошадей с продовольствием, им ответили: достаточно будет и того, что по приезде к королю их радушно примут, а вносить в польское королевство московский обычай приема послов не следует. Однако, по нашей просьбе, они были достаточно радушно приняты королем в Риге.

В Ливонии мы узнали, что те дома, которые были построены с большими затратами рижским архиепископом и магистрами тевтонского ордена, разрушены московитами и грозят совсем рухнуть, они полны грязи, окна выбиты, и они открыты для непогоды. Московиты отвергли их и предпочли скорее жить в выстроенных ими деревянных домиках, полных копоти. Поэтому, вспомнив также о разрушениях, причиненных готами Колизею, триумфальным аркам и всему Риму, я уже не удивлялся тому, что остается в сердцах людей, которые не могут вынести блеска и величия других народов. Даже торжественное шествие цезаря[73] при большом стечении народа, когда он въезжал в священный Аугсбург на собрание имперского сейма, не могло заставить их по доброй волей посмотреть на него. Столь большое количество городов и знатных людей не трогало их настолько, чтобы они похвалили это от души.

В Богемии и Германии было так: сколько бы они ни израсходовали средств, находясь там, по приказанию его императорского величества они получали возмещение, да и в качестве подарков им было дано много серебряных сосудов. Когда же мы приблизились к Италии и вступили в венецианские владения, их принимали во всех городах с величайшей пышностью. Прежде всего, в Вероне они были приглашены осмотреть крепости, возле которых были собраны многочисленные отряды солдат, принявших их с почетом. Жители Виченцы в полной мере проявили свое дружелюбие, не говоря уже о щедрости, которая свидетельствует о высшем благородстве души (так что этот город более всего достоин похвалы в этом отношении). То же самое было и в Падуе.

Оттуда мы прибыли в Венецию, и в этой светлейшей республике были приняты со всякого рода почестями. Но так как эти люди не очень-то привыкли к вещам такого рода и так как они считали, что все подвластно их государю, да и жить они привыкли более широко, [поэтому] они были недовольны, что им отвели помещение, хотя и очень удобное, в доминиканском монастыре. Понадобилось много настойчивости и терпения, чтобы удерживать их в пределах повиновения, ведь те, кому была поручена забота о них московской думой, усиленно про-

сили нас, чтобы мы от них не отходили. Пока я занимался приготовлениями к отъезду, греки, много лет тому назад переселившиеся в Венецию, тайно упросили московитов оказать честь посетить их храм и выслушать богослужение по греческому обряду. Знатные молодые люди, приставленные к ним сенатом для сопровождения по городу, еще не поняли, какое значение может иметь это обстоятельство, и приказали, чтобы этот храм был богато убран, и на следующий день русские схизматики были приняты греческими схизматиками. Когда это дошло до моих ушей, я поспешил к монастырю и, увидев московитов и венецианцев вместе с греками, направляющихся к их храму, обратился к ним с такими словами: «Яков Молвянинов (так звали первого посла), твой государь поручил тебя мне, чтобы ты действовал по тому плану, который я тебе укажу. Я везу тебя к великому первосвященнику, а не к грекам, поэтому иди домой».

Он повиновался. Но некоторые греки отнеслись к этому самым неподобающим образом и считали, что нанесено оскорбление республике, так как, по их словам, по ее приказанию московитов пригласили сюда. Я ответил им, что, когда греки объединятся с католической церковью, тогда пусть и говорят со мной, и я удовлетворю их просьбы. Некоторые греки, с которыми я беседовал отдельно, остались недовольны, поэтому мне пришлось идти в сенат. Там, выслушав мои доводы, очень умно успокоили греков, пришедших с жалобой. Все это дело было не только прекращено, но даже доставило случай лучше понять хитрости греческой схизмы [14].

Некоторые наиболее благоразумные люди поняли, как много зла это могло бы принести при нынешних обстоятельствах, так как часто среди греков, живущих в Венеции, находятся шпионы, обо всем доносящие неверным.

Московиты, получив от республики в дар золотые цепи большого веса, сказали своему переводчику: «Иди к дожу и скажи, чтобы он прислал нам парчи и других вещей из своей сокровищницы». Но переводчик, человек порядочный, не согласился на это.

Из Венеции мы направились в Феррару, а оттуда прибыли в Болонью, где по приказанию вашего святейшества московским послам были представлены самым щедрым образом доказательства отеческой любви со стороны светлейшего кардинала легата Чези: были закрыты лавки и оказаны совершенно необыкновенные почести. Другие светлейшие легаты, Верчелли в Эмилии, Колонна в Вицене, позаботились о том же самом. Сначала навстречу московским послам выходили из городов отряды солдат, затем магистрат подходил к воротам, оттуда с величайшим почетом их вели ко дворцу при залпах из пушек и при звуках флейт, устраивались обеды и роскошные пиры. Предупрежденные заранее, знатные люди, у которых московиты довольно дерзко выпрашивали разные вещи, перестали легко на это соглашаться, так что московиты стали держать себя в пределах благопристойности.

Когда мы были в Римини в доме префекта города, они убрали святые образа, чтобы на их месте поместить свои, маленькие, расписанные по греческому образцу. Мы, убрав эти последние, поставили прежние

[на место], чтобы в среде католиков они не действовали столь дерзко. Поэтому позже они стали вести себя менее своевольно.

Оттуда мы прибыли на место, прославленное святой девой лореттской и большим стечением народа [75]. Здесь они имели возможность узнать предания о чудесах, увидеть толпы паломников и постоянные молебствия.

Наконец, после того как по моему настоянию в других городах им были оказаны умеренные почести, у реки Тибра, возле города Бургеты их приняли и приветствовали самым радушным образом люди вашего святейшества. Выступив на другой день, на следующий день мы прибыли в Рим. Оттуда нам навстречу выехали знатные римляне во главе с маркизом Чези, и московиты с величайшими почестями, при стечении большого количества народа, при залпах всех пушек, расположенных в замке Адриана, были отведены во дворец кардинала Колонны, тогда отсутствовавшего. В этом дворце им было предоставлено щедрое угощение и самые исполнительные из слуг вашего святейшество, а те, кто охраняли двери каждый день, пока ваше святейшество не вернулось из Альгида [76], возили их в экипажах по городу, и московиты видели все самое красивое. Более всего они удивлялись тщательному уходу, огромным расходам и милосердному отношению, проявлявшимся в отношении к больным, затем лавкам, расписным залам, но в особенности замку св. Духа и прочим большим богадельням. Посещая одну за другой семинарии и коллегии разных городов, они стали думать, что уже самой религией Рим господствует во всем мире и что не они единственные христиане (как они обычно говорят). Замечания обо всем этом они каждый день записывали и собирались эти записи отвезти к своему государю [77]. То же было и дорогой, когда они осматривали коллегии нашего общества в Литве, Польше, Моравии, Богемии, Германии и Италии. Особенно удивились они английской семинарии, находящейся в Риме, так как знали, что Англия целиком заражена ересями. Видя благонравие этих учеников, они чрезвычайно умилялись и с величайшим благоговением молились и целовали мощи мучеников, которые находились в их церкви. Это же они делали и в других римских храмах, а также и в других местах. Но когда римские знатные люди привели их во дворец на Капитолии, проявив свою любезность и чисто римское радушие, и один из них предложил им (как будто это имеет какое-нибудь значение) внимательно рассмотреть куски античных статуй, ненужные памятники языческим богам, они ко всему этому (и справедливо) отнеслись с отвращением. Их больше всего отталкивало (а это и любому христианину должно внушать отвращение) то, что они видели в тех местах, где останавливались, в домах и садах некоторых людей, которым, по-видимому, больше по вкусу купидоны и венеры, нежели Христос и пресвятая дева, изображение постыдных сцен или замечали лики (даже и святых), написанные для забавы, или статуи обнаженных людей и прочие дьявольские измышления. Но, увидев римские храмы и здание св. Петра, они окончательно признали, что эти храмы далеко превосходят остальные [храмы] всего мира красотой, вложенным в них трудом и великолепием. Когда они прибыли к вашему святейшеству для приветствия, передачи даров и писем от своего

государя, казалось, с некоторой неохотой они позволили привести себя целовать крест у ног вашего святейшества, но с еще большей неохотой, когда готовились уезжать. Я так думаю, что они хотели еще даров (в первую очередь денег), хотя обоим главным лицам посольства были переданы золотые цепи большого веса, одежды из чистого шелка, шитые золотом, а всем прочим — одежда из сукна и шелка. Однако они охотно целовали крест [78], когда нужно было что-нибудь узнать о деле для великого князя московского, а ведь это делали не только первые христиане по отношению к апостолам, но и сами московиты по отношению к своим епископам, у ног которых они простираются и выслушивают их, распростершись на земле и касаясь лбом пола. Они не смогли спокойно перенести того, что при отъезде из Рима их не сопровождал никто, кроме меня и моих проводников, в то время как сами они с большой свитой провожают послов иностранных государей за 4—5 миль (что они делали дважды по отношению ко мне, когда я уезжал). При возвращении делалось то же самое, что и при выезде.

Цепи (а их они надели в дорогу) и великолепнейший крест (хотя и сделанный по греческому образцу), полученные от вашего святейшества, так же как и изображение в золоте св. Марка Евангелиста, полученное от венецианцев, они взяли себе. Если бы каждый [из них] был один и не боялся доноса своему государю, с легким сердцем они всё присвоили бы себе. Правда, они стали более благоразумными, или благодаря привычке к более цивилизованным народам или потому, что при возвращении, за пределами Италии, нужно было платить из своих средств. В конце концов я доставил [их] в Варшаву, к королю польскому. В пути мы особенно боялись во избежание ссор останавливаться на том же месте, что и раньше.

После того как польский король позаботился о дарах, а они были даны с королевским великодушием, московские послы получили от меня письма к своему государю, в которых я в кратких словах ставил его в известность обо всем, а также передал им прекраснейшую икону Спасителя, посланную вашим святейшеством московскому князю (она написана на медном основании, на ней надпись греческими буквами; заключена она в оправу из слоновой кости с серебряными цветами), я отпустил их в Московию в довольно радостном настроении.

Думаю, что об этом нужно было рассказать более подробно, чтобы тот, на которого когда-нибудь будет возложено подобное поручение, меньше удивлялся тому, о чем он узнал заранее. И пусть он усердно готовит себя к терпению и мудрости, которые нужно почерпнуть от бога через молитвы.

ХАРАКТЕР МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ И СХИЗМА

Можно с полной уверенностью утверждать: народы северных областей, и в особенности те, из сердец которых истинная религия не изгнала дикости, чем более чувствуют себя лишенными разума, тем более становятся подозрительными. Поэтому то, чего они не умеют добиться разумной деятельностью, того они стремятся достичь хитростью и си-

лой (а московиты также и упорством). Это в особенности наблюдается среди скифов и татар, от которых многие московиты или ведут свое происхождение, или близки к ним. Не удивительно, если они не избавились от этой природы, которую у других народов изменило и победило благочестие. Конечно, совсем не удивительно, что тот, к кому перешла высшая власть над своими людьми вместе с неким подобием христианской религии и кто не видел могущества других государей, считает себя выше всех (к этому нужно добавить постоянную лесть и славословие подданных). Эти три обстоятельства, в особенности с того времени, как московские князья добились свободы от татар, данниками которых они раньше были, удивительным образом возвысили их представления о себе. Это особенно свойственно государю, ныне стоящему у власти, так как он считает, что нет никого более ученого и более исполненного истинной религии, чем он сам. Едва ли когда-нибудь он подумал, что кто-нибудь превосходит его силой. Когда я иногда напоминал ему о наиболее могущественных христианских государях, он говорил: «Кто они такие в нашем мире?» Видимо, в своем высокомерии он не выносил сравнений, и всё, что воздавалось другому, он считал умалением своего достоинства. Именно поэтому великие князья московские стали называть себя сначала на словах, затем в письмах и на монетах государями всея Руси, хотя добрую часть Руси занимает король польский. Нынешний князь Иван Васильевич кроме ряда титулов, где он соизволил называться царём (или королем) казанским и астраханским, отсылая письма к туркам, приказал однажды именовать себя также императором германским. И, конечно, после того, как он стал домогаться Ливонии и устремлять взоры на Пруссию, он стал говорить, что ведет происхождение от человека по имени «Прусс», который якобы был братом цезаря Августа[79]. Из того, что он захотел, по-видимому, укрепить дружбу с Карлом V, его братом Фердинандом и сыном последнего Максимилианом[80], можно понять, что в душе он лелеял мысль о дальнейшем продвижении в Германию и на Запад. Эту надежду подкрепляли раздоры между христианскими государями, губительные ереси разного рода, успехи в Ливонии, совершившееся к этому времени покорение Казани и Астрахани и мнение, внушенное самой схизмой, которую нельзя считать религией. Он считает себя избранником божьим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир. Впоследствии это мнение увеличили посольства к нему от некоторых государей, которые просили его расположения и поддержки, чтобы каким-либо путем уничтожить королевство польское. Даже когда я находился у него, и дела в Московии были в довольно затруднительном положении, память об этих посольствах еще не изгладилась, что льстило гордости великого князя. Наконец, еще больше поддержало его планы то обстоятельство, что один выдающийся государь прислал ему письмо, в котором одобрял распространение лютеранской ереси в своих владениях. На основании этого у московского князя создалось представление, что все католики (которых он зовет римлянами) впали в ересь и поэтому их легко будет покорить.

В конце концов его жестокость во всех отношениях позволила ему надеяться на более быстрое осуществление своих замыслов. С ее по-

мощью он думает одолеть любое препятствие, какое бы ни стало на его пути, в особенности когда он навел на Литву и Ливонию такой страх, что перестал сомневаться в том, что ему откроется такой же доступ в другие страны.

Что касается его схизмы, трудно поверить, насколько он ей предан. Он считает ее приемлемой на вечные времена. Мало того, он скорее что-нибудь к ней прибавит, чем убавит. Ведь тот, кто удаляется от чего-нибудь, чем дальше уходит, тем ниже падает (это всякий видит на примере реформистов нынешнего века), так же случилось и с московитами, отделившимися от схизматиков-греков, у которых они почерпнули схизму, начавшими в своем величайшем невежестве говорить много вздора, не зная ни книг, ни занятия науками, о чем я [уже] писал в другой книге. Кто видел упорство греков и кто помнит о донатистах, которые, отделившись от католической церкви, никогда к ней больше не примыкали, кто обдумывал верования эфиопов, которые в неоднократных посольствах к апостольскому престолу винились перед ним, хотя и не признавали верховного первосвященника, кто, наконец, наблюдал за гуситами [81], так часто говорившими о единстве и никогда не возвращавшимися к католической церкви, легко поймет природу схизмы московитов.

Предвзятое упорное мнение о своей твердости увеличивает его упорство, он думает, что эта схизма будет без трещин.

Ко всему этому нужно добавить постоянное угодничество и раболепство по отношению к своему государю, принятое у этих еще очень непросвещенных народов, которые впитали их с молоком матерей.

Именно поэтому, поговорив с послами любого государя, после их ухода он моет руки в серебряном тазу, как бы избавляясь от чего-то нечистого и показывая этим, что остальные христиане — грязь. Когда я упрекал его в этом (что очень хорошо видно из моих писем к нему), он пытался оправдаться, но не смог этого сделать.

Он не разрешает входить армянам в свои храмы, говоря, что они следуют ереси Нестория [82]. Грекам это позволяет, лютеранам же и другим еретикам не разрешает, и те храмы, что они себе построили, сожжены по его приказу.

КАКОВА НАДЕЖДА НА МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ И ЕГО ОБЕЩАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОДВИЖЕНИЯ В АЗИЮ И ДРУГИЕ МЕСТА СВЯТОГО ИМЕНИ ХРИСТОВА И КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЕРЫ

В этой главе следует подробнее рассмотреть, чего можно ожидать от московита, если речь пойдет о необходимости распространения христианского имени, а об этом московский князь в письмах к вашему святейшеству и другим государям, по-видимому, отделался отговорками. Ведь именно таким образом можно будет увидеть, к чему направлены его обещания, какая польза была бы для христианской республики, если бы когда-нибудь этот народ пришел к католической вере или, на-

ведя порядок в делах, обрёл бы другого, более податливого государя, так как существуют некоторые предположения, что этот государь проживет очень недолго.

Помню, перед моим отъездом в Московию в ответ на мои многочисленные вопросы некий человек[83] сказал следующее: владения этого государя находятся очень далеко от тех, кто является заклятыми врагами нашей веры. К югу, на расстоянии более 20 дней пути, находится обширная пустыня с бесплодной землей, лишенной деревьев, и в большей части безводная. Она могла бы представлять большую опасность для какой бы то ни было экспедиции. За ней расположен Херсонес Таврический, где находятся главные враги московитов, крымские татары, и где сам турецкий султан имеет многочисленные и хорошо укрепленные крепости. На мой вопрос, касаются ли где-нибудь владения московского князя Каспийского моря и открыт ли доступ к нему, он ответил утвердительно. Хотя на пути к нему находятся огромные степи, однако в определенные месяцы года корабли могут преодолеть это расстояние по реке Волге. И на мой дополнительный вопрос, можно ли плыть по Дону, который начинается в Московии и впадает в Азовское море, он ответил, что и здесь можно плыть. Но у устья Дона расположена крепость Азов, принадлежащая турецкому султану. К тому, что он раньше говорил о крымских татарах, прибавил следующее: московиту, подчинившему своей власти астраханских и казанских татар, нетрудно будет присоединить также и крымских.

Он рассказал, что у московитов существует особый способ ведения военных действий: против тех татар, которых московит покорил, он применял большие пушки. Кроме того, он приказал прибить к повозкам толстые щиты с просверленными в них отверстиями, через них пищальщики стреляли из своих пищалей. Таким образом, врагам был нанесен значительный ущерб, сами же они никого не потеряли, так как ему легко было сломить их с помощью этого нового вида оружия.

Кроме того, в каждой татарской орде (как я говорил) имеется один главный город или место собрания. Если его покорить, всё остальное без труда переходит во власть победителя. Когда покорены были казанские татары, соседи московского княжества, неизбежно должны были пасть и астраханские (потому что им никто не мог быстро помочь).

Покорив оба этих народа, московит смог довольно легко держать их в повиновении, так как построил несколько крепостей, а размещенные там гарнизоны охраняли эти области.

Наконец, на мой вопрос, как случилось, что московский князь нанес незадолго до этого весьма значительное поражение туркам[84], когда приказал отвести Дон в Волгу[85], он ответил, что это сделали не московиты, а крымские татары, хотя и были союзниками турок. Они были недовольны тем, что турки, как они полагали, готовят им более тяжкое ярмо. Поэтому, предложив себя в проводники турецкому войску, они повели его окружной дорогой по бесконечным лесам и местам, лишенным продовольствия, так что оно почти все погибло от голода и трудностей пути[86]. Разузнав об этом, я спросил, далеко ли границы московского государства отстоят от персидского царства, и он ответил, что между тем и другим весьма большое расстояние. Московские земли

не соприкасаются с Персией, ближе к ним грузины и черкесы, которые называются «пятигорскими», их язык совершенно отличается от других [языков], и область, простирающаяся на 8 дней пути, управляется семью князьями (или правителями) по способу, напоминающему гельветский. Они имеют обыкновение получать дань иногда от московитов, иногда от турок, иногда и от самих персов в соответствии с требованиями времени и состоянием их дел. Впрочем, теперь приходится проделывать более длинный путь в Персию через Московию, так как Железные Ворота, через которые совершался переход, заняты турками. Этот человек говорил также, что все это ему известно из довольно достоверного источника, так как при нем находился один черкес, энергичный и верный солдат, а дядя его, участвовавший в этой войне и живший в Персии, совсем недавно приехал оттуда и всё ему рассказал. Он прибавил, что владения хана, повелителя татар в Азии, находятся недалеко от владений московитов. К тому же хан многое воспринял из христианских обрядов, так как когда-то эти люди приблизились к нашей вере. Магомет, советник Селима[87], отца нынешнего турецкого султана (как я слышал от одного важного лица), заявил, что тот, кто начал войну против московитов, предпринял трудное для себя дело, так как (говорил он) турецкий султан, его повелитель, и князь московский — единственные правители в мире, которые держат своих людей в прямом повиновении, и поэтому они самые могущественные.

Из этого можно понять, как высоко турки ценят московского князя. В их памяти до сих пор, может быть, сохранились те поражения, которые когда-то они потерпели от московского князя, если верить тому, что пишут Герберштейн и некоторые другие на основании хроник. И вот что еще можно заметить в рассуждениях турок: если бы греки не боялись чрезмерного владычества московского князя и он не находился бы так далеко от них, они не сторонились бы его власти, так как, по их мнению, у него одна и та же религия с их собственной, и поэтому они с большей охотой прибегли бы к нему. Конечно, князь московский, уладив дела с польским королем, завел речь о делах такого рода. Он запросил через своих советников, нельзя ли будет ему, соединив свои силы с королевскими, провести войско через владения короля польского и поставить крепости там, где он пройдет. Из этих переговоров было видно, что он больше обращает внимание на Русь под властью польского короля, чем на крымских татар, и боится, как бы поляки не заперли его при возвращении. И если бы когда-нибудь войска были выведены из Московии в другие места, а не в Ливонию и Литву, можно было бы яснее себе представить, какой силой обладает этот народ.

Как бы то ни было, ясно, что через Московию открывается путь в Азию с гораздо меньшими расходами и опасностями, чем через любую другую страну мира. Я имею в виду путь распространения христианской веры, а это одно должно быть целью всех благочестивых [людей]. Поэтому нужно прилагать особые усилия к тому (о чем ваше святейшество писало московиту), чтобы соединить его с нами узами религии, без чего остальные человеческие связи очень легко рвутся. И, конечно, чтобы этого добиться, нужен не один день и не одно посольство. Тот ковчег, в котором спаслись немногие для дальнейшего

возрождения всего мира, мог быть построен не иначе как в течение ста лет, то есть при долгом терпении и с неослабевающим усердием. Однако это может быть сделано за более короткий срок, так как уже в пределах Ливонии и Московии Стефан, король польский, учреждает коллегии и семинарии католических священнослужителей и к прочим королевским и военным дарованиям присоединяет также и заботу об этом деле, как об одном из главных. К тому же стали совершаться чудеса по воле божьей среди людей нашего Общества на глазах у этого простого народа.

То, что среди московитов не было бы недостатка в людях, которые отдали бы своих сыновей [для обучения] священникам, присланным апостольским престолом, заставляет меня, по милости господней, кое на что надеяться. Ведь господу нашему легко в один миг обогатить бедного и заставить агнца жить вместе со львом. И если само старание установить дружбу с московским князем и другими христианскими государями будет иметь продолжение, хотя сатана всегда будет стараться придумывать всякие способы помешать этому, нельзя и выразить, сколь большие выгоды оно при этом принесет, в особенности если те, кто будет этим заниматься, поставят целью одну лишь славу божью. Именно с этим следует приходить к схизматикам и еретикам. Если они с самого начала подумают, что с ними будут говорить о религии, они не дадут такой возможности, отвергнут услышанное или с помощью своих приспешников преградят продвижение вперед к остальному. Если бывает нужно, католические государи советуются в делах политических с апостольским престолом, так как знают, что всё, касающееся мира исходит от вашего святейшества, и понимают, что это подобает пастырю и наместнику на земле бога отца и сына. Поэтому и католические правители, и правители еретики и схизматики не только охотно прислушиваются, но, даже излагая на словах свои или чужие затруднения, сами же и указывают путь, с помощью которого уладилось бы и всё остальное. Многое, что до сих пор казалось еще не созревшим, превращается в более зрелое, и, если так можно выразиться, вызванная к жизни доверчивость их души возбуждает в их сердцах какое-то чувство благочестия и религиозности. Поэтому они испытывают чувство стыда, удаляясь от апостольского престола или прилагают самые решительные усилия, чтобы не отказаться от его увещаний: ведь они видят, что к нему прибегают и скифские, и индийские, и некоторые другие дикие народы, в то время как враг рода человеческого старается через еретиков уничтожить влияние католической церкви, установленное Христом. Следовательно, нужно, чтобы посланцы из Рима твердо стояли в решениях и подготовляли случаи для будущих встреч, а уезжая, удалялись с тем, чтобы оставить себе открытыми ворота (как говорят) для возвращения к тем же самым государям. Таким образом можно добиться высокой цели: мир восстановится у вашего святейшества и оправдана будет благость божественного провидения.

Могут явиться (а мы это знаем на своем опыте) другие планы помощи народам, о которых мы никогда и не помышляли. Если мы с чистой совестью и при благополучных обстоятельствах сможем завязать дружбу, хотя бы и светского характера, с другими государями, пусть

еще и не христианскими, я готов поверить, это когда-нибудь позволит христианской религии распространиться в этих областях шире, чем это делалось до сих пор. А о том, приведет ли это к более глубокому проникновению истины в души самих государей, пусть судят те, кто много размышляет о терпении и мученичестве римских священнослужителей, которые в первые 200 лет существования католической церкви, держа кормило правления при бушующих волнах преследований, почти все своей кровью укрепили христианскую веру и бестрепетно привели к господу нашему Иисусу Христу корабль веры (если так можно сказать), наполненный многими варварскими народами.

НА ЧТО НУЖНО ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ ПРИ СНАРЯЖЕНИИ ПОСОЛЬСТВА ОТ АПОСТОЛЬСКОГО ПРЕСТОЛА ИЛИ ОТ ДРУГИХ КАТОЛИЧЕСКИХ ГОСУДАРЕЙ В МОСКОВИЮ

Тому, на кого падет выбор исправлять посольство, необходимо обратить внимание на три обстоятельства: чтобы посольство учреждалось самым чистосердечным образом во славу божью, чтобы было отправлено в подходящий момент, чтобы во главе его был человек, внутренние достоинства и непоколебимая добродетель которого, соединенная со знанием греческих обрядов, преобладала над каким бы то ни было внешним блеском и знатностью. Кроме того, важно, чтобы посольство, направляющееся к московитам, не доставило законного повода к подозрению полякам, литовцам, да и самим московитам.

В свое время в Рейнсгейме кардинал Мороне[88] добивался от имени вашего святейшества разрешения отправить к московскому князю папского нунция, вместе с прибывшими туда московскими послами. Цезарь Максимилиан дал на это свое согласие. Посольство уже снаряжалось, но некий германец, прекрасный богослов, знакомый с русским языком и уже получивший от вашего святейшества письмо, на основании которого он должен был исполнять обязанность нунция при московите, умер через некоторое время после этого[89].

Ваше святейшество пыталось учредить также и другое посольство: из Рима был послан нынешний епископ форлийский Алессандро Канобио[90], но не смог проехать через Литву. Он вернулся в Вильну, и, так как дело было испорчено, ему необходимо было вернуться в Рим, потому что встретились какие-то препятствия для его дальнейшего продвижения.

Несколько лет тому назад Виченцо дель Портико[91], впоследствии архиепископ рагузский, был назначен блаженной памяти Пием IV посетить московита в то время, когда должен был исполнять должность апостольского легата при польском короле Сигизмунде. Однако позже его святейшество, услыхав о жестокости князя московского, отказалось от этого намерения. Наконец ваше святейшество, стремясь оказать помощь северным народам, поручило мне через своего легата, епископа бриттонорского, находившегося у польского короля Стефана[92], разуз-

нать, нельзя ли через шведского короля Юхана III, у которого я находился по поручению вашего святейшества, переслать письмо в Московию. Я доложил королю об этом деле, и он ответил, что на следующий год это можно будет сделать. Таким образом, хотя не было еще подходящего случая, однако семена этих попыток и терпения, которое обычно доводит до конца любое дело, заметил сам господь бог и дал им развитие.

Всего несколько месяцев спустя неожиданно приехал из Московии Шевригин, гонец от великого князя московского, посланный за кем-нибудь, кто от имени вашего святейшества заключил бы мир между московским князем и польским королем. Этот случай показался удобным, и было назначено посольство. Но не было двух важных условий: основательного знакомства с тамошними делами и человека, которого можно было бы послать. Что касается меня, которому было приказано отправиться туда, несомненно, господь проявил бесконечную свою милость и желания, которые он вложил в душу вашего святейшества, имели определённый результат. Действительно, если существует достаточно продуманный план, касающийся этих дел и путей их осуществления, господь позаботится о предлогах и когда-нибудь доставит поводы. Таким образом светоч веры будет передан лучшим, и тот, кто искренне жаждет славы христовой, внесет католическую религию в обе России, и ту, что у польского короля, и ту, что у московского князя.

КОГО СЛЕДУЕТ ОТПРАВЛЯТЬ ВМЕСТЕ С ПОСЛАМИ

Посылать следует немногих, иначе потребуется много ненужных расходов и посольство будет привлекать к себе внимание, а это может дать наиболее подозрительным людям случай помешать его осуществлению. Поэтому будет очень полезно для дела, если послы не будут подолгу оставаться при дворах государей, но, если не возникнет в том необходимость, проедут мимо. Напротив, если их окажется много, из этого последует больше блеска и шума, чем пользы для дела. Вот что можно наблюдать почти ежедневно: посольства выдают себя, по-видимому, внешним видом, а для недоброжелательных людей открывается дорога разрушать всё самое хорошее и заранее враждебно настраивать государей, к которым направляется посольство, разными вымыслами и хитростью.

Альберто Кампензе[93] в книге, написанной для Климента VII, о такого рода посольстве говорит, что для начала достаточно будет 5 человек, но если прибавить кучеров и переводчиков, их окажется больше. Поэтому я не стал бы возражать, если бы из Рима выехали впятером с еще меньшим числом слуг. Однако, когда посольство достигнет Польши или Вильны, необходимо будет присоединить к нему также и несколько человек оттуда. Без сомнения, там можно будет найти людей, более приспособленных к перенесению непогоды, более выносливых к трудностям пути, лучше знающих дороги, им не нужно

будет много платить, и со свежими силами они принесут больше пользы в трудный момент.

Пусть лучше будет два переводчика, а не один, чтобы в случае болезни или смерти одного из них (как это случилось с одним из моих) [94], не полагаться на переводчиков московского князя, так как это влечет за собой много неудобств. Даже если они оба будут здоровы, они принесут немало пользы, наблюдая за событиями, выведывая чужие мысли, излагая русские письменные документы, проверяя и соблюдая взаимную правдивость и верность [перевода]. Если же возникнет война между польским королем и московитом, им придется вести некоторые дела от имени государей. Нужно самым тщательным образом проверить, какую веру исповедуют русские переводчики и насколько они добросовестны в светских делах. Когда я говорю о добросовестности, я хочу, чтобы под этим понимали, насколько может доверять им посол. Что касается религии, нужно, чтобы московит не опирался на них больше положенного. Если они не будут подданными польского короля, с ними труднее будет иметь дело; если же они будут опутаны русской схизмой, может возникнуть сомнение, не откроют ли они того, о чем нужно молчать, и не истолкуют ли превратно из верности к своему государю то, о чем следует докладывать. Я говорю обо всем этом, основываясь на собственном опыте.

Случается (а это принято в Литве и России), что путешествующие туда и обратно занимаются обменом товаров. Поэтому следует очень опасаться, как бы при этом переводчики из-за жажды наживы не стали заниматься больше торговлей с иноземцами, чем принимать участие в ведении переговоров. Какой от этого может произойти ущерб, особенно когда речь идет о делах религии, поймет всякий, достаточно дальновидный человек.

Если переводчик будет славянином или богемцем, он, конечно, вначале не сразу овладеет всем русским языком, но, если пробудет здесь более продолжительное время, он очень приблизится к его пониманию. Это пришло на практике к одному из наших спутников — славянину и двум другим, знавшим богемский язык. Они, конечно, будут более приятны московитам, нежели подданные польского короля, к которым они относятся с естественной подозрительностью. Что касается московских переводчиков, то едва ли на них можно положиться (если только кто-нибудь из них не окажется католиком), и менее всего, если им поручить перевести на их язык что-нибудь, касающееся религии. Даже если они и могли бы это сделать, они не осмелятся из-за страха перед своим государем. Если же не будет хватать и русских переводчиков, нужно предпочесть (а это очень важно) людей из той части России, которая принадлежит польскому королю.

Найти надежных переводчиков-католиков помогут коллегии нашего Общества, находящиеся в Вильне, Полоцке и Дерпте, где многие получают образование, изучая науки и показывая при этом пример благочестия.

Но какой бы национальности ни были переводчики и другие члены посольства, нужно отдать предпочтение людям пожилого возраста. Это придаст больший вес послу, в их лице он будет иметь людей,

менее склонных к обману, и пресечет также повод к брани и дурным поступкам. А именно этого нужно особенно опасаться, снаряжая любое посольство, но особенно посольство такого рода. Конечно, кроме переводчиков пусть посол возьмет с собой и священника — либо богемца, либо русского, либо поляка. Если он будет знать русский язык, его можно будет использовать и как переводчика. Если же невозможно найти его среди людей этих национальностей, пусть его добродетелью будет умение подавать пример делом, а не на словах. Он должен узнать, что входит в его обязанности и прилагать старания, чтобы все возможно чаще принимали святое причастие. Что же касается защиты католической веры против русских, он должен изучить это в пути и обучить остальных, наиболее способных.

Обо всём этом можно будет узнать как из моей первой книги о Московии, так и из того сочинения о расхождении между католической верой и русской схизмой, которое я передал московскому князю по его просьбе [95].

Пусть также посол вместе со священником везет с собой другие книги об этом, которые они смогут читать в дороге и которые смогут оставить в Московии или на ее границах, когда будут возвращаться.

КАКИЕ НУЖНО ИМЕТЬ КНИГИ [96]

Труд св. Фомы против заблуждений греков.

Книга Льва IX. Существуют также несколько писем его же обо всем этом, изданных впоследствии в Кёльне.

Письмо против греков св. Ансельма о нисхождении св. духа. Оно находится среди трудов того же автора.

Ответ папы Николая I на возражения греков.

Умберто Ценоманский, аббат Белого леса, который впоследствии был кардиналом и легатом Льва IX в Константинополе. Его ответы Никите Пекторату об опресноках и других вещах.

[Сочинение] о Флорентинском соборе Иоанна Туррекремата.

Геннадий Схоларий, константинопольский патриарх: о нисхождении святого духа, о причастии на опресноках или на квасном хлебе, о чистилище, о блаженстве святых, о главенстве папы.

Краковский каноник Сакран конца прошлого века, со знанием дела тщательно описавший заблуждения русских.

Но и в нынешний век не было недостатка в тех, кто приложил руку описывая это:

Сандерс: о единоначалии в католической церкви.

Франциск Туррианский: сочинение против Андрея Фреюбия в 6-й и 7-й главах 2-й книги. Его же книга, где он защищает письма папы от магдебургских центуриаториев, и другая книга, которая содержит схолии св. Климента об апостольских установлениях, очень помогут тому, кто посвятит свой досуг и внимание тщательному изучению этого дела.

Петр Скарга, член нашего Общества, как и Франциск Турриакс-

кий, написал книгу на польском языке о схизме. Если какие-нибудь примеры из этой книги будут использованы в Московии, это принесет свою пользу.

Конечно, рассуждения Стаплетона о католической церкви и Соколовского о восточной церкви, но в особенности книги контроверсий Роберта Беллармина из нашего Общества, а именно то, что относится к опровержению учения схизматиков. Если они будут хорошо усвоены, это очень пригодится.

Книги же венского епископа Иоганна Фабра[97], Альберто Кампензе[98] и Гваньини[99], рассматривающие вопросы религии русских, не таковы, чтобы из них можно было почерпнуть советы для споров с московитами и для их обращения, потому что они поняли дело не так, как оі было в действительности, или отнеслись к работе не с таким старанием, чтобы, усмотрев яд, предложить противоядие. Я уже не говорю о том, что к книгам Герберштейна, изданным в Германии, еретики добавили много такого, что не только не осуждает схизму, но даже подрывает истинную веру. Всё это раскрыто и опровергнуто в других моих сочинениях.

Наряду с заботой о тех книгах, которые я перечислил, пусть священник старается использовать малейшую возможность совершать службу на походном алтаре и отпускать грехи.

Пусть также он везет с собой елей и металлические сосуды для совершения таинств, а также одежду и покрывала для богослужения, тонкие богатые шелковые ткани, которыми он мог бы украсить алтарь. Все это занимает немного места и, выставленное на обозрение, приводит людей в изумление и располагает к католическим обрядам.

Пусть при священнике будет и врач, который окажется тем полезнее, если будет знать славянский, русский или богемский язык. Вообще же он будет в высшей степени необходим послу и его свите, если кто-нибудь заболеет. Ведь разница в климате, принятое у них питье— мед с водой, климат, отличающийся от нашего, утомительный путь изнуряют людей, как бы здоровы они ни были. На протяжении всего пути никто не сможет оказать им помощи, если только не у великого князя московского. Но и он (как я говорил), если кто-нибудь находится даже при смерти, не позволяет никому из своих врачей навестить больного. Если же один раз и позволит, едва ли когда-нибудь даст разрешение на вторичное посещение. Поэтому лекарства, которыми врач будет пользоваться по своему усмотрению, пусть везет с собой. Их можно будет купить в пути в Вильне. А если врач будет опытен и благочестив, он окажет немалую помощь святому делу. Будто бы занятый другим делом, он сможет кстати рассказать еретикам и схизматикам о вечном спасении.

Лучше не брать с собой купцов, которые иногда напрашиваются в попутчики, как по той причине, которую я привел выше, так и с той целью, чтобы московиты поняли, что нужны они, а не их имущество. Таким образом, господь легче исполнит добрую волю посла и уничтожит поводы к раздорам и убийствам, которые часто их сопровождают. Я не говорю уже о том, что подобные люди едва ли могут быть католиками или людьми, надёжными в светских делах.

Если говорить о надежном сопровождении, этого не трудно добиться от короля на границе польского королевства и в Московии, а также если воспользоваться помощью тех людей из нашего Общества, которые, как я говорил, черпают свет истины в коллегиях, а некоторых надежных людей можно будет нанять за деньги.

Если путь будет лежать через Ливонию, нужно останавливаться в Дерпте и Новгородке [100] (это последняя крепость Ливонии) до тех пор, пока приставы не привезут из Новгорода или Пскова охранных грамот и пока путь не будет достаточно безопасен от казаков. Если же принять решение ехать другим путем, то нужно задержаться в Орше, откуда большая часть послов обычно направляется в Смоленск, и ждать, пока смоленскому воеводе не станет известно, что послы прибыли к московским границам, иначе среди дремучих лесов можно оказаться добычей казаков, что произошло с нами, создав величайшую опасность [101].

КАКИЕ ПИСЬМА И ПОДАРКИ НУЖНО ПОСЫЛАТЬ ВЕЛИКОМУ ПЕРВОСВЯЩЕННИКУ ДЛЯ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ

Полезно сохранить то же обращение, что было в последнем письме вашего святейшества к московскому князю. Оно было запечатано золотой печатью, как это сделали и венецианцы, хотя я не знаю, всегда ли это необходимо. Из тех [писем], которые он писал вашему святейшеству и другим государям, можно извлечь повод для составления новых писем и снаряжения посольства, если когда-нибудь представится случай.

Недостаточно называть в письмах посла «возлюбленным сыном», необходимо приписать, какого ранга этот посол («большой», как они говорят, то есть чрезвычайный). Ведь название «нунций» или «интернунций» едва ли придает в их глазах какой-нибудь вес послу.

Подарки, посылаемые этому государю, должны быть достойны такого правителя. Посылаются они или от имени апостольского престола, или того, кто направляет посла. Некоторые дары также могут преподноситься от имени самого посла. Уже с древнейших времён московский князь и другие восточные правители считают, что им наносят обиду, если не присылают подарков. Но, как мы говорили, тому, кто уезжает от них, они часто преподносят подарки еще большей ценности.

По поручению вашего святейшества мы передали московскому князю очень дорогой хрустальный крест-распятие вместе с частью древа святого креста, на нём со всем искусством изображается страдание Христа; кубок из того же материала, с исключительным мастерством отделанный золотом, также чётки, или, как мы их называем, «короны», из драгоценных камней и золота, затем труды Флорентинского собора, изданные на греческом языке в виде очень красивой книги, и другие предметы благочестия немалой цены. Всё это понравилось государю.

Следовательно, будут одобрены и охотно приняты: вещи такого же рода, некоторые большие сосуды из серебра с отделкой золотом, в ко-

торые в Германии вкладывается больше труда, чем материала, также шелковые ткани, затканные золотом со своеобразным большим искусством, святые иконы, украшенные драгоценными камнями и жемчугом (на которых не должно быть изображения обнаженного тела), с надписью, сделанной греческими буквами, чтобы было ясно, что изображает эта икона, и написанные по греческому образцу.

КАКОЙ ОДЕЖДОЙ И ВЕЩАМИ ДОЛЖНЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОСОЛ И ЕГО СВИТА. КАК ДОЛЖНЫ ВЕСТИ СЕБЯ ПРИ НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Если посол — духовное лицо, то чем меньше в его одежде будет роскоши и украшений, тем бо́льшим почетом будет он пользоваться. Так как епископы у московитов выбираются из числа монахов (а они постоянно воздерживаются от мяса, хранят целомудрие и, сохраняя облик бедности, одеваются в почти монашескую одежду до пят), они чрезвычайно укрепились бы в своей схизме, если бы заметили, что кто-нибудь из нас одевается больше для внешнего блеска, чем из соображений религиозности.

Мы носили четырехугольную шляпу большего размера, чем их остроконечные или маленькие круглые шляпы или другие в этом же роде. Они, помимо того, что защищают от дождя, холода или солнца, придают какой-то светский вид, и, по-видимому сами по себе показывают, что они не являются признаком духовного лица.

Московиты очень бранят короткую итальянскую, французскую, испанскую и германскую одежду, потому что она оставляет открытыми те части [тела], которые следует скрывать более всего. Сами же они, следуя обычаю всего Востока, одеваются для степенности в два или три платья почти до пят. Рукава они носят довольно длинные, так что рук даже и не видно, когда они что-нибудь делают. Поэтому те, которые отправляются туда, пусть оденутся в одежду подлиннее, в такую, какую носят поляки и греки. Это удобно и в смысле расходов, и в дороге, и для тела. Я бы сказал, она заменяет дорожный плащ. Начиная с Польши, посол нигде на постоялых дворах не найдет ни покрывал, ни подстилок, если не привезет с собой, так что ему крайне необходима такая постель, которую можно расстилать, а закрываться со всех сторон можно будет мехом или тканью, на которой он будет спать, чтобы меньше страдать от сажи, которая даже и в лучших спальнях в Московии и Литве попадает в глаза спящему, или защищаться от острого жала комаров, которые в противоположность другим насекомым летают в темноте и прокусывают легкую ткань. Пусть у него будет и палатка, которую можно было бы разбить среди поля, когда нет никакого убежища. А если привезти куски простой черной ткани, которыми можно разделить спальню на несколько частей, это очень поможет послу сохранить благопристойность. Я даже не могу выразить это словами, потому что в одном и том же теплом помещении, где живет вся семья, зимой по-

мещаются все, особенно в Польше и Литве, там же по большей части находится и скот.

Если кто-нибудь повезет с собой для своей свиты сукно и шелк, что в Литве, по тамошнему обычаю, идет на платье, он провезёт их легко, да и портятся они меньше.

Если они будут носить кресты на шее (а в Московии все носят их под рубашкой), нужно остерегаться, чтобы они не свисали с груди на живот. Московиты считают самым большим позором, если святой крест свисает ниже пояса. Мало того, если они увидят, что четки со вделанными в них крестами свисают с пояса, то, по их мнению, это величайшее оскорбление святыни, так как они прикреплены на позорном месте.

Они считают недопустимым класть святые иконы вместе с другими мирскими вещами или одеждой, чистить и вытирать их, поплевав на них, топтаться на одном месте, ходить с открытой грудью, шагать нескладной и необычной походкой (особенно, если идут к государю).

ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ПИСЕМ (ЕСЛИ В НИХ БУДЕТ НУЖДА) ОТ ДРУГИХ ГОСУДАРЕЙ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ

Если другим государям потребуется писать письма к московиту, нужно остерегаться, чтобы те, которые их переписывают, не оказались бы схизматиками или еретиками (какими в большинстве случаев являются в наше время те, кто этим занимается) или чтобы они не написали их, как говорят, сухо или недостойным образом. Они или очень холодно говорят о великом первосвященнике, или умалчивают о том, что принесло бы много пользы христианской республике и [делу] внесения в Московию имени Христова в его истинном почитании. Кое-что из этого мы претерпели от людей такого рода (даже и при самом заключении мира), но здесь было бы долго об этом рассказывать.

Поэтому нужно излагать на латинском языке содержание нужных писем государю, чтобы впоследствии какой-нибудь верный католик точно передал его и чтобы секретарь по приказу государя записал это почти в тех же выражениях.

Поэтому желательно, чтобы текст писем государи писали на латинском языке, а впоследствии какой-нибудь верный католик перевел бы его и почти дословно по приказу государя продиктовал секретарю.

ЧТО СЛЕДУЕТ ДАВАТЬ ПРИСТАВАМ ПРИ ОТЪЕЗДЕ ОТ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ

Некоторые приставы (хотя и не все) обычно довольно жадны, и поэтому едва пройдет два дня после встречи с послом, как они через переводчика начинают выпытывать у посла, что они могут рассказать сво-

ему государю о тех подарках, которые они получили. Поэтому не будет никакого вреда в том, чтобы дать им надежду, если они будут вести себя надлежащим образом; если же они будут более докучными, ответить при случае, что не подобает давать что-либо другим раньше даров, предназначенных государю, или, наконец, сказать, чтобы они доложили [государю], что ничего не получили. Впрочем, этому народу можно оказывать благодеяния, но он до такой степени впитал в себя другие качества, что больше ценит того, кто внушает ему страх, чем того, кто прямо соглашается на их требования. При отъезде можно раздать 25 или 30 золотых приставам и столько же слугам, оказывавшим услуги или приносившим подарки от государя, если только [посол] не захочет дать им что-нибудь более ценное.

При отъезде на границе Московии будет полезно распорядиться дать или даже самому раздать (чтобы не было наговоров) золотые перстни и кресты, сделанные по русскому образцу, или какое-то количество денег, чтобы они разделили между собой.

ПО КАКОМУ ПЛАНУ НУЖНО БУДЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ ПОСЛУ ВО ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ, ПРЕБЫВАНИЯ И ОТЪЕЗДА ПОСОЛЬСТВА, ЧТОБЫ ПОЖАТЬ БОГАТЫЕ ПЛОДЫ

Последнее наставление. Посол может быть уверен, что пожнет обильные плоды посольства, если на протяжении всего пути будет проявлять следующие самые необходимые качества: скромность, обходительность, умеренность, благочестивый и достойный христианина образ жизни. Пусть он во всем действует любыми способами, лишь бы не отступать от католического богопочитания.

Пусть он постится, когда они постятся, не ест мяса в субботу (что принято у греков и русских), вместе с ними воздерживается от мясного в среду, одобряя и признавая то, что кто-нибудь сочтет благочестивым. Пусть он почитает те их иконы, которые посвящены памяти святых, признанных католической церковью. Так мне было объявлено вашим святейшеством через кардинала ди Комо[102]. Пусть он уклоняется от их бань и других дел подобного рода, а при ведении дел пусть преследует самую чистую цель — славу господню и истинную жажду вырвать их из схизмы. Пусть он часто обращается с молитвой к богу, пусть признает тех заступников у Христа, которые у самих московитов в почете, если известно, что они причислены к лику святых. Пусть издаются книги на славянском, а еще лучше, на русском языке (они должны излагать основные положения и достоинства католической веры и способ избежать грехов). Пусть будет крепка его вера в то, что ни один человек, впавший в грех, не становится более жестоким оттого, что при этом попирает в себе кровь Христа. Все это составит самое лучшее представление о нашей религии, святом апостольском престоле и любом католическом государе, именно

это должно предпочитаться перед многими другими результатами [посольства].

Что касается самого путешествия (во время которого можно распространять на местах остановок священные книги и повсюду другие предметы благочестия), то оно не будет столь трудным, как обычно кажется на первый взгляд: ведь не нужно преодолевать морей и рек, которых в других странах значительно больше, не нужно переходить высоких гор, от Рима до самого московского царства посол может проехать в одной и той же повозке, хотя здесь и существует многое, сильно отличающееся от нравов и климата других стран, и что может испугать в некотором отношении человека, привыкшего к своим удобствам, в особенности если он будет иметь в виду нечто другое, а не спасение душ и общественное благо.

ПОЛЕДНЕЕ НАПИСАНИЕ [ТИТУЛА] В ПИСЬМАХ СВЯТЕЙШЕГО ГОСПОДИНА НАШЕГО ВЕЛИКОГО ПЕРВОСВЯЩЕННИКА К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ

Иоанну Васильевичу, государю Руси, великому князю московскому, новгородскому, смоленскому, владимирскому, государю казанскому и астраханскому и многих других земель великому князю и возлюбленнейшему [сыну][103].

БЕСЕДЫ О РЕЛИГИИ

ПЕРВАЯ ПУБЛИЧНАЯ БЕСЕДА О КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МОСКОВСКИМ ИВАНОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ, ПРОИЗОШЕДШАЯ 21 ФЕВРАЛЯ 1582 ГОДА В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ В ПРИСУТСТВИИ ЕГО БОЯР И 100 ЗНАТНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ

После того как бояре великого князя дали ответ Антонио о разных делах, которые тот за три дня до этого изложил великому князю, они прибавили следующее: «Государь не имеет обычая частным порядком беседовать о таких важных вещах, каким является дело религии, о котором спрашивал у государя сам Антоний по поручению великого папы как в прошлое лето в Старице, так и по прибытии в Москву». Они прибавили также, что государь опасается, как бы между ним и Антонием из этого разговора не возникли разногласия по религиозным делам, из-за чего может уменьшиться представление об услуге, оказанной [Антонием] при заключении мира с королем Стефаном, и самому Антонию это может доставить неприятность[1].

Антонио ответил, что надеется не подать никакого повода к разногласиям со столь великим государем, а всё, что он изложил рань-

ше, направлено к тому, чтобы завязать более тесные связи между их государем и другими христианскими государями. А сам он и не помышлял о том, чтобы устранить с этой беседы бояр, если государь считает это важным [2].

После того как бояре доложили государю об этом, Антонио был приглашен туда, где восседал государь со своими боярами и сотней других самых знатных лиц и придворных [3].

Государь начал с того, что повторил то же самое, что незадолго до этого докладывали Антонио бояре. Затем он сказал [4]: «Ты видишь, что я уже вступил в пятидесятилетний возраст и жить мне осталось немного. Воспитан я в той вере, которая одна является истинной, и не до́лжно мне ее менять. Близок день суда, когда господь решит, наша или латинская вера основывается на истине». «Но, — сказал он, — я не осуждаю того, что ты, посланец великого папы Григория XIII, исполняя свои обязанности, заботишься о римской вере. Поэтому ты можешь говорить об этом, что тебе будет угодно» [5].

Тогда Антонио сказал: «Светлейший государь, из всех исключительных милостей, которыми ты осыпал меня, самая важная та, что ты позволил мне сегодня беседовать с тобой о деле исключительной важности. Знай же, что великий первосвященник ни в коей мере не поборник того, чтобы ты менял древнейшую греческую веру, которой следовали отцы церкви и законные соборы. Напротив, он призывает, чтобы ты, узнав, что́ она из себя представляет, оберегал ее и удерживал из нее то, что в твоих владениях сохраняется в нетронутом виде. И если ты сделаешь это, то уже не будет Западной и Восточной церкви, но все мы соединимся под именем Христа. Мы не будем отвергать ни твоих храмов, ни богослужений, ни священников, а они будут исправлять церковную службу по правилам веры и с правильным соблюдением святых таинств. Впрочем, не удивляйся, что его святейшество предлагает тебе это теперь. Ведь [эту мысль] внушил ему Христос, который поручил ему заботу о христианской церкви, а письма твои к королю Стефану о единстве веры заставили его святейшество в первую очередь позаботиться о союзе между христианскими государями, заключенном через посредство его святейшества. Это единство с Востоком признал на Флорентинском соборе и константинопольский император, при котором (как ты сам писал) находился митрополит московский Исидор. Ты прибавил также, что католики и люди римской веры свободно пребывают и живут в Московии в своей вере. И так как ты писал об этом безо всякого принуждения со стороны, великий первосвященник не может не думать, что это чистое намерение, какое только и приличествует столь великому государю, даст свой результат. И он побудил тебя представить доказательство верности, а ведь в его власти души королей и без его соизволения не шелохнется даже лист на дереве. И так как против неверных и поганых не может появиться более крепкой защиты, и христианские государи не могут связать себя более крепкими узами, чем узами той веры, которая одна и является единой, поэтому именно здесь и нужно заложить основы союза. А без этого невозможно было бы обсуждение прочих человеческих дел, какими бы важными они ни были, а если бы оно и было

проведено, то разрушилось бы от малейшего толчка. Поэтому выбирай одно из двух: или что христианская вера, принятая у всех христианских правителей и на всем Востоке, который присоединился к ней на Флорентинском соборе, была истинной, или что твоя вера, если она такая же, настолько отделилась от той веры, что неизбежно в той или иной части не свободна от заблуждений, и, конечно, нет более опасной ошибки, чем эта. И если тот, о котором ты сам писал, столь могущественный император Иоанн Эммануил и, скажу об этом вторично, другие восточные государи вместе с твоим митрополитом не случайно признали ее, то почему же они признали, что только у римской церкви истинная вера и именно эту веру в ее чистом виде с древнейших времен соблюдала вся Греция и Азия? Тебе ничего другого не остается как идти по этой же дороге. Если ты сомневаешься, что тебе излагается не то, о чем шла речь на Флорентинском соборе, пригласи греческих переводчиков и потребуй из самой Византии книги греческих отцов церкви, если ты не веришь нашим греческим книгам, написанным чуть ли не самими авторами собственной рукой, тогда на основании их я изложу тебе то же самое. И если бы ты захотел, чтобы тебе были предоставлены некоторые наиболее важные места из отцов церкви из той же книги о Флорентинском соборе, которую я передал тебе на греческом языке от великого первосвященника, я сделаю это очень охотно. По воле божьей, это будет иметь для тебя ту хорошую сторону, что ты сможешь серьезно надеяться, что тебя, спустя немного времени, будут называть более точным и почетным титулом, чем это делалось раньше, а именно восточным императором, если ты приблизишься к правильной вере. И в этом деле примут участие и христианские государи, которые усердно стали бы с разных сторон поддерживать твое могущество».

На это государь ответил, что он не писал папе о вере и сейчас не думает говорить о ней как для того, чтобы у него невольно не вырвалось чего-нибудь такого, что впоследствии принесет неприятности Антонию, так и потому, что на его обязанности лежит управлять делами преходящими, а не духовными. И на это благословил его митрополит. Впрочем, он верит не в греков, а во Христа. Что касается власти над Востоком, то это божья земля и ее по своему соизволению господь даст, кому захочет. О Флорентинском соборе и московском митрополите Исидоре он вообще ничего не сказал. Также умолчал он и о тех связях на основании религии, которые одни только и могут связывать христианских государей против врагов Христова имени. Но затем он пообещал, что дарует то, о чем в этот же самый день он говорил Антонио через своих бояр, а именно, что вместе с купцами, которые приедут с послами в Московию, могут беспрепятственно приезжать и католические священники, оставаться здесь и совершать католическое богослужение. Однако он сказал, что не дозволит, чтобы они устраивали публичные собрания и службы, на которые приходили бы и русские. Затем сказал, что даст Антонию перед его отъездом охранную грамоту для них, скрепленную его большой печатью, а ведь раньше в Старице этого от него нельзя было добиться.

Тогда Антонио обратился с просьбой к государю, чтобы тот со-

изволил ясно сказать, что он думает вообще о своей религии. Ведь столь великий государь не может причинить ему никакой неприятности. То, что он верит не в греков, а во Христа, это очень хорошо, и поэтому Антонио представил некоторые свидетельства из греческих отцов церкви, чтобы они со всей вескостью засвидетельствовали и заставили его понять, что самая истинная и правильная вера, на основании которой мы верим в Христа и которой мы придерживаемся, всегда проповедовалась именно римскими великими первосвященниками.

На это государь сказал: «Мы уже с самого основания христианской церкви приняли христианскую веру, когда брат апостола Петра Андрей пришел в наши земли, [затем] отправился в Рим, а впоследствии, когда Владимир обратился к вере, религия была распространена еще шире. Поэтому мы в Московии получили христианскую веру в то же самое время, что и вы в Италии. И храним мы ее в чистоте, в то время как в римской вере 70 вер, и в этом ты мне свидетель, Антоний — об этом ты говорил мне в Старице».

Антонио понимал, что государь говорит это потому, что сам Антонио не один раз при всяком удобном случае объяснял боярам и другим [лицам], что христианская вера появилась в Италии почти за 1200 лет до того, как в Московии прозвучало имя Христово. Поэтому он рассказал о св. Андрее в коротких словах, чтобы каким-нибудь более веским доказательством не показать, что государь говорит неправду, затем прибавил: «Непоколебимо всегда стоит в Риме та вера, которую апостолы Петр и Павел возвестили с самого начала, и почти в течении 300 лет проливали за нее кровь первосвященники, преемники Петра. Затем, хотя и наступили более спокойные времена, другие первосвященники, несмотря на волнения, вели корабль веры, не давая коснуться его никаким повреждениям. А в римской вере нет 70 вер, о которых ты говоришь, но есть одна, которая предает анафеме и эти 70, и те многочисленные ереси, которые пошли от Лютера (а вот ты разрешаешь сохраняться их остаткам в Ливонии, и об этом я писал тебе в Старице), и она бестрепетно преследует их единым наступлением. То же самое она всегда делала с ересями и на Востоке, и в Африке».

Государь сказал на это: «Ты, Антоний говоришь, что папы проливали кровь во имя Христа, это хорошо. Ведь сказал спаситель: «Не убойтеся от убивающих тело, душу же не могущих убити».

«Вот поэтому, — ответил Антонио, — мы во имя господа и прибыли без страха в Московию; а в Индию и остальные страны мира великий первосвященник посылает других людей, которые выносили всё во имя Христа, чтобы воссияла его правда и чтобы на самом обширном пространстве поднялся знак креста».

Но государь, уклонившись от этой темы, сказал: «В писании сказано: «Шедше научите все языцы, проповедите Евангелие всей твари, крестите их во имя, отца, сына и святого духа». Это делали все апостолы и никто не был выше другого. От них пошли епископы, архиепископы, митрополиты и многие другие. От них же и наши [церковные власти] в наших владениях».

«Так как то, что ты произнес из Евангелия, — сказал Антонио, — слово божье, то мы верим ему без сомнений. Но надо верить и самому Христу, который послал в мир остальных апостолов, даровав им одинаковое влияние и как бы препоручив свою власть (ведь этого требовала необходимость провозглашать повсюду веру), но только одному Петру он вручил ключи от царства божьего, дал возможность утверждать братства, и, как пастырю заботу о пастве, в отношении же других апостолов он этого никогда не давал. А если те епископы, которые наследуют другим апостолам, имеют свою власть, то тем большей властью обладает престол святого Петра (ведь в Писании ничего не говорится о других апостолах и престолах, поэтому утверждение престолов и их почитание во многих землях оканчивалось или изменениями, или гибелью). И не сломить его даже более сильными средствами, и он будет существовать до скончания веков, о чем непреложно свидетельствует господь, который и есть сама истина и который свободен ото лжи».

Тогда государь сказал: «Мы знаем и Петра, и многих других первосвященников: Климента, Сильвестра, Агафона, Вигилия, Льва, Григория и прочих. Но каким же образом следуют Петру его преемники и восседают на престоле святого Петра, если они живут нечестно?»

«По своей мудрости, — ответил Антонио, — ты легко понял бы, что остальные великие первосвященники вплоть до настоящего времени управляют церковью с тем же самым авторитетом, если бы ты позволил объяснить тебе то, что является истинной правдой: они неизменно следуют канонам, доктрине и в первую очередь самому слову божью, почерпнутым из сочинений тех же самых первосвященников, которых ты признаешь. А что касается честности или нечестности их жизни, я не буду говорить об этом много как потому, что право совершать таинства и управление церковью, возложенные на первосвященников, зависят не от смертного человека, а от незыблемого установления Христа, так и потому, что не все то правда, что по своему обыкновению с чрезмерной наглостью наговаривают люди, оторвавшиеся от тела Христова (а они или не видели того, что утверждают, или отрицают, что видели); и это для того, чтобы остальные не осмелились рассказать правду об их собственной жизни. И я умоляю тебя, светлейший государь, по своему расположению ко мне ответить, являешься ли ты законным наследником и преемником той власти, которую ты через 500 лет унаследовал от Владимира?» И когда государь ответил утвердительно, Антонио прибавил: «А если бы кто-нибудь захотел протестовать против твоей власти или власти твоих предков и если бы кто-нибудь по свойственному людям непостоянству присоединился к этому мнению, разве не нашлось бы никого, кто не задумался бы над тем, чтобы обличить его по заслугам или, я бы сказал, даже и покарать?»

Этот разговор затронул государя гораздо больше, чем он это показывал вначале (дело в том, что в это же самое время некие англичане, целиком погрязшие в ереси, и голландский врач, анабаптист, наговорили государю много плохого о великом первосвященнике). Поэтому, почти вскочив с места, он воскликнул: «Знай же, что папа не

пастырь!»[6] Антонио не мог спокойно вынести этого, в особенности потому, что при таком большом собрании придворных людей это восклицание преграждало путь к вере молодому переводчику (хотя он и был верным человеком, но из-за страха перед государем колебался), и тогда у него хватило духу сказать следующее[7]: «Почему же тогда ты обратился к нему со своими делами и почему также и ты, и твои предшественники всегда называли его пастырем церкви?» Тогда государь воспылал гневом и совсем вскочил с места, и все подумали, что он вот этим своим посохом (которым он пользуется, как папа жезлом, а острие его обито железом) изобьет или убьет Антонио (ведь такое случалось с другими людьми и даже с собственным его сыном). Он воскликнул: «Это какие-то деревенские люди на рынке научили тебя разговаривать со мной как с равным и как с деревенщиной». Антонио принял эти слова со спокойным лицом и сказал: «Я знаю, светлейший государь, что я говорю с мудрым и добрым государем, по отношению к которому не только я обнаружил свою верность и покорность, что ты испытал при заключении мира, но даже и сам великий первосвященник дарит тебя своей исключительной отеческой любовью. И если мы что-нибудь говорим, я надеюсь, ты воспримешь это с наилучшей стороны, тем более что произнесенные мною слова — это слова Христа, и ты сам разрешил мне свободно говорить обо всем». Когда его гнев был успокоен таким образом (так что этому подивились бояре и остальные приближенные), он снова сел, но вместе с тем он высказал следующие свои четыре упрека (хотя и в более сдержанных выражениях), внушенные ему все теми же еретиками: 1) что папу носят в его кресле, 2) что он носит крест на ногах, 3) что он бреет бороду, 4) что он мнит себя богом[8]. Когда Антонио получил возможность отвечать (а он видел, что присутствовавшие при этом так настроены последними событиями и лживыми измышлениями, не говоря уже о страхе перед государем, что некоторые стали говорить, что Антонио тотчас нужно утопить в воде), он сказал так: «То, что великого первосвященника иногда носят в кресле, делается не из чванства, а для того, чтобы он мог в особенно торжественные праздники благословлять возможно больше народа и не от своего имени, а именем святейшей троицы. Но большей частью он вместе с другими с исключительной простотой входит [в храм] и часто по своей религиозности пешком посещает святые места. А что касается креста, который он носит на ногах, пусть будет тебе известно, государь, что с самого начала народы припадали к ногам апостолов, и то же самое очень часто делали и при преемниках святого Петра. А прикрепили они крест для того, чтобы эти проявления почитания относились не к ним самим, но чтобы припадающие к нему признавали и почитали его как символ креста самого Христа. И какой бы властью и могуществом ни обладали великие первосвященники, они показывают, что следуют этому ради заслуг и страданий Иисуса Христа».

Государь сказал на это: «Да ведь позор — носить крест на ногах, ведь мы считаем, что крест находится на позорном месте, если он каким-нибудь образом свисает с груди на живот»[9]. Дело в том, что он видел, как у некоторых спутников Антонио кресты свисали чуть

ли не ниже груди. На это Антонио сказал: «Так как Христос был распят на кресте всем своим телом, мы должны всем своим телом соприкасаться с крестом Христовым, и мы не совершаем никакого греха, если ради благочестия крест находится на какой-нибудь части тела. А божественная мудрость и чистая совесть искренно считают главным это благочестие, а не внешнее его проявление. Что же касается целования ног (кстати, сам великий первосвященник омывает ноги беднякам и прикладывается к ним), то, конечно, нет никого, кто, целуя его ноги, не думал бы, что оказывает этим почтение богу. Впрочем, было заложено необходимое начало будущего за 700 лет до того, как должна была основаться церковь христова, и об этом господь возвестил и через других своих пророков, и в особенности через Исайю. Вот что изрек господь (как говорит пророк): «Я подниму руку мою к народам и выставлю знамя мое племенам, и принесут сыновей твоих на руках, а дочерей твоих на плечах, и будут цари питателями твоими, царицы их — кормилицами твоими, лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих»[10]. Итак, государь, разве господь бог не должен исполнить обещание, чтобы не только целовали, но и, к еще большему посрамлению дьявола, лизали, по словам Писания, ноги тех, кого Христос на время поставил во главе своей церкви (ведь тот почет, который воздавали языческим государям, господь воздал своим слугам, которых он украсил словами «свет», «скала», «основание» и другими названиями, свойственными самому богу). Но ведь и перед твоими простыми епископами твой народ простирается на земле и той водой, что они в храмах омывают себе руки, хотя она и грязная, с благоговением окропляют глаза и лицо. И разве ты по своей мудрости не знаешь, что тот почет, который оказывают твоим послам, князьям или наместникам, распространяется и на тебя. А так как власть ты получил от бога, то разве отнимает у бога почет тот, кто воздает его, по милости божьей, тебе и твоим людям?»

Тогда государь ответил: И мы, как есть христианские государи, всякий раз, как к нам приходит наш митрополит, выходим ему навстречу со всеми нашими людьми и целуем ему руку. Но бога из него не делаем».

«Следовательно и ты, — сказал Антонио, — при духовной власти такого рода считаешь, что почет воздается тогда не твоему подданному, но богу. Насколько же больше достоин почета тот, кому господь бог вручил всю церковь для управления, по сравнению с любым митрополитом, даже если он и выбран правильно и утвержден надлежащим образом. А сам великий первосвященник в действительности не мнит себя богом, но, отбросив многочисленные титулы, которые он по справедливости мог бы принять, называет себя рабом рабов божьих. И это он доказывает самим делом всем народам, живущим на земле (что видел и твой Шевригин): постоянно посылая по всему миру своих слуг, чтобы те провозглашали имя господа и сына его Иисуса Христа, а этого никогда не делал и не мог делать ни один из восточных патриархов. Что же касается бороды, то, конечно, он не заставляет ее себе сбривать, и она у него довольно длинная. Но если бы он и приказал ее сбрить, то в этом не было бы ничего дурного, так как это

делали и святые, и прежние великие первосвященники, изображения которых до сих пор можно видеть на древних монетах, а они могли это делать в соответствии с различными требованиями времени на основаниях законных и благочестивых. Ведь, с одной стороны, св. Климент предписал в «Апостольских установлениях» светским людям не брить бороды, конечно, ради того, чтобы их головы не казались головами их жен, подобно тому как это делают турки по своей нечестивости и любострастию. С другой стороны, это можно делать священнослужителям, если они делают это вследствие благочестивых забот о таинствах тела и крови Христа и чтобы не выдаваться среди других людей». После этих слов Антонио попросил разрешения поцеловать руку государя, чтобы в душе его не осталось чувства досады. Тот милостиво протянул руку и сказал: «Я не только дам ее тебе, но даже и обниму тебя». И, поднявшись, к большому удивлению присутствующих, он дважды заключил в объятия Антонио и извинился, говоря, что не хотел говорить о религии, чтобы не вырвалось у него невольно какого-нибудь резкого слова, и затем милостиво отпустил его. От обеда же он прислал Антонио трех знатных людей с кушаньями и питьем, а через час — еще одного придворного с разными напитками. И так как его расположение проявилось дважды, очень многие удивились, потому что до сих пор у него не было обычая поступать с послами и нунциями великого первосвященника столь необычным образом, а ведь немного раньше они, конечно, думали о том, что произойдет с головой Антонио. На самом же деле на следующую ночь государь послал к Антонио, чтобы тот соизволил прислать ему то место из Исайи, которое он привел. На следующий день он это сделал, прибавив высказывания других отцов церкви. К ним же присоединил 5 глав из сочинения константинопольского патриарха Геннадия[11] о главенстве великого первосвященника. Еще в пути он позаботился, чтобы они были переведены на русский язык как для этой цели, так и для того, чтобы когда-нибудь всё сочинение Геннадия было издано в свет на русском языке.

ВТОРАЯ БЕСЕДА АНТОНИО ПОССЕВИНО С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МОСКОВСКИМ И ЕГО СЕНАТОРАМИ (SENATORES) 23 ФЕВРАЛЯ

Когда в этот день Антонио явился на приглашение государя, народа при встрече было очень много и царский дворец был еще больше заполнен людьми, чем раньше. Этим ему было выказано необыкновенное благоволение, но не все восприняли это как хорошее предзнаменование, некоторые боялись, как бы с Антонио не случилось чего-нибудь серьезного. И, что особенно важно, Антонио было объявлено, что государь хочет показать ему в присутствии всех какую-то книгу, но он этого в конце концов не сделал. Антонио же внушил своим товарищам и всем людям из своей свиты, чтобы они самим делом доказали истинное служение вере; поэтому он святыми таинствами очистил их от грехов и снабдил святыми реликвиями. Но, или потому, что божественная мудрость уже смягчила душу государя, или потому, что

она переложила на других, более достойных, слуг господних и на другое время славу мученичества в Московии во имя Христа, случилось так, что, как только государь увидел Антонио, он не только (по обыкновению) приказал ему сесть на скамью, покрытую ковром и помещенную недалеко от царского места, но и, пригласив к себе своих бояр, сказал довольно громким голосом следующее: «Антоний, если я вчера сказал тебе что-нибудь о папе, что тебе не понравилось, я прошу тебя, чтобы ты меня простил и предпочел бы не рассказывать об этом его святейшеству. Ведь мы хотим (хотя между нами и вами и существуют некоторые расхождения в вере) иметь дружбу, братство и единение с ним и прочими христианскими государями. Ради этого дела мы отправляем вместе с тобой посла к папе, да и в отношении прочего наши бояре от нашего имени ответят тебе на то, что ты совсем недавно нам предложил».

Антонио, поблагодарив государя и похвалив его милосердие, сказал, что будет заботиться и о прочих его делах не меньше, чем о деле заключения мира с королем Стефаном, а это уже было проверено на деле. С этим Антонио удалился вместе с боярами в тот же покой, что и обычно, так как был еще ранний час, и употребил это время, несколько часов, на то, чтобы выслушивать бояр и вести с ними переговоры об очень важных делах: о том, что относится к персидским делам, о выборе более удобного пути к этому царю, затем о татарах, о союзе с христианскими государями, о заключении мира со шведским королем Юханом III, о расследовании причин, почему когда-то послам шведского короля была нанесена обида от государя, и, самое главное, о католической и русской религии. Бояре же от имени государя попросили Антонио, не соблаговолит ли он в письменном виде изложить расхождения между той и другой религией, поскольку в Московии нет никого, кто мог бы перевести с греческого языка сочинение о Флорентинском соборе. Пообещав это сделать, Антонио достал все целиком сочинение Геннадия на латинском языке, которое он имел при себе, и передал через бояр государю, чтобы тот смог приказать переводчикам перевести из него наиболее важные главы с латинского языка на русский, а именно главы о разногласиях. Это же сочинение Геннадия на греческом языке он передал еще раньше.

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА О РЕЛИГИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО С АНТОНИО ПОССЕВИНО В ПРИСУТСТВИИ ЗНАТНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ И СЕНАТОРОВ. ТАКЖЕ О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, 4 МАРТА, В ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЕЛИКОГО ПОСТА, КОГДА ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ ЧИТАЕТСЯ О ТОМ, КАК ХРИСТОС УДАЛИЛСЯ В ПУСТЫНЮ И КАК ЕГО ИСКУШАЛ ДЬЯВОЛ

Всякий раз, как Антонио направлялся к государю, впереди тех знатных людей, которые по обыкновению в большом числе приезжа-

ли к нему в повозках или верхом, чтобы отвезти его к себе, стояли княжеские телохранители числом около 1500. Стояли они по обеим сторонам дорог как во второй крепости, где находилось жилище Антонио, так и в крепости самого государя, выстроившись в длинный ряд, касаясь один другого и поставив железные пищали на землю. Горожане и остальные люди заполняли лестницы, первую палату, окна, сени (в то время как знатные люди и приближенные государя заполняли первый и второй покой). А так как 4 марта государь решил испытать нас, он приказал созвать еще больше народа в первую крепость и на площадь этой крепости (считают, что там было по меньшей мере 5 тысяч человек); двери храма Успения пресвятой богородицы, семь куполов которого покрыты листами золота [12], и храма св. Иоанна [13] были распахнуты так, как никогда прежде, когда проезжал Антонио; священники, одетые в священную одежду (если ее можно назвать священной), образовали посередине храма как бы венок и, по своему обычаю, читали русские молитвы.

Всю эту неделю государь не выходил из своей спальни, соблюдая довольно строгий пост и более обычного предаваясь молитвам, — ведь русские начинают свой великий пост по греческому обычаю со среды (что мы делаем с пятницы), хотя от мяса (с разрешением яиц и молочного) они воздерживаются, начиная от семидесятницы и вплоть до нынешнего времени.

Итак, Антонио был приглашен при этих торжественных приготовлениях, и, когда он увидел государя, тот пригласил его сесть, а затем позвал его подойти ближе, и Антонио услышал следующие слова:

«Антоний, наши бояре доложили нам, что ты желаешь посетить наши церкви, и в этом мы хотим доказать тебе милость (эту фразу он часто произносил). Мы приказали нашим знатным людям отвести тебя в эти храмы. В них ты увидишь, с каким благоговением мы молимся святой Троице, почитаем и молим пресвятую богородицу и святых. Ты сможешь увидеть, с каким благоговением мы относимся к святым иконам, ты увидишь и лик пресвятой богородицы, написанный святым Лукой. Но ты не увидишь, что мы носим своего митрополита в кресле».

Антонио не ожидал услышать таких слов, так как незадолго до этого дня государь просил прощения за эти же самые слова, но, попросив переводчика говорить погромче, ответил так: «То, что делается по благочестивым обычаям для славы божьей, это мы одобряем и хвалим. Но что касается моего посещения твоих храмов, знай, что я ни у кого не просил разрешения присутствовать при богослужениях и молебствиях твоих священников. Ведь я знаю, как это у вас делается. И до тех пор, пока между нами не установится согласие в деле веры, и твой митрополит не будет утвержден тем, кто владеет святым престолом и которому господь сказал: «Утверждай братьев твоих», мы не можем присутствовать при этих богослужениях [14]. Что же касается того, что великого первосвященника носят в кресле, то я уже говорил тебе, что это делается для того, чтобы благославлять народ. И как бы ни было велико его достоинство, [это делается], чтобы можно было увидеть таким образом, что это достоинство, отно-

симое к апостольскому престолу, относится к господу Иисусу Христу. Гораздо важнее то, что твой народ оказывает почет твоим епископам (если их можно считать епископами), окропляя глаза и другие части тела той водой, которой они моют руки, и очень часто перед этими епископами люди склоняются до земли и касаются земли лбом».

Услыхав эти слова, государь сказал, что этим таинством воды обозначается воскрешение Иисуса Христа[15]. Антонио прибавил: «Чтобы мне не причинять тебе досады всем этим, пусть твоя светлость прочтет то, что я по твоему поручению написал о расхождении между католической и греческой верой. Из него ты поймешь, что, если бы ты захотел, можно было бы много сказать о такого рода делах». Государь взял это сочинение и приказал отвести Антонио в храм пресвятой богородицы, но, когда тот уже выходил из палаты, воскликнул: «Смотри, Антоний, не приведи в храм какого-нибудь лютеранина!» На это Антонио сказал: «Мы, государь, не допускаем к себе лютеран, если они не образумятся, и у нас с ними нет никаких связей».

Затем, спустившись с лестницы, знатные люди попытались поставить Антонио с правой стороны храма пресвятой богородицы вместе со своими людьми, где он собирался ждать выхода князя. Между прочим, его не уведомили о таком деле, и он и не помышлял о нём, так как уже достаточно ясно объявил государю, что не будет присутствовать ни на богослужении, ни на их молебствиях при народе. Но, увидев, как сложилось дело, Антонио понемногу (но открыто) со всеми своими людьми отошел оттуда. Тогда знатные люди стали все разом говорить ему, что он так хорошо вел себя по отношению к их государю при всех остальных обстоятельствах, но в настоящее время он наносит государю большую обиду. Но Антонио представил им такие доводы, что весь многочисленный народ пришел в изумление, а прочие, более знатные люди, были поражены и ожидали, что с Антонио произойдет что-нибудь очень страшное. И вот бояре, уже спустившиеся с государем на самую площадь, выполняя приказание, подошли к Антонио, который довольно далеко отошел от этого храма[16]. Узнав, в чем дело, они доложили об этому государю, впереди которого шли некоторые священники, неся икону пречистой девы. Тогда государь, остановившись со всеми своими приближенными посередине площади, почесал голову рукой, не зная, что делать, но в конце концов снова послал бояр сказать Антонио: он спустился [сюда] и хочет оказать ему свою милость, но раз Антонио не хочет ее принять, то ему остается подняться во дворец в обычную палату, куда немного позже придут бояре для переговоров о делах, о которых уже шла речь[17], и, как только государь приблизился к храму, навстречу ему вышел митрополит с некоторыми епископами и священниками. Произнеся слова приветствия, его отвели в храм и дали поцеловать крест. Впоследствии Антонио слышал от знатных людей, что в этом храме были сделаны постройки и была возведена кафедра для Антонио, чтобы он мог все видеть и чтобы затем бросить ему какой-нибудь упрек о вере. Избежав этого несчастья и целования рук митрополита, чего очень хотел государь, Антонио, как только поднялся в палату, сняв с груди крест вместе с мощами, здесь же со всеми своими людьми, а их было 15 че-

ловек, преклонив колена, прочитал довольно громким голосом «Тебя, бога, славим». Сопровождающие Антонио знатные люди стали спрашивать, что это значит, и, когда они узнали от него, что это возносилась благодарность богу за то, что он вместе со своими людьми с твердостью при стечении народа выступил в защиту истинной христианской веры, на них это настолько сильно подействовало, что они замолчали и даже побледнели. Ведь с самого нежного возраста московиты впитывают то мнение, что они единственные истинные христиане, остальных же (даже и католиков) они считают нечестивыми, еретиками или людьми, впавшими в заблуждение. Но это обстоятельство произвело и на государя с его характером очень большое впечатление. Ведь он думал присутствием посланца великого первосвященника и знаками внимания с его стороны укрепить свой народ в схизме, как будто бы великий первосвященник, зная истинное положение вещей, послал Антонио для того, чтобы свидетельствовать ему свое уважение. Таким же образом он напрасно старался испытать его в Смоленске через епископа, то есть владыку [18], а затем в Великом Новгороде через архиепископа. Он был изобличен в своей хитрости, и в сердцах московитов надолго, можно надеяться, останется воспоминание об этом публичном происшествии, так как они увидели на деле в присутствии своего государя, что то, что они считали верой, истинные христиане и католики даже не считают достойной того, чтобы какой-нибудь благочестивый человек присутствовал при этих обрядах.

После всего этого к Антонио пришли бояре, и он представил им соображения, почему государь, если хотел (как они говорили) проявить к Антонио свою милость, не должен был порицать великого первосвященника, поставленного Христом: ведь он не считает, что его посланцы ниже митрополита, который даже и не митрополит, потому что другой, который называется митрополитом, жив до сих пор и находится в монастыре [19], а еще один за то, что открыто порицал нравы государя, со всеми своими людьми был сожжен, и никто из них не был утвержден наместником Христа.

Сенаторы внимательно выслушали большую речь Антонио об истинности католической веры и пообещали обо всем этом доложить своему государю (что они и сделали в этот же день), затем они ответили на те вопросы о других делах, которые Антонио за несколько дней до этого предложил государю.

ПИСЬМА

Письма великого первосвященника Григория XIII, польского короля Стефана I, великого князя московского Ивана Васильевича и других лиц, написанные во время посольства Антонио Поссевино

ВЕЛИКИЙ ПЕРВОСВЯЩЕННИК ГРИГОРИЙ XIII[1] — ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ I

Дражайшему нашему сыну во Христе привет и апостольское благословение. Великий князь московский прислал к нам своего посла с письмами и поручениями, о чем мы и позаботились известить твое величество через нашего нунция. Посылаем к тебе своего посла и возлюбленного сына Антонио Поссевино, теолога, священника Общества Иисуса, испытаннейшего в мудрости и вере, проверенного нами во многих делах, более всех способного и пригодного заниматься любыми самыми трудными делами во славу божью и на общее благо, очень хорошо известного твоему величеству. Поэтому мы очень охотно пользуемся его услугами в этом деле. И мы желаем, чтобы ты с полным доверием относился к его словам и о деле перемирия, столь желанного для московского князя, и об охранной грамоте на безопасное возвращение, которую этот государь приказал своему послу предоставить [ему] (а в такой грамоте Поссевино будет нуждаться), и, наконец, обо всех делах, о которых он будет говорить с тобой от нашего имени.

Написано в Риме, у св. Петра, скреплено печатью Рыбака[2]. 15 марта 1581 года, на девятом году нашего понтификата.

ВЕЛИКИЙ ПЕРВОСВЯЩЕННИК ГРИГОРИЙ XIII — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ[3]

Возлюбленный сын и т. д., привет тебе и апостольское благословение. Из писем твоей светлости, которые передал нам твой посланец Фома Шевригин, и из беседы с ним мы узнали то, что ты хотел нам сообщить. Мы исполнились радостью и возблагодарили бога, побуждением которого свершилось то, что столь великий государь из столь отдаленных областей приветствует нас в своих письмах через своего посла и возрождает обычай своих предков, светлейшей памяти госу-

дарей. У нас сохранилось много их писем и ответов на них, написанных с величайшей радостью обеих сторон и упоминанием о заслугах[4]. Мы всегда будем готовы [сделать] для твоей светлости все, что ты просишь (насколько сможем сделать это своим влиянием и стараниями). Мы занимаемся [делами] договора очень охотно, так как понимаем, что наша обязанность и долг — заботиться о самом полном объединении христианских государей. Мы пошлем, как ты просишь, кого-нибудь из своих людей вместе с Фомой Шевригиным и позаботимся, чтобы они прибыли к тебе возможно более коротким путем невредимыми, не испытав в пути никаких затруднений. Что же касается того, чтобы нам удержать польского короля от союза с турками и татарами против христиан, мы считаем, что в этом нет необходимости: ведь мы никогда ничего не слышали о подобном союзе и не можем подозревать [этого] на основании предположений. И хотя в настоящее время он не ведёт войны с неверными, однако это для него общее дело вместе с прочими христианскими государями. Известно, что они в высшей степени расположены к христианской республике, но многочисленные и очень трудные необходимые дела мешают им осуществить свое самое сильное желание.

О настоящей войне мы не можем сказать ничего определенного, но два года тому назад сам польский король в публичном письме признался, что вынужден был предпринять ее в силу величайшей необходимости, и привел много причин этому. И так как мы безо всяких заслуг с нашей стороны, но по величайшей милости господней исполняем обязанности пастыря вселенской церкви и наместника Христа, то мы пошлем к королю, чтобы все доподлинно узнать, и то, что мы узнаем, постараемся сообщить тебе через того человека, которого пошлем к твоей светлости. Мы предлагаем вам обоим наше влияние и наши труды, если вы захотите ими воспользоваться при улаживании ваших раздоров, благодаря чему прекратилось бы столь большое кровопролитие среди христиан. Ведь мы считаем, что вы ни в коем случае не отвергнете доводов разума, но что справедливость вы ставите выше ваших личных счетов и восстанавливаете ее, если даже и совершали и раньше какие-нибудь несправедливые поступки. Когда же вы уладите свои дела, тогда, конечно, все христианское оружие сможет быть обращено против общих врагов, а на это нельзя надеяться до тех пор, пока вы воюете между собой и не служите общему делу. Нет ничего более великого, чем единение на основании веры и религии: ведь оно держится не человеческой любовью, слабой и непостоянной, а божественной. Существует одна церковь, одно стадо Христово, один после Христа его земной наместник и вселенский пастырь. Святые отцы, ученые церкви и все вселенские соборы признают и провозглашают, что римский первосвященник и является им. Ведь это очень ясно и охотно признали на Флорентинском соборе (а с тех пор прошло уже почти 150 лет) епископы всей Греции и вместе с ними константинопольский император Палеолог[5], присутствовавший на этом соборе. О, если бы они захотели оставаться в этом мнении! Никогда не обрушились бы на них столь тяжкие беды. Однако в настоящее время, пока их желание — избегать объятий римской церкви и первосвященни-

ка, они несут невыносимое бремя жестокой тирании. Поэтому, если уж порвались самые прочные узы святой религии, и прочие союзы неизбежно стали держаться на очень непрочной и очень короткой по своей длительности связи, основанной на человеческих помыслах. И мы усердно молим бога и просим, насколько это в наших силах, твою светлость, тщательно это обдумать и усмотреть в этом увещании нашу любовь к тебе, желание твоего благополучия и благополучия всех твоих земель (а мы знаем, что они многочисленны и изобилуют народом).

Все христиане преследуют одну только цель, соединяя с тобой навечно свои силы и замыслы: окончательные и самые блестящие победы над врагами христиан и вечный венец, дарованный в небесах господом.

Мы посылаем к твоей светлости том сочинения о Флорентинском соборе, напечатанный очень точно с самого хранящегося у нас оригинала. Мы просим тебя прочитать его и поручить твоим ученым изучить его возможно внимательнее, и мы надеемся, что благодаря этому снизойдет к тебе божественная милость. Ведь мы желаем одного: чтобы ты был как можно ближе к нашему апостольскому престолу и по религии, и по уважению к нему. А мы и все христианские государи и во всем прочем всегда будем готовы поддержать твое достоинство.

Обо всем этом ты подробнее узнаешь от возлюбленного сына нашего, которого мы посылаем к тебе, Антонио Поссевино, теолога и священника Общества Иисуса, самого дорогого для нас, испытанного во всех отношениях и у нас, и у великих государей (мы пользовались при их дворах его разумнейшей деятельностью, приносившей замечательный результат во многих делах величайшей важности). Мы желаем, чтобы ты его охотно принимал, выслушивал и глубоко уважал: твое радушие позволяет надеяться на это. И если с божьей помощью установится между нами религиозное единство, о котором мы говорили и которого страстно желаем, то, пользуясь им как основанием, ты пришлешь к нам посольство, достойное столь важного и необходимого дела, столь желанного для нас и для вселенской церкви. А мы обещаем тебе нашу отеческую любовь, самое блестящее посольство к тебе и всякого рода почет, который мы привыкли оказывать великим государям христианского мира.

Написано в Риме, у св. Петра, скреплено печатью Рыбака. 15 марта 1581 г., на девятом году нашего понтификата.

ВЕЛИКИЙ ПЕРВОСВЯЩЕННИК ГРИГОРИЙ XIII — СТАРШЕМУ СЫНУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО ИВАНУ[6]

Возлюбленный сын наш и т. д., привет тебе и апостольское благословение.

С величайшей радостью мы воспользовались удобным случаем, чтобы написать к твоей светлости письмо и приветствовать тебя через

возлюбленного сына нашего Антонио Поссевино, выдающегося теолога и священника Общества Иисуса, человека замечательной мудрости, которого мы посылаем к знаменитейшему и могущественнейшему мужу, твоему отцу. Мы надеемся, что это письмо и приветствие не будут неприятны твоей светлости, так как идут они от отеческой любви и самых лучших пожеланий твоего благополучия и милостей к тебе, а об этих милостях для тебя мы ото всего сердца молим бога.

Существует одна только цель, которой нужно добиваться: все человеческие дела, как бы велики они ни были, непрочны, преходящи, меняются и гибнут в самое короткое время. Только божественная милость — это тот источник живой воды, пробивающейся к вечной жизни, которую господь обещал дать тем, кто его признает и почитает подобающим образом. Поэтому мы желаем этого для твоей светлости и молимся об этом — ведь ничего более значительного и важного мы не можем желать и молить.

Также мы надеемся, что ты по своему радушию охотно примешь Поссевино и с полным доверием отнесешься к его словам, и это будет нам в высшей степени приятно.

Написано в Риме, у св. Петра, скреплено печатью Рыбака. 15 марта 1581 г., на девятом году нашего понтификата.

ВЕЛИКИЙ ПЕРВОСВЯЩЕННИК ГРИГОРИЙ XIII — СЫНУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО ФЕДОРУ[7]

Возлюбленный сын и т. д., привет тебе и апостольское благословение.

Мы посылаем к известнейшему и могущественнейшему мужу, твоему отцу, возлюбленного сына нашего, Антонио Поссевино, теолога и священника Общества Иисуса, человека выдающейся учености, религиозности, мудрости и честности, самого дорогого нам из всех наших людей. Мы поручили ему передать твоей светлости это письмо и вместе с тем на словах сказать то, что мы написали — пожелание благополучия и благословение. Мы сказали ему, что жалуем отеческой любовью всех христианских государей, и прежде всего государей самых могущественных: ведь они могут принести пользу церкви божьей во многих важных делах. И мы не можем предоставить никакого более ясного доказательства этой любви, чем пожелать твоей светлости не этих земных и преходящих благ, которые никого не могут сделать счастливыми, но благ прочных и вечных, которые делают нас сыновьями божьими и сонаследниками господа нашего, Иисуса Христа. Мы надеемся, что это письмо, а также приезд Поссевино не будут тебе неприятны, и то, что ты узнаешь от Поссевино, будет охотно выслушано тобой, ведь он будет излагать все по моему поручению.

Да не оставит твою светлость господь своей милостью. Написано в Риме, у св. Петра, скреплено печатью Рыбака. 15 марта 1581 г., на девятом году нашего понтификата.

ВЕЛИКИЙ ПЕРВОСВЯЩЕННИК ГРИГОРИЙ XIII — ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ МОСКОВСКОЙ АНАСТАСИИ [8]

Возлюбленная дочь во Христе, привет тебе и апостольское благословение. Мы не думали, что нам представится удобный случай написать письмо твоей светлости через возлюбленного сына нашего Антонио Поссевино, выдающегося теолога, лучшего священника Общества Иисуса и самого дорогого из наших людей для нас, и передать тебе и на письме, и через него самого пожелание благополучия. И об этом благополучии и благословении, о котором мы написали, мы молим господа и для тебя, и для твоего супруга, и для сыновей, и для всех твоих владений. Ведь мы ничем не могли бы лучше проявить нашу отеческую любовь к вам. Всё человеческое, каким бы блестящим оно ни было, преходяще и мимолетно. Только одна божественная милость может привести нас к тому блаженству, для которого мы созданы. Надеемся, что наше расположение будет тебе приятно. Остальное изложит твоей светлости наш Поссевино.

Мы желаем, чтобы ты отнеслась с полным доверием к его словам.

Написано в Риме, у св. Петра, скреплено печатью Рыбака. 15 марта 1581 г., на девятом году нашего понтификата.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ [9]

Я надеюсь, твоей светлости уже известно, что великий первосвященник святой католической римской церкви Григорий XIII со всем радушием принял в Риме Фому Шевригина, твоего придворного, которого ты послал к нему с письмами вместе с тремя или четырьмя твоими слугами, среди которых был некто, по имени Федор Поплер [10]. Твоя светлость писала великому первосвященнику среди прочего о том, чтобы он послал к польскому королю и твоей светлости кого-нибудь, кто вел бы с королем переговоры о том, как избежать пролития христианской крови, а впоследствии договорился бы с тобой (как это было и у других христианских государей) о каком-нибудь союзе на погибель злейших врагов господа Христа. А так как великому первосвященнику всегда было приятно все это, он охотно пошел навстречу желанию твоей светлости. Он послал меня к римскому императору Рудольфу [11] и польскому королю с тем, чтобы я, узнав от него о положении дел, которые послужили бы заключению обоюдного мира и расположения, поспешил к твоей светлости. Вместе с этим, если тебе будет угодно, я имею еще одно дело, которое изложу от имени великого первосвященника и других государей, а оно относится к распространению славы божьей и вечному прославлению твоего благочестия.

Прибыв в Вильну, я услышал, что польский король отослал к твоей светлости посланца с делом о мире [12], возвращения которого ожидали со дня на день. Но тем временем, начав переговоры с поль-

ским королем обо всем, имеющем отношение к твоему достоинству, в ожидании этого посланца я прибыл в Дисну[13] (куда перед этим приехал также и сам король), чтобы сейчас же отослать к твоей светлости это письмо, в котором я почтительно прошу твою светлость соблаговолить как можно скорее прислать мне и одиннадцати другим моим спутникам охранные грамоты. Ты по своей мудрости послал к великому первосвященнику Фому Шевригина в такой долгий путь только с четырьмя спутниками, конечно, для того, чтобы в большем количестве они не возбудили подозрения у каких-нибудь государей и чтобы им не чинились препятствия. По той же причине и великий первосвященник счел достаточным послать меня к твоей светлости с небольшим числом спутников, надеясь, что, когда будут улажены дела между твоей светлостью и польским королем, твоя светлость снарядит к первосвященнику более пышное посольство, и сам первосвященник сможет послать к тебе самое почетное посольство.

Между прочим, я имею от римского императора Рудольфа, брата твоего (а великий первосвященник не раз посылал меня к нему), письма[14], свидетельствующие о том (как сможет понять твоя светлость), что я во всех твоих делах буду оказывать самые верные услуги, что и подобает тому, кто желает увековечить имя божье с помощью столь могущественного государя, каким ты являешься и считаешься у христианских государей.

Также я везу некоторые подарки, предметы благочестия, которые по своей любви к тебе посылает твоей светлости великий первосвященник. Фома Шевригин также был одарен подарками и милостями, о чем ты сможешь узнать от него самого. Он из Праги отправился к морю[15], прежде чем я уехал оттуда, так как тогда еще не пришли от польского короля охранные грамоты, на основании которых он мог бы ехать со мной в Московию через Польшу. Те письма, которые написал для твоей светлости Фома в Венеции, я посылаю к тебе, а те, что он дал мне в Праге, я постараюсь с божьей помощью доставить сам[16]. Поэтому во второй раз прошу твою светлость как можно скорее прислать в Оршу охранные грамоты для меня и одиннадцати моих спутников. И я молю великого господа, чтобы он осыпал тебя всеми своими божественными милостями и дал бы тебе царство на многие годы для прославления его святого имени.

Написано в Дисне, в России. 9 июля 1581 года от рождества Христова.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ I

Тот, кто передаст вашему королевскому величеству это письмо, знатный русский. Его я привез в Московию из Вильны, где он занимался у наших [иезуитов] науками, чтобы использовать его в качестве второго переводчика. И так как он оказывал мне верные услуги и присутствовал почти при всех делах, я посылаю его к вашему величеству[17]. Я смиренно прошу, чтобы ваше величество соблаговолило

приказать доставить письма о безопасном приезде и отъезде с его помощью или с помощью тех, кого при таком положении вещей ваше величество сочтет необходимым послать из числа конных людей, разъезжающих туда и обратно, для моей охраны и охраны моих людей, чтобы на их основании также другой знатный московит [18], которого мой пристав послал к господину виленскому воеводе, и прочие, кто меня сопровождает, смогли безопасно доехать и сейчас же вернуться к своим. Впрочем, все то, о чем я вел речь в многочисленных письмах и беседах с великим князем московским и его сенаторами, я доложу вашему величеству. А чтобы легче это сделать, как и другое, относящееся к планам моего посольства, ваше величество, может быть соизволит подумать о месте, которое следует мне отвести, — удобном и неподалеку от палатки вашего величества. Не говоря уже о прочем, я буду считать это исключительным благодеянием. Я оставил великого князя 14 числа этого месяца в городе Старице на Волге, находящемся отсюда на расстоянии около 400 миль. Когда я собирался уезжать, он при собрании высшей знати и придворных людей поднялся и сказал мне громким голосом: «Ты, Антоний, присланный великим первосвященником с делом мира и возвращения которого к нам мы будем ожидать, от нашего имени отвезешь поклон польскому королю Стефану». А позже, когда я уже отъехал от Старицы на 150 итальянских миль, он прислал ко мне своих людей, догнавших меня большими переходами, с длинным свитком, в котором кроме того, что он изложил раньше мне лично, он писал и другое, о чем хотел дать мне знать, в особенности нечто такое, на основании чего я мог бы по некоторым пунктам ответить на письмо вашего величества, доставленное Матвеем Пжеворским [19] и написанное для меня по-латыни, а это письмо он еще раньше приказал передать мне через своих сенаторов. Еще о многом другом мне нужно доложить вашему величеству как и от его имени, так и по другим причинам. Прибавлю еще одно: великий князь московский через три дня после нашего отъезда собирался ехать в Троицкий монастырь на моление (как они говорили), а оттуда в Слободу. Немного позже он собирался отправиться оттуда в столицу Москву, находящуюся от Слободы на расстоянии лишь в 12 льё.

От души молю всемогущего господа о всяческом благополучии и счастье для вашего королевского величества.

Написано в деревне Бор, на реке Шелони, на расстоянии около 100 итальянских миль от Пскова (как говорят жители). 26 сентября 1581 года.

КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ СТЕФАН I — АНТОНИО ПОССЕВИНО

Нам было очень приятно узнать о возвращении к нам вашего священства, и мы очень просим его как можно скорее поторопиться приехать. От него мы узнаем все, что [нам] предстоит. Мы посылаем вашему священству охранные письма, которыми гарантируется безо-

пасность проезда свиты вашего священства и самих московитов, сопровождающих вас. Когда ваше священство приблизится к первому [польскому] посту, можно будет отпустить от себя тех московитов, которые захотят возвратиться, с гарантией безопасности, а те, которые захотят ехать куда-нибудь, пусть делают это при полной безопасности. Когда же мы узнаем, что ваше священство находится поблизости, мы пошлем ему навстречу наших людей, что подобает ему по его достоинству и по нашему желанию, отведем вашему священству место, находящееся неподалеку от нас.

Да пребудет ваше священство в здравии и благополучии. Написано в нашем лагере под Псковом, 29 сентября 1581 года, на шестом году нашего царствования.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ[20]

Как только я, милосердием господа, благополучно прибыл к войску польского короля Стефана, для меня не было ничего более важного, чем изложить ему все соображения о заключении мира. Я долго говорил о делах, которых желала твоя светлость, а он выслушивал меня и при многолюдном собрании своего совета, и в частной беседе[21]. Прежде всего: хотя ему и был приятен твой поклон, который ты при моем отъезде просил передать ему от своего имени, однако он вместе со своими сенаторами очень удивлялся тому, что ты не хочешь отдавать те ливонские крепости, которые от твоего имени обещали в Вильне твои послы. Когда я представил соображения, какие мог, о прекращении пролития христианской крови, не только сам король Стефан, но и все остальные (чтобы сказать тебе всю правду) так мне ответили, что я понял: мне не остается ничего другого, как только усердно помолиться богу, а потом послать к тебе как можно скорее одного из наших слуг, чтобы он обо всем правдиво сообщил тебе.

Итак, суть дела, которое мне изложил король Стефан, заключается в следующем: он не согласится ни на какие другие условия мира, как только на те прежние, которые он уже объявил (о чем я и сам говорил тебе раньше и о чем он писал в последнем своем письме). Поляки говорят, что это тебе нужно сделать в особенности потому, что ты видишь, чем больше ты откладываешь возвращение [королю] этих крепостей, тем легче большая часть их переходит в руки короля Стефана. Шведский же король взял Нарву (почти о ней одной только и был спор с твоими послами при переговорах о мире), Ивангород, Белый Камень[22] и некоторые другие хорошо укрепленные крепости. Пока в этом месте ты будешь сражаться с войском польского короля, состоящим из людей многих национальностей, он с другой стороны проникнет в твои внутренние области, если ты не заключишь как можно скорее мира с королем Стефаном. Далее. Поляки понимают, что ты видишь, в какой страшной опасности находится Псков, очень значительный и самый лучший из твоих городов, и если ты не ответишь

благодеянием мира на те условия, которые тебе предлагают, ему будет причинен очень большой ущерб. Кроме того, твои отряды, которые ты посылал в этот город, разбиты, а твой замечательный воевода Никита Хвостов[23] взят в плен (я видел его собственными глазами и просил, чтобы его вместе с его слугой держали более свободно и в более почетном месте). В ту же ночь, когда я пишу, твои солдаты, прибывшие из Новгорода и пытавшиеся проникнуть в город, были перебиты и многие взяты в плен. Жители Пскова, хотя их и много, со всех сторон окружены войском польского короля и переносят то, о чем ты по своей мудрости можешь догадаться. Мне сообщили, что в городе очень многие погибают от обстрела королевских пушек, от болезней и душевной скорби, подобно тому как и в деревнях многие испытали на себе меч врага, что я видел собственными глазами, а так как они твои подданные, и ты будешь держать за них ответ перед богом, подумай, не захочешь ли ты позаботиться об их спасении без большего труда, *а именно*: *отдать королю Стефану то, что он у тебя просит*[24]. Этого я никогда не предложил бы тебе делать, если бы мог видеть другие планы, на которые ты мог бы опираться в своих намерениях, заботясь о благополучии своих людей и о славе своего имени.

Вот что должно произвести на тебя самое сильное впечатление и что я узнал, насколько смог, от моих друзей, пользующихся высшим доверием у великого первосвященника: король Стефан решил зимовать и вести военные действия повсюду в Московии в остальных твоих владениях. Кроме того, он приказал подвезти из Риги большое количество пороха и ядер и вот уже четвертый день ждет пополнения из иностранных солдат. Еще самые достоверные сведения: не только король почти со всеми своими знатными людьми строят себе в лагере деревянные дома, в которых, как они говорят, они собираются провести (если нужно будет) эту зиму и делать набеги на твои внутренние владения, но и остальные солдаты роют для себя рвы, чтобы спасаться от ночного холода, день же их будет отдан военным действиям. К этому можно добавить еще и то, что ты понимаешь по своей мудрости, а именно те возможности, которыми обладает столь большое войско короля Стефана, уже привыкшее за три года ко всем трудностям войны и победам. И так как оно преодолело все исключительно трудные дороги, перевезло большие орудия и овладело в твоих землях столькими крепостями, оно сможет получать отовсюду продовольствие и свежие подкрепления. На будущий же год, не в июле или в августе, а когда растает снег, польский король собирается пойти походом против тебя из Литвы и Польши, а также из [взятых у тебя] внутренних твоих владений. А так как он проник в них без каких бы то ни было препятствий, они говорят: что сможет он сделать, если захочет вывести добрую часть своей легкой конницы на открытые пространства за пределами Москвы? Я слыхал, что он на самом деле собирается это сделать, даже если и продлится осада Пскова, который он приказал окружить какими-то осадными сооружениями. Он будет изо всех сил стараться захватить его, если ты обо всем этом не подумаешь и не пришлешь мне ответа как можно скорее. Я никаким способом не мог убедить короля вывести свое войско

отсюда раньше, чем ты на самом деле выведешь из других мест свои гарнизоны. Мало того, когда я вчера настойчиво просил короля приказать солдатам воздерживаться от резни в Пскове в случае его взятия (от чего нужно было бы оградить ни в чем неповинный народ), он сказал, что очень хотел бы этого, но на самом деле это будет очень трудно, так как солдаты, разгоряченные пылом сражения, не в состоянии будут щадить даже самих себя, если и захотят. Поэтому я умоляю тебя, светлейший государь, подумать, какая польза будет тебе от того, что ты вовлечешь в опасность остальные [свои владения] из-за тех, которые тебе уже больше не принадлежат. Ведь всякий раз, как они переходят в руки твоих врагов (в то время как в твоей власти сохранить их в неприкосновенности) из-за твоей медлительности, королевские люди смело говорят о своей надежде на то, что твои народы, отложившись от тебя, отдадут этим королям [т. е. польскому и шведскому] не только свою волю и желания, но свое имущество и свою жизнь.

Узнав обо всем этом, я стал настойчиво склонять короля Стефана к тому, чтобы он по крайней мере послал к тебе, как ты этого хотел, своих больших послов или какого-нибудь посланца, и тогда переговоры о мире смягчили бы этот воинственный пыл. Но мне ничего не удалось добиться, так как он говорил, что ты просишь этого для того, чтобы отнять время у военных действий и что это он знает из переговоров о мире три года тому назад[25]. Наконец, с божьей помощью и авторитетом великого первосвященника, я склонил его к тому, что, как только ты отошлешь своих послов в какое-нибудь место, расположенное не очень далеко отсюда, в новгородской области или еще где-нибудь, он тотчас же пошлет своих. Вообще же он требует, чтобы ты предоставил возможно скорее своим послам самую полную свободу вести переговоры, заключать перемирие, решать любые другие дела и выводить сразу же гарнизоны из крепостей. Что же касается короля Стефана, я позабочусь о том, чтобы он также наделил такими же полномочиями своих главных послов. И ради той любви, которой удостаивает тебя великий первосвященник (такую же верность я обещал тебе при этом вторичном ведении переговоров), я отвечу тебе тем, что отправлюсь вместе с твоими послами на место сбора послов, а закончив дела, вернусь к тебе. Тогда я займусь делом, которое имеет самое тесное отношение к распространению славы божьей и возвеличению твоей славы. Что же касается торговых связей и сделок, которым, как ты думал, сможет воспрепятствовать король Стефан, если тебе придется уйти из Ливонии, и дружбы с христианскими государями (principes) и великим первосвященником, которую ты хочешь и которая не сможет поддерживаться по этой же причине, я, поставив самые твердые условия, которые в моих силах, позабочусь, с божьей помощью о том, чтобы после предоставления гарантий твоим послам всегда был обеспечен безопасный проезд к тебе через Литву, Польшу и часть Ливонии, примыкающую к владениям короля Стефана, для этих государей, а также для любых твоих купцов и купцов твоих людей, направляемых к ним. Такого [разрешения], святого и ненарушимого, эти христианские государи, и в осо-

бенности великий первосвященник, легко добивались от польских королей. Но [сейчас] они видят, что весь доступ к тебе для приезда и привоза товаров в Московию ограничивается сушей, путь же по морю закрыт (так как светлейший король шведский взял Нарву и другие крепости, а также Вик и довольно большой морской путь у берегов Ливонии до Пернова, вместе с крепостями Лоде, Леаль, Фекель и Габсаль), и ты видишь, что они считают войско короля Стефана победителем, так как оно уже перегородило все пути и дороги к Пскову и Новгороду. Поэтому можно догадаться, как полезно будет для тебя и твоих дел, если ты как можно скорее пришлешь своих послов с полной свободой действий (хорошо, если бы в ближайшее время ты сделал то же самое и в отношении шведского короля!), моего человека сейчас же отпустишь, а то письмо, которое ты напишешь мне, позаботишься переслать ко мне с другим твоим человеком, чтобы избежать помехи для столь важного дела, если бы с одним из них что-нибудь случилось в пути. Что касается остальных крепостей, которые король Стефан взял в твоих владениях за пределами Ливонии, а также военных расходов, о которых упоминали твои послы в Вильне[26] и о которых король Стефан писал тебе в последнем своем письме, я не перестану говорить с ним и надеяться на то, что благодаря влиянию и авторитету великого первосвященника кое в чем из этого он пойдет на уступки. Через восемь дней я пошлю, если смогу, через новгородского воеводу другие письма к тебе, из которых ты сможешь понять, какой ответ будет мне дан королем Стефаном на то, что ты написал мне из крепости Старицы [в ответ] на его письмо.

Между прочим, знай, что через два дня я отсылаю отсюда нашего отца Павла[27] с теми письмами, которые ты дал для великого первосвященника и других государей[28]. А я здесь не перестану помогать московским пленникам христианскими заботами, деньгами и, какими смогу, утешениями. А делать это неустанно побуждает меня христианская любовь и твои милости ко мне.

Из псковского лагеря, в октябре месяце 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ ЮХАНУ III[29]

Хотя я никогда не думал, что смогу посылать письма вашему величеству из владений великого князя московского, однако теперь делаю это. И мне это тем более приятно, что ваше величество поймет, что в какой бы стране я ни находился, везде я стараюсь хранить драгоценнейшую для меня память о милостях вашего величества, столь часто проявляемых ко мне[30]. Когда я в течение месяца находился у самого великого князя в Старице (это его крепость), находящейся в 36 германских милях от его столицы Москвы, я часто беседовал с ним и его советниками и, воспользовавшись удобным случаем, заводил разговор об установлении мира, что мне раньше было поручено великим первосвященником, а также нынешним светлейшим королем польским. Было

видно, что этот государь желает мира не столько с тем светлейшим государем, сколько с вашим величеством[31]; однако, если бы начались каким-нибудь образом переговоры между вашим величеством и московским государем, нужно, чтобы они велись через послов вашего величества, которым он обещал дать охранную грамоту и охранные письма на безопасный и почетный проезд. Но так как я хорошо знал, что́ он причинил послам вашего величества[32] (ведь ваше величество часто удостаивало меня беседой об этом государе), я ответил, что мне никогда не казалось вероятным, чтобы ваше величество первым послало к нему своих послов, прежде чем он сам не пошлет своих, которым, я достоверно знал, будет обеспечен безопасный и милостивый прием. Конечно, тому, кто не один раз выполнял здесь посольства по поручению великого первосвященника по делам католического короля и цесаря Рудольфа (желавшего соединить браком свою сестру с сыном вашего величества), было хорошо известно на опыте, с каким радушием ваше величество имело обыкновение принимать не только послов первосвященника и других государей, но даже и татарских послов.

После того как он в пятый раз выразил мне как через своих, советников, так и через Михаила Андреевича Безнина, одного из избранных сенаторов, свое желание заняться этим перемирием и стал спрашивать, не предложу ли я по приказу и желанию вашего величества каких-нибудь условий мира, я ответил, что ваше величество совсем ничего мне не поручало (ведь так было на самом деле), но что великий первосвященник, поддерживающий самую тесную дружбу с вашим величеством, поручил мне при переговорах между светлейшим королем польским и великим князем московским не забывать о вашем величестве и иметь в виду соображения, подобающие достоинству и спокойствию вашего королевства. К этому можно прибавить просьбы светлейшей королевы польской[33] к своему светлейшему супругу королю о том, чтобы при заключении мира между его величеством и московитом не было забыто ваше величество и чтобы, таким образом, если установится мир между тремя могущественнейшими государями и королями, ваше величество позаботилось о более широком распространении благочестия, а остальные христианские государи на их примере обратили свое оружие против врагов имени Христова. Об этом просил и московит у великого первосвященника, и в конце концов в письме к его святейшеству заверил его, что сделает это, как только мир будет заключен. Впоследствии московит спрашивал меня, что я сам думаю обо всем этом: захочет ли ваше величество возвратить взятые им крепости. Ведь именно это нужно будет, чтобы заключить истинный мир с вашим величеством. Тогда я сказал: «Так как мне неизвестны планы светлейшего короля шведского, я слышал только, что он держит свои победные войска под знаменами, и, если ты, государь, предложишь мне что-нибудь, на основании чего я мог бы приступить к этим переговорам, я усердно этим займусь и надеюсь, что король не отвергнет мира, если будут предложены справедливые условия». В ответ на это государь тотчас прислал ко мне того же Михаила Андреевича Безнина, своего советника, который сказал: «Подумай, Антоний, может ли это быть, чтобы мой государь послал к шведскому королю послов, ведь этого никак не подобает

делать. Некогда шведские короли и сама Финляндия, которые находились под властью нашего государя, имели обычай платить дань Пскову и Новгороду». Я ответил: «Я этого не знаю, но зато знаю одно, что я прочел историю за две тысячи лет, и там сказано, что это королевство всегда имело королей, никому не подвластных. Я знаю, также, что католический король и цезарь, как и великий первосвященник, совсем недавно отправляли к нему послов. Кроме того, если подумать, то светлейший шведский король, его супруга и сын произошли от королевского древа, государь этот велик уже по своему происхождению, и ему не отказываются отдавать своих дочерей в супруги первые из христианских государей. Поэтому, если светлейший король шведский, по всей видимости, не намеревается присылать сюда своих послов и, как видно, ты тоже не склонен посылать своих, я сам напишу этому государю, которому великий первосвященник не раз посылал письма, где просил его (что он милостивейше делает и до сих пор) оказывать мне полное доверие во всем». Так как московит не только не воспротивился, но даже, чтобы доказать свое отношение к этому, прибавил: «Сколько бы мне ни пришлось тратить средств для ведения переговоров и на содержание послов, я с большой охотой заплачу», я счел нужным сделать следующее: известить как можно скорее ваше величество, доставив любым способом эти письма в руки вашего величества так быстро, как только позволяет это время года. Но, когда я по приказу самого московита прибыл из Старицы к светлейшему королю польскому, ко мне пришло известие, что войско вашего величества заняло Нарву, а кроме того, Ивангород, Белый Камень и весь Вик, который почти примыкает к Пернову, вместе с другими крепостями, с таким же успехом перешедшими во власть вашего величества. Думают, что все это будет иметь немаловажное значение для установления спокойствия мира в областях, принадлежащих вашему величеству, так как даже сам московит намеревается согласиться на более справедливые условия. Что же касается светлейшего короля польского, то при полном спокойствии при ведении дел с ним легче можно будет договориться о старых делах, если они сохранили силу до сих пор (о них когда-то ваше величество изволило мне говорить), или, может быть, о других, которые потребуют нового разбирательства. Когда это будет сделано, мне кажется, я увижу духовным зрением, как те искорки благочестия, которые не раз святой дух возжигал в сердце вашего величества, превратятся в огромное пламя, разгонят мрак заблуждений и на прежнем месте восстановят благочестие в душе, столь любезной господу богу. Таким образом ваше величество уготовит себе и своим народам величайшее из всех царств (я говорю о вечном царстве).

Между прочим, оставив у великого князя двух людей из своего ордена, я обещал ему как можно скорее вернуться (что я и сделаю по воле божьей), чтобы если и не довести [дело] до конца, то хотя бы внушить более основательно то, что имеет отношение к общему благу и католической религии. Он же дал мне для иностранных послов и тех, кого великий первосвященник и венецианцы пошлют в Московию, охранную грамоту, на основании которой они смогут в его владениях

исполнять католические обряды и иметь католических священников. Также он отослал с одним из наших людей [34] дары для великого первосвященника в виде собольих мехов, а меня из уважения к великому первосвященнику приказал самым почетным образом препроводить от границ своего царства до самого местопребывания его двора. Приняв меня, он устроил великолепнейший пир и почтил всякими другими выражениями гостеприимства. Я захотел написать об этом истинном положении вещей вашему величеству, чтобы ваше величество поняло, как велик тот бог, который может смягчить души, как бы жестоки они ни были, и который, по своему обычаю, в великом терпении ожидает, чтобы и московиты одумались.

Что же касается нашего дела, то пусть ваше величество внимательно подумает, не будет ли ему угодно поручить мне то, чего нельзя было сделать раньше. Может быть, ваше величество сочтет удобным назначить какое-нибудь место на границе обоих владений, чтобы, после того как об этом будет доложено королю, его послы, послы московские и послы вашего величества собрались [там] для того, чтобы иметь возможность установить мир между всеми [государями]. И если при этом авторитет великого первосвященника сможет послужить на пользу для вашего величества, это будет иметь немалый вес у этого государя. Так как я надеюсь месяца через два вернуться к светлейшему королю польскому, я всеми силами хочу окончательно завершить все это дело, которое поручил мне великий первосвященник. Я умоляю ваше величество как можно скорее открыть мне свои планы в письме, а на те письма от великого первосвященника и светлейшего короля польского, которые я отослал вашему величеству в июне месяце из Вильны, я не сомневаюсь, ваше величество ответит, и я получу в скором времени на них какой-нибудь ответ, который смогу очень скоро отослать его святейшеству.

Из псковского лагеря. 20 октября 1581 года.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ — ПОСЛУ ВЕЛИКОГО ПАПЫ ГРИГОРИЯ XIII [35]

Милосердием и благодатной милостью господа нашего, поставившего нас первым среди всех на востоке, направляющего шаги наши на стезю мира, милостью этого бога, благословенного в троице, от великого государя, повелителя и великого князя Ивана Васильевича, князя владимирского, московского, новгородского, царя казанского, астраханского, государя псковского, великого князя смоленского, тверского, югорского, пермского, вятского, булгарского и так далее, господина и великого князя новгородского, земли низовской, черниговского, рязанского, ростовского, ярославского, белозерского, государя и наследника земли ливонской, удорской, обдорской, кондинской и всей земли северской и сибирской государя и прочих многих земель господина — послу великого папы Григория XIII — Антонию Поссевину [36].

Писал ты в письме к нам через своего человека Андрея, что ты благополучно прибыл в лагерь короля Стефана и говорил со Стефаном королём и его сенаторами о том, что предписало наше величество, а также, что расспрашивали и выслушивали они тебя и наедине. А король Стефан ответил и все сенаторы сказали, что сначала тебе не нужно делать ничего другого, как послать к нам Андрея Полонского известить нас обо всем, что сказал тебе в ответе король Стефан. А ты убеждал Стефана короля, чтобы он послал к нам литовских послов или посланцев, а как ты не смог добиться этого, король Стефан из уважения к папе Григорию XIII согласился с тобой, чтобы послать к нам своих послов на какое-нибудь место (по нашему усмотрению). Для дела, порученного тебе великим папой Григорием XIII, ты убеждаешь нас, чтобы мы отправили своих послов для христианского мира от нас в новгородскую землю или другое место, расположенное неподалеку от нас, дав им подробный наказ. А король Стефан на это же место пришлет своих послов для становления мира. И ты прибудешь на это место к нашим послам с послами королевскими и будешь действовать заодно с нами на общее благо для христианства и установления мира. Для этого ты прислал своего человека Андрея Полонского, чтобы мы его выслушали. И так как мы — величайший христианский государь, то мы всегда желали прекращения пролития крови между нами и Стефаном королем и с самого начала этого хотели. И мы всё подробно изложили тебе об этом, Антоний, а после дали подробные письма, почему случилось между нами и Стефаном королем обильное пролитие крови. По христианскому миру, по твоим увещаниям и по возложенной на тебя от великого папы обязанности и теперь, и после мы хотели, чтобы прекратилось пролитие крови между нами и Стефаном королем. Поэтому мы отсылаем наших послов на съезд в село Ям Запольский, что на дороге из Новгорода в Великие Луки, между Порховом и Заволочьем, дав им подробный наказ, чтобы обо всех тех делах, о которых ты писал, им говорить, в беседах и переговорах утверждать то, что требует установить между нами и Стефаном королем справедливость. А ты, Антоний, говори со Стефаном королем и убеждай его отойти от Пскова и запретить его войску повсюду проливать христианскую кровь. А мы прикажем своему войску по всем местам сделать то же самое и велим, чтобы не произошло какого-нибудь сражения, пока на съезде наши послы вместе с послами Стефана короля взаимно не договорятся до чего-нибудь хорошего, чтобы с обеих сторон перестала проливаться христианская кровь. Прежде чем отослать послов, мы посылаем через Захара Болтина [37] охранную грамоту к Стефану королю для послов Стефана короля. И ты, Антоний, ради приказа великого папы, поехал бы вместе с королевскими послами на то место, чтобы вместе с нашими послами заключить мир между нами и Стефаном королем, и подумал бы, как по твоему совету прекратить проливать христианскую кровь среди нас в христианском мире, и дошло бы дело до конца и в будущем стояло бы оно крепко. А как только наш гонец вместе с нашей охранной грамотой прибудет к Стефану королю, пусть Стефан король того же посланца как можно скорее отошлет вместе с охранной грамотой для

наших послов, а по этим письмам поедут наши послы, а ты там же, между Порховом и Заволочьем, встретился бы с послами короля Стефана и нашими, чтобы заниматься делами мира и установить его. А сейчас наши послы вместе с нашим наказом [38] и подробным предписанием быстро едут в Новгород, чтобы в Новгороде ожидать охранных писем от Стефана короля. И мы посылаем через наших послов верные письма, чтобы было известно, что то, о чем наши послы будут говорить на этом собрании с послами Стефана короля, исходит от нашей воли. И Стефан король дал бы своим послам подобные же письма, из которых было бы видно, что то, о чем будут говорить его послы, исходит от воли Стефана короля, чтобы нашим послам и послам Стефана короля вместе с тобой, потому что ты — папский посол, на этом собрании можно было бы решать и утверждать все дела, откуда прочно установилась бы в будущем между нами крепкая братская дружба и товарищество с Стефаном королем.

Написано в нашей империи (in imperio nostro) при дворе в Слободе, 7090 года, октября 23 дня.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ [39]

Как только я прибыл к королю Стефану, я отослал к твоей светлости нашего Андрея Полонского с моим письмом, где объяснял, насколько будет соответствовать твоим планам намерение как можно скорее прислать своих послов на какое-нибудь место поближе, чем Москва. А я бы постарался, чтобы король Стефан тоже прислал своих послов на это место, и сам бы я, с божьей помощью, приехал вместе со всеми для переговоров о мире. Но так как я обещал твоей светлости добиться в самом скором времени какого-нибудь ответа от короля Стефана на то письмо, которое ты написал мне, когда я был в пути, я смог бы отослать его тебе. Я решил также послать к тебе и второй экземпляр тех писем, которые я отослал с Андреем Полонским, чтобы, если с ним что-нибудь случится во время вылазок солдат или на остальном пути, мои письма дошли к тебе. Конечно, я не мог поручиться ни за того, ни за другого [гонца] [40], как бы ревностно об этом ни заботился. Однако король Стефан ничего не захотел отвечать на твое предложение, говоря, что оно делается для того, чтобы оттянуть время, а войну, конечно, нужно продолжать на деле, а не на словах, но если бы ты согласился на справедливые условия мира, то он сам соизволил бы одобрить прочный и надежный мир — и никакой другой. Но в то время, как я вёл об этом переговоры, в наш лагерь прибыли новые солдаты и были привезены новые запасы пороха и орудийных ядер, потому что раньше было принято решение во второй раз осуществить решительную попытку штурма самого города Пскова. Я постарался уговорить его не делать этого до настоящего времени, во-первых, ссылаясь на авторитет великого первосвященника, во-вторых, выступая как бы поручителем перед королем Стефаном в том,

что ты исполнишь безо всяких хитростей и промедления, но с христианским чистосердечием то, что ты обещал мне сам и твои сенаторы от твоего имени так, чтобы у остальных христианских государей никогда не могло возникнуть подозрения относительно честности твоих обещаний, и, кроме того, что ты скоро пришлешь обратно ко мне моего секретаря с ответом. А так как он до сегодняшнего дня еще не приехал (хотя казалось, что этого срока будет достаточно, чтобы проделать такой путь, в особенности если человек торопится), меня охватило внутреннее беспокойство, что раз они смогут подозревать во мне недостаточно правдивого человека, это, может быть, заставит их относиться ко мне с меньшим доверием в делах заключения мира, а это доверие, кажется, было бы небесполезно для твоих дел. Но если ты уже послал ответ на это, я верю, ты ответил так, чтобы более всего способствовать установлению спокойствия в твоих делах. Как только мой секретарь вернется, я постараюсь добиться того, что более всего желательно для великого первосвященника и меня, чтобы не проливалась больше христианская кровь. В противном же случае, я слышал, будет не только величайшее кровопролитие теперь или ранней весной, но сам король вторгнется на самом широком пространстве в твои мирные земли и опустошит их, о чем я тебе и раньше писал. И я снова хочу сказать твоей светлости, чтобы ты знал: никогда у тебя не будет недостатка ни в расположении великого первосвященника, ни в моем усердии (если даже что-нибудь и получалось не так). Знай, что мне удалось, конечно, с большим трудом добиться того, чтобы отослать тебе это письмо, но я отправил еще и другое письмо в Швецию, чтобы благодаря моему посредничеству появилась возможность вести переговоры о мире со шведским королем, что, я надеюсь, будет полезно и для твоего достоинства, и для твоего спокойствия.

Да исполнит тебя господь своей милостью и обильными небесными дарами.

Из лагеря короля Стефана под Псковом. 22 октября 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ [41]

Андрей Полонский, которого я посылал к твоей светлости с моими письмами, вернулся вчера вместе с твоим гонцом Захаром Болтиным, и оба они передали мне письма, полные выражений благочестия и желания мира, что мне, во имя Иисуса Христа, доставило большую радость: ведь ты ради славы божьей высоко ценишь авторитет христианского пастыря Григория XIII (как и подобает христианскому государю) и охотно следуешь его решению о мире и союзе с христианскими государями. А я позаботился о том, чтобы письма твоей светлости тотчас были прочитаны королем Стефаном, которого я еще раньше, приведя многочисленные доводы и сославшись на авторитет великого первосвященника, склонил к тому, чтобы он больше не проливал

христианскую кровь и не думал, взяв Псков, устроить среди его жителей большую резню. Теперь же, по прибытии твоего Болтина и возвращении моего Полонского, я еще легче добился его согласия на то, что будет самым справедливым. Однако никакими доводами его нельзя было убедить вывести войско из твоих владений прежде, чем не установится настоящий и прочный мир. Он часто с уверенностью говорил мне, что если не получится мира, то он этой зимой оставит в здешних местах войско во главе с главнокомандующим, великим канцлером королевства польского Яном Замойским[42], в Великих Луках поставит Филона[43] с большим отрядом солдат, а в других соседних крепостях — прочих воевод. Сам же он отправится в Литву, чтобы набрать ещё больше войска, а затем ранней весной поведет его в твои внутренние области. Поэтому, насколько быстро прибудут твои великие послы на то место, которое ты указал мне для сбора послов, и предложат те условия мира, которых от них ждут, настолько меньше будет опустошений и кровопролития, и ты восстановишь во всех своих областях желанное и действительно необходимое спокойствие. А чтобы твои великие послы возможно безопаснее прибыли в Ям Запольский, я позаботился, чтобы твой Болтин вместе с охранной грамотой короля Стефана тотчас был отослан обратно. В Новгород вместе с Болтиным я посылаю Василия Замесского[44], человека известного твоим советникам, с тем чтобы он как можно скорее привез ко мне письма от новгородского воеводы или от твоих великих послов. Из этих писем я надеюсь узнать, в каком месте на их пути и в какой день я смогу встретиться и говорить с ними о том, каким образом послы короля Стефана смогут встретиться как можно скорее с ними безо всякого препятствия и ущерба, и с которыми я сам смогу усердно заняться со всем моим старанием и расположением (как ты мне пишешь) всеми делами заключения перемирия. Поэтому как только вернется мой Василий, я тотчас отправлюсь по направлению к Порхову и поеду еще дальше, если буду знать, что это сможет помочь более скорому заключению перемирия. Между тем, я умоляю твою светлость быть уверенным в том, что я по самой большой преданности и христианскому чистосердечию не упущу ничего из того, что, как я буду думать, сможет привести к улаживанию этого дела и установлению христианского мира.

Да ниспошлет господь наш Иисус твоей светлости и всем твоим людям самое большое счастье.

Из лагеря под Псковом, 16 ноября 1581 года.

ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЬ СТЕФАН — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ (ПЕРЕВОД С РУССКОГО ЯЗЫКА)[45]

От великого государя, милостью божьей, Стефана, короля польского и великого князя литовского, русского, прусского, мазовского, самогитского, ливонского, государя трансильванского и пр. — Ива-

ну Васильевичу, государю русскому и великому князю владимирскому, московскому, новгородскому, казанскому, астраханскому, псковскому, тверскому, пермскому, вятскому, болгарскому и пр.

Со своим гонцом Захаром Болтиным ты передал нам письма, в которых пишешь, что святейший великий первосвященник и пастырь Григорий XIII прислал к тебе своего нунция, Антонио Поссевино. Он известил тебя письмом о тех делах, о которых он говорил с нами ради заключения мира. И ты ради христианского мира отослал своих послов на съезд, который должен состояться между Порховом и Заволочьем, на великолукской дороге у Яма Запольского, и дал им подробный наказ решать и утверждать все дела. Также ты послал с ними охранную грамоту, показывая свое желание, чтобы твои послы вели дело с нашими послами на этом съезде. И ты обращаешься к нам, чтобы мы послали на это место своих послов с такой же грамотой и чтобы на этом съезде и нашим и твоим послам вместе с нунцием пастыря и святейшего великого первосвященника римского патером Антонио Поссевино можно было бы обо всем говорить и все решать, а также, чтобы мы отошли от Пскова и удержали наше войско от пролития христианской крови. Но этого не может быть до тех пор, пока между нами с тобой не установится крепкой братской любви и дружбы. Мы, как всегда, так и теперь, по воле всеведущего бога настаиваем на том, чтобы с христианскими государями и с тобой ради блага христианского мира жить дружественно и спокойно и избегать пролития христианской крови, к чему мы никогда не хотели прибегать, не имея законных оснований. Поэтому довольно часто ради спокойствия среди христиан мы подробно излагали тебе наше стремление к миру, а именно: не согласишься ли ты искренне и по справедливости на то, что касается тебя. И вот теперь, раз ты прислал к нам своего гонца, мы по нашему стремлению к христианскому миру отсылаем наших послов[46] на то место, которое ты назначил, — в Ям Запольский, между Порховом и Заволочьем, даем им полную инструкцию и предоставляем возможность принимать решение во всех делах, относящихся к миру, улаживать всё остальное, довести всё до окончательного завершения и закончить так, чтобы был мир. Мы пошлем с твоим гонцом Захаром Болтиным такую охранную грамоту, какую ты хотел иметь: чтобы послы свободно могли прибыть туда и свободно возвратиться оттуда, куда захотят. А что касается твоих слов в письме о том, чтобы мы отошли от Пскова и удержали наше войско от кровопролития, то об этом же настойчиво просил у нас и патер Антонио Поссевино от имени великого папы (чтобы мы сделали это, конечно, из уважения к великому пастырю, римскому папе). А мы, высоко ценя это, как и подобает, указали, что́ именно мы сможем сделать в этом случае, заботясь между тем о том, чтобы не повредить ни нам самим, ни нашим действиям. Но при этом главным образом было решено следующее: чтобы послы твои как можно скорее поторопились, получив полную свободу действий в наказе, на назначенное тобой место и поставили такие условия, которые мы смогли бы принять. Мы, со своей стороны, отправляем туда же без промедления наших послов, к тебе же тотчас отсылаем твоего гонца.

Из нашего лагеря под Псковом. 16 ноября 1581 года от рождества Христова.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ

Мы прибыли сюда на четвертый день после отъезда из лагеря, так как назначенный нам проводник [47], не знающий этих дорог, вел нас окольным путем через опасные реки и по разным дорогам. Его милость Зебжидовский [48] отправился вперед, чтобы распорядиться послать конных людей навстречу московским послам. Таким образом, одно только божественное провидение охраняло наш переезд в большей безопасности, чем если бы при нас находились конные люди, приставленные к нам. Но хорошо, что поблизости не было казаков. На следующий день после нашего приезда прибыли королевские послы, а вчера уже к концу дня его милость Зебжидовский послал в Опоки по направлению к Солечу конных людей, и я через различных гонцов, чтобы не возбудить у московитов какого-нибудь подозрения, сообщил им, что мы находимся близ Бышковичей для того, чтобы не нам одним останавливаться в этом месте. Сами же мы тем временем оставались бы здесь, следуя совету светлейшего воеводы браславского [49], который, прислав сюда секретаря, не захотел много писать об этом. Одновременно мы просим вашу милость прислать к нам в Ям Запольский того казака (которого я посылал в Новгород и против которого у московита были ложные подозрения, будто бы он виновник поджога и большой резни во Мшаге), как обещал мне сделать светлейший король. Ведь это будет иметь немаловажное значение для того дела, ради которого мы собираемся. Впрочем, я надеюсь на хороший исход наших будущих переговоров, так как даже в самом лагере прислужники еретиков, которые особенно ненавистны богу, не очень-то могли поднять голос: тот, кто не послан богом, не имеет никакого права проповедовать слово божье. И если ваша милость доведет до конца [дело переговоров], пусть она знает, что тот, кто смотрит на нас, кто видит наши действия и помыслы и своей высшей властью все решает, не оставит тех начинаний, которые самым чистосердечным образом направлены к его славе. Как всегда, беспокоясь о благополучии вашей милости, я очень прошу вас остерегаться, пожалуй, не столько врагов, сколько других людей. И если бы ваша милость стала спрашивать, что побуждает меня писать таким образом, я, конечно, не смог бы никого выдать. Побуждает же меня нечто, внушающее страх, любовь и почтение, внутренним побуждениям которых я следую во имя господа.

Да исполнит господь вашу милость своими истинными дарами, да внушит к ней непоколебимое уважение и да хранит ее как можно дольше невредимой. Аминь.

Из монастыря пресвятой богородицы, который уже больше не монастырь, в Карачюницах, 5 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ[50].

Послы твоей светлости, прибывшие вчера сюда, в Бышковичи, где я их ожидал, сообщат тебе, о чем вчера мы вели долгий разговор. И, чтобы исполнить долг посла и человека, расположенного к тебе, я решил, что мне нужно будет не только послать тебе свой почтительный поклон и молить у господа всяческих благ для тебя, но и отослать к тебе экземпляр той инструкции, которую мне передал при моем недавнем отъезде из его лагеря король Стефан, скрепив ее своей подписью и печатью. Из неё ты получишь почти точное представление, каково намерение короля относительно мира, и легко узнаешь, что я ничего не упустил, когда уговаривал его, как можно скорее заключив мир, вывести войско из твоих владений. Но, поистине, я нахожусь в сомнении: будут ли продолжать войну люди, навлекшие своими грехами этот долгий и тяжкий бич войны, если только ты по своему благочестию, живущему в твоем сердце, не подумаешь отступить еще больше, чем это было до сих пор, от своих планов вместо того, чтобы еще больше проливать христианскую кровь, или, наконец, сам господь бог по своей многообразной премудрости объявит с беспристрастием королю Стефану свою волю прекратить войну. Но для меня и для верных тебе людей возникнет больше трудностей, чем это казалось раньше, если король Стефан, увеличив свое войско, ранней весной продолжит начатое, а в это же самое время с другой стороны будет вести военные действия шведский король. И, даже если при этом он ничего не добьется, во всяком случае будет внушать сожаление и страх та картина, которая наблюдается повсюду вплоть до Новгорода (если не сказать — дальше).

Храмы, где возносились хвалы имени божьему, разрушены или обращены в конюшни, святые иконы нечестиво брошены в огонь, и для тех, кто не считает святых членами самого Христа, они служат предметом насмешек и забавы. Трупы взрослых и детей валяются повсюду, и на дорогах их уже топчут копыта коней. Происходит много убийств и грабежей мирных сельских жителей обоего пола; на них охотятся с величайшим азартом в лесах, забыв об охоте на диких зверей. Девицам наносится бесчестье и даже еще больший позор. На обширнейших пространствах видны следы пожаров и невероятного опустошения твоих владений. Впрочем, это уже везде не имеет значения, так как там не осталось ни земледельцев, ни скота; однако это на многие годы затруднит торговлю иноземных людей с твоими. Хотя это очень неприятно королю Стефану и он вместе со своими военачальниками не отказывается применять все меры, какие возможно, однако очень трудно на здешних обширных пространствах удерживать в пределах повиновения столь большое войско, к которому присоединилось много иностранных солдат и волонтеров. Я докладывал ему устно и письменно о том, что мне от имени твоей светлости рассказали твоё великие послы, и еще о многом сверх того. Но так как три года тому назад королевский сейм в Варшаве постановил овладеть Ливонией[51] и твои великие послы в Вильне поставили крайние условия, то

король Стефан привел мне в качестве возражения те военные расходы, которые он по этому случаю сделал в нынешнем году. Кроме того, шведский король захватил много крепостей, которыми ты владел, а тем солдатам, которых король Стефан оставил в лагере под Псковом, выплачено жалованье для продолжения войны еще на год [52]. Затем, короля мучают сомнения, не появятся ли новые поводы для войны, если ты не уступишь всей Ливонии, а ведь он, когда короновался, дал клятву освободить Ливонию. И еще он привел возражения, что ты во время перемирия (как говорят) напал сначала на Полоцк при короле Сигизмунде, а затем при короле Генрихе — на Пернов [53], и ему кажется, что и в будущем, если представится случай, ты не успокоишься и не удержишься от военных действий. Вот какие были приведены соображения, и король Стефан сказал, что он намеревается осуществить их полностью. Он заявил, что, хотя еще до сих пор Псков не взят, однако он собирается так стянуть кольцо осады, чтобы тот перешел в его руки, если в ближайшем будущем мир не будет заключен: он знает, что многие города во избежание кровопролития были взяты таким способом. Ведь и блаженной памяти твой дед, как говорят, в самое время перемирия подчинил Новгород своей власти не за один год, а семилетней осадой [54]. Поэтому если после всех моих усилий и проявлений самой полной искренности великие послы короля Стефана не смогут согласиться на те условия, которых ты желаешь для себя, или твои великие послы не получили от тебя более обширных полномочий, чем, как мне кажется, я смог до сих пор понять из разговора с ними, я сам по твоей милости и воле с божьей помощью возвращусь к тебе. В таком случае, если сможет появиться какое-нибудь другое решение для улаживания остальных дел, пусть это свершится по воле божьей. Поэтому я прошу твою светлость по окончании переговоров разрешить мне тот дружественный и безопасный доступ для возвращения к твоей светлости, который ты обещал в охранных грамотах для папских послов и нунциев. Да будет с твоей светлостью милость и благословение Иисуса.

Из деревни Бышковичи, в двух германских милях от твоего Порхова. 7 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — СТЕФАНУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [55]

Четыре дня тому назад я писал вашему величеству из Карачюниц, где был монастырь. Затем я направился в деревню Бышковичи, назначенную мне и московским послам, и, когда мы проезжали мимо Порхова, жители встретили нас сильным обстрелом железных ядер с башен [56]. На следующий день после моего приезда, даже не дождавшись в Опоках конного сопровождения от вашего величества, довольно быстро прибыли московские послы. Они по своему обыкновению многословно приветствовали меня от имени великого князя и осторожно выспрашивали, что решило ваше величество относительно условий

мира. На это я ответил, основываясь на существующем положении дел: помимо возвращения Ливонии и некоторых других областей, королю должны отойти, конечно, и взятые им крепости — вследствие военных расходов (при этом московские послы постоянно говорили, что они «великие» (veliki), что означает «большие» послы). Немного позже они заявили, что прибыли сюда с полномочиями утвердить и довести до конца то, о чем я докладывал вашему величеству. Я же сказал им, что если они не уступят Ливонии, то, по моему мнению, нет никакого смысла тем и другим послам вместе со мной собираться где бы то ни было. Тогда второй посол Безнин, брат Андрея Безнина[57], тотчас сказал: «У нас есть кое-что другое, о чем мы можем доложить» Но так как они просили меня умолчать об этом, а по сравнению с тем, чего требует ваше величество, это не может иметь большого значения, я надеюсь, что ваше величество останется ко мне благосклонным, если я умолчу об этом до тех пор, пока оно не будет предложено на съезде. Ведь таким образом полезно будет доказать им мою верность, которую я буду хранить непоколебимо по отношению к вашему королевскому величеству. А им в наказе предписаны все шаги (если не сказать границы). Из него я также понял, что у них при свойственной им манере речи никогда раньше не вырывались подобные слова:

«Так как, Антоний, наш государь смирился душой, — ведь и гордых смиряет господь, — то справедливо, чтобы и Стефан король положил предел своим притязаниям. А если тебе покажется, что мы очень упорно держимся за что-нибудь, напомни нам об этом. Но не может того статься, чтобы великий князь совсем уступил Ливонию, так как ему нужно заботиться и о торговле с другими народами, и в особенности о дружбе с великим папой и христианскими государями. И пусть Стефан король будет доволен той частью, которую ему отдают, хотя он и хочет забрать все, иначе впоследствии может случиться так, что он не сможет добиться и этой части». Что я ответил на это, какое принял решение при создавшемся положении, когда они собирались посылать своего гонца с сообщением о своем прибытии в Бышковичи по поручению великого князя, обо всем этом ваше величество узнает из приложенной копии письма[58], отосланного мною к великому князю со следующей целью: если наш посольский съезд затянется на более продолжительное время, он сам вынужден будет предложить послам еще другие условия, чтобы, с божьей помощью, заключить мир возможно скорее.

На следующий день после нашего прибытия в эту деревню у московитов вызвало досаду то обстоятельство, что они не могли ни войти в крепость Порхова, ни взять необходимое. Однако, наконец, они покорились доводам необходимости, а именно: пока мир не заключен и не получены охранные грамоты от вашего величества, которые дают им гарантии, нужно следить за тем, чтобы под этим предлогом осажденным не были бы поданы какая-нибудь помощь или совет. Когда же я спрашивал у них, не попытаться ли мне самому добиться перемирия на несколько дней между войском вашего величества и осаждёнными и сможет ли это быть утверждено именем великого князя, но так, чтобы никто не смог пока ни выйти из осажденных кре-

постей, ни войти в них, они ответили, что не имеют этой возможности. Поэтому впоследствии они больше не причиняли мне никаких хлопот, хотя раньше они часто удивлялись, почему ваше величество на время ведения переговоров не отводит войско в другое место.

Когда же при удобном случае я заметил, что раньше слышал предложение вашего величества, чтобы светлейший король шведский был включен в условия мира, они не ответили надлежащим образом. Поэтому я думаю, что едва ли это дело будет иметь место среди остальных [59].

Мы пробыли здесь два дня, потому что послы вашего величества еще до прибытия сюда написали мне письмо, в котором сообщали, что Ям Запольский сожжен, но во владениях вашего величества есть монастырь, и к нему прикреплены клятвой здешние крестьяне. И если московиты не захотят встретиться там, пусть они в таком случае выберут деревню Пожеревицы, находящуюся отсюда на расстоянии 13 миль, и они говорят, что все соберутся на это место, хотя и там осталось всего 8—10 домов. На это московские послы тотчас согласились, так как утверждали под влиянием некоторых начальников польской конницы, сопровождавших нас сюда, что не могут вступить во владения вашего величества, но в 4-х верстах отсюда находится Болчино, место удобное, и в соседстве с ним немало деревень. Это-то место и предложили они послам вашего величества: если им будет угодно, то московские послы поедут туда, в противном же случае они направятся в Пожеревицы, предложенные польскими послами. А пока мы ожидаем их ответа, который они сегодня послали на первые письма, их решение остается неизменным, то есть чтобы нам ехать в Ям.

Московиты, хотя и выслушали меня, но решили отправиться туда завтра ранним утром. Я не мог не огорчиться тому, что это решение принято преждевременно, мне пришлось отдать другим то [место], которое очень кстати могло быть отдано им.

Я посылаю вашему величеству письмо послов вашего величества и мой ответ им. А если они будут в сомнении из-за того, что послы великого князя окажутся от Порхова ближе, чем нужно, пригодится этот план (до тех пор пока они сами не предложат другого).

Так как нам придется завтра или послезавтра вместе с послами вашего величества собраться на съезд и у меня есть основание опасаться, что московит не отступится от всей Ливонии, я умоляю ваше величество как можно скорее сообщить мне, должен ли я, вернувшись в Московию, действовать по своей инициативе, чтобы московит прислал в Варшаву во время сейма вашему величеству этих или других послов в том случае, если они, нарушив съезд, не захотят уступить Ливонии, или мне уже отсюда нужно написать об этом самому московиту, чтобы он приказал задержаться им в Новгороде до тех пор, пока не придет время ехать. Ведь это дело, касающееся постановлений государства [польского] о сохранении Ливонии, прежде чем будет сложено оружие, тогда будет иметь более ясный вид и принудит московитов, находящихся в Варшаве, более основательно обдумать это дело, если они увидят, что сословия королевства настаивают на этом. Ваше величество по своей мудрости знает важность момента и понимает,

как трудно в его королевстве привести в порядок другие дела. а об упорядочении их он дал клятву не менее важную, чем о сохранении Ливонии, которую, может быть, господь бог не желает передавать всю целиком тем, которые не хотят до конца отдаться в его власть. И пусть ваше величество проявит, наконец, величайшую свою любовь к небесной славе, а это более всего желают все царства и весь мир.

Из деревни Тишенка, 11 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ПОСЛАМ КОРОЛЯ ПОЛЬСКОГО [60]

Час тому назад я получил от вас, высокородные господа, письмо, в котором вы сообщаете, что окончательно решили не ехать дальше Запольского Яма, несмотря на то что раньше думали по-другому и сами предлагали нам, направляющимся туда, выбрать скорее деревню Пожеревицы. Ведь вы писали, что Ям настолько основательно сожжён казаками, что нигде нельзя найти даже кола, чтобы привязать лошадь, и во всей округе нет ничего, что могло бы быть в декабре месяце кровом для нас, наших людей и лошадей. И хотя это ваше новое предложение, высокородные господа, оказалось удобным не во всех отношениях, однако я очень легко убедил великих московских послов завтра рано утром за час до рассвета выехать вместе со мной по направлению к Пожеревицам и продвинуться вперед настолько далеко, насколько это будет угодно вам, высокородные господа. А что касается меня, то теперь, наконец, они пишут, что выбрали Пожеревицы из расположения ко мне, чтобы не лишить меня пристанища; но их не очень огорчает, что у меня почти до нынешнего времени не было, как и всего прочего, так и хорошего проводника, чтобы везти меня (среди двух армий и ударов железных ядер). Если бы я не усматривал [в этом] одну волю божью и не видел мысленным взором высокое желание великого первосвященника, которое имеет целью не какую-нибудь личную выгоду, а христианский мир, то для меня было бы более справедливо согласиться на изменение этого решения. А что касается того, что вы, высокородные господа, думаете, что [только] из-за своего упорства московские послы не отправились прямо к Яму, конечно, чтобы не солгать даже и ради шестисот польских царств, я считаю, что в этой их двухдневной задержке нет никакого преступления, и признаю, что при этом не может быть ни малейшего подозрения в упорстве: ведь, не дождавшись в Мшаге или Солече королевского конного сопровождения (которое им было обещано через двух гонцов), получив мои письма, они большими переходами быстро отправились из Новгорода в Бышковичи. Сами они ничего не предпринимали без ваших писем и предложений, высокородные господа. В какой мере соответствует международным правилам (чтобы не сказать христианскому или королевскому благочестию) то, что они остаются со мной среди отрядов казаков и других солдат, которые постоянно что-нибудь у них отнимают, не имея ни охраны, ни даже запаса корма для лошадей, который можно купить только за деньги, а для них нет

никакой возможности добывать себе необходимое вылазками — пусть об этом судят сами высокородные господа послы. Кроме того, если верно то, что вы сами писали нам из Яма, а именно, что никого там не нашли, я не вижу, насколько бы помогло делу то, что мы, почти шестьсот конных людей, провели бы день и ночь под открытым небом, а если бы послы находились далеко от него, как много драгоценного времени было бы потеряно в эти дни, прежде чем они собрались бы ко мне все вместе. Но, по-видимому, и светлейший король, и расчет времени, и всё остальное требуют, чтобы дело закончилось в самый короткий срок. Таким образом, кто бы ни распоряжался делами, мы едем только с одним проводником — богом, который, так сказать, наш единственный пристав. И пусть высокородные господа знают, что между тем я не потерял времени, чтобы разузнать о тех делах, которые будут небесполезны для заключения мира.

Да исполнит вас Иисус своей мудростью и чистым желанием своей святейшей воли. Аминь.

Из деревни Тишенка, поздним вечером, 11 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ[61]

Несколько часов тому назад я получил письма вашей милости, датированные 8-м числом этого месяца[62], на которые я отвечу довольно коротко, потому что все, что я пишу светлейшему королю, я отсылаю в руки вашей милости для прочтения, и если бы у вашей милости появилась какая-нибудь мысль, она могла бы ее доложить его величеству. И я не сомневаюсь, что тотчас ваша милость отошлет ему все мои письма, запечатанные моей печатью, в связке со своими собственными. А то, что пишет мне ваша милость о некоторых убитых под псковскими стенами, и о 10 взятых в плен из числа знатных людей, первым из которых, по его словам, является Петр Колтовский[63], и о том, что войско подведено к Новгороду для оказания помощи Пскову, я позаботился, чтобы все это было прочитано московскими послами. Однако они удивились этому известию о войске, которое подведено [к Новгороду]. Но как бы там ни было, конечно, письма такого рода, если их постоянно будут присылать ко мне и они будут содержать правдивые известия, небесполезны, чтобы выпытать мнения людей, старающихся их скрывать, так что в конце концов установится мир с помощью господа Иисуса Христа, который и есть наш мир.

И я прошу вашу милость приказать через господина Скортинского[64] узнать о надежде на выздоровление моего Андрея Полонского, которого я оставил на одре болезни под покровительством вашей милости. Если его можно будет послать ко мне без большого ущерба для его здоровья, он был бы мне необходим. Если же до сих пор его силы не восстановились, я умоляю вашу милость послать ко мне как можно скорее того юношу, который в дороге переводил для меня письма московита с русского языка на польский, или какого-нибудь другого надежного человека для ведения дел и для переводов с русского

языка. Ведь если единственный переводчик Василий[65] заболеет той болезнью, которой он иногда страдает, я не смогу никаким образом продолжать дальше начатые дела. И если ваша милость решит что-нибудь на этот счет, конечно, оказав мне эту помощь, она не останется без награды от бога, и я никогда не забуду об этом благодеянии.

Да укрепит господь сердце и десницу вашей милости своей небесной мощью.

Из деревни Тишенка, в 3-х милях от Порхова, 11 декабря, ночью.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — СТЕФАНУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ

После отъезда из лагеря позавчера я отослал вашему величеству во второй раз мои письма, в которых содержалось все, о чём говорили со мной московские послы, о чем я сам писал великому князю московскому и, наконец, о чем вскоре сообщили мне послы вашего величества.

После того как мы вчера проехали почти 4 мили, московские послы собрались у меня, чтобы разузнать обо всех делах заключения мира. С ними я провел большую часть ночи в беседе, отдельные части которой я изложу вкратце вашему величеству, так как я сегодня собираюсь посвятить в это, также как и во все остальное, послов вашего величества. Таким образом, они будут более подготовлены и заключение мира совершится в более короткий срок.

Очень важным было то, чтобы они от души поручили себя богу при доведении столь значительного дела до конца. И чтобы это случилось, я обратился сегодня к своим спутникам с проповедью и совершил богослужение, не говоря уже об остальном, чтобы они искреннее вели дело и яснее видели волю божью. Под конец я сказал, что господь пошлет им или мир, или победу и что мне ваше величество дало при отъезде некую инструкцию, которую я хотел показать им в переводе на русский язык, так же как я сделал это по отношению к вашему величеству с теми письмами, которые послал мне вдогонку после моего отъезда из Старицы великий князь московский. Из нее они могут узнать (чтобы не терять времени зря), чего желает ваше величество. Таким образом, они были бы настолько подготовлены, что им не нужно было бы терять дней на обмен мнений и споры. Тогда они начали довольно высокомерно излагать свои требования: Ливония от начала мира принадлежала великим князьям московским, их государь воздерживался от военных действий в последние годы и сейчас воздерживается, чтобы не проливать кровь своего народа и подданных вашего величества, иначе турецкому султану удалось бы легко захватить Московию и Польшу. Ваше величество и за 20 лет не возьмет крепостей, к которым стремится, если будет по очереди подводить к ним свои войска. Ваше величество видит, что для одних крепостей нужен один способ осады, а для Пскова и подобных ему городов — другой. В Пскове пищи и снаряжения — на 15 лет. Войско вашего величества набрано из солдат разных национальностей, которые служат

ради денег, а не по доброй воле, и таким образом казна вашего государства истощается. А когда она совершенно будет исчерпана, великий князь знает, как легко ему будет одерживать свои победы, если только он не предпочтет удерживаться от кровопролития. Наконец, они попросили меня, чтобы я соблаговолил быть справедливым судьей, а если они будут по своему упорству пристрастны в каком-нибудь деле, чтобы я их останавливал, а они готовы принять самые справедливые условия, только бы ваше величество удерживалось в границах справедливости, и чтобы князю осталось то, благодаря чему он мог бы поддерживать дружбу с христианскими государями. Я ответил им, что не советовал бы им говорить послам вашего величества о том, что Ливония от начала мира была подчинена московитам: от начала мира власть принадлежала не московитам. Ливония была католической и поэтому всегда с самого начала принадлежала католическим государям. Но когда ее разобщили ереси, то по справедливейшему божьему повелению она оказалась раздробленной настолько, что до нынешнего времени никто не мог похвастаться, что она вся целиком принадлежала ему, и, наконец, овладеет ею целиком тот, у кого перед глазами будет желание господа вернуть ее по-настоящему к единой вере предков. Великий князь все свои доводы и более тайные предписания в написанном виде представил мне на основании исторических сочинений, исходя из которых, как он думал, у него есть полное право на нее, но на самом деле едва ли можно было отыскать [в них] что-нибудь основательное, что ваше величество не разбило бы вескими доводами: то, что он воздерживается от сражений, чтобы избежать кровопролития, это свидетельствует о благочестии, но поляки объясняют это воздержание иначе. Ведь из-за того, что за последние годы погибло так много московитов, разрушено так много крепостей и так много пленников досталось в руки вашего величества, у великого князя не осталось [никого], кому он осмелился бы доверить войско или [кто] мог бы набрать настоящее войско. По-видимому, и отвоевать [у него] Ливонию нетрудно, так как светлейший шведский король, герцог Магнус[66], а также некий Бюринг[67] каждый день захватывают здешние крепости. Что касается взятия вашим величеством Пскова, то этого на самом деле до сих пор еще не пытались делать общим натиском и штурмом, так как это в конце концов составило бы главное препятствие при переговорах о мире. А другие крепости, которые, как они говорили, были взяты, по большей части такого же рода, и хотя солдаты-московиты с большой храбростью вступали в сражение, однако, как говорили, не могли удержать [их], но, защищая их до последнего вздоха, или погибали в пламени или были разорваны на части пушечными ядрами. А что касается столь большого запаса продовольствия в Пскове, то сами псковичи говорят другое[68]. Что же касается того, что ваше величество набрало войско из людей разных национальностей, то это сделало оно из желания всегда сохранять в неприкосновенности силы своего королевства. А так как польская и литовская конница проводит лето и зиму на чужбине, в Московии, то их поля сохраняются во всем изобилии и неприкосновенности, и, таким образом, мощь польского государства нисколько не уменьшилась в этой войне.

Что касается того, что казна истощается, то, если взвесить всю совокупность обстоятельств, получается наоборот. Ведь то, что знатные поляки тратят в спокойные времена, это они еще охотнее и с большей пользой хотят истратить для расширения пределов государства[69], и те расходы, которые вкладываются в другие дела, идут на пользу иностранным купцам, а те, которые идут на самих солдат, польских или литовских, обращаются на пользу собственному дому и самому государству. Что же касается их вопросов о моем судействе, то, чем свободнее в своих действиях судья, тем легче может совершиться дело. Но раз ваше величество держит свое победное войско на чужой земле и не хочет, чтобы там оставались семена новой войны, то я не знаю, насколько свободно я смогу действовать во всем, за исключением тех вопросов, которые могут быть улажены только властью великого первосвященника. Я знаю лишь одно: ни к той, ни к другой стороне, если только я не увижу, которая из них самая лучшая, я не буду пристрастен. Наконец, великий князь московский через своих послов пообещал Ливонию; если он обещал ее искренне, почему он не исполняет обещания? А если он обещал ее неискренне, но чтобы искусно оттянуть время, то пусть они не удивляются, что бог своим справедливым судом накажет за то, что делается не от чистого сердца.

Таков был конец этих ночных переговоров, причем послы были приведены в замешательство тем, что этими доводами они были поставлены в такое затруднительное положение, что едва могли отвечать. В это же время глубокой ночью послы вашего величества написали мне, не будет ли мне угодно, чтобы они прибыли сюда к нам на место, расположенное в двух милях от Яма Запольского, ведь они желают уже сегодня начать переговоры о мире. И те, которые привезли мне письма, сказали, что и тем и другим послам, если они и проехали дальше, нужно ночевать в это время в поле. Что я смог ответить этим послам, которых ожидал на рассвете, ваше величество сможет узнать из копии тех моих писем, которые я послал им этой ночью в тот же час.

Об остальных событиях я извещу ваше величество точно и подробно в надежде, что ваше величество сообщит мне свои намерения, если мне представится случай попытаться добиться чего-нибудь другого в Московии, когда я вернусь туда с божьей помощью.

Да ниспошлет господь вашему величеству всяческое благополучие.

На пути к Яму Запольскому. 12 декабря 1581 г.

ПИСЬМО ЯНА ЗАМОЙСКОГО, ВЕЛИКОГО КАНЦЛЕРА КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО — АНТОНИО ПОССЕВИНО

То, что я написал вашему священству о неожиданной выходке московитов и их брани, соответствует истине. А то, что в точных словах значится в написанном виде о донесении Петра Колтовского, я скорее желаю, чем думаю, соответствует истине. Но если не будет

мира, то я буду искать встречи с врагом, если бы он сам не искал встречи со мной. Но довольно об этом. Письма вашего священства я со всей возможной поспешностью отсылаю его королевскому величеству. Однако напрасно, как я полагаю, было бы обсуждать в сейме вопрос об уступке какой-нибудь части Ливонии. Ведь никто, имея целью в будущем благо отечества, не сможет убедить отказаться от него. Дело уже доведено до конца, так что для нас нет ни необходимости сражаться с врагами, ни делать попытку относительно этого города, единственного во всей Ливонии. С другой стороны, ею овладевает шведский король, он берет Белый Камень, наступает на Пернов и Феллин, так что московит едва ли уже не потерял это и, по-видимому, беспокоится лишь о Дерпте. Кстати, при чем здесь сословия? Для того, чтобы в будущем вывести в строй солдат, потребовалось бы больше расходов, чем для этого, уже выведенного в строй войска и для подкрепления от настоящего времени до августа. При всем этом, чего же они смогут добиться? На самом деле, насколько более могущественным будет впоследствии враг, снабженный всяческим снаряжением из привезенного по морю!

Я слышу, что эти милейшие московские послы медлят. Если они ждут новых разъяснений, то они вскоре получат их через этого гонца, которого я приказал отправить туда. И как трудно вести это дело! Хотя он [гонец] и говорил, что едет в Порхов, оттуда — в Ям Запольский с письмами к вашему священству и, наконец, уже в Псков, однако, уклонившись от пути на Порхов, так как должен был взять проводников из Новгорода, он уехал настолько далеко вперед, что оказался от Пскова на расстоянии по крайней мере 8 миль, и путь он проделывал ночью, а не днем, а после того, как попал к нашим, его отвели на порховскую дорогу, он, отдав одному из своих людей коня, под седлом которого он хранил письма от государя к послам, приказал ему бежать, а затем приказал бежать еще другим троим спутникам вопреки оказанному ему доверию [70]. Конечно, это нужно было исследовать и обдумать раньше, чем я объявил, что это не считается изменой. Ведь для меня даже намек на нормы международного права имеет самое большое значение. Таким образом, получив проводников, он был отослан мной к месту съезда послов. Из этих новых писем, которые он везет, и в особенности из тех, что особенно тщательно спрятаны, я думаю, довольно легко можно было бы извлечь [пользу] для окончания этих переговоров.

Полонский уже отошел в лучший мир. В лагере у меня только и есть один русский писец.

Поручаю себя милости вашего священства.

Написано в псковском лагере. 13 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ [71]

То, о чем говорили со мной все послы перед тем, как собраться на съезд, ваша милость может узнать из писем, которые я посылаю в

этой же связке светлейшему королю. Все случившееся далее в два последующих дня между послами в моем присутствии, можно разделить на два раздела: один из них касается полномочий того и другого посольства, второе — это то, что предложили сегодня послы обеих сторон. Полномочия московитов кажутся слишком простыми и по сравнению с королевскими неопределенными, чтобы не сказать, вызывающими подозрения. Они выражаются в следующих словах: «Великий князь московский прислал своих послов, чтобы они на съезде говорили с послами королевскими о заключении мира. И дело это — дело великого князя московского». Поэтому я настоял на том, чтобы те письма, которые великий князь написал мне и королю через Болтина, были прочитаны ими. Из них было ясно, что послы отправляются с величайшими полномочиями для исполнения и завершения всех дел. После долгого обсуждения этого, когда королевские послы стали колебаться (так как не следовало доверять переговоров о мире такому шаткому основанию), я сказал, что остаются два выхода из положения: во-первых, чтобы они в моем присутствии открыто говорили обо всем, и, во-вторых, чтобы послы обеих сторон представили мне экземпляры своих полномочий, а следующей ночью нужно будет обратиться за помощью к богу. Наконец, я взял на себя труд тщательно расспросить московских послов, нет ли у них каких-нибудь других, более существенных полномочий. После этого в присутствии королевских послов я стал расспрашивать каждого из московских послов поодиночке, неужели всегда великий князь имеет обыкновение давать им полномочия такого рода и не соизволят ли они клятвенно подтвердить это. Захарий [72], исполняющий обязанности секретаря, обещал это сделать: а он перечитал документы московского архива за сто лет и подтвердил, что не видел никогда никаких других формул полномочий, кроме этих. То же самое утверждали: Никита, секретарь, один из послов [73], затем Роман Васильевич, который некогда, 20 лет тому назад, исправлял посольство у Сигизмунда Августа, и, наконец, князь Дмитрий, глава посольства, засвидетельствовал это, прибавив, что они, как христианские послы, прибыли, чтобы исполнить это дело самым чистосердечным образом, и нет нужды отсылать к великому князю других посланцев. Из писем великого князя московского к королю и ко мне явствует изложение его полномочий, и, мы увидим, если мир будет заключен, все придет к завершению. Я видел, что теряется много времени и нет никакого более действенного средства, если запротестуют сами королевские послы. Поэтому я объявил московским послам, что это дело навсегда покроет их позором, если в нем скрывается хитрость, и оно не осуществится, ведь о нем узнают все христианские государи. При этих переговорах светлейший король не теряет ничего ни из соображений перемирия, которого еще нет, ни из намерения отвести войско. Напротив, если переговоры будут иметь хороший исход, то они породят много хорошего. Если же они не приведут к хорошему результату, то королевский суд проявит перед всеми свою силу. Королевские послы признались, что они настолько тронуты авторитетом великого первосвященника и моими наставлениями, что, прежде чем уехать с этого заседания, хотели бы с определенностью выяснить для

себя, на что можно рассчитывать на основании полномочий московита, и перешли ко второму разделу, о котором я говорил. Речь шла о том, чтобы добиваться всей Ливонии, которая была в руках московита, о крепостях, взятых в прошлые годы [королем], и об участии светлейшего шведского короля в условиях мира. Эти предложения внес воевода браславский[74] разумно и с достоинством. Оно было подробно обсуждено со всех сторон, при этом московиты особенно настаивали на том, что они не могут уступить всей Ливонии, а если бы и могли, то королевские послы не должны умалчивать о том, что́ именно они сами изволят возвращать или передавать взамен великому князю московскому. В таких разговорах прошел весь день. Наконец, королевские послы ответили, что они отдадут четыре крепости, примыкающие к Пскову, уже взятые, если будет уступлена вся Ливония. Тогда московиты стали настаивать на том, что, если королевские послы скажут, смогут ли они возвратить все остальные крепости, взятые светлейшим королем в предыдущие годы, они сами этой ночью обдумают, что́ им ответить на следующий день. А я прибавил от себя, что светлейший король передаст русским не малую часть, намереваясь оставить им Псков и Новгород, хотя у него и есть большая надежда овладеть ими: вместе с псковскими крепостями он собирается возвратить 30 германских миль московских владений, на которые он продвинулся в этом году (королевское войско дошло почти до самого Пскова), если войско будет отведено. Если же он раздаст казакам различные места в этой плодородной области и поручит им в этих своего рода колониях строить различные крепости, они постоянно будут тревожить все внутренние земли московита. Но раз он возвращает Великие Луки, Велиж и другие крепости, то это наверное, больше того, что сейчас остается из ливонских земель у великого князя московского. Королевские послы ушли (хотя я просил их не уходить, потому что они были еще нужны). На следующий день они должны были на законном основании вернуться сюда ко мне с тем, чтобы самым точным образом изложить мне, какое именно поручение дано каждому послу. Я задержал у себя послов московских, сообщив об этом королевским послам, чтобы написать вашей милости что-нибудь определенное, так как московские послы не захотели полностью открыться королевским, а королевские послы уверяли московских, что им не дано поручения каким-нибудь образом отдавать крепости, взятые в предыдущие годы. И когда они сказали мне, что светлейший король, может быть, уже находится в Вильне и что самое полное и окончательное обсуждение этого дела возложено на вашу милость, я решил, что мне нужно обо всем этом более точно написать вашей милости через верного гонца. И пусть ваша милость знает, что́ именно я разузнал от самих московитов, которые после ухода королевских послов остались у меня. Конечно, великий князь поручил им, чтобы они ни под каким видом не оставляли светлейшему королю крепостей, взятых в предыдущие годы, если им придется уступить всю Ливонию, то есть речь идет о крепостях, которые находятся во владениях московита, и чтобы они не оставляли королевскому величеству и Невеля. А я сказал, маловероятно, чтобы когда-нибудь король согласился уступить его.

Тогда они стали меня неотступно просить позаботиться о том, чтобы великому князю московскому были вообще оставлены 4 или 6 крепостей для сохранения по крайней мере его титула «ливонский»: ведь тогда я могу дать светлейшему королю надежду на мир. Наконец, они попросили меня, чтобы я засвидетельствовал великому князю не только в письме, но и при моем возвращении к нему их усердие и великие старания, с которыми они ведут дело своего государя. Если это они говорят серьезно, что мне кажется правдоподобным (не знаю, может быть, я и ошибаюсь), я умоляю вашу милость оказать мне доверие, не меньшее, чем оказывают московиты, благодаря чему все может закончиться очень скоро во славу божью. А я позабочусь, чтобы и некоторые крепости, взятые в предыдущие годы, остались во власти короля. Но если невозможно удержать вообще всех, я прошу вашу милость именем Христа подумать: не потеряем ли мы всего, если будем желать чрезмерного, и не выскользнул бы из рук прекраснейший случай укрепить государство, приобрести так много ливонских крепостей и приступить к другому, более важному делу. Нужно так ввести войско в ливонские крепости, а это войско не только войско-победитель, но и войско мудрого полководца, чтобы его королевское величество и ваша милость оказались достойными двойной похвалы за оставленное [там] имя божье и католическую религию. Впрочем, какие крепости московиты просят в Ливонии, это будет ясно из той небольшой грамоты, которую московские послы только что передали мне через помощника секретаря Захария на исходе ночи. Эту грамоту, написанную ими по-русски, я посылаю вашей милости. На все это нужно очень быстро и очень ясно ответить, если ваша милость желает отвести свое свойско со славой на лучшие зимние квартиры. Есть еще некое важное обстоятельство, о котором я хотел просить вашу милость во имя божье. После своего возвращения из Московии Андрей Полонский заболел, приобщился святых тайн перед моим отъездом, а после моего отъезда умер. Этот юноша имеет большие заслуги перед государством: ведь ради него и ради самых почетных условий заключения мира он погиб, трижды проделав большой путь в Московию. Та награда, которую он надеялся получить от его королевского величества, я не сомневаюсь, будет дана стараниями вашей милости некоторым его близким родственникам, так как они не очень богаты.

И вот еще о чем я очень прошу вашу милость: если я смогу получить другого надёжного русского переводчика для моего возвращения в Московию, о чём я уже писал, я буду бесконечно благодарен вашей милости, которая знает, что я прошу этого только ради распространения славы божьей и ради того, чтобы со всем моим старанием оказать услуги вашему государству по милости божьей. И так как я знаю, что это письмо ваша милость отошлёт светлейшему королю, то я не сомневаюсь, что его королевское величество извинит меня, если я присоединю к этим письмам не очень большое письмо к нему. Ведь гонец торопится, и мне кажется, что этого будет достаточно.

Да исполнит господь вашу милость своей небесной благодатью.

Из деревни Киверова Горка, возле Пожеревиц и Яма Запольского на исходе ночи, между 14 и 15 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — СТЕФАНУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ[75]

В четвертый раз я пишу вашему королевскому величеству после моего отъезда из лагеря. Это письмо будет не очень пространным, так как я описал почти все в других письмах, в особенности в тех, которые три дня тому назад я послал его милости, великому канцлеру. Я думаю, они попадут в руки вашего величества раньше, чем в его руки.

Беседы послов, которые с 13 дня этого месяца до сегодняшнего дня ведутся почти ежедневно в моем присутствии, еще не привели к желаемому результату. Ведь московиты настаивают на том, чтобы крепости, взятые вашим величеством в предыдущие годы, все вообще были возвращены их великому князю (Полоцка же и других, примыкающих к нему крепостей, они и не требуют). Я очень надеюсь, что вашему величеству будут отданы все остальные крепости Ливонии, находящиеся во власти великого князя московского, хотя московиты и заявляют, что отдадут их на том условии, чтобы по своему желанию оставить некоторые из них у себя. На мой вопрос они ответили, что им поручено, чтобы они были возвращены безо всякого промедления. И как это ни было трудно, я возразил им относительно Невеля, а затем Велижа, Великих Лук и Заволочья, говоря, что, по моему мнению, их никоим образом нельзя вернуть. Но, несмотря на всю мою настойчивость, я не мог добиться и того, чтобы они признали, что эти крепости будут оставлены у вашего величества, и в особенности, не уступят ли они всех крепостей, которыми владеют в Ливонии. В конце концов послы вашего величества отправили одного гонца, и я вместе с ними послал другого к его милости канцлеру, от которого мы сможем узнать самым подробным образом о намерениях вашего величества. Но о том, что московские послы недовольны таким завершением переговоров и что не нужно будет никого отсылать к великому князю московскому, они часто говорили мне, и, кажется, это совсем не является признаком увиливаний и хитрости. Завтра или послезавтра все, с божьей помощью, станет более ясным, прежде чем эти письма дойдут туда, так как, может быть, его милость канцлер уже отослал письма с быстрыми гонцами. Я же захотел отдать некоторые письма к вашему величеству этому кучеру, когда тот уезжал.

Да исполнит господь ваше величество всеми своими благами и вечной милостью.

Из Киверовой Горки, возле Яма Запольского. 17 декабря 1581 года.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КАНЦЛЕР ПОЛЬСКИЙ И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО

Посылаю я вашему священству моего родственника господина Станислава Жолкевского[76], сына белицкого воеводы. От него ваше священство узнает о том, о чем захотело бы узнать от меня самого.

Можно верить не только его словам, но, и если нужно будет что-нибудь сообщить ему, можно совершенно положиться на то, что он будет молчать. Я ручаюсь, что он это так и исполнит.

Поручаю себя вашему священству.

Написано в псковском лагере. 17 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ [77]

Я писал твоей светлости из Бышковичей. Затем вместе с твоими послами я прибыл сюда, в Киверову Горку, расположенную недалеко от Яма Запольского, так как Ям, назначенный тобой для съезда послов, был настолько выжжен казаками, что там не осталось даже кола, чтобы привязать лошадь. Мы начали, с божьей помощью, вести переговоры о мире, и, хотя твои великие послы прилагали при этом много стараний, чтобы заключить мир как можно скорее, великие послы короля Стефана представили им много оснований того, почему они отстаивают то, что просят, — и до сих пор еще не принято ничего определенного. Но я надеюсь, что это будет, по милости божьей, через 2—3 дня и с известной надеждой на мир. Тогда я подробнее напишу твоей светлости и сам в знак своей величайшей преданности отвезу все записи того, о чем шла речь. Я надеюсь, что господь, который и поражает, и исцеляет, из этой столь продолжительной войны создаст еще более продолжительный и прочный мир, а также доставит случай твоему благочестию раздвинуть еще шире границы твоего владычества настолько, насколько, может быть, ты никогда не смог бы, если бы божественное провидение не открыло тебе из твоих страданий лучшего выхода.

Между прочим, я приношу величайшую благодарность от имени великого первосвященника и своего собственного за то, что твои великие послы проявляют ко мне и к моим спутникам свою щедрость по поручению и великодушию твоей светлости среди этой пустыни и скудости во всем. Я прошу у святой троицы вечного воздаяния для твоей светлости и самого счастливого исхода всех благих начинаний.

Из твоей деревни Киверова Горка, близ Яма Запольского. 18 декабря 1581 года.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ, КОРОЛЕВСКИЙ КАНЦЛЕР И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО [78]

Хотя я уже раньше отослал к вашему священству Жолкевского, с помощью которого я открыл вашему священству, что́ именно в Ливонии можно уступить московиту и каким образом, однако впоследствии мне в голову пришла мысль отослать это в написанном виде вашему

священству, как я и делаю. Об остальном ваше священство сможет узнать от того же самого Жолкевского, а также в первую очередь от господ послов.

Да пребудет ваше священство в добром здравии.

Написано в псковском лагере. 19 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ [79]

Сегодня я получил от вашей милости две связки писем: одну от того, кто привез ко мне гонца великого князя московского, задержавшегося в пути или в другом каком-нибудь месте целых восемь дней [80], другую — от господина Станислава Жолкевского, родственника вашей милости, который более подробно сможет рассказать о том, что, по-видимому, полезно знать королевским послам и мне. И если ко всему этому ваша милость пришлет нам грамоту, подписанную его рукой и запечатанную его печатью, мы в своих начинаниях продвинемся вперед с надеждой на самый почетный мир. В противном случае пусть ваша милость воспримет с самой хорошей стороны все, что мы должны решить, так как нам должна быть предоставлена свобода наших действий и со стороны вашего государства, и со стороны великого первосвященника, и самого великого князя московского, и, может быть, со стороны прочих государей. Я уже не говорю ничего о нашем ордене, залогов и заложников которого в таком количестве имеет, конечно, Польша, так что еще следует очень позаботиться о них и их добром имени.

Я знаю, что ваша милость со свойственной ей проницательностью уже очень хорошо поняла, насколько важно для дела, чтобы та инструкция, которую король обещал дать послам, написав ее своей рукой, была им передана и остальное было обсуждено таким образом, чтобы в столь суровое время года не было никакой задержки для завершения этого благого дела. Я так рад, что ваша милость одобряет мою верность, что я позволяю себе надеяться, что она никогда не подвергнется осуждению.

Да укрепит Иисус сердце и десницу вашей милости. Из Киверовой Горки. 20 декабря 1581 года, ночью.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ [81]

Юрий Пузиков [82], гонец твоей светлости, прибыл сюда вчера и передал мне твои письма, в которых ты извещаешь меня, что письмо, которое я раньше отослал к тебе в Новгород через Василия Замесского, было тебе передано. Ты приказываешь мне, чтобы я заключил между тобой и королем Стефаном прочный мир. Впоследствии, я надеюсь,

ты узнаешь, с каким рвением, собрав все свои силы, с божьей помощью я стремился к этому. Уже пять раз собирались у меня великие послы, как твои, так и короля Стефана, и проводили почти целые дни в переговорах об отдельных вопросах, а твои послы не перестают ежедневно приходить ко мне в частном порядке и вести переговоры обо всех тех планах, благодаря которым перестанет проливаться христианская кровь. И хотя королевские послы предложили тройной, очень запутанный узел, я прилагаю усилия его распутать. Дело в том, что шведский король, которого великий первосвященник и король Стефан желали включить в условия перемирия, никого не прислал на съезд, и послы короля Стефана ответили, что у них нет никакого поручения от шведского короля. Это вынуждает к тому, что переговоры между тобой и шведским королем нужно отложить настолько, чтобы они не помешали заключению мира. От короля Стефана идет и другое условие — чтобы ты отказался от титула и права на всю Ливонию. При этом я настойчиво просил королевских послов, чтобы они или отложили по моему совету это дело, или, если они этого не хотят, чтобы из-за этого не было задержки для обсуждения остальных вопросов перемирия. И по вдохновению свыше я заставлю растопиться этот камень, чтобы, когда дела будут улажены, этот узел не представил бы для тебя препятствия к заключению мира и не нанес бы тебе ущерба. Но последний, третий вопрос, а он самый трудный, которым мы занимаемся, касается не только той части Ливонии, которой ты сейчас владеешь и которую тебе нужно передать королю Стефану, но и того, чтобы оставить ему те крепости, которые он взял за последние два года, то есть Великие Луки, Невель, Велиж и Заволочье. Что касается остальных, которые принадлежат псковским владениям, то есть крепости Холм вместе с той дорогой, которая идет из крепости через все это пространство на протяжении многих льё, они согласны передать их твоей светлости. Относительно других крепостей, без которых, как утверждали твои великие послы, никоим образом нельзя заключить мира, я послал к канцлеру королевства польского, которому король Стефан предоставил полную возможность решать эти дела, письмо с просьбой, чтобы он склонил королевских послов своими письмами к тому, что нужно передать тебе или их все, или некоторые, или, по крайней мере, эту крепость, что, как мне казалось, более соответствует твоим планам. И последнее, чего я с большим трудом добился: они сказали, что по моему совету из четырех возвратят одну, но так, чтобы крепость Себеж, расположенную в полоцкой области, ты передал королю Стефану. Так как они настаивали на этом и уехали со съезда с намерением не возвращаться больше, я сейчас же в полночь, когда я пишу твоей светлости, послал к ним записку, чтобы они ни в коем случае не уезжали из той деревни, где остановились — в двух льё отсюда, в Запольской области, но чтобы во всяком случае завтра вернулись ко мне; и я надеюсь, что из уважения к авторитету великого первосвященника они это сделают.

Хотя я и понимаю, что все это с самых древнейших времен исходит от сатаны, низвергающего всякое благо, того, кто, будучи с самого начала убийцей, более всего жаждет пролития христианской крови,

однако, по бесконечной милости Иисуса Христа, я надеюсь, Христос, одержит верх.

Между прочим, я послал в королевский лагерь к канцлеру польского королевства очень близкого своего человека, чтобы он разузнал, не решил ли король Стефан отдать какую-нибудь другую крепость и чтобы он самым откровенным образом раскрыл мне замысел короля, а если будет нужно, чтобы он сделал так, чтобы были отосланы письма к королю Стефану с гонцом на самых быстрых лошадях, чтобы весь твой народ не изнывал от тех величайших несчастий, которые мы видим повсюду. И если через три дня вернется мой посланец из королевского лагеря и привезет то, чего желают твои великие послы и о чем они заботятся со всем усердием, мы вознесем благодарность господу, во имя которого и будет заключен мир. Если же твои послы не смогут отдать Ливонии без этих крепостей, я буду добиваться, насколько это будет возможно, как ты мне пишешь, подождать ответа твоей светлости. Однако я боюсь, что если это затянется на более продолжительное время, король Стефан в надежде на новую войну захочет мира только на таких условиях, которые всегда казались тебе несправедливыми. Кстати, он отправился в Вильну, чтобы собрать новое войско и совсем недавно приказал привезти из Риги провиант в лагерь под Псков, где намеревается провести январь и февраль. И послы его часто бросают упреки, что много крепостей в Ливонии уже заняты другими, а их они не могут добиться только по твоей вине, так как ты не захотел передать их в прошлом году. Они понимают, что если отдадут тебе все крепости, взятые королем Стефаном, то это будет больше любого количества территории, которое ты намереваешься отдать им из Ливонии. Вот почему я чистосердечно открою тебе душу (что я всегда делал): если бы я мог добиться от короля Стефана одной или двух крепостей в Ливонии, благодаря которым тебе прямо открылся бы свободный доступ к Ливонскому морю, я предпочел бы скорее их, чем все остальное, занятое королем Стефаном за последние два года. Ведь таким образом ты не отступился бы совершенно от Ливонии и ничего не потерял бы на ливонском побережье (если не считать какого-то титула «ливонский»), для того, чтобы поддерживать дружбу с христианскими государями, и в особенности с великим первосвященником, и для того, чтобы приезжали иностранные купцы, которые небесполезны в твоих владениях. Но твои послы до сих пор не объявили мне, что ты дал какие-нибудь полномочия такого рода, и я сам попытался осуществить с послами короля Стефана следующее: не согласишься ли ты оставить королю Стефану Новгородка Ливонского, которого ты добиваешься, или другого, подобного по своему значению, вместо крепостей, взятых королем Стефаном: Заволочья, Велижа, Невеля (я исключаю Дерпт, так как о его передаче тебе король Стефан и его сенаторы никогда не желали ничего даже слышать). Поэтому, я не знаю, могу ли я надеяться на мир, хотя я искренно могу поклясться, что по милости божьей до самой своей смерти я буду стремиться к тому, чтобы установился самый прочный мир. Но так как король Стефан хочет Себежа, и если твои послы не захотят его отдать, то, конечно, будет крайне необходимо (как, мне кажется,

я слышал), чтобы по его разрушении сельская местность, которая принадлежит этой крепости, была передана королю Стефану, если ты хочешь мира. Затем, исходя из всего этого, королевские послы просят, чтобы обязательно ты пощадил всех тех крестьян, присягнувших королю из-за страха войны и столь больших бедствий, из этих владений, которые перейдут к тебе взамен псковских крепостей или какой-нибудь другой крепости. Хотя я и не сомневаюсь, что твоя светлость сделает это, однако я умоляю тебя согласиться на то, что я вместе с твоими послами клятвенно пообещаю относительно этого дела от твоего имени королю Стефану. Я горячо желаю, чтобы ты сделал то же самое в отношении как ливонских пленников, так и других, которых добивается король Стефан. А ведь этот государь говорил мне, что, кроме множества других, он имеет пленниками около 200 знатных московитов, за которых он по праву может просить более 200 тысяч флоринов. Он считает, что, конечно, из-за того, что они в плену, получилось так, что ты не можешь собрать полноценного войска и вести войну; кроме того, многих захватил также и шведский король, а несколько дней тому назад Ян Замойский заманил некоторых из самого Пскова, приготовив засады из всадников, и взял в плен вместе с Петром Колтовским.

Главное состоит в том, что я из самых искренних побуждений не оставлю этого дела. А когда ты будешь мне отвечать, если мир еще не будет установлен, дай своим послам и мне самые большие полномочия для его заключения и знай, что великий первосвященник Григорий XIII желает тебе всяческих благ от души и по своей отеческой любви. И я прошу тебя еще и еще, чтобы тот священник, которого я оставил у тебя и которого я вверил твоему милосердию вместе с другим человеком, Михаилом[83], как можно скорее написали бы мне о своем состоянии.

Да исполнит тебя всеми своими благами святая троица.

Из Киверовой Горки. 21 декабря 1581 года.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО

О тех делах, о которых доложило мне ваше священство через господина Жолкевского, я написал господам послам, чтобы они [мой ответ] сообщили вашему священству. А избавиться от затруднений, которые порождены этими делами, помешало в особенности то, что московит во время прежних переговоров не сделал никакого упоминания о некоторых из них (речь идет о Велиже). Но ваше священство сможет полнее узнать об этом от господ послов, которым я передал собственноручный наказ, как они этого хотели, о том, что́, по моему мнению, можно уступить.

Вверяю себя расположению вашего священства. Написано в псковском лагере. 22 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ [84]

Господин Пиотровский [85] прибыл к нам позавчера с письмами от вашей милости, написанными 19 числа сего месяца. Немного спустя королевские послы отвели его в ту деревню, которую они выбрали себе для жилья, а вчера он вернулся ко мне после полудня и сказал, что, получив от послов ответ для вашей милости, торопится в лагерь, а если мне угодно дать ему что-нибудь, он передаст это надлежащим образом. Я был несколько удивлен, что мне не было передано собственноручное письмо вашей милости о ливонских крепостях, которые должны быть оставлены великому князю московскому, и мне ничего не было сообщено обо всем том, о чем писала ваша милость послам, а именно: что́ они в первую очередь должны сообщить об этом мне. Королевские послы уже после того, как пришли, под влиянием тех соображений, о которых слышал Пиотровский, наконец-то достали из-за пазухи два собственноручных ваших письма и отдали их тому, кому они предназначались, то есть мне. И тогда, услыхав о том, что я разузнал у московитов и заметив, что я очень огорчен тем, что, кроме всего прочего, московский гонец был [ими] задержан в течение 3-х дней, что не могло не принести некоторого вреда всему делу, прежде чем передать письма великого князя и те, которые ваша милость написала мне 13 декабря, они вернулись в свою деревню, чтобы (как я полагаю) приписать что-нибудь к остальным письмам, которые они уже написали за день до этого. Но, конечно, медицина не может излечить того, чего не знает, и никогда недоверие, соединенное с подозрениями, не порождало ничего хорошего у тех, кто дрожит, когда не только нет оснований для страха, но даже, когда они воочию видят труды, идущие от самого сердца, которые не остаются без плодов [86].

Впрочем, что касается самого дела, то они вчера по моему совету сказали, наконец, московитам, что не будут больше вести никаких переговоров о Ливонии, если те не отдадут ее всю целиком. Я по общему решению предложил московитам Луки, а московиту написал грамоту, приложив ее к этому письму, как только господин Жолкевский открыл мне мнение вашей милости. Я сделал это для того, чтобы не было никакого промедления для завершения дела: ведь московские послы не хотели никак открыть мне (они сделали это позже), что у них есть поручение поменять крепости, взятые королем, на какие-нибудь другие ливонские крепости. После этого я позвал их к себе на рассвете того дня, когда я пишу это письмо, и со всем рвением, на какое я только способен, доказывал им, что, если бы я смог отстоять для них в Ливонии только пространство земли величиной с ноготь, они с великой охотой должны были бы оставить светлейшему королю следующие крепости: Заволочье, Невель, Велиж и Луки и что я, свидетель господь, добился у вашей милости лишь того, что, наконец, смог предложить им кое-что из Ливонии. Мало-помалу, предлагая как бы только от своего имени и намекая, что королевские послы не знают о том, что мы говорим, я внушил им то, что, мне казалось, очень соответствовало интересам великого князя московского, а именно: если московиты бу-

дут владеть Новгородком Ливонским и Сыренском, они уже больше не будут требовать других крепостей — Заволочья, Велижа, Невеля и Лук. Наконец, также я предложил им Лаис, говоря, что в этом я вижу последний способ заключения мира. Таким образом они самым чистосердечным образом раскрыли свои намерения: если бы они отказались от такой милости, то, я свидетельствую перед богом, сам господь бог перенес бы всю свою милость на войско короля, который легко (как уже и делают другие) смог бы занять владения великого князя в Ливонии, подчинить себе осажденный Псков и ввести в Московию свои войска, а они у него стоят под знаменами, а московские послы, так как они не показывают мне своей раны, для лечения которой я мог бы предложить средства, дали бы отчет судье Иисусу Христу в пролитой крови. Тогда, испугавшись, они стали все разом просить меня, чтобы я пока еще соблаговолил выслушать их немногочисленные возражения. Затем они прибавили, что дают клятву и целуют крест на том, что ничего от меня не скроют. Если у них у всех десять голов, то они лишатся всех их, если по их вине хоть что-нибудь будет отнято у их государя, о чем не упомянуто в их поручениях. Свою инструкцию они с полным доверием покажут мне сегодня. Они думают, и бог в том свидетель, что мир, которого они желают даже ценой своей крови, может осуществиться при трех условиях: во-первых, если вообще всю Ливонию, которая находится у них в руках, нужно будет уступить, то они сделают это тотчас же, не удержав ни одной пяди, если король Стефан возвратит великому князю те крепости, которые взял: Луки, Велиж, Заволочье, Невель вместе с псковскими пригородами; во-вторых, если королю будет угодно, чтобы они владели Заволочьем, Луками, также Новгородком Ливонским и Керепетью, они уступят остальную Ливонию, а Невель и Велиж оставят королю; в-третьих, относительно Себежа они имеют поручение сжечь его, если король сожжёт Дриссу, а псковские и полоцкие границы возвратятся в прежнее состояние. Таким образом, они отказываются и от Дерпта, о котором очень много и часто они донимали меня вопросами. Если король не согласится на эти условия, у них не останется другого выхода, как писать самому великому князю московскому, от которого можно ожидать ответа дней через десять. В конце концов они потребовали, чтобы я позаботился об окончательном заключении мира. Но среди разговора они сказали, что Сыренск целиком находится в руках шведского короля, крепость Лаис находится в середине Ливонии и со всех сторон окружена другими крепостями, крепость Керепеть не укреплена, но я слышал от Пиотровского, что она находится во власти герцога Магнуса, брата датского короля, и нужно подумать, что́ можно сделать для ее возвращения, чтобы нам выполнить свое обещание. Вот что, с божьей помощью, мне удалось сделать к настоящему времени.

Остается одно, чтобы ваша милость как можно определённее и скорее написала нам ответ и, наконец, убедила бы некоторых из них [послов], чтобы они или время от времени говорили со мной по существу дела, или сами свободно решали, что они могут делать. Я потребовал у московских послов, чтобы они сказали мне под клятвой, будут ли они удовлетворены, наконец, одной крепостью Заволочьем

или Луками, если прочее будет улажено (двух же целиком они не получат), они ответили, что, конечно, никоим образом не могут этого сделать — и это самое крайнее, что есть у них в поручениях. Поэтому я повторяю то же самое еще раз — я буду очень просить вашу милость написать так, чтобы в письме не оставалось места для кривотолков, о Себеже или о сельской местности при нем — отдавать ее или нет, о Дриссе — нужно ли сжечь или нет. А также, чтобы послам была дана самая полная и свободная возможность решать вопрос о пленных: если какие-нибудь останутся в руках короля, каким образом они должны быть выкуплены или возвращены, и о других делах, а также о способе возвращения крепостей и выполнения других дел, формулу чего я составил этой ночью, чтобы ваша милость нашла время ее продумать и ясно открыть мне свое мнение.

Свидетельствую вашей милости свое почтение и молю божественную благодать ниспослать вам благополучие и полное счастье.

Из Киверовой Горки. 24 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ [87]

Позавчера мы все через Пиотровского передали письма для вашей милости. Уже был полдень, когда королевские послы, удалившись отсюда, решили, что не стоит обращаться к московитам после того, как только за один час до этого от слуги вашей милости мы получили третьи условия перемирия. Поэтому дело было отложено до завтрашнего дня с той целью, чтобы тем временем выведать что возможно у московитов. Ведь вчера самая суть дела стала более ясной для них. Сам я прилагал старания, чтобы разузнать решение московитов и чтобы не осталось ни малейшей трудности для завершения дела. Если говорить открыто, я в письменном виде потребовал то, что, по их словам, они уже полностью обсудили и могут исполнить. И хотя вчера рано утром я намекнул об этом королевским послам, они сегодня сказали, что собираются уйти и что у них почти нет ничего другого, что они могли бы предложить. Я ответил, что было бы хорошо, если бы они предложили московским послам то, о чем писала нам ваша милость 22-го числа этого месяца, или все целиком, или частично (как они обещали раньше). Но королевские послы сказали, что они исполняют лишь поручения, данные королем, и не принимают тех условий, которые предложила ваша милость. Я ответил им, что уверен в том, что ваша милость знает и самым чистосердечным образом излагает королевскую волю; дело же, которое мы начали, нельзя подвергать изменениям. Я прибавил, что знаю наверняка о том, что они сами уже три раза посылали в лагерь, чтобы узнать королевскую волю обо всем этом (а она известна и вверена только вашей милости), и жаловались, что на самом деле им не было дано полной свободы действий, и они не могут не оказывать доверия вашей милости. А это они или получили из другого источника (они говорили, что получили новые письма из

лагеря), или решение это, касающееся то ли существа дела, то ли, по видимости, изменения прежнего плана, они приняли сами. Как будто бы это принесло пользу делу или, если богу угодно, необходимо для меня. Если бы я действовал иначе, чем до сих пор, то есть прилагая величайшие усилия, дело, может быть, не было бы доведено до такого состояния, что мы уже почти имеем мир (если захотим); если бы не мешали уловки со стороны московитов, скрытые настолько, что я не мог при всей моей проницательности раскрыть их.

Не московиты, но сами королевские послы до сих пор пользовались моими стараниями, чтобы проводить день за днем, сохраняя некоторое достоинство, пока они не получили от вашей милости более ясного ответа. Таким образом, в конце концов я усердно стал просить их, чтобы они не повредили почетному исходу столь большого дела своим нетерпением и, если бы они решили уехать, чтобы всякий раз грозили московитам, но не делали этого. А последние по этой причине начали догадываться, что королевским послам нужно уступить нечто сверх того, что они предлагали раньше. Вчера королевские послы сказали, что воспользуются моим советом и сегодня предложат московитам, по моему усмотрению (как они и раньше делали), Ржеву и одну из двух крепостей, Невель или Заволочье. Московиты же, удивившись, что Ржева отделяется от Заволочья, и считая это отделение лишь обманом, однако, не возражали против того, чтобы я на следующий день (что я и сделал по просьбе королевских послов) высказал свое мнение об одной из этих крепостей. После этого московиты показали мне разделы своего Наказа и передали как будто бы последнюю грамоту с другими условиями, может быть, более мягкими для короля. И то, что захотели услышать об этом от меня королевские послы, все это я им доложил. Образец этой грамоты вместе с ее переводом я посылаю вашей милости. Можно ли теперь добиться чего-нибудь большего от московитов, о чем в эту ночь я пытался [выведать] у них с величайшим старанием (правда, я до сих пор ничего не сообщил им о том, что королю нужно оставить один Велиж), мы узнаем сегодня, если только сегодняшний день будет посвящен окончанию съезда, как сказали королевские послы. Если они должны будут отослать посланца мира с вестью о том, что московиту оставлена одна крепость Новгородок Ливонский, а королю московиты добровольно отдали Велиж, я поеду для исполнения других дел в Московию, куда разрешил мне проезд светлейший король. Он говорил мне самым определенным образом, что божественное око узрело гораздо раньше, чем мы, гораздо лучшее, и каждому государю в отдельности (если не сказать обоим) оно по своей бесконечной мудрости и справедливости покажет выход из продолжительной войны скорее делом, чем словом. Поэтому, да свершится во всей своей чистоте одна его воля и слава!

Между тем я не солгу, если скажу, что я довольно остро почувствовал, что те изменения, которых могли бы бояться даже и московиты, имеют видимость набивания цены. Но так как это не имеет особенно большого значения, если это нисколько не вредит вашей милости, я переношу легко и все перенесу. О, если бы ваша милость оказалась здесь на один-единственный день! Мир был бы заключен. И сколько бы

сатана ни жаждал человеческой крови и сколько бы он ни завидовал прекраснейшему случаю, представившемуся королю, оказать услуги католической церкви и предоставить своим подданным и своему государству большие возможности, и сейчас и в другое время я не перестаю надеяться на лучшее. Хотя, впрочем, я вижу, что из-за одной крепости, которая не достается ни тому, ни другому государю, многие [крепости] изо дня в день попадают в чужие руки, да и многое другое доставляет неприятности. Мне пришли в голову две мысли: если бы мир был заключен сегодня или завтра, то нужно формулу условий мира, которую они должны представить в написанном виде, в первую очередь показать вашей милости, чтобы при самом исходе дела не случилось какой-нибудь задержки. Эту формулу я пытался обсудить с королевскими послами, но они проявили странное желание уклониться от этого. Поэтому, чтобы исполнить долг моей совести, я посылаю ее вашей милости, так как господин воевода браславский [Збаражский] сказал мне, чтобы до моей встречи с послами я написал вашей милости, к которой тотчас поспешно отправится слуга. Во-вторых, может быть, [следует] вашей милости послать господина Варшевицкого[88] к светлейшей польской королеве с тем, чтобы тот сообщил ей, какое решение принято на нашем съезде польским королем о светлейшем короле шведском, и чтобы он настроил ее на то, чтобы написать обо всем светлейшей королеве шведской и затем позаботиться об имени нашего светлейшего короля. После возможно более быстрого обсуждения дел у короля и в сейме, может быть, нужно будет послать того же Варшевицкого в Швецию, а это помогло бы приобрести расположение и авторитетную поддержку, небесполезные в случае поспешного похода. Если же мы не добьемся мира, то пусть [ваша милость] подумает, не угодно ли ей будет написать мне что-нибудь в дорогу: я никогда не упущу случая проявить свою преданность, уже достаточно испытанную как по отношению к светлейшему королю, так и, конечно, по отношению к вашей милости, которой я желаю самого счастливого начала года и успехов.

Из Киверовой Горки. 26 декабря 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ (ПРИПИСКА К ПРЕДЫДУЩЕМУ ПИСЬМУ)

То, что не вошло в другие мои письма, заключается в следующем: вчера глубокой ночью московиты усиленно просили меня (что они делали и раньше) о том, чтобы дать им возможность, если нет никакого другого способа заключить мир, подождать 10 дней, о чем я раньше уже писал вашей милости, с тем, чтобы они могли написать великому князю московскому и получить ответ. Я решительно отнял у них эту надежду, мало того, даже прибавил, что уже готовы конные люди, чтобы сопровождать их на следующий день в Московию. Они, очень сокрушаясь, сказали, призывая бога в свидетели, что сами не

настаивают на том, чтобы мир был заключен на более выгодных [для них] условиях: они надеются, что под покровительством пресвятой богородицы, из-за почитания и храма которой они только и просили в Ливонии Новгородка Ливонского, господь не оставит московитов, как это было раньше в крепости Печерского монастыря, где пресвятую деву очень почитали[89]. Но они очень горевали, так как их великий государь, который должен был удержать за собой Дерпт, где он учредил святое богослужение и назначил владыку, попов и архиереев, думает, что в будущем лютеране и прочие еретики собираются там утвердиться, а храмы и святые иконы уничтожат, как они сделали повсюду. Однако, чтобы не проливалась кровь христианская, великий государь уступил этому желанию. Но господь, справедливый судья, который отнимает и учреждает царства, накажет за это, а в этом они и видели вообще причину всего, хотя в конце концов великий князь намерен вооружиться не хуже, чем был вооружен король Стефан. Я ответил, что король Стефан, ваша милость и очень много поляков — католики и что в королевстве польском утверждено решение ни в чем не вредить храмам и должному почитанию святых, но восстановить в Ливонии более правильное, чем до сих пор, то есть католическое, богопочитание. Когда я это сказал, мне пришла в голову мысль, не внести ли это в условия мира как для того, чтобы объявить миру о благочестии светлейшего короля, так и для того, чтобы солдаты, которых нужно будет разместить по крепостям, руководствовались тем, что подобает христианам и не подобает язычникам. Впрочем, когда я им решительно сказал, чтобы они сами не позволили из-за одной крепости потерять такой удобный случай, они уже мягче мне ответили. Итак, для завершения дела тем способом, о котором я писал, есть все и не может быть и речи о каком-либо промедлении, когда дела уже достаточно улажены.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ

Господин Фома[90] передал мне письма от вашей милости. Это было мне очень приятно, так как я понял, что намерениям вашей милости будет соответствовать то, что в Новгородке Ливонском и других крепостях не погибнет должное почитание бога и пресвятой девы, как только эти ливонские крепости будут переданы его королевскому величеству. Что касается Велижа, то я предложил московским послам оставить эту крепость королю, говоря, что я даже при последнем своем издыхании оправдаю их перед московским князем, если в поручениях их государя не сказано об этом. После долгих переговоров сошлись на том, чтобы Велиж в нетронутом состоянии оставался у короля, а Себеж, тоже в нетронутом состоянии, был у великого князя, если у них не будет Велижа, или наоборот. И хотя я никогда ясно не представлял себе мнения светлейшего короля об этом деле, я надеюсь, это не доставит нам беспокойства, если будет успех в другом,

а именно: завтра, может быть, [все] разрешится во имя Христа. Пусть у короля будет Дрисса, у великого князя Себеж, о которых, если даст бог, я поговорю по моем возвращении в Московию, если каким-нибудь способом смогу добиться, чтобы мои доводы в живой речи заставили его согласиться на то, чтобы сравнять с землей обе крепости. И если мир будет заключен, тотчас, не позднее чем через один день и одну ночь, должны быть присланы из Порхова порховский воевода, а из Великого Новгорода — пятеро других, чтобы отдать ливонские крепости и получить крепости, взятые королем, если ваша милость даст верных людей, с помощью которых это было бы сделано. Московиты говорят, что Себеж находится в ста верстах от Дриссы. Если бы к ним отошел Дерпт, они согласились бы сравнять с землей Себеж. Если бы я получил от вашей милости более полное разъяснение этого предложения и той формулы условий, которую я отослал, я смог бы, может быть, кое-что прибавить к записям перемирия для более скорого осуществления всего дела. Но я не сомневаюсь, что обо всем этом написано послам. Скажу только одно: я надеюсь, что ваша милость прикажет, чтобы казаки и остальные люди из тех, кто привык проливать кровь, если бы захотели добыть продовольствие или что-нибудь другое, вовремя удерживались налагать руки на детей, невинных людей, не несущих военной службы, чтобы не вносить отчаяния, хотя они и думают, что причиняют врагу страх, чтобы не вызвать гнева, истощив терпение [московитов]. Если ваша милость сочтет нужным послать в лагерь какого-нибудь знатного московита, который после клятвенного утверждения мира известил бы в присутствии вашей милости обо всем псковского воеводу, вызвав кого-нибудь из самого города, это, может быть, оказалось бы небесполезным для вашего войска.

Московиты настаивают, чтобы все пленные были свободно переданы, о чем говорили мне и королевские послы и что до сих пор вызывает трудности. Московиты в записях [условий перемирия] точно и ясно требуют, чтобы это делалось без какого бы то ни было промедления: пусть ваша милость поступит в этом случае по христианскому благочестию. Я же считаю, было бы лучше, чтобы пленники, находящиеся в лагере, или прибыли сюда вместе со мной, или, по крайней мере, было сделано так, чтобы солдаты не отправили их куда-нибудь в другое место. Таким образом, господь вернее исполнит победами тех, кто будет хранить веру в большей чистоте.

Если в начале этого года будет провозглашен мир, на обязанности вашей милости будет собрать возможно большее число людей в уже приближающийся день Богоявления, чтобы вознести благодарность господу и принять святых тайн, чтобы королевство польское, увеличившись в новом году, благодаря исходу перемирия, приобрело бы еще больше милостей неба.

Да укрепит Иисус сердце и десницу вашей милости.

Из Киверовой Горки, в последний день 1581 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ[91]

Письма вашего величества из Дюнебурга я получил вчера. А незадолго перед этим я получил от великого князя московского другие письма, которые в эту же ночь, как я делал и со всеми остальными (я получаю их здесь в третий раз), отослал послам вашего величества для прочтения. Из них, а их копию я посылаю вашему величеству, ваше величество поймет, насколько решительно этот государь стал настаивать, чтобы я позаботился о заключении мира, который (если здесь не скрывается нечто, что мне неизвестно) будет заключен через два-три дня на определенных условиях, а именно: московит уступает вашему величеству всю Ливонию, которая находится у него в руках, также оставляет Велиж и возвращает в этих крепостях часть пушек, некогда взятых у поляков. В течение восьми недель он отдает все те ливонские крепости, которые находятся в его власти, начиная от самого города Дерпта. А ваше величество возвращает московиту Луки, Заволочье, Невель, Холм и те псковские пригороды, которые были взяты в прошлом году вместе с пушками, принадлежавшими московиту, отводит войско из-под Пскова и таким образом устанавливает мир с обеих сторон на девять лет, хотя я и собираюсь настаивать, чтобы он был на более продолжительное время (я говорил, что получу письма от великого князя). Остается вопрос о пленных. Королевские послы (получив новое поручение) говорят, что это должно осуществиться совсем не так, как было решено в лагере и как нам было предписано вашим величеством.

Сегодня на собрании послов были прочитаны другие полномочия, присланные московским князем: он убедился, что первые были недостаточно велики. Отсюда к нему был отослан экземпляр полномочий вашего величества, переданный мной московским послам. И так как из экземпляра других писем, присланных мне московским князем несколько дней тому назад, ваше величество должно еще яснее понять то, что я написал ему из Бышковичей: почему я не отвечал на письма вашего величества, в которых ваше величество изволило настаивать на том, чтобы я позаботился о свободной передаче московитам всего, что имеется в Ливонии. Копию самых последних полномочий, присланных московским князем, я перешлю, с божьей помощью, через другого человека, направляющегося сейчас же прямо к вам, если слуга досточтенного канцлера, который торопится в лагерь, не сможет подождать.

А теперь я осмелюсь изложить храбрейшему христианскому королю то, что имеет отношение к результатам столь большой победы. Дерпт — самый главный город из епископских городов, а его господь вручил вашему величеству, и, я скажу, из тех, которые еще никогда не находились во власти польских королей. Я уже знаю, какое именно решение было у вашего величества относительно этого города, какие письма были написаны к великому первосвященнику и то, о чем неоднократно ваше величество благоволило говорить мне, когда решило из других мест перевести католического епископа, коллегию и прочее

в Дерпт. Это будет для вашего величества тем легче, что на основании тех доходов, [сумма] которых была определена московитом и которые шли на содержание владыки, попов и архиереев (а их теперь отзывают в Московию), можно будет восстановить правильное богопочитание. И так как этот еретик уже вернулся к себе[92] и ваше величество узнало, как много было помех не только для [учреждения] второй нашей коллегии, но и для всей католической религии, то я умоляю ваше величество милосердием Христа, властью которого и царствуют короли, чтобы, когда оно будет назначать главой всей Ливонии искреннего и бестрепетного католика, пусть одновременно ваше величество поставит во главе крепостей таких людей, которые не опорочили бы имя и церковь божью. И мне кажется, что для Дерпта нет никого более подходящего (из тех, кого я знаю), чем господин Зебжидовский[93], который в течение 6 лет великодушно своими большими средствами как истинный католик оказывал помощь вашему величеству, не говоря уже о заслугах его отца, оказанных государству в более давние времена. Я еще в лагере узнал Зебжидовского, а до этого он учредил в Люблине коллегию нашего Общества. Чуть ли не в разгар войны он просил меня настойчивым образом, чтобы я позаботился как можно скорее послать в этот еще недостаточно обработанный виноградник своих работников. Еще лучше я узнал его благочестие, когда он исполнял при мне во время путешествия обязанности проводника и руководителя, а во время съезда послов он оказал государству польскому самые верные и истинно христианские услуги. Итак, я рекомендую его вашему величеству от имени христианского мира и беру бога в свидетели, что никто не говорил со мной об этом деле прежде, чем по внушению свыше оно не пришло мне самому в голову. И если ваше величество это сделает и этот мир, по-видимому, будет иметь прочное основание, то я осмелюсь по возвращении из Московии просить ваше королевское величество подготовить светлейшего господина Андрея Батория[94] для того посольства или миссии, которое я предлагал вашему величеству в лагере как в письменном виде, так и в беседе. И я не сомневаюсь, что ваше величество очень хорошо поймет, насколько это послужит великой славе божьей, достоинству светлейшего государя и укреплению Ливонии. Желаю, чтобы в начале этого года ваше величество было осыпано всеми дарами божественной мудрости и молю об этом бога.

Из Киверовой Горки в день св. Богоявления [6 января], к вечеру, 1582 год.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — АННЕ, КОРОЛЕВЕ ПОЛЬСКОЙ[95]

Уезжая от светлейшего короля в Московию, я старался исполнить поручение великого первосвященника и его величества, а именно включить короля шведского в условия перемирия. После того как я из псковского лагеря прибыл на съезд послов, который состоялся здесь в моем присутствии (по желанию обоих государей), я обратился с просьбой к его королевскому величеству, прислать сюда господина

Христофора Варшевицкого с тем, чтобы тот присутствовал на этом съезде, а также повел дело светлейшего короля шведского так, чтобы и он, и светлейшая королева шведская узнали, как высоко ценит светлейший король польский рекомендацию вашего королевского величества, и чтобы король шведский не был забыт при этих переговорах о мире. А это я пытался сделать не один раз (и к тому же усердно) как от имени королевских послов, так и от своего собственного (как и раньше в Московии). Однако на письма об этом деле великого первосвященника и светлейшего короля польского нет никакого ответа, и господин Понтус Делагарди[96], к которому я из лагеря с согласия светлейшего короля посылал письма в Ливонию, ничего мне не ответил. Поэтому нам нечего ответить московским послам, когда они упрекают нас, что на съезде послов нет никого, кто от имени светлейшего короля вел бы переговоры о мире, имея соответствующие полномочия. Поэтому нельзя было сделать ничего определенного, и московские послы ответили то же самое, что отвечал мне в Старице сам московский князь, а именно: если светлейший король [шведский] пошлет в Московию послов о мире, их примут с почетом. А я, наперед зная об этом и высказывая это мнение светлейшему королю, говорил, что нужно господина Варшевицкого, приехавшего на съезд, ранней весной послать в Швецию, чтобы он рассказал о заботливости светлейшего короля. Я понимал, что мне нужно будет позаботиться (как я и делаю сейчас) о том, чтобы послать того же Варшевицкого к вашему величеству известить обо всем. А ваше величество смогло бы тем временем заранее убедить светлейшую королеву шведскую (а это можно сделать двумя путями), чтобы она склонила своего светлейшего супруга к таким действиям, с помощью которых можно было бы уладить остальные затруднения с польским государством, чтобы не разгорелась еще более тяжелая война между двумя государями. Поэтому, если господин Варшевицкий отправится в Швецию, вашему величеству нужно будет уведомить его о том, что относится к остальным делам. Я не сомневаюсь, что можно провести через сейм решения, на основании которых шведскому королю было бы дано достаточно из того, что ему полагается, чтобы и он оказался более сговорчивым и уступил то, чего желает светлейший король [польский] для блага и пользы государства. Если я смогу прибыть на сейм, я приложу старания к тому, чтобы оказаться в этом деле самым преданным человеком, как приказал великий первосвященник.

Между тем вверяю себя святым молитвам вашего величества. Да осыпет господь ваше величество всеми своими вечными благами.

Из Киверовой Горки. 13 января 1582 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — СТЕФАНУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ

Светлейший господин Альбрехт Радзивилл[97] возвращается к вашему величеству, чтобы сообщить о том, что переговоры на съезде послов по милости божьей закончены. Документы всех этих перегово-

ров, которые я вел по порядку, я сам привезу вашему величеству (если это будет угодно божественной воле). Я верю, что ими воспользуются потомки, кроме того, они окажутся небесполезными для сохранения прочности того, о чем велись переговоры. И, так как светлейший господин Альбрехт Радзивилл в таком [молодом] возрасте послужил государству в этом деле как самый преданный католик, я не сомневаюсь, что и при ведении других дел он окажется в высшей степени полезным. Он докажет вашему величеству, что господь не по возрасту, а по истинной католической вере и рассудительности осеняет умы людей и с радостью дает им проявиться во имя своей славы. У вашего величества будет много людей в Польше и Литве, которые могли бы служить государству как католики, если ваше величество будет иногда для этого назначать подобных молодых людей.

Да осыпет Иисус ваше величество своими милостями и да ниспошлет ему самое прочное счастье.

Из Киверовой Горки. 14 января 1582 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — СТЕФАНУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ

Я уже писал о светлейшем господине Альбрехте Радзивилле вашему величеству. Однако я не могу отказать в таком же письме о господине Михаиле Гарабурде, который попросил об этом у меня с большой скромностью. Речь пойдет здесь о том, чтобы воздать ему должное по истинному положению вещей от чистого сердца (а не из расположения к нему) и по обязанности благодарного человека, любящего ваше государство и королевство. Он [Гарабурда] помогал пользоваться обстоятельствами и узнавать московитов и, конечно, принес очень много пользы всему делу заключения мира. Ко всему этому добавляется то, что, когда в моем присутствии все послы скрепляли мир крестным целованием и московиты по своей русской вере убеждали его не целовать наш крест, а целовать крест московитов, он в большом кругу людей предпочел истинную веру и достоинство вашего величества своему собственному убеждению, от которого господь, может быть, отзовет его к католической религии. Конечно, я усердно прошу для него милости вашего величества и смиренно рекомендую его.

Да осыпет господь ваше величество всеми благами.

Из Киверовой Горки. 15 января 1582 года.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО[98]

За то, что эта часть христианского мира умиротворена, я в первую очередь благодарю господа всеблагого и всемогущего, велением которого все это делается. Затем я поздравляю ваше священство и благодарю его за то, что это дело завершено его стараниями, и за то,

что он принял на себя столь большой труд ради обеих сторон. Даже если я и признаюсь, что я не настолько малодушен, чтобы легко начать любое дело и легко тотчас от него впоследствии отказаться, однако, я не настолько предан войне, чтобы с помощью огромного кровопролития среди христиан желать уготовить себе славу, хотя ничего не стоит найти другие поводы для этого, если бы я этого захотел. Всеблагой и всемогущий творец сделает как в Московии, так и на Востоке, чтобы и остальные повиновались ему с таким же счастливым исходом. Пусть ваше священство не сомневается, что я приложу все усилия, чтобы его величество в первую очередь позаботилось о почитании всеблагого и всемогущего господа в отошедших к нему ливонских землях. Я прошу ваше священство, если ему дано святым апостольским престолом право отпускать грехи, чтобы в старых ливонских храмах, построенных сначала для исполнения обрядов католической религии, но затем при той смене событий, которую испытала Ливония, превращенных в место исполнения других обрядов, схизматических и еретических, моим священникам было разрешено совершать службы и чтобы ваше священство прислало мне как можно скорее письма с разрешением этого. Я горю желанием вознести благодарность богу за оказанные благодеяния в епископской церкви в Дерпте вместе со всем войском. Я убедительно прошу, если это можно, чтобы ваше священство сделало так, чтобы я смог узнать от великого князя московского, будет ли он пытаться когда-нибудь сделать что-нибудь против тех (ваше священство знает, о чем я говорю) в этом году, в будущем году или на третий год, чтобы я только знал об этом [99].

Поручаю себя расположению вашего священства.

Написано в псковском лагере. 18 января 1582 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ [100]

Только что получил письма вашей милости, написанные 19-го числа этого месяца. Ваша милость пишет мне, что после прибытия вестника мира, она, собрав все войско, вознесла благодарность богу (как и подобает предводителю христианского воинства). Это исполнило меня величайшей радости. Действительно, не обманули моих надежд воспоминания о том, с каким жаром ваша милость возносила молитвы к богу в походной палатке, когда я был там, и о том, что говорилось мне не один раз о распространении благочестия на том, в высшей степени приятном, пути из Вильны в Дисну, который мы проделали вместе. Существует подозрение, что был некто, кто считал, что ваша милость желает этого менее, чем самого мира. Об этом, может быть, ваша милость скорее узнала от других, а я никому не давал возможности нашептывать мне об этом. Ведь разговоры, направленные против отсутствующих, и, больше того, по отношению к столь значительному лицу (знает бог) я допускаю очень неохотно и со всем христианским прямодушием пресекаю. А то, что ваша милость обещает мне продви-

нуть вперед в Ливонии дело религии, является для меня величайшей радостью и величайшим побуждением к тому, чтобы по моим слабым силам любым способом оставить у великого первосвященника и (осмелюсь сказать) у потомства самую светлую память о вашей милости. Те письма вашей милости, которые я только что получил, я перешлю через два дня его святейшеству и попытаюсь представить и другие доказательства о самых приятных услугах по отношению к нему. Что же касается возможности отпускать грехи и чтобы священникам вашей милости можно было в дерптском храме возносить благодарность всемогущему богу за ниспосланные благодеяния, то, конечно, великий первосвященник по внушению свыше дал мне три года назад эту возможность[101], которой ныне я очень охотно наделяю священников вашей милости — ведь (как пишет ваша милость) старые ливонские храмы, построенные сначала для католического богослужения, затем при такой смене событий, которую испытала Ливония, были приспособлены для других, неправильных богослужений. И чтобы то, о чем просит ваша милость, совершалось в Новгородке Ливонском и других ливонских городах и храмах, я разрешаю: призвав спасительное имя господне и окропив святой водой храмы, совершать богослужение по католическому обряду. А чтобы до тех пор, пока я не вернусь в Литву, они могли иметь такую же возможность отпускать грехи еретикам, которую имею я, разрешать все сложные вопросы совести, я, властью, отпущенной мне святым апостольским престолом, наделяю на это время священников вашей милости, и, может быть, за это время апостольский нунций епископ массанский[102] сможет наделить их новой властью или получит ее от великого первосвященника. Это будет его обязанностью и прямым смыслом легатства, когда Ливония отойдет во власть светлейшего короля. Великий первосвященник дал мне довольно обширные полномочия и для других земель и королевств, где нет католических епископов, даже тогда, когда я и не помышлял о том, что поеду в Московию или в область этих земель. И легко понять, что око божественного провидения проникает в душу своего наместника на земле гораздо раньше, чем дела доводятся до завершения. Ведь рука господня сделала все это, и, по обыкновению, господь, слава которого вечна, предупредил нас в своих благословениях. Аминь.

В том, что ваша милость желает, чтобы я смог продвинуть вперед [дело религии] в Московии и на Востоке, я вижу намерение христианского князя в лице вашей милости. Если ваша милость поможет мне в начинаниях великого первосвященника перед светлейшим королем или в другом месте (а я в этом уверен), то я смогу надеяться на величайшую милость божью. Многообразна мудрость божья, и, если она видит ревностное сотрудничество в своих созданиях, она не допускает превзойти себя во благе, но так продвигает дело свое среди бедных и простых людей, как она сделала это в Индии, чтобы поистине раскрылось то, о чем сказал апостол: что слабо у господа, сильнее у всех людей, что неразумно у господа, мудрее у всех людей. Наконец, ваша милость просит меня сделать так, чтобы самой иметь возможность узнать от великого князя, будет ли он когда-нибудь пытаться сделать что-нибудь против NN[103] в нынешнем году, будущем году или на тре-

тий год. Это я, с божьей помощью, немного позже исполню и сам доложу [как полагаю] вашей милости обо всем том, что будет обсуждено с великим князем.

Да осыпет Иисус вашу милость всеми своими небесными дарами.

Из Киверовой Горки. 21 января 1582 года.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО

Смею обещать вашему священству, что его королевское величество приложит все усилия для распространения святого богопочитания в Ливонии. Не будет недостатка ни в моем усердии, ни в моих стараниях. И господь всеблагой и всемогущий по своему милосердию не оставит своего дела. И, конечно, бесконечно приятно было для меня то, что ваше священство дало разрешение совершать службы в ливонских храмах, за что в первую очередь я возношу благодарность богу, его святейшеству и вашему священству, в особенности за то, что он ниспослал нам: за падших, возвращающихся к истине, которых должны разрешить от грехов эти священники. Господь по своей бесконечной милости сделает так, что в этом войске он тронет сердца некоторых. А о том, что труды нашего Гербеста [104] в моем Замостье не являются совершенно бесполезными, ваше священство узнает из его письма, которое я посылаю вашему священству. Хвала бессмертному богу.

Я не сомневаюсь, что ваше священство сделает так, что я во всяком случае буду знать, что и когда будет делать московский князь. Ведь и я к этому времени, может быть, постарался бы [сделать] что-нибудь по своим слабым силам и возможностям и посодействовал бы, может быть, чему-нибудь, хотя и небольшому, но не совсем ничтожному.

Прибыл сюда в лагерь господин Лоренцо Коньоло [105], человек изысканный, которого из-за его принадлежности к народу, которому я многим обязан, я принял самым радушным образом, насколько позволяло это место. Однако меня удивил Понтус [Делагарди] тем, что посольство было осуществлено таким образом, что те письма, которые он привез к его королевскому величеству, были письмами не от светлейшего короля шведского, а от самого Понтуса. Посольство же он направил ко мне, а затем на Запольский съезд, так как он хотел, чтобы я разрешил ехать дальше. Я ответил господину Коньоло: всё что неизвестно и прошло мимо его королевского величества моего государя, должно дойти до его королевского величества моего государя или должно быть отослано к нему. Я же доложу его королевскому величеству, что так как оно уже не надеялось, что кто-нибудь приедет в лагерь от светлейшего короля шведского после его прибытия и он не дал мне никаких поручений, то следует, чтобы я как королевский слуга сделал что-нибудь по решению государя. Поэтому, отослав к его королевскому величеству гонца, которому я дал своего проводника, он вернулся в Нарву. Но я думаю, что ваше священство уже отослало

к светлейшему королю и светлейшей королеве господина Варшевицкого и доложило его королевскому величеству о том, чего желало. То, о чем пишет мне ваше священство, я сам доложу его королевскому величеству. Поэтому у вашего священства будут письма об этом его королевского величества, даже когда ваше священство будет в глубине Московии. Я не думаю, что его королевское величество не разрешит посылать письма к вашему священству. Ведь к вашей милости постоянно свободно приезжали в самый лагерь гонцы его королевского величества. Я хотел бы знать, на какое время придется возвращение вашего священства в Литву, чтобы я смог с большим удобством договориться с его королевским величеством о посольстве, выражающем его преданность к его святейшеству, снаряженном к этому времени. Поэтому пусть ваше священство известит меня. Я уже отрекомендовал его величеству господина Зебжидовского с лучшей стороны, и он помнит, какой благосклонный ответ получил он от его величества. Кроме того, и я не оставлю его.

Вверяю себя расположению вашего священства. Написано в псковском лагере. 23 января 1582 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ [106]

Я писал вашей милости из Бышковичей: московские послы постоянно требовали от меня, чтобы я позаботился о выведении отсюда войска. Теперь я могу написать об этом подробнее. Не проходило дня, чтобы они не донимали меня одними и теми же повторяющимися просьбами, или потому что у них возникли подозрения, что, хотя крепости ливонские и переданы [им], однако, войско в них останется, о чем они и говорили, или из-за того, что они, видимо, хотели воспользоваться случаем угодить своему государю, собрав кое-какие мелочи и доложив о них. В конце концов все послы собрались сегодня ко мне, чтобы я по своему величайшему (как они говорили) уважению и расположению к их государю просил вашу милость о выведении отсюда войска. Тогда я сказал, что сделаю это (хотя в этом нет никакой необходимости). Ведь я знал, что уже давно большие орудия были посланы вперед, а конница, которая имела на пути всякого рода остановки, уже отправилась в путь, чтобы в полном составе собраться в лагере для выступления, а задержалась она для того, чтобы не оставлять у себя за спиной казаков, но чтобы они были впереди, что и было сделано. Кроме того, когда столь большое войско снимается с лагеря, нужно, чтобы конница следовала за ним в определенном порядке и чтобы все виды войск делали остановки в разных местах как и из-за фуражировки, так и по другим военным соображениям. И когда московские послы стали мне сегодня жаловаться, что тот человек, Петр Пивов [107], которого они послали в Псков, не смог туда добраться из-за приказа вашей милости, и ваша же милость не позволила и остальным гонцам отправиться из Пскова к великому князю, я ответил, что это мне кажется

совершеннейшей ложью. Если бы они сообщили мне что-нибудь о Петре Пивове, когда посылали его, я легко добился бы для него свободного проезда в этот город, попросив об этом вашу милость. Но, видимо, они послали его тайно, и поэтому могли возникнуть справедливые сомнения, из-за которых он и не попал в город.

Между прочим, я знаю, что псковские бояре были очень хорошо приняты вашей милостью, а взятые в плен купцы уже свободно занимаются торговлей и обменом в лагере и другими подобными делами, от которых они в конце концов и сами не отказывались. И, наконец, я серьезно и часто убеждал их, если они хотят казаться добрыми слугами своего государя, пусть они не пишут, чего не следует, и не болтают того, что могло бы разрушить истинную дружбу между светлейшим королем и московским князем. Я нашел, что им сказать по этому поводу. Я обещал им, что напишу вашей милости, что я и делаю почти против воли, но пусть благоразумнейший государь примет это с самой лучшей стороны и, может быть, будет милостив ко мне: ведь я до сих пор нахожусь среди тех, кому нравится испытывать чужое терпение своим нетерпением.

Я послал из Бышковичей письма вашей милости в одной связке с теми, что я посылал по его желанию достопочтеннейшему апостольскому нунцию для великого первосвященника. И я снова умоляю вашу милость приказать наместнику в Орше, чтобы, как только я возвращусь из Московии к границам королевства, он не замедлил прислать ко мне проводников, которых я прошу и за которых везде буду платить. И пусть ему будет поручено написать другим наместникам, чтобы они тоже готовили проводников, как только я окажусь в пути.

По недавно распространившимся слухам умер старший сын великого князя московского[108], то же случилось и с новгородским воеводой. Здесь, в деревне Бор за Мшагой, мы не заметили никаких следов московского войска. Послезавтра думаем быть в Новгороде, куда московский князь послал знатных людей, чтобы принять нас.

Да приведет господь все начинания вашей милости к цели во славу имени его.

Из деревни Бор, в начале ночи 29 января 1582 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ЯНУ ЗАМОЙСКОМУ[109]

После того как 15-го числа этого месяца мы прибыли к великому князю московскому, я получил от Андрея Щелкалова, его канцлера, письма, которые ваша милость написала мне в конце января. Из них великий князь и его бояре узнали всё, что случилось в Острове[110] и в других местах неприятного с королевскими солдатами. Когда я более подробно поговорил с ними как об этих, так и о других делах, его светлость решила (по моему предложению) сделать так, чтобы как можно скорее послать в Псков знатного человека с письмами его светлости, из копии которых (а она будет приложена к этому моему пись-

му) ваша милость сможет понять, до какой степени ему дорого, чтобы миру, заключенному соизволением божьим, не только не было никакого вреда, но чтобы даже пушки, оставленные по приказу вашей милости в Острове, были тотчас же отвезены в королевские владения. А те московиты, которые провинились, будут наказаны по заслугам. Однако он жаловался, что и после заключения мира королевские солдаты многое позволяли себе в великом княжестве смоленском (а он считает, что это произошло по вине светлейшего короля и вашей милости). Было бы справедливо, чтобы равное возмещалось равным, то есть, если кого-нибудь увели из его крепостей, чтобы он тотчас был освобожден и, насколько это возможно, возмещались другие убытки. Поэтому великий князь на мою просьбу дать мне список жалоб приказал дать его, и я посылаю его светлейшему королю и вашей милости. Я не сомневаюсь, что на них будет дан на деле в самом скором времени ответ, а это, я знаю, будет осуществлено по королевской братской любви к великому князю.

Среди тех дел, которые поручило мне вести с великим князем его королевское величество, есть еще одно дело, а именно, чтобы Матвей Пжеворский был отпущен на свободу. Но бояре доложили мне сегодня, что он уже отпущен на свободу незадолго до этого. Дело относительно NN [111], хотя еще и недостаточно подготовлено, однако, я надеюсь, будет доведено до конца. Великий князь достаточно умен, чтобы понять: сколько бы он ни дал NN денег, столько же они используют против христиан. Для них нет ничего более почетного, чем с помощью христианских средств разрушать христианскую веру, опустошать и сжигать на обширном пространстве все, что живет именем Христа. Поэтому я буду так настаивать на всем этом деле. И, я надеюсь, оба государя смогут предпринять такое дело, чтобы этот народ на большом пространстве получал сопротивление от обеих границ, что в большой степени поможет процветанию вечного мира между обоими государями.

Я уже говорил о купцах [112], задержанных здесь, в особенности о виленских, о которых шла речь на съезде послов в моем присутствии. И хотя великий князь еще не дал мне окончательного ответа (ведь я только сегодня доложил ему об этом), однако у меня нет опасений, что их тотчас же не отпустят, так как они не имели отношения к войне и удерживались здесь довольно долго безо всякой вины. Когда это произойдет, его величество, я уверен, не позволит, чтобы его легко превзошли в исполнении долга при освобождении пленных. И так как его величество изволило мне обещать в лагере освободить некоторых из них, то уже можно надеяться, что после заключения мира и взаимного обмена крепостями, все это будет осуществлено довольно просто, без съезда послов, на котором решили это дело не обсуждать, и я очень прошу у вашей милости, чтобы это осуществилось.

Между прочим, по божьему соизволению, я надеюсь через некоторое время говорить со светлейшим князем о том, что относится к распространению благочестия. Между тем я прошу вашу милость переслать апостольскому нунцию [113] письма, которые я написал для него, так как я здесь в один день получил от него 6 писем. Великому первосвященнику будет приятно узнать, что я уже во второй раз прибыл

к великому князю московскому и был принят им не только почетно, но и благосклонно и что меня приглашали на торжественные пиры и на беседы о сохранении мира и других подобных вещах. Теперь же я пишу в Рим о мощах св. Николая, которые ваша милость просит у великого первосвященника через меня, и о других мощах св. Фомы. А если я привезу из Московии тот кусочек мощей св. Николая, который у меня при себе, я не откажу в нем, как и во всем остальном, вашей милости, для которой прошу у всеблагого и всемогущего господа всех благ.

18 февраля 1582 года, в Москве.

АННА, КОРОЛЕВА ПОЛЬСКАЯ — АНТОНИО ПОССЕВИНО

Почтенный, преданный и любимый нами. Нам была очень приятна забота вашего священства как о нас, так и о светлейшем короле шведском, родственнике нашем, и о королеве шведской, сестре нашей. Был у нас высокородный Христофор Варшевицкий, присланный его величеством, государем и супругом нашим, от которого мы достаточно подробно узнали обо всем. Что касается нас, то мы всегда от души проклинали эту войну, и, конечно, если она будет прекращена, то для нас не может быть ничего более тяжелого, чем возобновление новой войны между родственными королями (чего нет сейчас). Поэтому, насколько мы сможем, мы будем стремиться к тому, чтобы существующие теперь разногласия между родственными государями смогли быть улажены скорее мирными доводами, чем какими-нибудь другими. Также мы уповаем на господа бога, покровителя и творца мира, чтобы он не оставил наших начинаний. Кроме того, сколько бы усилий ни затратило ваше священство для этого дела, мы просим, чтобы оно не жалело своего труда и стараний. Ведь тот, кто установит мир между этими государями, тот, конечно, положит конец московитской войне.

Поручаю себя молитвам вашего священства.

Написано в Варшаве, 3 марта 1582 года.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — СТЕФАНУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ

Через некоторое время после моего приезда сюда я написал вашему величеству и господину великому канцлеру о тех переговорах, которые начал вести со здешним великим князем. Он выразил желание, чтобы ваше величество приказало сделать [всё], чем можно было бы сохранить мир, заключенный с божьей помощью, а если бы уже после скрепления мира крестным целованием [его] солдатам был нанесен ущерб со стороны [солдат] вашего величества, чтобы он, насколько возможно, возмещался. Сам же он позаботится о том же самом: ведь он уже приказал вывести из Острова пушки и наказать тех, кто при-

чинил какой бы то ни было вред или ущерб солдатам вашего величества. А то, что начали говорить о татарах, было отложено до приезда послов по тем причинам, о которых я сам лично, даст бог, доложу.

Когда я стал просить у великого князя о Мамониче и всех остальных литовских купцах от имени вашего величества, он тотчас приказал их освободить, — а их около 30. Вчера он сообщил через своих бояр, что посылает их вперед вместе с гонцом; одновременно он собирается приказать отрядить вместе со мной посла к великому первосвященнику и поэтому желает, чтобы тому был открыт такой свободный проезд через владения вашего королевского величества, чтобы я даже смог найти в этих владениях пристава, который вез бы его с конным сопровождением, хотя я уже привез сюда довольно полное (как я полагаю) разрешение этого.

По моей просьбе и из любви к великому первосвященнику он отпустил на свободу 18 испанцев и итальянцев, которые недавно вырвались на Дону близ Азова из-под тиранической власти турецкого султана и содержались в этой стране в городе Вологде, в 500 верстах отсюда. Поэтому я прошу ваше величество оказать им такое же радушие, то есть послать письма в Оршу и убедить тамошнего воеводу позаботиться о том, чтобы доставить их невредимыми, и, если нужно будет, оказать какую-нибудь помощь. Что касается остальных пленных, которых сюда привезли из Литвы и Польши в разгар войны, мне было легко от имени вашего величества добиться от здешнего государя, чтобы над ними учредили более свободный надзор и, кроме того, некоторых из них, необходимых для моего пути, он предоставил мне, так как кое-кто из них раньше входил в мое сопровождение. Если (на что я очень надеюсь), ваше величество сочтет нужным в свою очередь отплатить этому государю такими же выражениями уважения, то пусть русские пленники содержатся лучше, чем прежде, и если бы кто-нибудь поступил с ними не очень хорошо, пусть ему будет сделано внушение. Пусть ваше величество решит увенчать столь важный мир таким же концом, то есть чтобы все пленные с обеих сторон были тотчас освобождены и не уводились никуда за пределы королевства. Этим ваше величество совершило бы дело, достойное его самого.

Впрочем, я привезу с собой к вам посла великого князя и там поговорю, о чем надо, а затем отправляюсь в путь; и, может быть, вместе со мной отправится светлейший господин Андрей Баторий, на которого я возлагаю больше надежд, чем осмелился бы сказать.

Да осыпет господь ваше величество всеми своими небесными благами.

Из Москвы, 4 марта 1582 года.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ — ВЕЛИКОМУ ПЕРВОСВЯЩЕННИКУ [114]

Великий государь и повелитель великий князь Иван Васильевич и т. д. Писали мы тебе, папе Григорию в самое недавнее время, что мы с охотой приняли письма от твоего нунция, которого ты прислал к

нам, Антония Поссевина, выслушали их чтение с большой радостью. Поэтому то, о чем ты сообщил нам и что своими устами предложил нам возлюбленный сын твой, нунций Антоний Поссевин, чтобы мы были друзьями, единодушно объединились и скорее сговорились против неверных, — всё это мы выслушали охотно. Нунция твоего Антония мы приняли с большой любовью и на всё ответили ему как сами, так и через наших ближних людей. И мы хотим соединиться в дружбе, братстве и взаимной любви с тобой, великим пастырем и ученым римской церкви, а также с братом нашим императором Рудольфом и со всеми другими христианскими государями, и мы хотим (как и раньше писали тебе через нашего человека Фому Шевригина), чтобы христианство вело жизнь спокойную, безопасную и свободную от всякой враждебности и чтобы и в будущем неверные не поднимали рук своих на христиан и кровь христианская более не проливалась. А в то время, когда прибыл к нам от тебя, папы Григория, твой нунций Антоний Поссевин, между нами и королем Стефаном велась война и лилась христианская кровь. И этот твой нунций Антоний Поссевин по твоему приказанию, великий пастырь и ученый римской церкви, не переставая ездил к нам и возвращался к королю Стефану и прилагал усилия, чтобы прекратить пролитие христианской крови. Поэтому свершилось то, что послы, съехавшиеся с обеих сторон, заключили перемирие на 10 лет между нами и королем Стефаном. И после того, как твой нунций Антоний Поссевин возвратился к нам, мы отсылаем его к твоему святейшеству, а вместе с ним отсылаем нашего посла Якова Молвянинова с секретарем Василием Тишиной со словами привета и дружбы. А то, что ты писал нам о единении, то ради этого же дела мы несколько лет тому назад посылали к брату нашему императору Максимилиану и сыну его императору Рудольфу дважды и трижды послов и посланцев. По этой же причине брат наш император Максимилиан и сын его император Рудольф хотели прислать к нам послов, но они еще до сих пор не приезжали. Поэтому, когда посол твой Антоний Поссевин прибудет к тебе, великому папе Григорию, вместе с послом нашим Яковом Молвяниновым, ты бы, папа Григорий, великий пастырь и ученый римской церкви, послал к брату нашему Рудольфу императору и другим христианским королям и государям[115] и установил, каким образом мы смогли бы единодушно соединиться с твоей помощью для этого с другими христианскими государями и прислал бы другое посольство обо всем этом деле. А мы, как только твои послы прибудут к нам, прикажем нашим боярам принять вместе с ними решение об этих делах, какое будет прилично.

Что касается других дел, которые теперь твой посол Антоний Поссевин предложил нам, то обо всех этих делах мы и сами ему отвечали и поручали нашим боярам, боярину воеводе новгородскому Никите Романовичу, внуку Юрия Захарьича, и сыну Романа Юрьевича с товарищами ответить Антонию. А ту книгу о Флорентинском соборе, написанную по-гречески, которую ты передал нам через твоего посла Антония, мы охотно приняли[116] от посла твоего Антония Поссевина. А то, что ты писал нам о деле веры и о чем также говорил сам лично Антоний с нами, и мы говорили об этом деле с послом твоим Антонием. А те-

перь ты, папа Григорий XIII, великий пастырь и ученый римской церкви, прочтя и обдумав наши письма, которые мы послали к тебе с послом нашим Яковом Молвяниновым и секретарем Тишиной, отпусти их к нам и напиши нам в своих письмах обо всех делах открыто и ясно.

Написано в нашем государстве, во дворце крепости Москва.

В году от сотворения мира 7090, месяце марте 10 числа, на 48-м году нашего правления, царствования нашего российского 36 лет, казанского 30 лет, астраханского 28 лет.

АНТОНИО ПОССЕВИНО — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

Я прибыл к королю Стефану и говорил с ним о пленных так, как желала твоя светлость, а он поручил своим послам говорить с тобой об этом деле. Он готов сделать то, чего, по его словам, требует справедливость и желание сохранить мир. Несколько дней я пробыл вместе с королем Стефаном в Риге — в этом городе король уже передал храмы католикам (ведь сам король проявляет заботу, чтобы и в остальной Ливонии было то же самое), а после этого я прибыл в Вильну и говорил с ним, чтобы московиты содержались под стражей не строго, хотя и раньше никто из них не был закован в железные кандалы. Также я помог им, насколько мог, деньгами. Я благодарю твою светлость от имени великого первосвященника за то, что ты прислал ко мне девять человек итальянцев и испанцев из тех, что после побега из турецкого плена содержались в Вологде. И хотя ты обещал мне, что всех свободно отпустишь, как это было сделано великим первосвященником, католическим государем и венецианцами в отношении твоих людей, убежавших после разгрома турецкого флота, однако, кроме тех, что остались в Московии, девять человек до сих пор остаются в Вологде. Их список я посылаю тебе и прошу тебя не умалять своих милостей и благодеяний. А те, которых ты прислал ко мне, рассказывают, что часть их спутников осталась в твоих владениях, поэтому всем христианским государям будет неприятно услышать, что христиане, которых бог вырвал из рук турок, содержатся тобой как будто бы в тюрьме и им не дается разрешения свободно уехать, в то время как все христианские государи посылают и выплачивают большие суммы денег для выкупа пленных, в особенности у турок. Поэтому я еще раз прошу твою светлость оказать эту полную милость, как ты обещал и как подобает христианскому государю. Между прочим, я охотно написал бы тебе через Михаила Протопопова [117], если бы он известил меня о своем отъезде и не уехал бы отсюда прежде, чем я сюда прибыл. Но что мне было очень неприятно, так это то, что он, хотя и старательно опережал нас, однако приехал к королю не раньше нас. Поэтому король не смог никого послать навстречу твоему послу и нашим людям и предоставить то, что он вообще привык делать в таком случае. В этом королевстве нет обычая доставлять продовольствия послам и посланцам, которые отправляются для других дел, не

относящихся к делам королевства, и послы великого первосвященника и цесарские послы обыкновенно не получают его, так как эти государи снабжают [послов] деньгами в достаточном количестве для расходов, которые они там должны сделать.

Между тем мы вместе с Яковом Молвяниновым и всеми другими через три дня отправляемся, с божьей помощью, в Германию. Цезарь пребывает в добром здравии, он проводил сейм в Венгрии, намереваясь провести его вскоре и в Германии.

Те письма, которые ты прислал через Павла Кампани к великому первосвященнику, цезарю и венецианцам, самым надежным образом попали в их руки. Великий первосвященник много молился о твоем благополучии и благополучии твоих земель. Когда мы приедем по милости божьей к нему, он напишет тебе и не откажет ни в одной услуге, которая могла бы свидетельствовать о его величайшем желании твоего достоинства и благополучия.

Да ниспошлет тебе это навеки вместе с самой правильной верой и милостью господь наш Иисус. Аминь.

Из Вильны. 14 мая 1582 года.

ГРИГОРИЙ XIII — ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

Епископ Григорий, раб рабов божьих, шлет свой привет и выражения большой любви желаннейшему сыну Ивану Васильевичу, государю русскому, великому князю московскому, новогородскому, смоленскому, владимирскому, государю казанскому, астраханскому и многих других земель, и великому князю.

К нам возвратился возлюбленный сын наш Антонио Поссевино, которого мы посылали к тебе, вместе с Яковом Молвяниновым, твоим посланцем. Мы легко поняли из твоих писем, переданных нам сначала нашим Антонио, а затем твоим Яковом, твое человеколюбие. Тот же Антонио много рассказывал нам о твоем величии, внушающем самое глубокое уважение, и, между прочим, о том, с каким великим радушием ты принимал его всякий раз, когда он приходил к тебе.

Что же касается мира с королем польским, то мы восприняли его с той радостью, которая подобает в таком случае: ведь могущественнейшие государи объединились, христианские народы, которые раньше с большим уроном для себя вступали в столкновение, находятся в спокойствии, неприкосновенности и появилась большая надежда, что они повернут объединённые усилия против врагов христианства. Не может быть ничего более славного, более благородного для христианского мира. Тебе приятно, что мы употребили свой авторитет и свои труды для заключения мира, а нам это было еще более приятно: никогда ничего мы охотнее не делали. Но так как при этом деле мы имели в виду высшие соображения о славе божьей, то мы ожидали всех наград от его бесконечного милосердия. И столь приятную память о тебе мы постараемся удержать со всем нашим расположением, оказывая тебе

всяческие услуги. Ты внимательно прочитал то сочинение о религии, которое ты потребовал и которое по твоей просьбе передал тебе Антонио, а из твоих писем, которые ты в прошлом году написал польскому королю Стефану, мы узнали, что ты теперь ясно видишь, что культ истинной веры, всегда чистый в римской церкви и прямо исходящий от святейших апостолов, находится в расцвете, — всему этому мы невероятно обрадовались и желаем, чтобы ты теперь чувствовал то же самое. Исторические примеры говорят о том, что Исидор[118], русский митрополит, признал на Флорентинском соборе и открыто провозгласил, что истинная вселенская церковь — это римская церковь и что с этого времени Русь объединилась с римской католической церковью. Поэтому мы очень надеемся, что ты, кроме того, что обещал, и при других более важных обстоятельствах будешь благосклонным по отношению к тем, кто приедет к тебе, в особенности потому, что ты понимаешь, как необходимо и угодно богу единение душ во имя любви к нему. А то, что ты так сильно ненавидишь врагов господа нашего Христа и что ты полон решимости погубить их, этим ты делаешь нечто, достойное христианского государя и столь значительного владыки. Для бога нет ничего трудного в том, чтобы побеждать и в большом и в малом, и все добрые люди надеются, что ты не упустишь ни одного удобного случая не только когда военные силы всех объединятся, но при своих собственных силах и оружии поразишь своим могуществом это чудовище на шее христианского мира.

И мы не перестанем вести переговоры с прочими христианскими государями о том, о чем ты столь мудро и ревностно заботишься в своих письмах, и призывать их [выступить] против общих врагов. Обо всем этом в свое время мы известим твоё величество. Между прочим, мы желаем, чтобы те книги и письма, которые будет посылать тебе возлюбленный сын наш Антонио, ты принимал так, как будто бы они посланы от нас самих. Ведь среди тех, кого у нас очень много, выдающихся своей ученостью и благочестием, он — единственный, верность, искренность и ревностность которого мы ценим выше всего. Ведь в то время, когда мы послали его в Германию и Польшу, мы поручили ему помогать тебе во всех делах, которые будут иметь целью славу божью и твое достоинство. Поэтому и ты смело можешь, если нужно будет, писать ему и посылать своих гонцов. Таким образом, продолжительность пути нисколько не сможет помешать твоему желанию и твоей пользе. А ты уже прислал нам несколько писем, разрешающих въезд, и охранную грамоту, на основании которых ты даешь возможность нашим купцам и купцам других государей вместе с нашими священниками приезжать к тебе, когда угодно, свободно жить у тебя и в безопасности возвращаться к нам, а также, когда будет нужно, безопасно посылать некоторых наших людей в Азию. Едва можно выразить словами, какую радость нам все это доставило. И мы в свою очередь обещаем следующее: всякий раз как тебе будет угодно послать твоих людей сюда, они приедут сюда в полнейшей безопасности.

Меха, которые ты прислал как в прошлом году с Паоло Кампани, так и сейчас с твоим Яковом, мы приняли очень охотно, и в свою очередь посылаем тебе икону Христа Спасителя нашего, которую ты

будешь хранить в память о нас и нашем апостольском престоле. И для нас было очень приятно, что твой посланец был принят светлейшей Венецианской республикой с большими почестями и уже предоставляется возможность для ведения торгсвых сделок (обо всем этом мы поручили позаботиться нашему Антонио). А мы не перестанем молить господа, чтобы он окружил тебя и твоих людей своей милостью и ниспослал всяческое благополучие.

Написано в Риме у св. Марка, в год от рождества Христова 1582, 1 октября, на 11-м году нашего понтификата.

ПРОТОКОЛЫ ЯМ-ЗАПОЛЬСКОГО ПЕРЕМИРИЯ

Протоколы заседаний на съезде послов польского короля Стефана и великого князя московского Ивана Васильевича 1581 г.

После того как Антонио Поссевино переговорил с польским королем Стефаном и великим князем московским об отправлении в какое-нибудь место послов для переговоров о мире, был выбран Ям Запольский, находящийся от Великих Лук на расстоянии 20 германских миль и на таком же расстоянии от Пскова. Но так как это селение оказалось сожженным казаками, солдатами польского короля было выбрано другое место для съезда послов в двух германских милях отсюда, ближе к Порхову, между Пожеревицами и Ямом Запольским. Оно носит название Киверова Горка. Последнее слово обозначает небольшой холм, первое происходит от имени некоего знатного семейства.

На это место, в дом, где помещался А. Поссевино, собрались послы обоих государей 13 декабря 1581 г. в день св. Люции.

Имена королевских послов: Януш Миколай Збаражский, воевода браславский; Альбрехт Радзивилл, князь олыкский и несвижский, маршалок королевского двора в Литве, капитан ковенский. Оба католики. Кроме них — секретарь королевский Михаил Гарабурда, придерживавшийся русской веры, если ее можно назвать верой, ведь она чужда католической религии. Он часто исправлял посольства к московитам, а иногда и к татарам, и был человеком опытным. Сына своего он отдал для воспитания в коллегию нашего Общества в Вильне. Присое-

динился к ним и Христофор Варшевицкий[1]. А. Поссевино позаботился, чтобы [польский] король прислал его на съезд как для того, чтобы исполнить волю верховного первосвященника, желавшего, чтобы при заключении мира учитывались и интересы шведского короля, так и для того, чтобы он, ознакомившись с положением дел, если его с наступлением весны пошлют в Швецию, повел переговоры со [шведским] королем от имени польского короля относительно ливонских крепостей и не только уладил бы те дела, которые интересуют обоих королей, но также, будучи человеком благородным и католиком, продвинул бы вперед дело католической религии. Для этого он должен с особым вниманием ознакомиться с делом распространения католической религии в Швеции, получив наставление как от А. Поссевино, так и от своего брата Станислава Варшевицкого, члена Общества Иисуса, уже в течение двух лет находящегося при польской королеве.

Имена московских послов: князь Дмитрий Петрович Елецкий, воевода кашинский и придворный великого князя московского; Роман Васильевич Олферьев, воевода козельский, придворный великого князя и брат Михаила Безнина[2]; Никита (Басенка) Никифорович Верещагин, секретарь московского князя, которого они называют дьяком, и Захарий Свиязев, подьячий.

Как только А. Поссевино совершил св. службу и дал некоторым из своего окружения святое причастие, к нему пришли послы обеих сторон. Все они сидели, но один из двух переводчиков, которых А. Поссевино привез с собой в Московию, стоял. Антонио в коротких словах сказал о чистоте помыслов, которую нужно проявлять при ведении столь значительного дела, и о том, что нужно чистыми очами взирать на Иисуса Христа, который и есть наш истинный мир. После этого он заставил предъявить на рассмотрение и прочитать полномочия или, как они их называют, «поручения» обоих посольств. Первыми прочитали свои полномочия московские послы. Они заключались в следующем.

ПОЛНОМОЧИЯ ПОСЛОВ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ, НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ, ТО ЕСТЬ МОСКОВИТСКОМ, ЯЗЫКЕ

Божественной милостью и милосердием, которые возвысили нас на Востоке и которые направили стопы наши на стезю мира, милостью бога нашего в Троице, мы, великий государь и царь (то есть король или император) и великий князь всея Руси, князь владимирский, московский, новгородский, царь казанский и астраханский, государь псковский, великий князь смоленский, тверской, вятский, болгарский и иных мест, господин наследник земли ливонской Стефану божьей милостью королю польскому и великому князю литовскому, русскому, прусскому, самогитскому, мазовецкому, государю трансильванскому и иных мест отправили наших великих послов: нашего придворного воеводу кашинского князя Дмитрия Петровича Елецкого, придворного

нашего воеводу козельского Романа Васильевича Олферьева, дьяка нашего Никиту (Басенка) Никифоровича Верещагина, подьячего нашего Захария Свиязева на съезд ради заключения мира говорить с твоими послами. И то, что они начнут говорить о наших делах с твоими послами на съезде, это будет исходить от нас [3]. Написано в нашем государстве, во дворце крепости Слобода. В году от сотворения мира 7090, месяца ноября индикта 10, на 47-м году нашего царствования, царствования нашего российского 35, казанского 29, астраханского 28 лет.

Когда эти полномочия были прочитаны, они показались недостаточно основательными и вызвали законные подозрения. Польские послы приказали зачитать те [полномочия], которые были раньше присланы с Захарием Болтиным к польскому королю в его лагерь. В них значилось, что московский князь не откажется прислать послов с полной свободой действий, о чем настоятельно просил А. Поссевино. Тогда же он прислал письма и к А. Поссевино через того же Болтина и Андрея Полонского. Когда потребовали прочитать эти письма, оказалось, что они имеют то же содержание, что и письма к королю. Вследствие того что рассеялись подозрения о неосновательности полномочий московских послов, Михаилом Гарабурдой были зачитаны полномочия польского короля.

ПОЛНОМОЧИЯ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ, НАПИСАННЫЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ, СКРЕПЛЕННЫЕ ПЕЧАТЬЮ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО И КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Мы, великий государь Стефан, милостью божьей король польский, прусский, самогитский, мазовецкий, ливонский, князь трансильванский и иных мест. В этих письмах напоминаем, что великий государь Иоанн Васильевич божьей милостью государь русский, великий князь владимирский, московский, новгородский, казанский, астраханский, псковский, тверской, иверский, пермский, вятский, булгарский и иных земель прислал нам письмо со своим гонцом Захарием Болтиным, где сообщал, что достопочтенный А. Поссевино написал к нему от имени своего господина, святейшего пастыря верховного первосвященника, желающего авторитетом апостольского престола способствовать установлению согласия и мира между нами, а также, чтобы мы прислали от обеих сторон послов в одно место, и они в присутствии этого посла верховного первосвященника смогли бы заключить мир между нами. Вскоре после получения писем от первосвященника великий князь отправил своих послов на определенное место между Порховом и Заволочьем в Ям Запольский, расположенный на дороге, ведущей от Великих Лук к Порхову. Также и мы, не желая видеть разлития крови христианской, отправили в это же место в Ям Запольский наших послов: воеводу браславского Януша Миколая Збаражского, придворного маршалка великого княжества литовского капитана ковенского князя

олыкского и несвижского господина Альбрехта Радзивилла, секретаря великого княжества литовского Михаила Гарабурду. Мы даем им в этих наших письмах такие полномочия, чтобы они, встретясь с послами великого князя московского, говорили об установлении между нами и великим князем московским дружбы и согласия, а затем, закончив дела, закрепили бы их в письменных документах, а также клятвой в присутствии достопочтенного посла Поссевино и чтобы довели дело до завершения, определенного конца и становления. Всему этому мы намереваемся способствовать, будем [этим] удовлетворены и нерушимо будем [это] соблюдать в соответствии с решением наших советников как со стороны королевства польского, так и великого княжества литовского, находящихся при нас в настоящее время. Нашим королевским словом обещаем, что будем всё это держать крепко и нерушимо и при преемниках наших в этих владениях в соответствии с установлениями и письмами наших послов. Когда же великий князь московский пришлет к нам своих послов, мы должны будем под письмами, данными нашим послам, поставить подпись, скрепить королевской клятвой и отправить этих же послов к великому князю московскому. Таким же образом должен себя вести и великий князь московский по отношению к нашим владениям, нашим преемникам и своим владениям. Исходя из этого, мы вышеупомянутым послам дали эти письма, подписанные нашей королевской подписью, скрепленные печатью нашего королевства польского и великого княжества литовского.

Дано в нашем лагере под Псковом в 1581 г. от рождества Христова, 30 ноября на 6-м году нашего королевства.

* * *

После того как всё это было прочитано, королевские послы стали решительно настаивать, чтобы московиты показали им более широкие полномочия и заставили их понять, что они не будут проводить дальнейшего обсуждения дел, основываясь на столь ненадежном основании. Для обоснования этого они снова прочитали главу из своей инструкции. Московиты же оправдывались тем, что у великого князя московского всегда был такой обычай составления полномочий, и это можно достаточно хорошо уяснить из писем великого князя к королю и А. Поссевино, что и даёт им полную возможность вершить все дела.

Так как за одним спором следовал другой, и в настоящее время невозможно было найти средств к их прекращению, А. Поссевино убедил королевских послов, чтобы они написали протест, а он даст ему ход, а также, чтобы этот вопрос был перенесен на следующий день. А те и другие послы в ночь, предшествующую заседанию, должны тотчас предоставить ему экземпляры своих полномочий. Сам же он приложит все усилия, чтобы поручить это дело воле божьей, в частной беседе разузнать у московитов, не имеют ли они других полномочий, а также изучить содержание самих полномочий.

Когда это было сделано и обнаружилось, что у московитов нет других полномочий, заседание тех и других послов было назначено на следующий день. На нем говорилось следующее.

14 ДЕКАБРЯ. ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПОСЛОВ

Московские послы говорят, что не имеют никаких других полномочий, и не представляется вероятным, чтобы великий князь действовал неискренне, так как он знает, что все содержание переговоров станет известным богу и всем христианам.

Пусть они [московские послы] скажут, смогут ли они поклясться в том, что знают, что великие князья московские имели обыкновение писать другую формулу полномочий при [обсуждении] подобных дел. Когда сначала спросили подьячего Захария, он ответил, что может дать клятву в следующем: он перечитал акты московского архива за 100 лет и никогда не читал других формул. После этого остальные, каждый в отдельности, подтвердили это, а Роман Васильевич [Олферьев] сказал, что 20 лет тому назад он прибыл посланцем к королю Сигизмунду Августу и вскоре заключил с ним мир на 5 лет (а великим послам московским князь дал полномочия такого же рода). На вопрос Антонио, обращенный к Михаилу Гарабурде, видел ли он когда-нибудь какую-либо формулу или грамоту (ведь, естественно, чтобы секретарь великого княжества литовского имел что-нибудь подобное при себе), Гарабурда ответил, что никогда не принимал участия в подобных переговорах и поэтому не видел полномочий. Антонио спросил королевских послов, не соизволят ли они сказать ещё что-нибудь, прежде чем он сам изложит то, что думает. Они сказали, что твердо стоят в своих начальных требованиях, но под влиянием авторитета верховного первосвященника начнут дело переговоров; однако объявляют, что уйдут отсюда не раньше, чем разрешат те вопросы, которые изложат им московиты. Антонио сказал: «При такого рода переговорах ни одна сторона ничего не потеряет, но дело будет доведено до конца и породит еще более высокие блага. Если же дело будет вестись со злым умыслом, оно вечным позором падет на тех, кто был его причиной. Далее. Оба государя должны укреплять в себе мысль вести дело с чистыми помыслами. Я считаю, что к делу нужно подходить так, чтобы само его ведение не смогло ущемить интересов ни одного из королевских послов (в той части, что касается полномочий). Но между тем пусть московские послы знают, что другие христианские государи не имеют обыкновения составлять полномочия подобным образом». Затем, обратившись к королевским послам, стал увещевать их, чтобы они подумали, не возникнут ли основания для всякого рода беспорядков, если мир в Яме Запольском не будет заключен. И один из послов, Альбрехт Радзивилл, ответил, что нет никаких оснований для сомнения в том, что в селении Ям Запольский будет заключен мир и повсюду провозглашен. После этого Антонио продолжал: «Поскольку победителям подобает диктовать свои законы побежденным, королевские послы могут первыми предложить условия заключения мира, которого московиты уже в третий раз требуют посредством третьего посольства»[4]. Тогда браславский воевода (принеся благодарность верховному первосвященнику и Антонио, присланному им, за то, что он взял на себя отеческую обязанность примирения обоих государей) красно-

речиво и убедительно потребовал всей Ливонии, то есть и той, что находится в руках московита, а если он ее не уступит, они нисколько не продвинутся вперед в этом деле и при этом прервутся дальнейшие переговоры.

На это московиты сказали, что это — чрезмерные условия, и добавляли много доводов, чтобы убедить королевских послов не проливать крови и установить равные условия, если они хотят, чтобы результатом этого стали истинный мир и братство. И к числу тех ливонских крепостей, которые три месяца тому назад великий князь через А. Поссевино обещал отдать [польской стороне], прибавили Говию. На все это очень хорошо вновь ответил воевода браславский; московские же послы потребовали, чтобы королевские послы также сказали, имеют ли они что-нибудь в своих поручениях, что нужно было бы передать великому князю. Ведь московский князь требует псковских крепостей, а также остальных, которые в предыдущие годы были взяты у короля Стефана; [а именно:] Луки, Велиж, Заволочье, Невель, Холм и других подобного рода.

Королевские послы сказали, что они и так отдают много: они откажутся от надежды овладеть Псковом и Новгородом, а те 40 миль владений московита, которые они заняли в течение нынешнего года, позволят возвратить в собственность великого князя московского; они отведут также свое победоносное войско, хотя те расходы, которые они сделали и которые московит обещал [возместить] в Вильне через своих послов, он не возвращает, они сами обещают возвратить московиту 4 псковские крепости.

Московиты, со своей стороны, сказали следующее: если речь не пойдет об оставлении у московского князя остальных ливонских крепостей, никаких [переговоров] не получится. Совершенно невозможно, чтобы великий князь отдал столько ливонских крепостей даром, Псков же, и это знают королевские послы, так укреплен, что (если даже и удавалось брать другие крепости) еще не взят и впоследствии (в противоположность другим) взят не будет.

В таких различных разговорах они провели весь день до ночи, и королевские послы стали настаивать, чтобы Антонио соизволил отправить их прямо в лагерь или даже к королю, раз уж московиты ничего определенного не прибавят относительно Ливонии; королевские послы делают это с тем намерением, чтобы скорее закончить дело. Антонио сказал, что отпускает их этой ночью с тем, чтобы на следующий день они обязательно вернулись. Так было закончено [заседание].

15 ДЕКАБРЯ.
ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ ПОСЛОВ

После того как королевские послы вернулись из Запольского Яма, который находится приблизительно в 2-х льё от Киверовой Горки и где они расположились, тотчас появились московские послы — ведь они жили здесь, в Киверовой Горке. Почти весь день был потрачен на об-

суждение 3-х пунктов переговоров. Королевские послы обратились с жалобой, что московиты тянут время, чтобы не отдавать всей Ливонии. Они прибавили ещё одно требование: чтобы великий князь отказался от титула и права на Ливонию и, наконец, чтобы в условиях перемирия был упомянут шведский король. Затем они сказали, что кроме псковских крепостей, взятых в нынешнем году во владениях московита, которые они уже обещали [передать], отдадут также крепость Холм, взятую в прошлом году. Этого вполне достаточно, ведь многие ливонские крепости, которые захватили другие, из-за медлительности московского князя отошли от польского короля. Впрочем, они имеют в поручениях короля как можно скорее закончить эти переговоры; они заявили А. Поссевино, что не могут терпеть дальнейшего промедления и что не следует вообще оставаться на этом месте более 3—4 дней.

На это послы великого князя многословно ответили то же, что они говорили в предыдущие дни: о соблюдении справедливости, о необходимости избегать гордыни и о прекращении пролития крови, и, что королевские послы увидят, на кого падет столь великое кровопролитие. Что касается шведского короля, то они ничего не имеют об этом в наказе, о чем они могли бы говорить, а он, если захочет отправить послов о мире, пошлет их не напрасно.

Гарабурда же, который когда-то участвовал в посольстве к великому князю вместе с Горностаем, сказал, что вел переговоры только на основании того, что имел в поручениях. Им нужно придерживаться только того, что содержится у послов великого князя, в границах данного им поручения, а они обещали королевским послам ливонские крепости: Пернов, Пайду, Корстин, Гунтец, Карславу, Порхов.

Королевские послы стали снова требовать возвращения всей Ливонии и отказа от титула и самого права на Ливонию, но А. Поссевино еще раньше узнал о том, что королевским послам не была дана возможность [решать вопрос] о возвращении в полном объеме крепостей, взятых королём. Оказалось очень кстати, что Антонио, прежде чем уехать из лагеря, разузнал об этом у короля. У тех и других послов были свои соображения о шведском короле, об уступке титула и права на Ливонию, но он [Антонио] просит послов ради крови Иисуса Христа и ради того уважения, которое они проявляют по отношению к святому апостольскому престолу, отказаться при обсуждении столь значительного дела от поспешности. Он спросил: разве для [решения] столь важного дела им не нужно времени для размышления, пока не возникнет более удобный для дела [момент] и не появится возможность для заключения более прочного мира? Они с ним согласились, и следующий день будет свободен от заседания. Что же касается передачи всей Ливонии, хотя послы великого князя уже предложили шесть других крепостей, однако королевские послы заявили, что не скажут ничего другого, если им не отдадут остальных крепостей. А так как и те и другие недостаточно откровенны, пусть они пересмотрят свои инструкции и посмотрят, что и в какой мере они могут предоставить, чтобы на следующее заседание прийти подготовленными и не допустить отклонений от справедливости.

После ухода королевских послов послы великого князя оставались

у Поссевино до поздней ночи (они это делали часто). И на его вопрос (а это могло бы помочь более быстрому заключению мира), что́ они имеют в наказе относительно Ливонии, они ответили довольно ясно и доверительно, и это дало ему возможность написать обо всем и отправить [написанное] с быстрым гонцом Яну Замойскому, великому канцлеру королевства польского и главнокомандующему, ведь ему король предоставил полную власть вести дела. В эту же ночь письма были отправлены в лагерь. Ответ на них пришел довольно не скоро (прошло почти 4 дня), и Антонио потратил много [усилий], чтобы уничтожить подозрения московских послов по отношению к королевским и чтобы как-то оправдать этих последних, которые говорили, что в записях их [полномочий] содержится самая полная возможность вершить все дела, поэтому [их полномочия] кажутся более полными, чем полномочия московитов, которые выражены в более кратких словах.

Прошло два дня, прежде чем Антонио убедил королевских послов принять участие в беседе, в которой по крайней мере могла бы пойти речь о шведском короле, и на четвертое [заседание] все опять собралить по обычаю у него.

18 ДЕКАБРЯ.
ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Антонио Поссевино, которому отдали дело на рассмотрение, сказал: он признается, что то дело, о котором просили польские послы: о шведском короле, об отказе от титула и от права на Ливонию, имеет большее значение, чем могло бы показаться. И от верховного первосвященника он имеет поручение, чтобы при этом деле речь шла о шведском короле, как о друге святого престола. Ведь в Старице, где он [Поссевино] пять раз с большим усердием вел переговоры с великим князем как от имени его святейшества, так и от имени короля Стефана, великому князю не была неприятна мысль послать (а он это делал и раньше) в Швецию письма обо всем этом деле. И теперь ему кажется, что королю Стефану никаким образом нельзя отказаться от этой обязанности по отношению к своему родственнику и брату, и будет очень хорошо, если пресекутся поводы к новой войне. Поэтому, если послам великого князя есть что ответить по этому поводу, прежде чем он перейдет к другому вопросу, он охотно это выслушает.

Московиты ответили, что ничего (как они говорили и раньше) не имеют от великого князя в наказе об этом деле, но это может осуществиться с помощью шведских послов; они уже спрашивали у королевских послов, не имеют ли они каких-либо полномочий, касающихся шведского короля. Те ответили отрицательно, тогда они [московские послы] сказали: «Как же вы хотите вести переговоры об этом, даже если бы нам и была предоставлена какая-нибудь возможность, ведь ничего серьезного из этого выйти не может, в особенности потому, что между нашим великим государем и королем шведским есть и другие разногласия. Ведь в течение этих двух лет кроме ливонских крепостей

и Корелы, он захватил Ивангород, Ям и, может быть, еще другие [крепости]».

Тогда Антонио, отметив отношение королевских послов к шведскому королю, а также ответив на вопрос московских послов, на который не смогли легко дать ответ королевские послы, сказал, что остается только одно, чтобы по крайней мере прошло [некоторое] время, пока не возникнет у короля шведского и великого князя московского взаимная возможность с помощью послов (даже если бы они этого и не захотели) обсудить все это дело. После того как московиты ничего не ответили на это, так как у них не было на это поручения от великого князя, все послы единодушно согласились перейти к другим [вопросам] (опустив только это дело). В особенности это касалось королевских послов, так как они имели в своих поручениях не приостанавливать дело заключения мира, если даже и будет исключен [шведский] король. Что же касается передачи титула и прав на Ливонию, московские послы сказали, что не имеют решительно ничего другого, кроме того, о чем они говорили [раньше]: [им] кажется несправедливым, что государь совершенно устраняется из Ливонии.

Так как из лагеря пока еще не прибыли письма от Замойского, которых ожидали Антонио и королевские послы, чтобы решить какое-нибудь из важнейших дел, был положен конец этому заседанию.

20 ДЕКАБРЯ.
ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

После окончания вышеописанного заседания Замойский прислал к Антонио Станислава Жолкевского[5], сына бельского воеводы, своего родственника с верительными (credititiis) грамотами и через него сообщил: для блага мира можно передать послам великого князя Новгородок Ливонский и две другие ливонские крепости, с помощью которых московитам мог бы открыться доступ к морю, в то время как во власти короля должны оставаться крепости, взятые им: Великие Луки, Заволочье, Невель и Велиж. Хотя можно вернуть Великие Луки (если иным способом нельзя заключить мира), но тогда ничего [другого] в Ливонии московитам не отдавать. Он [Замойский] надеется, хотя ни о чем подобном не говорится в поручениях, данных ему королем, что это будет одобрено сословиями и королем. Антонио был весьма обеспокоен таким решением потому, что Замойский не прислал никакого собственноручно подписанного [документа] (хотя, как уверял Жолкевский, на верность и суд Антонио отданы передача крепостей в Ливонии и возвращение Великих Лук), а [только] с помощью такого собственноручного [документа] это дело могло бы быть доведено до конца; и если бы когда-нибудь отчет об этом деле нужно было довести до сведения польского королевства, это можно было бы сделать достаточно точно. А если бы впоследствии это решение было изменено (что не один раз случалось с Антонио при других обстоятельствах) или бы вызвало по каким-нибудь важным причинам возражение со стороны

королевских послов (а они утверждали, что у них нет никакого предписания на этот счет от короля), тогда оказалось бы, что Антонио ложными обещаниями ввёл в заблуждение или даже обманул послов великого князя, что впоследствии вызвало бы большие затруднения для распространения истинной веры в Московии. Далее. [Жолкевский] много раз повторял, что король требует всей Ливонии, даже пяди которой он не может уступить, если бы и захотел. Король при этом связан постановлением сословий (decreto ordinum) и своей клятвой, о чем было сказано в другом месте и о чем также весьма красноречиво говорили королевские послы.

Антонио же несколькими днями раньше просил в письмах к королю и Замойскому [о следующем]: если московский князь не захочет уступить всю Ливонию, пусть [поляки] позаботятся о возвращении Антонио в Московию и о том, чтобы послы великого князя прибыли в Варшаву в марте будущего года на сейм (comitia). Ведь таким образом легче будет отказаться сословиям королевства от этого постановления (то есть чтобы какая-нибудь часть Ливонии была уступлена великому князю), или, если государственное решение сведется к тому, чтобы настаивать на прежнем плане продолжать войну, московские послы, увидев своими глазами единодушие королевства, легче согласились бы на предложенные условия мира, а между тем зима не прервет продолжения начатых военных действий. Однако Замойский в письмах, датированных 15 декабря, через другого посланца в тот же самый день, когда прибыл из лагеря Жолкевский с другими короткими верительными грамотами, написал Антонио, что нет никакой нужды менять решение. Король и сословия придерживаются такого мнения: если московит не захочет передачи всей Ливонии, дело нужно будет решать силой оружия. После того как обо всем этом было сообщено королевским послам, они решили, что не должны говорить о ливонских крепостях и при этом вообще [что-нибудь] предлагать: ведь московские послы, которых достаточно убеждали, что король Стефан хочет всей Ливонии целиком и которые [в свою очередь] предоставили уже немаловажные аргументы для ее возвращения, получат надежду, что король Стефан оставит великому князю что-нибудь иное, дела же королевские находятся в худшем положении, чем раньше. Следствием этого может быть заключение мира. Кроме того, Замойский предложил эти крепости только устно, через Жолкевского, а это для королевских послов недостаточно надежно, чтобы обещать их московиту от имени короля. Таким образом, они решили написать ответные письма Замойскому. Антонио также послал ему письма следующего содержания: многое, что имеет самое прямое отношение к скорейшему и почетному заключению мира, если оно дойдет до завершения и не будет упущен столь удобный момент, он [Поссевино] передаст через Жолкевского, не доверяя письмам.

Итак, часть этого заседания, прежде чем были приглашены московские послы, прошла в этом частном обсуждении. Затем были приглашены на заседание московиты. Они обратились с очень основательными жалобами (это часто происходило и при других обстоятельствах): во время ведения переговоров о мире они содержатся как пленники,

повсюду проливается кровь, у них расхищают имущество и похищают людей, гонец великого князя, который вёз письма к Антонио и к ним, был отвезен в лагерь, его спутники были в разных местах убиты, а для того, чтобы вырвать признание у их проводника, какого-то крестьянина, к его телу приставляли горящие факелы (по их обычаю). Затем о нем (гонце) были сделаны и письменные и устные [запросы], и он был послан короткой дорогой сюда к Антонио. Однако по просьбе королевских послов его на 3 дня задержал начальник конницы Зебжидовский, знатный, честный и храбрый человек. Наконец, спустя столь продолжительное время, письма великого князя московского были вручены[6]. Они [московские послы] говорили, что никогда не выехали бы из Московии на съезд, если бы великий князь не вверил их великому первосвященнику и тому, кого он прислал, то есть Антонио. Они говорили, что скорее уедут, чем дальше будут вести переговоры при таких оскорблениях и враждебных поступках. Королевские послы стали приводить оправдания этому делу и приводить те доводы, которые в письмах Замойский сообщал Антонио; Антонио же, который уже успел расспросить гонца и узнать о его восьмидневной задержке в пути (причина ее неясна), увидел, что из-за задержки в получении писем, когда или король, или московит захотят что-нибудь написать, может произойти много препятствий в великом деле заключения переговоров. Он сказал: «Не только ради авторитета верховного первосвященника (а все, что доводится до его сведения, как они часто говорили, угодно богу, от которого он получил свою власть), но и в первую очередь ради крови Иисуса Христа он горячо просит, чтобы они, несмотря на различные препятствия, которые еще много раз будет измышлять сатана, не отступились от начатого дела. А чем больше оно откладывается, тем больше проливается христианской крови. Что же касается всего случившегося (если оно было такого рода, как о нем говорили московиты), он берет на себя непременную обязанность, если это будет необходимо, доложить со временем обо всем королю или князю московскому. После этого, успокоившись, перешли к делу, которое в основном заключалось в следующем: королевские послы делают единственное и последнее предложение (чтобы доказать московитам, насколько король не желает пролития крови): они обещают передать одну из четырех крепостей, взятых в последние 2 года у московского князя, а ее предложил [передать] Антонио, если бы они отказались ото всей Ливонии или передали бы Себеж, расположенный недалеко от Полоцка. Московиты отказались от притязаний на Себеж, так как, по их словам, эта крепость не имеет отношения к Ливонии. Затем, перечислив все крепости, взятые королем, они сказали, что также отдадут одну крепость по названию Лаис. Королевские же послы, сказав, что она находится в руках шведского короля, не прибавив больше ни одного слова, поднялись и ушли. На этом и закончилось заседание.

22 ДЕКАБРЯ.
ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Сначала говорилось многое, подобное тому, в чем послы в предыдущие дни упрекали взаимно друг друга, причём московиты не один раз говорили, что их государь взял Ливонию не у польских королей, а у епископов и тевтонского ордена. Затем королевские послы (что делали также и московские) стали говорить, что из уважения к апостольскому престолу и первосвященнику они уже поступились многими вещами: следуя совету Антонио, они согласны отдать великому князю одну из двух крепостей — Великие Луки или Заволочье. В это время прибыл некий знатный поляк Пиотровский[7], присланный Замойским из лагеря с письмами для Антонио.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ, КОРОЛЕВСКИЙ КАНЦЛЕР И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО

Хотя я уже посылал к вашей милости Жолкевского, с помощью которого я разъяснил, что́ можно в Ливонии уступить московиту и каким образом уступить, однако впоследствии мне на ум пришло послать вашей милости разъяснение, которое и посылаю. Остальное пусть ваша милость узнает, как от того же Жолкевского, так и в первую очередь от господ послов.

Да пребудет ваша милость в добром здравии. Дано в лагере под Псковом 19 декабря 1581 года от рождества Христова.

ПЕРВЫЕ УСЛОВИЯ

Пусть в руках его королевского величества останутся Великие Луки с крепостями Заволочье и Невель. Если же московит передаст королю Себеж, пусть также и Велиж останется во владении его королевского величества, и о нем не нужно поднимать вопроса перед московскими послами, так как и при предыдущих переговорах об этом не упоминалось. Если же московские послы будут иметь возможность тотчас заключить мир, не посылая за новыми инструкциями к своему государю (это из-за того, чтобы не потерять Пернова, о чем я уже соизволил написать вашей милости), я осмелюсь уступить им в Ливонии крепости: Новгородок Ливонский, Сыренск, а также крепость Лаис и крепости: Остров, Холм, Красный Городок, Воронеч, Велью.

УСЛОВИЯ ВТОРЫЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ

Если московские послы не будут иметь этой возможности (не посылая за другими инструкциями к своему государю), получив Новгородок Ливонский, Сыренск, Лаис, отдать его королевскому величеству

Луки, Заволочье, Невель и Велиж, также отдать Себеж или по крайней мере его разрушить, также и его королевское величество не может уступить им через меня крепости Новгородок Ливонский, Лаис и Сыренск. Но, сохранив за собой всю Ливонию и передав или разрушив Себеж, удержав Заволочье, Невель и Велиж (именно это доверило мне и вашей милости его королевское величество), его королевское величество могло бы добавить московиту Великие Луки с крепостями Холм, Остров, Красный Городок, Воронеч, Велью, чтобы эти крепости вместе с Великими Луками были отданы ему, а в руках короля должна остаться вся Ливония с Новгородком, Сыренском, Лаисом и сверх того с крепостями: Заволочье, Невель, Велиж, а Себеж должен быть передан или уничтожен.

Так как эти условия королевские послы не отдали в руки Антонио, он увидел, что ему нужно некоторое время, чтобы обдумать вопросы о передаче Великих Лук и Заволочья. Они же на следующий день пришли на съезд более подготовленными, познакомившись с теми письмами, которые написал им Замойский.

23 ДЕКАБРЯ. СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Королевские послы отдали условия мира Антонио, и он увидел, что у него нет времени, чтобы дать ответ Замойскому, так как послы настояли на отъезде Пиотровского в тот самый момент, когда отдавали условия. Тогда, чтобы не напрасно прошел день, стали спрашивать у московских послов, имеют ли они возможность отдать Себеж (который находится в полоцкой области) или обменять на какие-нибудь ливонские крепости, которые от имени короля предложил Замойский. Они ответили: что касается Себежа, они в конце концов могут его сжечь, если король сожжет Дриссу. Остальные же крепости, взятые королем, не могут не остаться без обсуждения: Антонио (при одобрении королевских послов и при молчаливом согласии московских) высказал мысль о том, чтобы отдать Великие Луки великому князю, если он откажется от всей Ливонии, Заволочье же оставить королю. Больше на этом заседании не говорилось ни о чем, кроме того, что из трех крепостей, предложенных королевскими послами, Сыренск находится в руках шведского короля, а Михаил Гарабурда объяснил, какую большую выгоду будет иметь великий князь, уступив Ливонию, если будет заключен мир.

В тот же день московиты, со своей стороны, решили, что будут удовлетворены [передачей] Новгородка и Керепети, если им будут переданы и остальные три крепости: Заволочье, Невель, Велиж, или, наконец, тем, что только Новгородок и Керепеть будут оставлены великому князю. В это время прибыл другой [гонец] от канцлера Замойского с письмами и третьими условиями, список которых приводится ниже.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО

О тех делах, о которых доложила мне ваша милость через господина Жолкевского, я написал господам послам, чтобы они сообщили вашей милости. Разъяснение трудностей, которые возникли, тем более затруднительно, что московит при предыдущих переговорах ничего не упоминал о них (как, например, о Велиже). Но подробнее ваша милость узнает об этом от господ послов, которым я послал собственноручное указание, как они этого хотели, о том, что можно уступить.

Вручаю себя расположению вашей милости. Дано в псковском лагере 22 декабря 1581 г.

ЯН ЗАМОЙСКИЙ — АНТОНИО ПОССЕВИНО

В качестве окончательных условий ради прочного мира и чтобы труд вашей милости, предпринятый от имени верховного первосвященника не пропал даром, я разрешаю не передавать Новгородок Ливонский, Лаис и Сыренск, но все они, а также вся Ливония, должны оставаться за его королевским величеством. За королем должен остаться Велиж, а Себеж должен быть разрушен. Московскому государю можно уступить: Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Остров, Воронеч, Красный городок, Велью. Если эти условия не будут приняты, станет ясным, что господь бог не желает дать нам сейчас мира. Даже если бы я имел возможность или осмелился сделать большее, я решительно не могу [сделать] ничего другого (свидетель бог). Я делаю достаточно не столько ради вашей милости, в усердии и чистосердечии которой и его королевское величество, и я твердо убеждены, сколько по велению совести и по моему долгу по отношению и к его королевскому величеству и к моей родине. И я умоляю вашу милость богом живым и сыном его Иисусом, о тяжких страданиях которого так хорошо говорит ваша милость и имя которого носит, чтобы ваша милость не принимала никаких более тяжелых условий, которые ей будут предложены, если можно будет выиграть дело на более выгодных условиях.

Все это было прочитано и обо всем сообщено королевским послам, и было принято решение эти последние условия не сразу показать московитам, так как они обещали отказаться от всей Ливонии.

Таким образом, по многим причинам заседание было отложено на день Рождества Христова.

25 ДЕКАБРЯ. ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Московиты частным порядком передали Антонио записку, в которой уверяли, что будут удовлетворены, если одновременно королем

будет передан великому князю Новгородок Ливонский, а великим князем королю будет оставлен Велиж. Королевские же послы сказали, что плодородную область Ржевы, некогда принадлежавшую Заволочью, они передадут московитам сверх передачи Великих Лук. На это московиты сказали, что она и так принадлежит Заволочью. Наконец, королевские послы оставили Антонио свободу действий: какую из двух крепостей, Невель или Заволочье, он пожелает передать московитам. Для совещания по этому поводу с московитами (после того, как Антонио услышал предложение королевских послов) потребовалась ночь, и заседание было распущено.

Затем, в следующую же ночь из Московии прибыл от московского князя, проделав большие переходы, гонец с ответом на те письма, которые Антонио незадолго до этого отправил из Бышковичей. Московские послы также получили другие письма. По их просьбе Антонио добился от королевских послов, чтобы следующий день был свободен [от заседания]. И в этот день самым тщательным образом московиты обсудили вопрос, не появится ли какое-нибудь основание для заключения мира. И тогда же письма московского князя Антонио отослал к королевским послам, чтобы не упустить никакой возможности, которая удовлетворила бы обе стороны. Антонио сказал московским послам: если они боятся своего государя из-за того, что недостаточно разумно ведут переговоры, то есть, если отдадут Невель и Велиж королю, он в случае опасности сам отдаст свою голову на заклание у великого князя, лишь бы только не было препятствий для завершения столь великого дела. Они же поклялись всем святым, что этого сделать невозможно. Также прибавили, что если бы каждый из них имел по 10 голов, то по возвращении они лишатся всех их по приказу московского князя.

Кроме того, Антонио отослал к Замойскому гонца на самых быстрых лошадях, который должен привезти самые последние условия.

На следующий день, как и было условлено, вернулись королевские послы.

27 ДЕКАБРЯ. ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

После того как Антонио [долго] убеждал тех и других послов заключить мир в день, назначенный для окончания съезда, а еще раньше рассказал о мерах, для этого предпринятых, королевские послы сказали, что настаивают на [следующих] предложениях: их войско в течение двух месяцев из-за Антонио удерживается под Псковом в надежде на мир, которую он дал. Теперь же их [королевских послов] отзывают в лагерь; они не должны предпринимать никаких шагов сверх того, в чем нужно дать отчет королю и государству, которым они дали клятву. И, наконец, они призывают в свидетели самого Антонио, что не по их вине случилось так, что мир не заключен. Наконец, они просят, чтобы на время сейма, который назначен в Варшаве на март месяц, Антонио, может быть, вернулся из Московии и соблаговолил

засвидетельствовать их верность Речи Посполитой и княжеству [литовскому]. Итак, они протягивают руку московитам, прощаются с ними, а на следующий день то же самое в письменном виде сделают по отношению к Антонио.

Тогда московиты в немногих словах (но в которых чувствовалась глубокая скорбь) обратились к Антонио и сказали, что они в соответствии с их поручением отказываются от Ливонии. Теперь Михаил Гарабурда должен понять, соответствует ли истине то, о чем он говорил вначале, когда убеждал их отдать Ливонию, говоря: «Если убрать это бревно [преграждающее дорогу] в Ливонии, то откроется путь для всего остального». Они отказываются от Ливонии, они это сделали, и не на словах. Королевские же послы только говорят, но не делают. Поэтому, свидетель бог, не по их вине случилось так, что мир не заключён, и пусть [все] увидят, по чьей вине будет столь большое кровопролитие. Наконец, после того как Гарабурда дал им какой-то ответ на то, что было сказано раньше, Антонио сказал, что для него самое желанное, чтобы был мир. Но так как он не может заставить ни ту, ни другую сторону проявить должную преданность своим государям, ему кажется, что королю Стефану нужно отдать Заволочье, хотя он еще не высказывал своего мнения по этому поводу. Впрочем, он надеется, что следствием этого в конце концов будет мир, а если не будет, значит, еще не наступило время, чтобы мы были достойны его. Если ни те, ни другие не хотят уступить друг другу из-за этих двух крепостей, пусть королевские послы посмотрят, смогут ли они ждать 10 дней, пока придет от великого князя ответ, которого они добиваются, об этом деле. Когда же королевские послы сказали, что не могут ждать, московские послы объявили, что они пообещали еще и Дерпт и кое-что другое сверх этого: только они огорчены тем, что, хотя нужно передать почти сорок крепостей, только из-за этих двух может разрушиться дело мира. Королевские послы сказали: раз уж вы пообещали [нечто] сверх того, что могли, сделайте также вот что: вы одну, а мы другую из двух крепостей, о которых идёт спор, отдадим на суд Антонио, а вы великому князю, мы же, наконец, королю отдадим отчет о предпринятом нами деле. После этого Антонио уговорил королевских послов дать московским послам ночь на размышление. Королевские послы согласились, но сказали: если Антонио сообщит им до наступления дня, что московиты могут принять их предложение, они на следующий день прибудут [на съезд]. Если же нет — они уедут совсем.

Следующей ночью московиты сообщили, что никаким образом не могут уступить Велижа, но всё остальное в Ливонии уступят, удержат только Новгород [Ливонский], а королевские послы пусть [удерживают] Велиж, пока не придут ответы от обоих государей, и эти обстоятельства не должны сопровождаться убытком и обманом с той и другой стороны. На этом заседание закончилось. А все те [соображения], которые привел Антонио послам и другим лицам, [а именно] чтобы продолжить переговоры о мире, можно узнать из его писем к королевским послам и королю, а это имеет немаловажное значение для понимания всего положения дел.

28 ДЕКАБРЯ.
ДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В этот день королевские послы сказали, что уже собираются в дорогу, а московиты в ночь, предшествующую этой, долго со слезами спрашивали у Антонио, что им решать относительно Велижа (ведь если они оставят его королю, государь лишит их жизни; если же мир не будет заключен из-за одной этой крепости, они понимают, что с возобновлением новой войны будет великое кровопролитие). Антонио сказал, что у него нет никаких соображений после стольких попыток [решить это дело], если не считать того, что он сам, чтобы спасти жизнь послов, каждому из них даст собственноручную записку, скрепленную печатью, которой он пользовался, где он даст заверение, что он принудил их к этому решению. Впрочем, он сам предложит свою голову московскому князю, чтобы тот делал с ней, что захочет, если сочтет, что Антонио поступил слишком самовольно для пресечения продолжения новой войны. Далее. Если он не сможет добиться ничего другого, он попытается добиться от королевских послов, чтобы Велиж был сравнен с землей. Тогда московиты сказали, что свое спасение и, наконец, окончательное решение [вопроса] о Велиже они отдают Антонио. Только пусть он позаботится о том, чтобы все это не привело к их гибели у великого князя. Когда все это было решено, пришли королевские послы и сказали, что собрались в дальнюю дорогу и в первую очередь хотят проститься с Антонио, но, услышав обо всем, пообещали [вопрос] о Велиже тотчас передать Антонио, которому даётся свобода поручить кому-нибудь из своей свиты [поехать к королю], чтобы в конце концов [Велиж] или был оставлен за королем, или он сам решил, как поступить. У них нет опасений по поводу своей жизни, если при создавшихся обстоятельствах, они поступят вопреки поручению короля, но чести их будет нанесен большой урон, если только сам Антонио публично не засвидетельствует королю и на предстоящем сейме в Варшаве, что они сделали все, чтобы заключить договор на общее благо. Антонио согласился взять это на себя, и съезд возобновился.

Так как королевские послы желали, чтобы Себеж был передан королю, московиты сказали, что они оставят Велиж в нетронутом состоянии, если таким же будет Себеж. Если же Дерпт будет оставлен великому князю, тогда они удовлетворятся тем, что Себеж будет сожжён великим князем, а Дрисса — королем. По этому поводу возникли большие споры, разрешение которых королевские послы отложили до следующего дня, чтобы лучше узнать планы короля, получив [письмо] от Замойского из лагеря с помощью гонца.

Затем, на вопрос королевских послов московиты ответили, что у них есть полнейшая возможность передать ливонские крепости, которые находятся в руках великого князя, но не шведского короля. Королевские послы прибавили: через послов и посланников очень много писалось и говорилось об этом, и сейчас это вновь было обсуждено, что король Стефан желает всей Ливонии. Пусть послы великого князя скажут, хотят ли они отказаться от титула и вообще всякого права на Ливонию или нет. Если они этого не сделают, то останется искра для

возобновления нового пожара войны. Что касается крепостей, которые захватил шведский король, то король Стефан получит их у него либо мирным путём, как от своего родственника, либо, наконец, применит какой-нибудь другой способ. Если же теперь московит не даст клятву отступиться от всей Ливонии и захочет потребовать силой войны крепости от шведского короля, ясно, что между Стефаном и московитом снова возобновятся военные действия.

Тогда Антонио другими доводами одобрил это, сказав, что ревностнее и более правильным путем добьются мира те, которые со всем усердием заботятся о том, чтобы вырвать корни будущих несогласий. После этого московиты ответили, что они в грамоте о мире напишут названия всех крепостей, находящихся в руках великого князя, право на владения которыми передадут королю, и всё это скрепят клятвой. Однако пусть королевские послы перестанут требовать того, над чем московские послы не имеют власти: о шведском короле в перемирной грамоте не должно быть упомянуто ни одного слова.

На это Антонио сказал: если случится, что одну и ту же крепость и король и московит захотят взять силой оружия, нужно предусмотреть (если в остальном послы придут к взаимному соглашению), чтобы ни московский князь не вторгался в пределы остальной Ливонии, принадлежащей королю, а также в самую Польшу, Великое княжество литовское и Пруссию, ни король не вторгался вместе с войском во владения великого князя.

Тогда королевские послы стали просить Антонио представить заключение об этом деле, скрепить его своей подписью и печатью. Антонио ответил, что он составит его так, что ни самому королю, ни великому князю, ни вообще кому бы то ни было не присудит ничего лишнего и ничего из прав не отнимет. Кроме того, он прибавил, что он к этому заключению добавит (а этого требовало само время), чтобы оно и в отношении прав, и в отношении титула было справедливо для обеих сторон и способствовало тому, чтобы не дать повода к войне. Он также вместе с обоими государями (что, впрочем, можно делать и при помощи послов) будет добиваться мирным путем того, чтобы на основании всего этого остался лишь минимальный, а может быть, и никакого повода для спора. Королевские послы с помощью Михаила Гарабурды подробно огласили заявление, а затем обратились с просьбой к Антонио, чтобы он закрепил это в письменной форме. Это [письменное заявление], по-видимому, нужно передать королевским послам (а об этом говорил также король в лагере Антонио) только в том случае, если московитам останется только его выполнить. Королевские послы к тому же в пространной речи заявили московитам, что король хочет получить вообще все те крепости, которые захватил на войне шведский король.

После этого перешли к вопросу об оружии в крепостях, находящихся в руках московита, чтобы оно было отдано тому, кому они будут переданы. Королевские послы говорили, что это раньше было обещано другими московскими послами, приезжавшими в Вильну. На это московиты ответили, что тотчас вызовут бояр из Новгорода, и

вопрос об оружии не будет представлять больших трудностей. К одному вопросу прибавился другой, и заседание было назначено на следующий день.

29 ДЕКАБРЯ.
ОДИННАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

На этом заседании московиты начали с вопроса о Себеже, о чем много и долго говорилось, причём королевские послы настаивали, чтобы это дело было поручено Антонио с тем, чтобы он переговорил о нем с обоими государями, а между тем мир будет заключен. Московиты же твердили, что они в угоду Антонио уступили Велиж, и уже не настаивают, чтобы его сжечь, но оставляют его королю нетронутым: а королевские послы всегда просят чего-то [сверх меры]. Это (говорили они) подобно пуле: если ее не вынуть из тела, тело загноится; подобно этому; если не разрешить дело о Себеже, все переговоры о мире будут испорчены и нарушатся. Если же королевские послы желают оставить на время этот вопрос нерешённым, пусть они оставят его в таком положении, чтобы сам великий князь решил, останется ли в будущем повод для спора. Антонио одобрил решение королевских послов и настоял на том, чтобы заканчивались остальные дела, а это было отложено (ведь они ожидали, как уже было выше сказано, ответа от Замойского, и планы короля Антонио знал лишь до известной степени). Московиты стали упрекать королевских послов в том, что не исполнилось то, что было обещано великому князю через Захара Болтина о снятии осады Пскова. Ведь король обещал Антонио сделать это в течение нескольких дней. Королевские же послы сказали: Антонио было обещано не делать приступа, а войско будет отведено, как только мир будет заключен, условия подписаны и скреплены клятвой. Наконец, когда королевские послы стали говорить о способе передачи крепостей, московиты сказали: на нашей обязанности лежит общее решение вопроса, а этого дела великий князь нам не поручал. И так как он — христианский государь, он приказал все делать по христианскому обычаю и искренне. Так мы и поступаем с вами, как с братьями нашими. Поэтому знайте: как только мы решим что-нибудь о Себеже, тотчас пошлем в Новгород за знатными людьми, равными нам по достоинству, среди них порховской воевода Иван Жеребов. Им и будет дана возможность передачи крепостей.

Затем московиты вели переговоры о том, чтобы крестьян не угоняли в Литву, на это королевские послы ответили, что это запрещено королем. Поэтому и нужно как можно скорее закончить дело мира, чтобы не случались прочие вещи подобного рода. Затем московиты сказали, что крепости должны быть переданы к Благовещенью[8] (королевские послы были против этого), потом пошла речь о взаимном обмене оружием, для которого, конечно, должны быть получены или указания, или письменные распоряжения короля или великого князя.

Затем перешли к вопросу о пленных. Московиты просили, чтобы

оба государя свободно отпустили всех. Королевские послы протестовали и говорили, что это дело может свершиться только так, как король предписал Антонио: то есть солдат должен обмениваться на солдата, отряд на отряд, воевода на воеводу. Если останется кто-нибудь сверх этого, их выкупать за деньги или менять на тех ливонцев, которые находятся в Московии. Кроме того, прибавили королевские послы, московский князь должен освободить купцов, которых задерживает вопреки всякому праву, христианским обычаям, вопреки постановлениям и письмам, которыми в свое время обменялись их государи (а именно, чтобы несмотря на начало военных действий купцы не несли никакого убытка), и держит на положении пленных; в частности, это Зарецкий и Мартын Мамонич, виленские купцы; именно их король хотел бы освободить. Тогда московиты сказали: кровь христианскую не выкупают за деньги. Купцы же не были пленниками, их не содержали под стражей, к ним только приставлены приставы, которые должны следить, чтобы им не нанесли какого-нибудь ущерба.

Когда закончились переговоры, наступил вечер, и остальное было перенесено на следующее заседание.

В 1-й ДЕНЬ 1582 ГОДА. ДВЕНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Московиты, проведя большую часть ночи у Антонио, просили его (если он хочет сделать нечто очень приятное их великому князю) везде в грамотах о мире называть его «царем казанским и астраханским». Именно поэтому великий князь считает незначительными те крепости, которые намеревается передать королю.

Воспользовавшись этим случаем, Антонио подробно объяснил, что христианский государь [imperator] — тот, звание которого утверждает апостольский престол, который был перенесен с Востока на Запад, после того как византийские императоры отошли от католической веры. Если московит хочет называться законным титулом и получать законные почести, пусть он поведет об этом переговоры с верховным первосвященником на том же основании, что и другие христианские государи, которые знают, что дело казанское и астраханское не так значительно, чтобы давать за это титул как бы нового цезаря, императора и короля. Если он называет это «цезарь», то под этим словом подразумевается «царь», некое заимствование у татар, которое обозначает как бы королевский титул.

На это московиты [сказали]: Гонорий и Аркадий прислали из Рима первому московскому князю Владимиру императорскую корону, а верховный первосвященник через некоего епископа Киприана это утвердил. И остальное, такого же рода. На это Антонио ответил им: Гонорий и Аркадий жили за 500 лет до Владимира[9]. Они же (не зная, что сказать) сказали, что были другие Гонорий и Аркадий, которые жили именно в это время. Тогда снова они стали горячо просить Антонио: чтобы верховный первосвященник, которого называют пасты-

рем вселенской церкви, соизволил приложить усилия, чтобы король на самом деле называл их государя этим титулом [царя] и чтобы за ним [московским князем] сохранился титул «ливонский». Антонио ответил им: «То, что вы желаете называть верховного первосвященника пастырем вселенской христианской церкви, это правильно, так как это установил господь наш Иисус Христос, верховный же первосвященник придает этому мало значения (если только это не соединено с единством церкви и славой божьей); впрочем, себя он называет рабом рабов божьих. Но как сохранить вашему государю титул «ливонский», если он передает крепости королю, разве это справедливо? Если бы ты отдал мне свою одежду и отказался от нее, справедливо было бы тебе считаться ее хозяином?»

После того как было обсуждено со всех сторон то, что на следующий день должно стать предметом переговоров, явились королевские послы на назначенное заседание, где речь пошла о Себеже и о сроке будущего перемирия. Королевские послы согласились, чтобы Себеж остался у великого князя, мир же заключат на 8 лет. Московиты в этот день были удовлетворены, они прибавили только, что следующей ночью они намереваются обдумать, не нужно ли будет что-нибудь добавить. Затем королевские послы попросили, чтобы тем крестьянам, которые присягнули королю, московский князь не нанес какой-нибудь обиды. Московиты сказали, что охотно дают на это согласие. Когда перешли к вопросу о передаче крепостей, было сказано, что Дерпт и другие достаточно укрепленные города будут переданы [королю]. По-видимому, и здесь между послами не возникло разногласий. Московиты попросили, чтобы был выделен королевский отряд [для сопровождения] при отъезде владык и попов (то есть их священников), также и в других случаях, в особенности, при вывозе святых икон, чтобы они не попали в руки шведского короля. Так как здесь королевские послы были не во всем согласны, Антонио сказал, что справедливо всё вывезти в безопасности, тем более, что московиты не требовали присылать какие-нибудь другие отряды, кроме тех, которые их сопровождали.

На этом был положен конец заседанию.

2 ЯНВАРЯ 1582 ГОДА.
ТРИНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В этот день пришли на съезд из королевских после лишь воевода [Збаражский] и Михаил Гарабурда. Альбрехт Радзивилл остался дома, по их словам, по болезни.

Когда Антонио спросил их, смогут ли они в его отсутствие принять какое-либо решение, они сказали, что это будет иметь силу, и тогда были приглашены московские послы. Они на вопрос Антонио о длительности перемирия предложили прибавить к нему еще год, чтобы мир длился 9 лет. Королевские послы согласились с этим сроком. Затем королевские послы под влиянием наставлений Замойского по-

требовали, чтобы московиты отказались ото всей Ливонии и соблаговолили грамоту закончить таким заключением, на основании которого (даже если бы об уступке Ливонии и не говорилось в точных выражениях) это можно было бы понять. Антонио не одобрил характер столь двумысленного решения и сказал им в частной беседе следующее: «Требуйте Ливонию в самых ясных выражениях, чтобы [не] казалось что вы, как будущие братья, взяли ее обманом».

Московиты ответили: «Мы 5 дней тому назад ясно ответили, что уступим целиком всю ту Ливонию, которая находится во власти великого князя: что касается тех крепостей, которые в руках шведского короля, о них мы не собираемся говорить. Если вы придумываете новые обстоятельства, вы тратите время, пройдет год, пока мы заключим мир». Михаил Гарабурда еще раньше сделал заявление, и об этом заявлении было сказано выше, и просил Антонио, чтобы тот принял его так, чтобы это дело было закончено. Текст этого заявления Михаил передал Антонио, затем сделал с него копию, так как образец находился в руках Антонио. Все это было скреплено по инструкции со стороны королевских послов подписью и королевской печатью, и не было бы промедления в заключении мира, если бы московиты захотели отказаться от титула и прав на Ливонию. Антонио, пока одна беседа шла за другой, сказал королевским послам: ему кажется, раз дело находится в таком состоянии, и, вероятно, оно заранее не было достаточно продумано, необходимо позаботиться поименно переписать и перевести [названия] всех крепостей, которые занимает великий князь, пограничных областей и прав на них, необходимо перевести также [названия крепостей], если они в настоящее время в руках у московита и если даже известно, что он их удерживает уже долгое время. И (если им угодно) в грамотах постараться не приписывать великому князю титула «господина ливонского», что было предписано королем по его желанию и на основании его инструкции.

Затем послы вели переговоры между собой об определении границ Ливонии, и московиты отложили это дело до прибытия посольства для утверждения, а королевские послы настаивали, чтобы это решили [сейчас] между собой, чтобы искоренить какую бы то ни было возможность [возобновления] споров. Московиты сказали: «Если мы не сможем достаточно точно [это] установить (так как мы не знаем всех границ), нам придется обратиться за разъяснениями к нашим государям». Тогда же и та и другая сторона согласились, чтобы они были такими, какими были издревле. Затем на вопрос королевских послов, если Себеж останется за великим князем, а Велиж — за королем, не смогут ли оба государя с помощью послов в том же году повести дело об их обмене, московиты ответили, что никоим образом не хотят этого записывать в условиях перемирия, но надо ясно [указать], что за великим князем остается Себеж, а Велиж добровольно передается королю.

Но королевские послы, считая, раз они владеют Велижем, то могут добиваться уступки всей Ливонии, возобновив обсуждение, начали тратить время: сначала они потребовали число и название крепостей, которыми московит владел до нынешнего времени. Их московиты

тотчас назвали. Затем тех, которые занял шведский король, и, наконец, сказали, что переговорят обо всем этом с князем Альбрехтом Радзивиллом и на следующий день придут на заседание.

НАЗВАНИЕ КРЕПОСТЕЙ, КОТОРЫЕ ДОЛЖЕН ПЕРЕДАВАТЬ МОСКОВСКИЙ КНЯЗЬ

Ленвардт, Скровна, Астерадт, Кокенгауз, Круцборг, Борзун, Кудун, Чествин, Луза, Режица, Влека, Володимерец, Ровно, Горойя, Трикат, Алист, Перколь, Салач, Новгородок Ливонский, Керепеть, Дерпт, Муков, Рандек, Ринхоль, Конхоль, Каулетц, Курслов, Лаис, Тарваз, Полчев, Пайда, то есть Белый Камень, Вильян, оба Пернова.

НАЗВАНИЕ КРЕПОСТЕЙ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ В РУКАХ ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

Нарва, Сыренск, Адесум, Толщабора, Ракобож, Колывань, Пайдка, Коловер, Лиховер, Апсаль, Вихолумыза.

5 ЯНВАРЯ. ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Послы стали жаловаться по очереди: московские на то, что королевские послы оттягивают дело, между тем как поляки и литовцы уводят крестьян и пленных, область повсюду остается пустынной и истребляется пожаром. Королевские же на то, что московские тянут время, не подходя к тому, о чем велись переговоры, они стали виновниками пролития крови, и ее будет проливаться тем больше, чем дальше будет откладываться заключение мира. Королевские послы прибавили также: крестьян и пленных не уводят, но размещают по зимним квартирам и лагерям, назначенным каждому солдату.

Затем пошла речь о ливонской крепости Сыренск. Московиты говорили, что она занята шведским королем, а королевские послы, что она удерживается великим князем. Хотя истина и не была установлена, королевские послы сказали, что хотят получить ее в любом случае, московиты ответили, что передадут ее, если там не будет шведского гарнизона.

Затем королевские послы повторили название каждой из крепостей, которые до сих пор находятся во власти московита, а также тех из них, которые отошли в руки шведского короля. Затем, когда послы стали больше спорить о словах, чем о деле, было решено следующее: московиты должны передать королю все, что имеет великий князь в Ливонии, с крепостями, деревнями, угодьями и с остальным недвижимым имуществом, к ним относящимся. Король же возвращает вели-

кому князю крепости, взятые им [у великого князя], кроме Велижа, которые некогда были собственностью великого князя вместе с деревнями, угодьями и иным недвижимым имуществом, имеющим к ним отношение. Ни тому, ни другому государю не дóлжно возобновлять военные действия: московскому князю против Велижа и Ливонии, королю против Лук, Заволочья, Невеля, Холма, Себежа и псковских крепостей. И те и другие послы попросили эту [грамоту]; от лица Антонио ее подписал его секретарь и переводчик.

Кроме этого, было много споров о способе и времени вывоза из крепостей оружия, а также владык, попов и икон, о снятии осады Пскова, об отведении королевского войска, но день уже клонился к ночи, и обсуждение всего этого было перенесено на заседание следующего дня.

ДЕНЬ СВ. БОГОЯВЛЕНИЯ [10]. ПЯТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

После того как отправленные великим князем в Новгород [люди], которые должны заниматься передачей крепостей, приехали оттуда, и об этом стало известно королевским послам, московиты сказали, что великим князем для этого дела специально назначены люди. Таким образом, как только установится мир, никакого промедления при передаче крепостей не будет допущено.

Затем перешли к [вопросу] об этих крепостях, и королевские послы и придворные люди великого князя [пришли к соглашению]: из каждой крепости в течение 8 дней удалить воевод, владык, попов, иконы и принадлежащее им [крепостям] недвижимое имущество, а зерно и другие вещи такого же рода, если за это время не сможет быть вывезено, будет увезено какими-нибудь уезжающими московитами.

Затем был назначен срок возвращения крепостей, которые должны быть переданы в Ливонии королю: 8 недель, считая с этого [то есть 6 января] дня. В этот же срок королевские послы должны также передать свои крепости московскому князю.

Когда снова речь шла об оружии, и те и другие послы сошлись на том, дав клятву и целовав на том крест, что они должны передать захваченное оружие вместе с крепостями. Михаил Гарабурда, королевский секретарь и Никита Басенка, секретарь великого князя, записав название и количество оружия, обменялись списками.

Королевские послы затем заявили Антонио, что они хотят [получить] от московитов Сыренск, а те (как и раньше) говорили, что он в руках шведского короля.

Большой спор снова возник о пленных. Московиты говорили, что нельзя с помощью денег и крепостей выкупать христианскую кровь еще и потому, что, кроме всего прочего королевские послы попросили [за них] две крепости Себеж и Опочку. В свою очередь, королевские послы возражали, говоря, что их великий князь когда-то в качестве выкупа за пленных потребовал от польского короля крепости Усвят и

Езерск, и он же хотел в обмен за некоего знатного литовца Глебовича не только трех пленных, но и денег (так же он поступал и в других случаях). В конце концов было решено вести это дело с помощью послов обоих государей. Королевские послы хотели передать это дело Антонио, он же ответил, что вообще не берется за это (он знает по своему пребыванию в лагере: королю, который предлагал ему пленного московита, не было оказано повиновения), и рассудил так, если столь большое количество московитов, уведенное чужеземцами в другие места, не захочет возвратиться к великому князю, это дело неудобно вверять имени и покровительству верховного первосвященника.

Наконец, московиты стали настаивать, чтоб король прежде всего отправил своих послов в Московию для заключения мира, королевские же послы говорили, что достаточно будет, если послы обоих государей соберутся на границе их владений в одно и то же время, и одни отправятся дальше к королю, другие — к московиту, или даже королевские послы сначала прибудут в Смоленск. Однако московиты с этим не согласились, так как, по их словам, они ничего не знают об этом деле. Поэтому на этом заседании ничего не было решено, но отложено на будущее.

В этот же день великий князь прислал своим послам и Антонио новые, более основательные полномочия, и это было для королевских послов доказательством, что он ведет переговоры серьезно. Они были прочитаны на совместном заседании послов. Они заключались в следующем.

КОПИЯ ВТОРЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Милосердием и милостью божьей, которая высоко поставила нас на Востоке и которая направляет стопы наши на стезю мира. Милостью божьей, чтимой в Троице, мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич, государь всея Руси, владимирский, московский, новгородский, царь казанский и астраханский, государь псковский, великий князь смоленский, тверской, иверский, пермский, вятский, булгарский и иных земель, наследник земли ливонской и прочая, Стефану, королю божьей милостью, польскому и великому князю литовскому, русскому, прусскому, мазовецкому, самогитскому, государю трансильванском и прочая. Писал нам посол папы римского Григория XIII Антоний Поссевин об установлении мира, чтобы между нами не проливалась христианская кровь, чтобы прекратилась война, чтобы мы отправили наших послов на одно место и чтобы они в присутствии этого папского посла смогли заключить между нами мир и утверждение союза. Поэтому мы ради христианского мира отправили наших послов: нашего придворного воеводу кашинского князя Дмитрия Петровича Елецкого, нашего придворного воеводу козельского Романа Васильевича Олферьева, дьяка нашего Никиту (Басенка) Никифоровича Верещагина, подьячего нашего Захария Свиязева

в Ям Запольский или какое-нибудь иное удобное место между Порховом и Заволочьем на съезд для установления мира; им был дан полный наказ, чтобы, съехавшись с твоими послами, они вели переговоры о благих делах и христианском мире в присутствии папского посла и чтобы решили о заключении мира с обеих сторон, а перемирные грамоты чтобы надежно скрепили крестным целованием. И мы должны крепко стоять на том, что они заключат.

И [когда] ты пришлешь к нам по этому поводу своих послов, мы должны [будем] написать от нашего имени грамоты, и эти грамоты, скрепленные нашим крестным целованием и нашей печатью, с этими же твоими послами мы отошлем тебе, королю Стефану. Ты же, король Стефан, таким же образом, когда мы пришлем к тебе своих послов, должен прислать с нашими послами грамоты заключения [мира], подписанные твоим именем и скрепленные твоей печатью. А эту «верную» грамоту с нашей подписью мы дали нашим послам в нашем государстве, крепости Москва в год от сотворения мира 7090, месяца декабря индикта 10, царствования нашего российского 35, казанского 29, астраханского 28 лет.

7 ЯНВАРЯ.
ШЕСТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Когда снова собрались все послы, были установлены сроки отправления посольств к обоим государям: королевским послам быть в Московию и ко дню св. Троицы, а московским у короля — к Успеньеву дню [11]. И разбор дела о пленных государями с помощью этих послов был отложен на это время.

Затем, сначала намеками, затем открыто и, наконец, очень настойчиво московиты стали требовать, чтобы в этих грамотах их государь именовался «великий государь», «царь» (imperator), «великий князь» и т. д. Против этого очень возражали королевские послы; Антонио же прошлой ночью (как он делал это часто и раньше) расспрашивал московитов об этом деле и убеждал их в том, что признают только одного христианского императора и подобное наименование не имеет силы без утверждения верховного первосвященника, который никогда не позволит, чтобы римскому цезарю было нанесено подобного рода оскорбление. Московиты оставили свои попытки добиться этого. Но затем они стали очень сильно настаивать, чтобы его писали царем казанским и астраханским, но этого не добились. Королевские послы отрицали, московские же утверждали, что таким наименованием называл московита Сигизмунд Август. При этом Антонио спросил, почему московиты не привезли с собой этих грамот, а это было бы довольно веским доказательством истины; они ответили, что забыли. Михаил же Гарабурда показал старые скрепленные печатями грамоты перемирия, в которых не было никаких подобных наименований. Так закончилось заседание.

8 ЯНВАРЯ.
СЕМНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Московиты снова стали довольно решительно настаивать, чтобы великий князь именовался по крайней мере царем казанским и астраханским и в конце концов обратились с этим делом к Антонио. Королевские же послы сказали: король в своих поручениях ничего не сообщил им об этом, к тому же Антонио сможет переговорить об этом с московитом, к которому собирается вернуться. Антонио же, обратившись к московитам, сказал, что существуют три довода, с помощью которых, по его разумению, он сможет вести речь об этом деле. Первый: королевские послы могут назвать московита господином (dominum) казанским и астраханским, о чем, кажется, московские послы не просили, хотя королевские послы с этим были согласны, но говорили: никогда не может придти в голову польским королям именоваться титулом «татарского» или «турецкого», как будто христианин [может] называть христианского государя «царь татарский». Второй: московиты могут сделать заявление об этом деле, которое Антонио позволит [сделать], если это не нанесет ни одному государю обиды и не создаст препятствий к почти заключенному миру. Но московиты сказали, что они ничего не знают о таких заявлениях и они не приняты у них. Третий: он обещал переговорить об этом с королем и, если надо будет, с верховным первосвященником, как это подобает честному человеку и христианину. После этого Антонио разбирал жалобу московитов (удивительно, как они его этим донимали), [говоря], что великий князь в Старице не поручал ему ничего подобного, хотя подробно через своих советников беседовал с ним об очень многих других делах, также ничего не написал ему в лагерь под Псков, хотя присылал ему письма, касающиеся важнейших дел заключения мира, но московские послы всё это до сих пор скрывали в своей душе.

Поэтому это их вина, что все еще тратится время на обсуждение этого дела. В результате всего этого московиты позволили, чтобы королевские грамоты писались без этих титулов. Когда обо всем этом велась речь, они стали настаивать, чтобы в документах по крайней мере был приписан московиту титул «смоленский», а это великое княжество некогда было захвачено московитами у литовцев и [сейчас], находится в их власти. Против этого решительно возразили королевские послы, говоря, что будут придерживаться в написании старых обычаев.

9 ЯНВАРЯ.
ВОСЕМНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Этот день послы (отсутствовал Альбрехт Радзивилл) потратили на перечитывание и исправление документов перемирия, и было сделано так, что названия крепостей и пограничных [областей] были по обычаю древних договоров названы поименно. Этого просили королевские послы, но московиты (что они имели обыкновение делать поч-

ти во всех других делах) возражали и предлагали написать в общей форме, чтобы «ни Литва, ни Ливония против Московии» или даже «они против них» не вели войны. Под влиянием настойчивости королевских послов и доводов Антонио они согласились написать так: московит не должен совершать враждебных действий по отношению к любой крепости Литвы, [а также] Киева, Канева, Черкасс и других пограничных [областей], ни против каких-либо ливонских крепостей, от которых отказался; король же — против других московских крепостей, а у владений и крепостей должны оставаться те же самые границы, которые были у обоих государей в старые времена. На этом закончилось заседание. Следующий день был назначен для записи документов перемирия.

ЗАСЕДАНИЯ 10 И 11 ЯНВАРЯ

Королевские послы, потратив два дня на изучение московских грамот о мире, увидели, что и в королевских полномочиях, и полномочиях великого князя подробно говорится о том, чтобы всё относящееся к миру, обсуждалось в присутствии Антонио и даже завершалось (если бы этих слов не было в документах, то, по их мнению, переговоры не имели бы силы). Затем между ними и московитами возник спор, в котором, однако, московиты, в конце концов, уступили. И когда уже, казалось, все было закончено, московиты попросили прибавить к грамотам следующее: великий князь передает королевским послам не только те крепости, которые он уступает, но также Ригу и Курляндию, которыми он никогда не владел. Но королевские послы так решительно отказались, что не захотели ни в одном случае уступить доводу московита, и предложили [московским послам] на следующий день покинуть [съезд]. Тогда же королевские послы заявили Антонио, что они не против того, чтобы во всех вопросах, требующих справедливости, повиноваться верховному первосвященнику. Было понятно, что московит, по-видимому, клонит к тому, чтобы у него оставалось, несмотря на уступку, какое-то право на Ливонию, как бы для того, чтобы иметь возможность снова потребовать ее в течение тех 10 лет, на которые был заключен мир. Справедливое подозрение у королевских послов вызывало и то, что гонец, снаряжаемый для того, чтобы вызвать из Новгорода воевод, задерживался до сих пор московитами, придумывающими [для этого] предлоги и ссылающимися на то, что до сих пор еще не готовы грамоты, о которых не было почти никаких разногласий. Но после того, как им было предложено уехать, сначала один, потом другой, и, наконец, все вместе вернулись к Антонио: они, то говорили, что не имеют в своих поручениях [разрешения] без этой записи о передаче Риги заключить мир, то говорили, что они не такие подданные своего государя, как все остальные, так как не могут сделать в своих поручениях даже ни одного слога приписки, и, наконец, попросили 10 дней сроку, пока получат ответ от московита. В конце концов они попросили совета у Антонио, что им делать. Антонио (которому эти увертки, применявшиеся, впрочем, и в остальных случаях

при обсуждении, были уже достаточно знакомы) боялся, что все это делается для того, чтобы этим способом задержать и ослабить королевское войско. [Поэтому] он сказал: пусть они или в письменном виде дадут обещание, что согласятся со всем, о чем велись переговоры, и не будут ставить вопроса о Риге, или этой самой ночью пойдут к королевским послам и, перечитав документы о мире, на следующий день скрепят [заключение] мира клятвой. В противном случае королевские послы вообще уедут. Тогда они (как обычно) соизволили сделать так, как говорил Антонио: они не будут ставить вопроса о Риге, а ночь проведут в составлении грамот; они хотят, чтобы только один Михаил Гарабурда просмотрел их. Антонио послал за ним, но к Антонио прибыл к началу ночи не только он, но и браславский воевода [Збаражский], из той деревни, куда раньше удалились [польские послы], и почти вся эта ночь, как и следующий день, были потрачены на изучение документов о мире. Затем королевские послы попросили (об этом им напомнил Антонио), не соблаговолят ли московиты записать в грамотах, чтобы крестьянам, которые перешли на сторону короля после заключения мира, московским князем не было причинено обиды. Московиты отказались от этого, но, протянув Антонио правую руку, обещали и ему и королевским послам, что им [крестьянам] со стороны их государя не будет нанесено никакой обиды. Ведь они, подобно овцам, запуганные страхом и убийством других, но не из-за своей нечестности согласились клятвенно присягнуть королю.

Тогда и был заключен мир на 10 лет с прибавлением одного года к девяти.

Московиты, однако, потребовали [указать] название оружия и его количество в тех крепостях, которые были взяты у короля, и о чем уже раньше шла речь. После того как воевода браславский смог предоставить лишь опись его в Невеле, московиты стали требовать, чтобы был список на все [крепости], подобно тому, как сами они сделали на все свои. Были посланы люди, которые должны как можно скорее это исполнить. Причем королевские люди были в лучшем положении, но делали это с меньшей заботливостью и тщанием, нежели московиты, что могло представлять некоторую опасность для дела.

15 ЯНВАРЯ. ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

В течение двух дней, предшествовавших этому, снова был большой спор между послами. Московиты хотели в своих грамотах записать о крепостях, которые они передают королю, что они отдают их из вотчины, то есть земли великого князя. На это решительно возразили королевские послы, говоря: этим правом он [московский князь] воспользуется, чтобы напасть на ту [часть] Ливонии, которую он еще не передал королю. Снова королевские послы потребовали, чтобы московиты, не завершив дела, вернулись в Москву, если не захотят отступиться от этого предложения. Тогда московиты обратились к Антонио с мольбой вмешаться в это дело и удержать королевских послов, уг-

рожающих отъездом. Приложив сколько нужно для этого усердия, он убедил московитов вычеркнуть эти слова из своих грамот. Затем, собравшись вместе, перечитав еще до этого самые грамоты и обменявшись, по своему обычаю, полномочиями своих государей так, чтобы у королевских послов оказался [экземпляр] московского князя, а у московитов — королевский, а те листы, где записаны [сведения] о количестве оружия и об остальных укреплениях крепостей, были подписаны секретарями обоих государей Михаилом Гарабурдой и Никитой Басенком; после того как королевские послы потребовали у Антонио заявления об остальной Ливонии, они скрепили [заключение] мира клятвой, подписью и крестным целованием в доме у Антонио.

Да будет это во славу божью.

В Киверовой Горке. 15 января 1582 г.

УСЛОВИЯ МИРА, ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ В ОТВЕТ НА ЕГО ПРОСЬБУ СВЕТЛЕЙШИМ КОРОЛЕМ СТЕФАНОМ И ПЕРЕДАННЫЕ ПОСЛОМ СВЯТЕЙШЕГО НАШЕГО ГОСПОДИНА В ЯМЕ ЗАПОЛЬСКОМ 15 ЯНВАРЯ 1582 г. ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Войско его величества после снятия осады с Пскова должно быть выведено из владений московского князя.

Нельзя допускать пожаров и разорения полей.

Перемирие заключается на 10 лет. Города, взятые в Московии в прошлом году: Великие Луки, Холм, Заволочье, Невель и другие, так же как и взятые в нынешнем году: Остров, Красный Городок, Воронеч, Велья и прочие крепости, принадлежащие Пскову, вместе с оружием и военным снаряжением, те, которые не были сожжены, должны быть возвращены [московскому князю].

В возмещение этого великий князь московский отказывается от всех городов и владений где бы то ни было в Ливонии, захваченных им, вместе со взятым им там военным снаряжением и оружием.

Он не должен требовать обратно городов: Велиж, Усвят, Озерище, Сокол и других, взятых на войне, и городов, принадлежащих Полоцку.

Должны быть немедленно переданы из части московита, в первую очередь: Дерпт, Феллин, Пернов и Новгородок. Остальные же все — до 4 марта (крайний срок). Список их следующий: Кокенгаузен, Круцборг, Ланден, Розитен, Лазен, Фестен, Сессвеген, Шванцбург, Мариенгаузен, Рунцборг, Адсель, Трикат, Мариенбург, Волнур, Перкель, Салес, Старый Пернов, Андер Фиккель, Маргема, Кукенгайм, Леаль, Лоде, Апсель, Санкта Бригитта, Фегссевер, Лиель, Борхольм, Нейшлосс, Фалькоффен, Белый Камень, Нарев, Талкинав, Форбет, Керемпе, Ольденторн, Нейгауз, Одемпе, Зоммерпаль, Кавелихт, Ульцен, Кунцтет, Ранден, Ринген, Оберполен, Лаис, Тервесс, Ленварт, Ассерат.

Что касается Нарвы и других городов, занятых светлейшим королем шведским, послы светлейшего короля польского заявили, что его величество, несмотря на перемирие, будет добиваться своих прав.

До вышеупомянутого 4 марта всё принадлежащее как светлейшему королю, так и московиту должно быть вывезено и той и другой стороной из передаваемых городов.

Если что-нибудь из-за недостатка времени случайно не может быть вывезено, оно должно оставаться под охраной до тех пор, пока не будет вывезено. Сторожа и возчики и в том и в другом случаях должны находиться в безопасности.

При передаче людей, оружия и прочего не должны применяться насилие и хитрость.

Для принесения московитом клятвы при утверждении условий мира представители светлейшего короля польского должны прибыть в Московию к 10 июня, московские же в Польшу — к 15 августа.

Вопрос о пленных на переговорах о перемирии через [этих] представителей не был поставлен.

ЗАЯВЛЕНИЕ КОРОЛЕВСКИХ ПОСЛОВ, СДЕЛАННОЕ С РАЗРЕШЕНИЯ АНТОНИО ПОССЕВИНО

В моем присутствии, то есть в присутствии Антонио Поссевино, посланного великим первосвященником для заключения мира между светлейшим королем польским и великим князем московским, великие послы Стефана, божьей милостью короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, мазовецкого, самогитского, ливонского и пр., а также князя трансильванского, светлейшие господа: Януш Збаражский, воевода браславский, капитан кшеменский и пинский, Альбрехт Радзивилл князь несвижский и олыкский, придворный маршалок литовский, капитан ковенский; Михаил Гарабурда, королевский секретарь — собрались на месте, называемом Ям Запольский, вели беседы и переговоры о мире или перемирии между светлейшим королем и великим князем московским Иваном Васильевичем с послами самого великого князя: Дмитрием Петровичем Елецким, воеводой кашинским, и Романом Васильевичем Олферьевым, воеводой козельским, дьяком Никитой Басенкой и подьячим Захарием Свиязевым.

Послы светлейшего короля потребовали, чтобы их государю были переданы все города, взятые светлейшим королем шведским у великого князя московского, то есть: Ругодив (иначе Нарва), Сыренск, Адос, Толщабор, Ракобож, Колывань (иначе Ревель), Пайсу (иначе Падесу), Колывир, Ликоверж, Абслум, Вихолумыза, и настаивали, чтобы послы светлейшего великого князя московского от имени великого князя объявили об этом всем, а эти [крепости] передали бы их светлейшему королю. Великие послы светлейшего князя московского, давая ответ, сказали, что у них нет ничего сверх того, что они передали, так как этими городами их великий князь не владеет. От имени светлейшего

короля польского великие послы официальным образом в моем присутствии сделали заявление, что они хотят и должны вернуть своему государю все города, расположенные в Ливонии, которыми владеет светлейший король шведский, по крайней мере нужно предусмотреть, чтобы, если надо будет светлейшему королю обсуждать со светлейшим князем московским вопрос об этих городах, спор и разбирательство касались только тех городов, которыми светлейший король шведский владеет сейчас. Что же касается королевства польского вместе с великим княжеством литовским и всех остальных крепостей в Ливонии и того, что в других местах подвластно светлейшему королю польскому то мир, который будет заключен обеими сторонами, в каждой провинции и крепости должен храниться нерушимо и в свою очередь светлейший король польский не должен угрожать великому княжеству московскому или какому бы то ни было месту или крепости, принадлежащей великому князю московскому.

Послы светлейшего короля хотели всё это занести в перемирные грамоты. Но послы светлейшего великого князя московского возразили на это, уверяя, что мир, который будет заключен между великими государями и однажды скреплен клятвой, и так должен храниться нерушимо как со стороны светлейшего короля по отношению к великому княжеству московскому и прочим провинциям и городам великого князя московского, так и со стороны великого князя московского по отношению к королевству польскому, великому княжеству литовскому, Ливонии и всем городам, принадлежащим этим и другим провинциям королевства польского.

Кроме того, вышеупомянутые послы светлейшего короля польского, собравшись вместе с вышеназванными послами светлейшего великого князя московского, в присутствии Антонио Поссевино потребовали от этих великих послов светлейшего великого князя московского, чтобы они передали также ливонскую крепость Сыренск светлейшему королю польскому и чтобы обязательно [об этом] ему доложили. На это требование послов светлейшего короля послы великого князя московского ответили, что эта крепость Сыренск не находится в руках и во власти их великого государя и поэтому они не могут давать того, чего не имеют, а крепость эту занял светлейший король шведский. По этой причине послы светлейшего короля польского в присутствии Антонио Поссевино заявили, что светлейший король польский желает получить эту крепость из рук и власти кого бы то ни было.

Итак, мы, насколько это было в наших силах, при благорасположении господина нашего верховного первосвященника Григория XIII и святого апостольского престола, для получения значительного результата заключенного мира позволили сделать вышеназванное заявление, понимая, что никоим образом это, разрешенное нами [то есть Поссевино] заявление не дает основания для произвольного толкования и изменений [в условиях перемирия] как королям и государям, так и каким-либо другим лицам, либо обладающим какой-либо властью, либо претендующим на нее.

Дано в Киверовой Горке в моем доме 15 января 1582 г.

ПЕРЕМИРНАЯ ГРАМОТА ПОСЛОВ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО[12]

Мы, послы великого государя всея Руси, царя и великого князя владимирского, московского, новгородского, царя казанского и астраханского, государя псковского, великого князя смоленского, тверского, иверского, пермского, вятского, болгарского и иных, государя и великого князя новгородского, земли низовской, черниговского, рязанского, ростовского, ярославского, белозерского, ливонского, удорского, обдорского, кондинского, сибирского и иных; я, ближний человек великого государя, царя и великого князя воевода кашинский князь Дмитрий Петрович Елецкий; я, ближний человек великого государя, царя и великого князя воевода козельский Роман Васильевич Олферьев; я, дьяк государя, царя и великого князя Никита Басенка Никифорович Верещагин; я, подьячий великого государя Захарий Свиязев, встречались с послами великого государя Стефана, божьей милостью короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, самогитского, мазовецкого, князя трансильванского и иных земель, для надежного установления и утверждения мира, а посол папы Григория XIII присылал к великому государю, царю и великому князю своего человека Андрея Аполлонского с тем, чтобы великий князь наш отправил послов на какое-нибудь место для встречи с послами короля Стефана для установления и заключения мира.

Поэтому мы, послы великого государя, царя и великого князя: я, ближний человек воевода кашинский, князь Дмитрий Петрович Елецкий; я, ближний человек и воевода козельский Роман Васильевич Олферьев; я, дьяк Никита Басенка Никофорович Верещагин; я, подьячий Захарий Свиязев, собрались, получили наказ и были посланы великим государем нашим в Ям Запольский между Порховом и Заволочьем на великолукской дороге и вместе с послами великого государя короля Стефана князем Янушем Николаем Корибутовичем Збаражским, воеводой браславским, капитаном кшеменским и пинским; господином Альбрехтом Радзивиллом, князем олыкским и несвижским, маршалком двора великого княжества литовского, капитаном ковненским, и Михаилом Гарабурдой, дьяком великого княжества литовского, мы заключили договор на 10 лет: от дня Крещения года 7090 до дня Крещения 7100, а великий государь наш, царь и великий князь ради блага христианского мира приказал уступить королю из земли ливонской города: Кокенхаузен, Скровно, Линневард, Круцборг, Борзун, Чествин, Трикат, Ровно, Володимерец, Алист, Говию, городище Лаудун, крепость Салац; города: Дерпт, Новгородок Ливонский, Керепеть, Муков, Рандек, Ринхольм, Конгот, Каулец, Карслав, Лаис, Тарваз, Полчев, Пайду, или Белый Камень, Вельян, Пернов старый и Пернов новый со всем имуществом, им принадлежащим, и с волостями при этих крепостях. Кроме того, королю передается Велиж со старыми границами и межами, подобно тому, как, например, витебская область была с Торопцом, область витебская вместе с Велижем — при Витебске, а область торопецкая при Торопце.

Нашему великому государю, царю и великому князю передаются те города, которые король Стефан взял из владений великого государя: город Великие Луки, Невель, Заволочье, а также Ржеву пустую, города: Холм и, кроме того, те псковские пригороды, которые король Стефан занял во владениях великого государя: Воронеч, Велью, Остров, Красное, и то, что мог бы взять впоследствии король Стефан из псковских пригородов: Врев или Володимерец, Дубков, Выборец, Вышеград, Изборск, Опочку, Гдов, Кобылье городище и Себеж. Пусть все эти, относящиеся в Пскову города, перейдут к великому государю нашему по древнему обычаю со всем имуществом и волостями при этих крепостях. Люди же, оружие и снаряжение должны быть вывезены в соответствии с постановлением так, чтобы ближние люди великого государя, присланные в Ливонию, вывезли людей из городов: Дерпта, Новгородка, Пайды, Полчева, Тарваза, Перкеля, Салача, Пернова и Фелина. И тогда же ближние люди короля должны позаботиться набрать лошадей и латышских крестьян и повозки для вывоза оружия великого государя и всего относящегося к ним снаряжения, а также вывезти дерптского владыку, иконы, церковные украшения, знатных людей, а также всех слуг, которые должны вывезти их вещи и имущество, им принадлежащее, насколько это возможно. Когда же соберут латышских крестьян и предоставят их людям великого государя, тогда люди великого государя в течение 7 дней, начиная с того дня, когда им дадут лошадей и латышей, должны погрузить на те повозки свои вещи и имущество. И, когда в течение 7 дней все свои вещи они погрузят на повозки, они должны со всем этим отправиться из городов во Псков, и литовские люди должны их сопровождать и доставить оружие и людей великого князя вплоть до Пскова, города же должны передать тем королевским знатным людям, которые присланы для их получения. И из тех ближайших ливонских городов, которые великий князь передал королю: Кокенгаузена, Скровно, Линневарда, Круцборга, Борзуна, Чествина, Триката, Ровно, Володимерца, Алиста, Говии, Лаудуна, Голбина, Речицы, Лузы, Влехи, Керепети, Мукова, Рандека, Ринкольма, Конгота, Каулеца и Карслава, они должны вывезти гарнизоны, людей, оружие, все имущество и продовольствие к 4 марта, а латыши должны сопровождать их вплоть до Пскова. Орудия же великого государя, находящиеся в этих городах, вместе с ядрами и порохом должны быть вывезены в это же самое время из ливонских городов вместе с людьми в соответствии с предписанием, которое послы обеих сторон обсудили и утвердили, скрепив подписью секретарей. Те же орудия, которые были захвачены в Ливонии в каком-либо городе, должны в них же оставаться в соответствии с предписанием, которое, скрепив подписью секретарей, приняли послы.

Если же они не смогут за один раз вывезти из городов снаряжение, продовольствие и прочее вместе с людьми или не соберут так скоро лошадей, люди великого государя нашего должны оставить все это запечатанным и сторожей, которым королевские люди не должны причинять никакого ущерба и обид. Более того, когда они придут во второй раз это принимать, королевские послы должны все это отправить во Псков с помощью латышей и литовцы должны сопровождать

их таким же образом. Таким же способом королевские солдаты должны быть выведены из тех городов, которые король Стефан уступил великому государю нашему, царю и великому князю: Великих Лук, Заволочья, также Ржевы пустой, Невеля, Холма и псковских пригородов, которые были во власти короля Стефана, вместе с орудиями, ранее ввезенными туда королем Стефаном. Люди же великого государя, которые посланы для приема этих городов, должны собрать [крестьян], зависимых от этих крепостей, с лошадьми и предоставить их королевским людям для вывоза гарнизонов, орудий и, насколько это возможно, солдат. И, после того, как крестьяне вместе с лошадьми будут собраны и отданы королевским людям, литовцы таким же образом должны вывезти в течение 7 дней из городов все снаряжение и все, что будет погружено на повозки, и передать города людям великого князя, которые посланы для их приема, а те, которые должны сопровождать литовцев, орудия и все снаряжение, должны вывезти это из Великих Лук, Невеля и Заволочья в Озерск, а из псковских пригородов — в Новгородок Ливонский. Но орудия этих городов, вместе с которыми города были взяты, должны быть оставлены в этих городах в соответствии с предписанием, которое было дано людям великого государя; орудия же, которые король Стефан ввез туда, должны быть возвращены вместе с солдатами. Если же за один раз не смогут вывезти снаряжение, продовольствие и тому подобное и если так быстро не соберут крестьян и лошадей, они должны остаток этого снаряжения, запечатанного печатью, снабдить сторожами, который люди великого государя нашего в следующий раз, собрав крестьян и лошадей, должны отправить в литовские крепости и отослать снаряжение так, чтобы в этих крепостях ни с одной стороны не было причинено насилия, обид, ущерба и неудобств. Таким же образом должны быть вывезены из ливонских городов солдаты великого государя, царя и великого князя нашего, владыки с иконами, попы со всеми церковными украшениями, также воеводы, бояре, стрельцы, казаки и все другие; и всем вышеназванным, а также орудиям и казне великого государя не должны причинять вреда и обид по дороге ни сами литовские солдаты, ни через латышей или через германцев, но сопровождать таким образом, чтобы в пути не было ни убийств, ни грабежей, ни применения какого-либо насилия. И в соответствии с документами перемирия литовцы должны отвезти людей нашего великого государя из ливонских городов до самого Пскова со всем имуществом в целости, не причиняя обид. Люди же нашего великого государя должны безо всяких задержек отослать этих латышей и любых королевских людей, которые их отвозили ко Пскову, и в пути не устраивать засад и не причинять никаких обид. Таким же образом из тех городов, которые король Стефан уступил нашему государю, царю и великому князю, должны быть вывезены солдаты и все литовское снаряжение. Люди нашего государя не должны на пути причинять неудобств и наносить обид: литовцев не убивать и не грабить, орудий и снаряжения не отнимать, так, чтобы этим литовцам не наносилось вообще никаких обид, но они должны их вывезти из этих городов и сопровождать до городов короля Стефана в соответствии с перемирной грамотой.

Тех же людей нашего великого государя, которые будут сопровождать людей короля Стефана, они должны отвезти обратно, орудия привезти обратно и все отослать, не причиняя обид и не учиняя задержек; они не должны в пути их убивать и устраивать засад.

В соответствии с решением послов король Стефан должен прислать к великому государю нашему своих великих послов, и подобным же образом великий государь наш должен отослать к королю Стефану своих великих послов для скрепления всего этого крестным целованием, и в соответствии с перемирными грамотами послов великий государь наш и король Стефан должны составить перемирные письма и обменяться ими между собой. Ради этого король Стефан должен отправить своих послов к великому государю нашему в определенное время, а именно к Троицыну дню 7090 года, великий же государь наш — ко дню Успения пресвятой богородицы того же 7090 года.

Пока будет совершаться обмен послами между нашим великим государем и королем Стефаном, и когда королевские послы будут у нашего великого государя и скрепят всё это клятвой и крестным целованием, также, когда послы нашего великого государя будут у короля Стефана и там также скрепят всё клятвой и крестоцелованием, в течение всего этого времени до истечения установленных 10 лет военные действия с обеих сторон должны быть прекращены.

Прежде всего великий государь наш, царь и великий князь ни сам не должен вторгаться со своим войском во владения короля Стефана, ни посылать бояр и воевод с солдатами занимать и захватывать места во владениях короля Стефана, ни причинять каких-либо обид и ущерба в границах его владений, так, чтобы ни раздоры, ни войны из этого не возникли. В особенности во время этого перемирия нельзя ни нападать, ни окружать осадой город Киев со всеми угодьями и волостями, город Канев со всем к нему относящимся, город Черкассы со всем к нему относящимся, город Житомир с его угодьями, город Овруч с волостями, город Любеч с волостями, город Гомель с волостями и всем к нему относящимся, то есть селами: Вороничи [13], Телешовичи, Тереничи, Кошелев лес, Морозовичи, Липиничи, Полешана; город Туров со всем относящимся к нему, город Мозырь со всем, относящимся к нему; кроме того, Бежицы [14], Брягино, Речицы, Горовль, Стрешино, Пропойск, Могилев, город Мстиславль со всем относящимся к нему, волости Хославичи, город Кричев со всем относящимся к нему, город Дубровна, со всем относящимся к нему, волости Горы и Романово, город Орша со всем относящимся к нему, волости Любавичи и Микулино, город Витебск и волости Бруса и Дречьи луг, город Сураж и суражские волости, Усвят и Озерище, город Велиж, город Полоцк с пригородами, волостями и всем относящимся к нему, город Копья, город Красное, город Ула, город Туровль, город Дрисса, город Копец и Десна, город Козьян, город Ситна, город Нещерды, город Сокол и принадлежащие Полоцку волости, город Лукомль с волостями, город Белмаков с волостями, город Ушач, город Лебедка и полоцкие волости: Мошниково, Непортовичи, Вербилова слобода, Кубково, Вязьма, Клин, Замошье, Исце, Неведро и городище Кречет на

озере Отулово, Наугонь с относящимся к ним, город Друя, город Икажна с относящимся к нему.

К тому же великий государь наш, царь и великий князь русский Иван Васильевич не должен учинять войн, препятствий и обид и не вести войну против земли Курляндской, а также земли Ливонской: против города Рига большая и Рига малая, города Дален, Кирхгольм, Кокенгаузен, Скровно, Линневард, Круцборг, Иксекюль, Радогощь, Дюнемюнде, Ивез, трёх городов Кремоны, а также городов Тураин, Трейден, Сигулда, Сонсель, Нитов, Юренборг, Нарбея, Розенбек, Розен, Лемзин, Мояна, Литопер, Кесь, Эрл, Невгин, Пебалга, Шкуин, Зербен, Смилтен, Борзун, Чествин, Трикат, Ровно, городища Левдун и городища Гольбин, городов Режица, Луза, Улех, Володимерец, Илисен, Плетенберг, Алист, Фекель, Новгородок Ливонский, Керепеть, Говия, Курслов, Юрьев, Муков, Рандек, Ринхоль, Конгот, Каулец, Лаис, Борхольм, Полчев, Пайда, Вильян, Тарваз, старый и новый Пернов. Границы всех крепостей должны быть и оставаться такими же, какими они были издревле.

Таким же образом, также и великий государь божьей милостью король польский и великий князь литовский Стефан во время мира не должен со своим войском вести войну против великого государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича, его земли и владений, посылать своих советников и воевод и, наконец, захватывать области во владениях великого государя нашего и причинять какие-либо обиды и ущерб пограничным [областям], не воевать и не делать помех всей земле московской и Великому Новгороду с волостями и всем ему принадлежащим, не должен вести войну и опустошать города: Псков с пригородами, Опочку, Красное, Остров, Велью, Воронеч, Изборск, Гдов, Кобылье, Урну, Дубков, Вышегород, Володимерец, псковские волости и псковские земли, города: Себеж с волостями, Тверь и всю тверскую землю, Переяславль Рязанский и всю рязанскую землю, Пронск и его земли.

Кроме того, божьей милостью великий государь король польский и великий князь литовский во время перемирия не должен угрожать следущим городам великого государя нашего: городу Рыльск с волостями, городу Путивль с волостями, городу Новгород Северский с волостями, городам Чернигов с волостями, Стародуб с волостями, Почеп с волостями, городу Поповы горы с волостями; волостям: Залесье, Бабичи, Светловичи, Голодна, Скарбовичи, Лапичи; городу Карачев с волостями; волостям: Хотимль, Сновск, Хоробро, Мглин, Дроково; городу Трубчевск с волостями, городу Мосальск [15] с волостями, городу Серпейск с волостями и волостям: Замошье, Тухаревичи, Дегна [16], Фоминичи, Погост, Мощино, Демено, Городечно, Ужепереть [17], Снопот, Ковыльна, Шуя [18], Лазарево городище, Ближевичи, Любунь, Даниловичи; городу Брянск с волостями и волостям: Соловьевичи, Прикладна, Пацынь, Федоровское, Осовик, Копиничи, Сухорь, Всеславль, Доронь, Жерынь; городу Рославль с волостями, городу Смоленск с дорогами, волостями и всем принадлежащим ему; волостям: Еловцы, Болваницы, Лазоревщина, Пустоселье, Романовское, Копотковичи, всей Молохве и всему, что ей принадлежит; волостям: Петровское Держанье, Лотово,

Зверовичи, Дубровенский Путь, Катынь, Капсля, Доречье[19], Радищунье[20], городу Мценск с волостями, городу Опаково с волостями и волостям: Залидово, Недоходово, Бышковичи, Личино; городу Вязьме и волостям, ему принадлежащим, городу Дорогобуж и волостям, издавна ему принадлежащим, городу Белая, со всеми угодьями, ему принадлежащими: Верховье, Большово, Шопотово, Монивидова Слобода; городу Великие Луки и великолукским волостям: Долысь, Березай, Усвят, Ловцы, Вышний Волок[21]; городу Холм и волостям, ему принадлежащим: Велила, Лопастицы, Буик; городу Заволочье, городу Ржева Пустая и ржевским волостям, городу Невель, городу Торопец и всем торопецким волостям: Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберово, Старцево, Нежельское, Плавецкое, Жижецкое, Озерецкое, Казариновщина.

Границы всех этих крепостей должны быть такими же, какими они были издревле, и все это должно охраняться нерушимо и непоколебимо с обеих сторон в соответствии с нашими документами перемирия, клятвой и крестным целованием, ведь обе стороны сами, скрепив их крестным целованием и обменявшись перемирными грамотами, должны таким образом соблюдать этот договор.

Послам же, которые будут отправлены великим государем королем Стефаном к великому государю нашему, царю и великому князю, дана будет свобода приехать и вернуться к королю Стефану без какой бы то ни было задержки со всеми своими людьми и имуществом в соответствии с охранными грамотами великого государя. А когда король Стефан отправит к великому государю нашему послов, тогда же он должен дать этим своим послам полную инструкцию об освобождении пленных и о том, каким образом должны быть освобождены пленные великого государя нашего, которые находятся в Литве.

Если же возникнет в это время какое-нибудь противозаконное действие среди пограничных жителей с обеих сторон, воеводы и исправляющие свою должность наместники в любой пограничной крепости во владениях той и другой стороны, посланные в это самое время с обеих сторон из-за этих противозаконных действий, должны восстановить справедливость и наказать виновных.

Далее. Мы, послы великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича: я, ближний человек и воевода кашинский князь Дмитрий Петрович Елецкий, я, ближний человек и воевода козельский Роман Васильевич Олферьев, я, дьяк великого государя Никита Басенка Никифорович Верещагин, я подьячий Захарий Свиязев, с послами великого государя божьей милостью короля польского и великого князя литовского князем Янушем Николаем Збаражским, воеводой браславским, капитаном кшеменским и пинским, господином Альбрехтом Радзивиллом, князем олыкским и несвижским, маршалком великого княжества литовского, капитаном ковенским, а также секретарем великого княжества литовского Михаилом Гарабурдой заключили мир, написали перемирные грамоты, привесили к ним наши печати, обменялись грамотами и скрепили крестным целованием.

Кроме того, мы целовали крест на том, что все дела между великим государем нашим, царем и великим князем и великим государем,

королем польским и великим князем литовским Стефаном должны вестись только на основании этих перемирных грамот.

А заключение этого мира мы совершили и дали крестное целование в присутствии посла папы Григория XIII Антония Поссевина.

Написано в Яме Запольском в 7090 году месяце январе.

ПОДПИСЬ С ПЕЧАТЯМИ

Я, дьяк великого государя, царя и великого князя Никита Басенка Никифорович Верещагин, эти перемирные грамоты своей рукой подписал.

Я, подьячий великого государя Захарий Свиязев, эти перемирные грамоты своей рукой подписал.

Написаны эти перемирные грамоты на двух соединенных и склеенных листах. Внизу подпись: дьяк Басенка Верещагин [22].

МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Великий князь московский, хотя и исповедует христианскую религию, однако не связан с римской церковью, так как погубил себя признанием греческой схизмы. Потерпев много значительных поражений, он несколько раз вел переговоры безо всякого результата с польским королем о мире. Наконец, он отправил к папе своего посла Фому Шевригина [1], чтобы папа, используя свое положение и влияние на всех христианских государей, положил начало перемирию. Верховный первосвященник охотно взялся за это дело в особенности потому, что, установив мир между двумя могущественными государями, одного из них надеялся привлечь к римской церкви. Для выполнения этого дела был выбран патер Антонио Поссевино, который только что вернулся из Швеции, где правил посольство. Он должен был, устанавливая мир на равных условиях между этими государями авторитетом папы римского, стараться с помощью этого обстоятельства вернуть московского князя в лоно католической церкви. Снабженный таким поручением, Поссевино вместе с московским послом выехал из Рима 16 марта 1581 года и, куда бы ни приезжал, всюду был принят самым почетным образом. Государи оказывали ему столь большой почет как по собственному побуждению и разумению, так и по желанию и просьбе папы, который желал, чтобы молва о его дружелюбии дошла до московитов и склонила к нему их души, чтобы тем легче открылся доступ святому евангелию в эти области (если для этого когда-нибудь представится какой-нибудь случай). По крайней мере, Шевригин, вернувшись на родину, в своих рассказах так представил щедрость папы, блеск и благочестие Италии, что, по-видимому, вызвал к себе не малую зависть соотечественников. Правда, во время нашего пребывания в Московии

его не допускали до встреч с нами, однако он несколько раз через одного своего друга просил за это у Поссевино извинения. И все-таки результат этого столь долгого путешествия был очень значительным (если даже оно не достигло другой цели): ведь посольство подобного рода заставило государей в своих землях самым решительным образом исправлять зло, творить добро. Как среди католиков, так и среди еретиков распространились священные книги. Кроме того, в Граце, Оломоуце, Праге и других городах были основаны коллегии для неимущих, и это было воспринято тем лучше, что им покровительствовал своим авторитетом папа, который к тому же щедро давал деньги для их создания.

В Венеции Поссевино вместе с московским послом трижды[2] приглашали на закрытое заседание сената, где Поссевино говорил о распространении веры во всеблагого всемогущего Иисуса Христа, о намерениях нашего Общества, о заботах апостольского престола, относящихся к исправлению нравов, и венецианцы сами признали, что память об этом не изгладится и за сотню лет. Когда же при отъезде Поссевино один из князей[3] преподнес ему много очень богатых подарков, он все это отверг, говоря, что вместо всех этих высших знаков милости просит только того, чтобы в святых местах (а их великое множество), где сохраняются останки святых людей, возносились молитвы к богу и чтобы во время пребывания в Венецианской республике посольству предоставлялись проводники и государственное содержание.

Когда прибыли к границам Каринтии, Поссевино, отпустив посла в Московию, повернул в Грац к эрцгерцогу[4], так как имел поручение к нему от папы, а герцогине[5] в самом большом храме, исполнив положенные обряды, вручил золотую розу также от имени папы[6]. Отправившись из Граца в Вену, он взял с собой в качестве спутников двух священников и такое же количество братьев[7] (конечно, в его посольстве не оказалось ни одного поляка или литовца). В Прагу прибыли 12 мая. В Праге, пока император[8] составлял рекомендательные письма и пока велись приготовления необходимых вещей для столь долгого пути, прошло восемь дней. Оттуда прибыли во Вроцлав, столицу Силезии. В этом городе они были приняты чрезвычайно радушно как назначенным туда человеком из Общества Иисуса[9], известным большими заслугами перед Обществом, так и другими духовными лицами. Узнав о нашем прибытии, епископ вроцлавский[10] из Ниссы прибыл сюда, чтобы приветствовать нас, проделав большой и трудный путь в 60 миль. Желая, чтобы во главе семинарии, основанной им в Ниссе на свои средства, стояли люди из Общества Иисуса, но понимая, что этого сделать нельзя, и в особенности потому, что в этом городе не было ни одной коллегии Общества, он выбрал из своих воспитанников шестерых человек, которых содержал на свои средства в венской семинарии, чтобы воспользоваться их помощью при учреждении других [семинарий].

Между тем пришли письма от польского короля[11], в которых московскому послу предоставлялась свобода передвижения по Польше и в качестве проводника назначался один из знатных людей королевства. Однако письма оказались ненужными, так как московский посол из

Праги отправился в Любек и должен был оттуда по Балтийскому морю прибыть в Ливонию.

Из Вроцлава мы направились в Варшаву. Посетив там польскую королеву [12], наконец, прибыли в Вильну к 14 июня. Король в это время был полон забот о военных делах и, кроме того, был в трауре по своему брату Христофору, трансильванскому воеводе, в память которого на следующий день думал совершить положенное торжественное богослужение. Днем позже Поссевино был у него и в кратких словах рассказал о предпринятом путешествии. Хотя королю все эти разговоры о мире и самое посольство казались ненужными, потому что, по его словам, московит и так в скором времени уступит ему власть над Ливонией, а все эти замыслы исходят от его врага (желающего в своих интересах оттянуть возобновление военных действий), тем не менее он заверил Поссевино, что и в будущем будет подчиняться власти папы.

Отсюда, получив более подробные сведения о состоянии московских дел, Поссевино отправился в Московию, а один человек [13] настоял, чтобы он ехал вместе с ним в Дисну и Полоцк, куда через несколько дней должен был вернуться из Московии его посол [14]. Дисна — крепость в Белой Руси, отстроенная после падения Полоцка около 15 лет тому назад у рек Двины и Дисны, отстоящая от Вильны приблизительно на пять дней пути. Здесь мы оставались несколько дней, ожидая посла. Чтобы бездействие не повлияло на нас расслабляющим образом, мы начали исполнять обязанности членов Общества в самом войске. Однажды Поссевино произнес проповедь даже у короля, который при этом показал себя человеком выдающегося благочестия. В своей проповеди Поссевино сказал, что король выйдет победителем во всех сражениях во славу божью только в том случае, если внесет светоч католической веры как в души своих солдат, которые представляют собой смешение всех наций, так и в сознание побежденных народов.

Пока мы очень ревностно всем этим занимались, прибыли послы от московского князя с большой связкой писем [15] (говорят, там было пятьдесят листов). На королевском совете, который собрался ради них 18 июля, послы доложили об условиях гораздо более скромных, чем те, которые предлагали предыдущие послы (московский князь отступался от Ливонии, но оставлял себе Нарву и приморские города). Но король, сетуя на то, что это вызовет промедление и отсрочку для начала военных действий, отпустил от себя послов, говоря, что он не удовольствуется даже всей Ливонией. Но поистине предопределением всемогущего господа случилось так, что в то самое время, когда оба государя желали мира, но ни тот, ни другой, храня свое достоинство, не решался предложить условий перемирия, здесь оказались люди нашего Общества. Ведь московский князь в письмах, о которых я упоминал, писал, что если эти условия не будут приняты, он не предпримет никакого другого посольства в течение 50 лет, а польский король утверждал, что не удовольствуется всей Ливонией. По-видимому, оставалось только одно, чтобы этот мир был заключен при содействии какого-нибудь посредника или арбитра. Поэтому к посольству в Московию, о котором литовцы раньше и слышать не хотели, теперь отнеслись благо-

склонно. Поссевино дважды[16] имел беседу с московскими послами не только с разрешения, но и по желанию короля, при этом он подробно говорил о том, что составляет предмет заботы великого первосвященника, то есть о благе подданных князя. Кроме того, он убедил польского короля возвратить московитам двух пленников, воевод крепости Велиж, захваченных в прошлом году при осаде их крепости, с тем чтобы эта услуга помогла облегчить переговоры с московским князем.

Итак, со всей тщательностью исполнив то, что относилось к польскому королю, мы попросили у короля разрешения отправиться в Московию, что он сделал охотно, дал рекомендательные письма к начальникам крепостей и назначил та́кже проводником Василия[17] (по своему обычаю, они называли его «приставом»), начальника над казаками (казаки — солдаты-добровольцы), который должен был добывать все необходимое для этого пути. По дороге он был обращен в истинную веру из русской схизмы.

Выступив из Полоцка 22 июля, к 1 августа, испытав много опасностей, мы прибыли в Дубровну. Дубровна — последняя крепость Польши, она является пограничным городом Литовского и Московского княжеств. Всадники же, которые сопровождали нас в качестве охраны, оставили нас, как только прибыли к границам Московии, так как боялись оказаться убитыми московитами, которые имели обыкновение постоянными набегами опустошать польские границы. Кроме того, в лесу едва можно было различить дорогу, так как стволы деревьев настолько прочно переплелись между собой, что дорогу всюду нужно было пробивать топорами, повозки приходилось тянуть руками или даже переносить на плечах, а между тем измученным людям нужно было ночевать на мокрой земле под непрерывным дождем. Страх увеличивали казаки (это род наглейших разбойников), которые в лесу подражали голосам различных зверей, чтобы испугать нас.

На следующий день на рассвете появилось 60 московских всадников, у которых находились охранные грамоты. Во главе их стоял пристав Федор Потемкин, который после обмена приветствиями, радушно угостил нас хлебом, медом и пресными лепешками, испечёнными на масле. Вместе с московитами мы находились в пути три дня и в день Преображения господня прибыли в Смоленск. Еще на большом расстоянии от этого города нас встретило около 300 конных людей, высланных нам настречу, разодетых в парчовую златотканную одежду. Во главе их находился сын смоленского воеводы[18]. Он предложил Поссевино сесть на коня и тотчас изложил ему поручения отца: во-первых, отец его просит извинения за то, что сам не вышел навстречу: ему нельзя покидать города, затем осведомился о здоровье папы Григория XIII, спросил, не повредила ли Поссевино поездка верхом, и, наконец, приняв его в свою свиту, провел в город, а затем и в крепость, куда обычно не было доступа никому, за исключением посла цезаря, союзника московского князя. Для переговоров, однако, место было отведено за пределами крепости, так как литовцы были на подозрении у московитов, и в крепость ни один из них не смог проникнуть.

Смоленск расположен над рекой Днепром, он довольно велик, но застроен редкими строениями, к тому же деревянными, мост там тоже

деревянный, по обеим его сторонам стояло около 1200 пеших солдат. Когда мы проходили по мосту, они приветствовали нас стрельбой из пищалей и пушек. Кроме того, стоявший повсюду народ встретил нас, как принято здесь, радостными криками. В сопровождении всей этой толпы самым почетным образом мы были препровождены в отведенное для нас место. Дом этот находился не в самом городе и, по-видимому, был построен недавно, но, по здешнему обычаю, в нем почти не было никакой мебели, там не оказалось ни стула, ни скамьи, если не считать той, которая была прикреплена к стене печи.

Из Смоленска выехали 10 августа, проделали путь в 40 миль по направлению к Старице, где в это время находился московский князь. Эта крепость построена на Волге, которая, проделав огромный путь, 72 устьями впадает в Каспийское море, и находится от Москвы на расстоянии 100 льё. Едва мы проехали одну милю пути, как навстречу нам показался пристав Залешенин Волохов с польским переводчиком Яковом Заборовским и 15 всадниками свиты. Пристав, сойдя с коня, приветствовал Поссевино от имени великого князя и сказал, что послан князем заботиться обо всем необходимом для него и его свиты. Таким образом, надежно охраняемые и с той, и с другой стороны приставами, мы отправились к Старице то маленькими, то большими переходами, в зависимости от того, что приходило в голову московитам: ведь они имеют привычку медлить скорее из-за какой-нибудь прихоти, чем по каким-либо иным соображениям [19]. Там, где дорога делается неровной и труднопроходимой, они убыстряют шаг, там же, где всё плоско и ровно, они, как будто нарочно, движутся медленно; никогда они не входят, хотя и могли бы это делать, под крышу, а в самую сильную жару — под тень деревьев. Они не распределяют время для отдыха в пути, но, где им захочется, там и останавливаются, варят кашу и едят, разостлав вместо скатерти свои плащи. После того как Поссевино высказал свое неудовольствие по этому поводу, впоследствии приставы стали останавливаться на постоялых дворах.

В Старицу мы прибыли 18 августа. Почти на расстоянии мили от города нас встретили еще три других пристава в сопровождении 300 всадников. Это был Михаил Внуков, Страхов Второй и Семейка Пахомов. Они были разодеты в златотканную одежду, сверкающую драгоценными камнями. Приблизившись к повозке, в которой ехал Поссевино, и сойдя с коней, приставы обратились к нему с приветствием. Сначала говорил Михаил: «Антоний (так московиты безо всяких прибавлений называют всякого. Однако, упоминая имя своего князя, обычно прибавляют бесчисленные титулы), милостью божьей великий государь и царь (этим словом они обозначают государя и императора) и великий князь Иван Васильевич (далее следует длинный ряд титулов своего князя, которыми, как я раньше сказал, у московитов принято всякий раз величать своего князя) всея Руси, владимирский, московский, новгородский, царь казанский, астраханский, государь псковский и великий князь смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, булгарский и т. д., государь и великий князь нижегородский, черниговский, рязанский, ростовский, ярославский, белозерский, лифляндский, удорский, обдорский, кондинский и государь всей земли сибирской и

северской спрашивает о здоровье святейшего отца Григория XIII, папы римского». «Милостью божьей, он здоров», — ответил Поссевино. Затем тот же пристав, повторив все титулы, спросил, благополучно ли доехал Поссевино. «Так же, как бог хранит великого князя», — ответил Поссевино. Московиты почти во всех приветствиях обычно пользуются одними и теми же вопросами и ответами. Второй пристав, осведомившись о том же самом в таких же выражениях, прибавил: «Великий государь наш в твоем лице приветствует папу римского Григория XIII». Третий, Семейка, повторив сначала то же приветствие, сказал: «Великий государь посылает приставов (при этом он назвал каждого в отдельности), чтобы тебе и твоей свите доставлять все необходимое». Затем один человек [20] самого знатного происхождения, подведя коня темной масти, украшенного серебряной сбруей, к Поссевино, сказал: «Антоний, великий государь наш жалует тебя своей милостью и посылает тебе коня» (такими словами они сопровождают преподнесение даров своего князя). Этого коня Поссевино принял, боясь своим отказом вызвать неудовольствие государя. И вот пять членов Общества, одетые в простое суконное платье, едут среди толпы людей, разряженных в яркие одежды, через толпу мужчин и женщин, стоящих рядами, к обширным великолепным хоромам, предназначенным для их жилья. В тот же день мы были приглашены на большой пир, на котором, кроме пяти приставов, о которых я говорил, и около 60 человек более низкого звания, присутствовал юноша [21], посланный князем, как бы заменяющий его в обязанности хозяина. Он сидел рядом с Поссевино, а всякий раз, как вносили какое-нибудь кушанье, поднимался, при этом и все поднимались, и, обнажив голову и перечислив все титулы своего государя, говорил, как будто бы произносил торжественную молитву: «Великий князь жалует тебя своей милостью, этим блюдом». Сам стол не был застлан ковром, он был застелен лишь скатертью, на нем был поставлен огромный белый каравай хлеба, стояли солонка и два кувшина, один с уксусом, в другом был перец. Этими предметами московиты из-за суеверия убирают свои столы. Когда же было подано последнее блюдо, сидевший рядом с Поссевино юноша сказал: «cleb da sol», то есть «хлеб да соль», что является знаком окончания трапезы. Говорят, что это выражение пошло от монаха Сергия, умершего около 190 лет тому назад, причисленного к так называемым святым. Он известен чудесами, и московиты чтят его с самым религиозным чувством. Говорят, когда у него находился великий князь Дмитрий, этими словами он изгнал из помещения демона; московиты также считают, что этими словами отвращается всякое зло [22].

Когда столы были убраны, мы удалились в нашу опочивальню, куда тотчас вошли приставы, чтобы, по здешнему обычаю, приятно провести время за разными винами. Поссевино отослал их, говоря, что он удовлетворил природную потребность в пище и что священнослужители, которые каждый день вкушают священное тело Христово, должны жить в умеренности и трезвости, а время нужно проводить скорее в тех делах, которые имеют отношение к посольству, чем за чашами. Этот ответ московиты выслушали с большим почтением и одобрили его.

На следующий день прибыли приставы с писцом, чтобы занести

в список подарки, которые предназначались как самому князю, так и другим лицам (ведь ни одному послу не подобает показываться на глаза этому государю без подарков). Вписав имена тех, кто их посылает, они сказали, чтобы мы готовились на следующий день предстать «пред ясные очи» (это — выражение московитов) великого государя. Поссевино хотел, чтобы его привели к государю с возможно меньшей торжественностью, и прилагал много усилий для этого, но ему пришлось подчиниться обычаю, чтобы не вызвать гнева государя, который говорил, что этот почет он оказывает в лице Поссевино великому папе.

20 августа, в день св. аббата Бернарда, когда мы совершали богослужение (а во время пребывания в Московии мы делали это ежедневно), прибыли приставы с большой свитой остальной знати, и, пока подарки укладывались в мешки, затканные золотом и серебром, появились два знатных человека, сверкающие золотом, на конях, также блестящих от золотых украшений, в сопровождении приблизительно 300 пеших людей, одетых в парчовые разноцветные платья. Произнеся длинное вступление из титулов, они сообщили Поссевино, что великий князь немного позже явит ему свои ясные очи (как я уже говорил, это формула московитов) и пошлет навстречу ему двух знатнейших людей государства.

После их отъезда были подведены лошади, присланные князем, мы с приставами и двумя переводчиками сели на коней и пустились в путь, другие три человека, пешие, несли дары великого первосвященника. Тотчас нас принял отряд царских всадников во главе с Фомой Бутурлиным и Михаилом Безниным, которые, приветствовав Поссевино в самых торжественных выражениях, сообщили то же, что и предыдущие вестники. Затем, любезно подав руку каждому, они присоединились к нашей свите. Дорога, по которой мы продвигались, была заполнена двойным рядом стрельцов в разноцветной одежде, заполнивших всю дорогу бесконечными рядами безо всякого перерыва вплоть до дворца и лестниц. На самих лестницах также был виден двойной ряд царских людей, среди которых находились двое знатных людей, которые, произнеся самые торжественные приветствия, приняли Поссевино и провели во дворец. Во дворце можно было увидеть много скамей для царских людей, расположенных таким образом, что следующие всегда немного возвышались над предыдущими, благодаря чему все могли видеть всё и в свою очередь быть видимыми. Покои самого великого князя были уставлены такими же рядами скамей, на которых сидело еще больше придворных царских людей. Говорят, что такое множество придворных совсем не было обычным для царской челяди, но они были приведены на время, чтобы таким образом показать все эти богатые одежды и чтобы число придворных казалось более многочисленным.

Трон великого князя возвышался над полом на две ступеньки, и его убранство очень выделялос: среди прочих блеском и великолепием. Вотканные драгоценные камни с удивительным искусством украшали его золотую одежду. С плечей спускался плащ, сделанный таким же образом. Каждый палец украшали по два-три перстня с оправленными в них большими драгоценными камнями. Был у него и серебряный посох, похожий на епископский жезл, отделанный золотом и драгоцен-

ными камнями. Его московиты называют «possok». Мягкие сапоги, загнутые наподобие клюва, также украшены драгоценными камнями (у них нет в употреблении сапог со шпорами). На нем были две цепи, состоящие из чередующихся золотых шариков и больших драгоценных камней. Одна спускалась на грудь, а на другой, более короткой, висел золотой крест, длиной в ладонь, шириной в два пальца. Украшение головы московиты называют короной, на ней много золота, украшена она многочисленными драгоценными камнями немного больше, чем тиара папы, а в прочем от нее не отличается.

С левой стороны сидел на более низком троне старший сын Иван. Когда мы оказались на виду у великого князя, первый боярин [23] громко объявил: «Великий государь, Антоний Поссевин и его спутники бьют тебе челом» (так московиты говорят, когда хотят выразить высшее почтение и покорность). Тогда князь ласково спросил Поссевино: «Как здоровье папы Григория XIII?» — «Так же, как бог хранит твою светлость» — ответил Поссевино. Тогда Поссевино, чтобы самому с большей торжественностью произнести титулы верховного первосвященника, сказал: «Святейший господин наш, папа Григорий XIII, пастырь вселенской церкви, наместник Христа на земле, преемник апостола Петра, господин многих земель и областей, раб рабов божьих, приветствует твою светлость и молит господа дать тебе свое благословение». Князь, услыхав имя папы, встал, затем поблагодарил за приветствие, и, уже сидя, спросил «Благополучно ли ты прибыл, Антоний?» — «Благополучно, по милости Иисуса Христа», — ответил тот, — «чтобы верно служить тебе». После этого Поссевино поцеловал, по обычаю, правую руку князя и его сына, а затем все письма вместе, как было приказано, передал секретарю [24] и начал по одному доставать подарки. Первым был хрустальный крест, вырезанный с величайшим искусством, в который была вделана часть того святого креста, на котором был распят Христос. Князь взял его в руки и долго рассматривал, потом сказал: «Да, это дар, достойный папы». Следующим было изображение священного агнца, сделанное из воска, оправленное серебром и раскрашенное в красный цвет с изящной надписью славянскими буквами. Поссевино сказал, что передает этот дар от себя, потому что у московитов есть такой обычай, чтобы послы от своего имени также подносили дары великому князю. Третьей была книга о Флорентинском соборе, красиво изданная и украшенная, четвертым — розариум из золота и драгоценных камней, пятым — десять молитвенных шариков также из драгоценных камней, оправленных золотом. Последним был хрустальный кубок, отделанный по краям золотом. Сыну князя также были поднесены подарки из драгоценных камней. Супруге, от которой родился сын Иван, папа также желал передать подарки, но мы узнали, что она уже давно умерла [25], а та, на которой князь женат в настоящее время, является его седьмой женой [26]. Князь, внимательно рассмотрев подарки каждый в отдельности, приказал вернуть их обратно Поссевино, а ему самому начать переговоры с боярами и советниками о том, что ему поручено, а также в этот же день пригласил его на «хлеб-соль» (что у московитов является формулой приглашения на пир). Приставы отвели нас в нижние палаты, туда же немного спустя пришли четыре совет-

ника и канцлер государства[27], а все прочие оттуда удалились. Поссевино в течение получаса через переводчика изложил поручения папы, которые вскоре по их просьбе передал им в написанном виде. Главные из них заключались в следующем: сам великий князь через последнего своего посла обещал папе, что если будет мир с польским королем, то он начнет войну против турок, верности не нарушит и, соединившись с другими христианскими государями, обратится против общего врага. Далее. Он предоставит свободный проезд через свое государство послам апостольского престола, если папа пошлет когда-нибудь их к персам или татарам. Затем разрешит католикам торговлю в Московии и позволит им иметь храм по католическому обряду. Кроме того, великий первосвященник убеждает великого князя вернуться к католической вере и подчиниться его власти.

В это же время пришли два знатных человека, посланные князем, взяли подарки из рук Поссевино и стали носить их по всей толпе придворных открыто, чтобы все их видели. Я думаю, что эти подарки не оставили сначала у великого князя для того, чтобы с большой торжественностью позже показать их всем вокруг. Советники же, познакомившись с тем, что доложил Поссевино, удалились к князю. Вскоре после этого Фома [Бутурлин] и Михаил [Безнин] отвели Поссевино и его спутников в другую часть дворца на пир. И где бы мы ни проходили, повсюду находили придворных, расположенных в подобном же порядке, что и раньше. В зале, предшествующем столовой, можно было рассмотреть два столика, украшением которых были многочисленные золотые и серебрянные сосуды, поставленные в изобилии один на другой. Другой стол, гораздо больший, чем эти, находился в столовой и на нем тоже громоздились огромные золотые и серебряные сосуды. Однако ни одним из них во время этого пира не воспользовались, а выставлены они были, чтобы тщеславно показать роскошь и богатство.

Число обедающих доходило до сотни. На первом месте сидели два юноши, происходившие от польских королей и князей Мстиславских[28]. Ниже сидели восемь бояр, которые по своей знатности были почти князьями, затем семь ближайших советников, за которыми следовала большая смешанная толпа придворных. Среди них не было никаких различий по знатности, но, по-видимому, каждый сидел на том месте, которое занял. Великий князь с сыном находился за отдельным столом, возвышающимся над остальными. Рядом с ними лежали их короны и скипетры. Над головой висела прекрасно написанная икона пресвятой богородицы, украшенная золотом и драгоценными камнями. Столы, как я уже говорил раньше, были застланы лишь скатертями, не было ни ковров, ни салфеток для рук, ни чаш, ни ножей, ни вилок. На них можно было увидеть лишь солонки и кувшины, по суеверию московитов. Когда мы вошли в столовую, князь, назвав каждого из нас по имени, пригласил сесть за стол, находившийся недалеко от него. Затем была подана вода для мытья рук князю и его сыну. В других случаях на частных пирах московиты, собираясь сесть за стол, рук не моют. На пиру, казалось, князь исполнял обязанности заботливого отца семейства: следил взглядом, чтобы ни у кого ни в чем не было недостатка и часто посылал кушанье со своего стола к нам и прочим, даже сидящим

очень далеко от него. У московитов есть и такой обычай на пирах: когда князь пошлет кому-нибудь со своего стола, все пирующие должны встать, а тот, кто передает кушанье, говорит: «Великий государь жалует тебя своей милостью». И этот человек должен ответить: «Бью ему челом». Если князь пьет за здоровье кого-нибудь, этот человек, в каком бы месте он ни находился, должен выйти на середину столовой, приветствовать князя и пить под его наблюдением, а затем кубок отдать кому-нибудь из пирующих, на кого ему укажут. Мы, однако, не подчинились этому обычаю, да и правду сказать, в течение двух часов, пока длился пир, таких здравиц было более 60. Под конец пира при наступившем молчании великий князь произнес очень важную речь о союзе и дружбе своих предков с папой римским и заявил, что папа является главным пастырем христианского мира, наместником Христа и поэтому его подданные хотели бы подчиняться его власти и вере[29]. Конечно, эта речь была произнесена не от чистого сердца, но была вызвана необходимостью сегодняшнего дня — и это показал исход дела, — однако она имела большое значение, так как дала представление этому народу о верховном первосвященнике. По окончании пира (а московиты утверждают, что он был гораздо роскошнее всех предыдущих) мы в окружении такого же многочисленного сопровождения вернулись домой.

Прошло три дня, пока поручения папы были переведены на русский язык. Воспользовавшись этим обстоятельством, мы попытались изменить неправильное представление здешних людей о латинской церкви и религии.

31 августа с той же самой торжественностью и с тем же многочисленным сопровождением нас во второй раз привели к князю. В этот день князь объявил, что расположение папы и усердие Поссевино ему очень приятны, также он сказал, что со вниманием прочел письма и императора Рудольфа[30], и самого папы[31] и что по каждому разделу даст ответ через своих советников (при этом он каждого назвал по имени и указал пальцем). Затем Поссевино с советниками Василием Григорьевичем, Романом Михайловичем, Андреем Щелкаловым, канцлером царства, Афанасием Демьяновым и Иваном Стрешкевым заседали в палате. Там в течение пяти часов дела подверглись тщательному обсуждению как со стороны советников, так и Поссевино, и на каждое был дан точный ответ. Остальное было отложено на 4 сентября. В этот день с прежней торжественностью нас вызвали к князю, и Поссевино было приказано закончить с советниками все дела, оставшиеся от прежних обсуждений. В этот же день один из спутников Поссевино остался дома из-за болезни, и тотчас князь послал к нему знатного человека спросить, не нуждается ли он в чем-нибудь, а вскоре после этого послал к нему врача, фламандца[32], для лечения. Князь же имеет обыкновение так часто приглашать к себе послов для того, чтобы не создалось впечатления, что для них доступ к нему закрыт, а то, что он отвечает через советников, это, по его мнению, помогает ему сохранить свое величие. Однажды, когда во время обсуждения запутался узел, который советники сами не осмелились распутать, о чем они и доложили князю, он прислал Никиту Романовича, брата умершей пер-

вой жены, человека очень влиятельного, и Богдана Бельского, председателя совета[33]. Они попросили Поссевино от своего имени, чтобы тот высказал свое суждение не только как апостольский нунций, но как советник и сенатор. Впоследствии оказалось, что его мнение было полностью одобрено самим великим князем. Это обстоятельство породило огромное удивление как у приставов, так и у остальной многочисленной свиты, и в особенности потому, что великий князь прислал Поссевино все архивные материалы и государственные документы, чтобы тот, хотя и находится как бы на положении слуги, однако имел бы представление о фактах. Остального удалось добиться без большого труда, однако он не смог сделать того же в отношении религии: князь запрещал переводчикам даже переводить все, что имело отношение к религии. Только при величайшем старании Поссевино удалось настоять на том, чтобы всё дело было отложено до времени его возвращения после заключения мира. Когда же Псков (а это очень сильная крепость, расположенная во внутренних областях страны) подвергся самой решительной осаде со стороны польского короля, князь стал настаивать, чтобы Поссевино, пока еще дела во Пскове в хорошем состоянии, отправился к польскому королю и заключил мир. Таким образом, все обязанности по воле князя были распределены следующим образом: один из священников[34] поедет в Рим к папе (которому пришлось учредить в Польше новую провинцию), Поссевино будет разъезжать туда и обратно, пока не установит мир между государями. Другой священник с товарищем[35] будет находиться в Московии у князя до тех пор, пока туда не вернется Поссевино, уладив дело мира. Конечно, князь сделал это из хитрости, чтобы держать их на положении заложников, однако это оказалось даже удобным, так как они могли более подробно узнавать положение дел, а московиты смогли скорее привыкнуть к виду католиков, в особенности тех, которые посланы к ним от святого апостольского престола.

Между тем, пока приставы готовили все необходимое для отправления, 9 сентября прибыл гонец от польского короля с письмами[36], в которых он отвечал очень пространно на те, которые, как я говорил, были вручены ему в Полоцке. На следующий день князь пригласил нас к себе. Едва мы вошли к нему, как советники в молчании отвели Поссевино к месту заседания и показали письма польского короля (эти письма, написанные по-русски, по-польски и по-латыни, были очень дерзки и полны самой грубой брани по отношению к здешнему государю). Затем они стали просить Поссевино ускорить дело. Здесь же они упомянули о поручениях папы и дали ответ на все его вопросы. Что же касается религии, то в настоящее время обсуждение этого вопроса откладывается до возвращения Поссевино. То, что он им передал, они получили и тотчас, по здешнему обычаю, внесли в официальные документы. Я надеюсь, что если не в настоящее время, то, несомненно, в будущем, напоминание о подобного рода благодеянии при последующем разборе этих анналов принесет некоторые плоды. Затем великий князь в письмах к папе, императору и венецианцам давал обещание предоставить возможность свободно жить в его областях их купцам и католическим священникам, разрешал также иметь места для погребения их людей. Кроме того, он дружелюбно обещал послам, которых отправят

к персам и татарам (соседям московитов), проводников и свободный проезд через всю Московию и Казанское и Астраханское царства (эти области в прошлом московит взял у татар) [37].

12 сентября мы в сопровождении гораздо большей свиты, чем раньше, проследовали к царскому дворцу, а свита с этого времени распускалась. Здесь государь, поднявшись и приказав другим сделать то же самое, сказал: «Антоний, ты поедешь к королю Стефану, передашь ему приветствие от моего имени и заключишь мир по поручению папы. Когда исполнишь это, возвращайся к нам, а твое присутствие всегда будет нам приятно как из уважения к папе, так и из-за твоего усердия при выполнении этого поручения». Затем он обратился к тому священнику, который отправлялся к папе: «Ты отправишься к папе и также передашь ему мое приветствие, кроме того, мои письма и подарки». То же самое, в тех же выражениях, повторил сын его Иван. Наконец, он подозвал того священника, который оставался в Московии: «Ты будешь здесь со мной в Москве», — сказал он, погладил его по голове, а затем обратился к Поссевино: «Будь спокоен, Антоний, мы будем относиться к нему с той же благосклонностью, как если бы ты сам был здесь». Затем мы поцеловали руку князя и его сына и вернулись домой. Дома князь приказал приготовить нам великолепный и щедрый пир, на котором повторилось подобное тому, что было на предыдущих пирах, но под конец несколько знатных людей принесли различные кушанья и сосуды с вином, которое представляет большую редкость в этом государстве и есть только у одного великого князя. Всё это князь дал нам для того, чтобы мы не имели недостатка в пище в польском лагере, а до границ Московии обо всем необходимом будут заботиться приставы За эту щедрость и заботу великого князя Поссевино поблагодарил присутствующих в пространной речи. Под вечер князь позвал нас к себе и передал в дар папе ценные соболиные меха, а также каждому из нас подарил прекрасные меха и деньги. Поссевино по уставу нашего ордена сначала не хотел их принимать, но его убедили, чтобы он этого не делал, так как князь, если от его подарков отказываются, считает это оскорблением, и его расположение может смениться жестокостью. Но Поссевино позаботился, чтобы эти подарки были розданы московским и польским пленникам, и в этом князь его поддержал и одобрил. Хотя добрая часть денег была поделана тотчас же между приставами и другими людьми, состоявшими при нас, они, что в обычае у здешнего народа, требовали их еще в самых грубых выражениях.

На следующий день в праздник Воздвижения, в сопровождении большой конной свиты царских людей, числом около 100, мы отправились из Старицы ко Пскову, который, как я уже сказал, осаждал польский король. Почти через 15 дней пути по бескрайним равнинам и лесам мы прибыли к озеру Ильмень. Преодолев его за 8 часов (оно простирается более чем на 50 миль), мы добрались до Новгорода, и там нас встретил отряд из двух тысяч татар, посланных из Новгорода по приказанию московского князя для нашей охраны. Их начальник (а его называли здесь воеводой) был христианин (остальные же придерживались веры Магомета). Он любезно предложил нам располагать им и его подчиненными. Затем Василий [38], один из переводчиков, был

послан в польский лагерь с тем, чтобы сообщить польскому королю о нашем прибытии и с просьбой прислать к границам свой отряд для нашего сопровождения. В ожидании ответа прошло четыре дня, и за это время другой переводчик московского князя был обращен из русской схизмы в католическую веру. Польский король, узнав о нашем прибытии, приказал литовцу Александру Пронскому, стольнику, как здесь говорят, с отрядом из 200 всадников сопровождать нас на расстоянии 50 миль. В псковский лагерь мы прибыли 5 октября. Удивительно, как оказался приятен всем наш приезд: ведь если бы мир не был заключен, то оказалось бы, что осада будет продолжаться и зимой, так как король решил в случае неудачной осады Пскова лагерь отсюда не снимать. Снег же, выпавший за день до этого, привел поляков в страшное отчаяние, тем более что у солдат не было даже палаток, в которых они могли бы укрыться от холодов[39]. В этот же день король созвал для Поссевино совет, на котором тот изложил условия мира, привезенные от московита. Слушали его с чрезвычайным вниманием, но, так как этот день подходил уже к концу, дело было отложено до следующего дня. Лишь только рассвело, король пригласил Поссевино к себе, и было решено, что Поссевино пошлет кого-нибудь к московиту (который находился в это время в Александровской слободе, отстоящей от Москвы на расстоянии 150 миль) и предложит выбрать какое-нибудь нейтральное место, куда соберутся послы обеих сторон с величайшими полномочиями. Был послан Андрей Полонский, один из переводчиков, юноша исключительной честности. К сожалению, вскоре после возвращения из Москвы он заболел и, очистив по церковному обряду душу, отошел в лучший мир.

Выбрали Киверову Гору, маленькое селение близ Яма Запольского, и туда в установленное время[40] собрались послы. Поссевино удалось настоять, чтобы в составе посольства не оказалось ни одного еретика; ведь и при самом незначительном количестве католиков король проявляет себя как самый ревностный католик. В этой деревне Поссевино остался с московскими послами, поляки же находились на расстоянии 10 миль от нее. И московские, и польские послы собирались в избе у Поссевино, где и вели переговоры о мире. Однако всё это дело, постоянно прерываемое различными жалобами и наветами, растянулось до следующего месяца. Наконец, 30 января мир был заключен на тех условиях, что московит уступил всю Ливонию, польский же король, в свою очередь, отдавал крепости, взятые за последние два года, и на этих условиях польские и московские послы поклялись по своему обычаю. При этом очень кстати произошло одно событие: секретаря польского посольства[41], впавшего в русскую схизму, московиты, тоже погрязшие в этой тине, пригласили к себе целовать свой крест (а это и у поляков, и у московитов считается наисвятейшей клятвой), однако он пришел с польскими послами к нашему, католическому, кресту, который находился в доме Поссевино, и целовал его с самым религиозным чувством.

Итак, этот мир то силой оружия, то различными посольствами пытались заключить уже в течение 30 лет, но все попытки были тщетными до тех пор, пока самое положение дел не показало, что посредником в

деле заключения мира должен быть тот, кому господь наш Христос вручил истинный мир и кому приказал укреплять братьев своих. При самом оформлении и заключении мира встретилось очень много трудностей, которые оттягивали дело. Часто послы, пришедшие между собой в раздор, в негодовании собирались возвращаться к своим государям, и, разумеется, их приходилось успокаивать и удерживать всеми способами. Кроме того, чтобы уточнить какое-нибудь обстоятельство, нужно было отправлять гонцов то в Вильну, где в это время находился польский король, то к московскому князю, который находился на расстоянии 700 миль, и все это в декабре и январе, в середине зимы при жесточайших морозах. Ко всему прочему прибавлялась невероятная скудость во всем, так как эти места из-за военных набегов представляли собой настоящую пустыню и были разорены до крайнего предела. Едва можно было найти воду для питья, да и то гнилую.

Закончив дело мира, Поссевино вместе с послами направился к московскому князю. Когда прибыли к Порхову, вся масса народа вышла навстречу, приветствуя заключение мира. Отсюда долгим, восьмидневным путем отправились в Новгород. Город этот деревянный, только кремль и укрепления каменные. Говорят, когда-то он пользовался своими законами и правил многими народами. Поссевино сквозь ряды людей, специально для этого созванных из деревень, вошел в город, сопровождаемый приветствиями и залпами, и там при таком же многолюдстве был торжественно отведен в хоромы. В Новгороде он оставался два дня, а на тринадцатый день пути прибыл в Москву [42]. Князь послал ему навстречу повозку, покрытую огромной шкурой белого медведя, и 300 всадников, которые с почетом сопровождали его.

Лишь только Поссевино была дана возможность встречи с князем, он приступил к исполнению самого важного, того, что было начато и отложено до его возвращения, а именно: стал добиваться, чтобы к папе был отправлен посол [43], с тем чтобы заключить союз христианских государей (против турок) и чтобы в Москве разрешили принять католических купцов и священников. Князь выполнил часть этого, дал письма к папе, императору, польскому королю, венецианцам, эрцгерцогам Карлу и Эрнесту, и при этом подтвердил величайшее усердие и заботливость, проявленные нашим Обществом в этом деле. Что же касается религии (а это было то главное, что требовалось от посольства), то при всем самом настойчивом старании Поссевино ничего не удалось добиться. Он трижды беседовал [44] с самим князем о религии в присутствии самых знатных людей государства и представил князю сочинение [45], в котором собрал все, чем латинская церковь отличается от русской схизмы. Князь еще при нашем прибытии подозревал, что дело не обойдется без диспутов о религии, поэтому приказал митрополиту и другим 7 епископам, к которым присоединился по его же приказу некий врач, анабаптист [46], приготовиться к отпору. Этот последний, может быть, под влиянием воспоминаний о забытой религии, тайно сообщил нам, чтобы мы не подумали о нем дурно, если он из-за страха во время диспута скажет что-нибудь против католической религии. Кроме того, еретики английские купцы (им разрешают жить в Московии, но на таких условиях, что все они в числе 12 содержатся как заложники) [47], может быть, испугав-

шись, как бы в чем-нибудь не уронить авторитета своей королевы, которую нечестиво и беззаконно они изображают главной церкви, или чтобы угодить князю, передали ему книгу, в которой папу именуют антихристом. Хотя они приложили много усилий, однако не смогли ответить на возражения, обращенные к ним [48], и все это дело обошли молчанием. Думаю, у московитов появилось беспокойство и сомнение, является ли их вера истинной, и многие из них уже движимы усердием [узнать истину], и лишь только откроется доступ католическим священникам, его можно будет поддержать и увеличить.

Уже приближалась весна, когда реки и озера Московии, зимой скованные морозом так, что по ним можно ездить в повозках, повсюду вскрываются от весеннего тепла, лед тает, все выходит из берегов и запирает все дороги. Поссевино более всего боялся, как бы это время года не помешало его отъезду. Уладив московские дела, он начал готовиться к отъезду и в это время узнал, что 14 итальянцев и испанцев [49], находившихся в плену у турок в крепости Азов и бежавших из плена по реке Дону, добрались до Вологды, города Московии, отстоящего от Москвы на расстоянии 500 миль. Приложив величайшие усилия, он настоял на том, чтобы московский князь передал их как бы в дар папе и католическому королю. Кроме того, он добился, что князь отпустил тридцать литовских купцов [50], а также предоставил Поссевино из числа пленных двух человек для его свиты, так как такое число спутников умерло у него по дороге. Конечно, он вел переговоры и о пленных, так как они находились в мрачных темницах, в оковах, страдая от нечистот и голода. Поссевино говорил с князем, чтобы 180 польских и литовских пленников [51], среди которых были и знатные ливонцы, были вырваны из этого позорного состояния, распределены по домам [здешних] жителей и содержались в более гуманных условиях. Добрую часть из них князь послал к дому Поссевино, чтобы этим благодеянием сделать приятное папе и самому Поссевино. Поистине, эти столь знатные люди представляли собой жалкое зрелище в своих одеждах, обезображенных грязью, исхудавшие от голода, с отросшими бородами и волосами, закрывавшими лицо. Они бросились к ногам [Поссевино] и, по своему обычаю, стоя на коленях и касаясь лбом земли, со слезами молили о защите и великодушии папы. Поссевино велел им успокоиться и сказал, что позаботится об обмене пленных, затем, подкрепив каждого пищей и одарив деньгами, отпустил. А один знатный саксонец принес Поссевино серебряный ларец, оправленный золотом, для святого причастия, просил, чтобы его поставили в каком-нибудь католическом храме, и говорил, что сам купил его почти за 100 золотых. Поссевино обещал сделать это и со всем усердием переговорить обо всем с императором. Хотя многие, а не только литовцы и ливонцы, погрязли в ересях и схизме, однако сами греки, армяне и даже один знатный турок Ахмат [52], которого греки называли «челеби» [господин], заявили, что чувствуют себя в большом долгу перед папой, так как благодаря его авторитету положен конец войне и отныне им доступно возвращение на родину. Ведь в течение этих двух лет, пока пылал огонь войны между московитами и поляками, для них не было никакой возможности вернуться, и они содержались в Москве почти как пленники.

Закончив эти дела, Поссевино 14 марта выехал из Москвы, причем на расстоянии 4 миль его с почётом сопровождали 300 знатных людей. В течение четырех дней, не прерывая пути и не останавливаясь ни днем, ни ночью, он проделал 400 миль и прибыл в Смоленск. В этом городе, ожидая, пока его догонит московский посол, которого снаряжали к папе [53], он провел 6 дней. Из Смоленска в сопровождении 150 конных и пеших людей, предназначенных для охраны, прибыли в Оршу, а затем в Витебск. Эта крепость расположена на Двине, к ней примыкает город, в котором русские, лютеране, кальвинисты и католики совершают службы, каждый по своему обычаю. Поссевино доложили, что восьмидесятилетний епископ, который был единственным настоящим священником во всем этом варварстве, близок к смерти и просит, чтобы к нему прислали кого-нибудь для исповеди. Послали одного из наших священников, который очистил его душу исповедью по обычаю и на следующий день дал вкусить тела Христова. Между тем, приближалась пасхальная неделя. Чтобы католики в эти дни не остались без священника, по просьбе здешнего воеводы-католика [54], тот же самый священник еще с одним монахом (хотя и мы, и московиты против этого возражали) оставался у них до тех пор, пока не был назначен другой епископ из виленских каноников.

Отсюда мы прибыли в Полоцк, и в самое вербное воскресенье юноша из окружения польского короля, который чрезвычайно усердно изучал наши сочинения, опровергающие схизму, из лютеранской ереси был обращен в католическую веру. Кроме того, сам полоцкий епископ-схизматик [55], прибывший поздравить нас с заключением мира, обещал, что будет жить в дружбе с нашими [иезуитами], которые вскоре должны приехать сюда, и внимательно прочтет то, что написано о схизме. Из Полоцка отправились в Дисну. В этой крепости было несколько католиков, которые и попросили Поссевино совершить у них богослужение, потому что у них нет ни одного католического священника. Кроме того, одна знатная пара, которую венчал русский священник, попросила Поссевино вторично совершить этот обряд по католическому обычаю. Отсюда отправились в Дюнебург, затем в Илликсен, город в Курляндии, куда и прибыли в самую страстную субботу. Весь этот город погряз в ереси, и Поссевино пришлось даже остановиться в помещении, принадлежащем лютеранской епархии, как самом богатом. В святое воскресенье Поссевино, устроив себе алтарь в этом доме, совершил богослужение, при этом присутствовал сам епископ и очень удивлялся. Кроме того, он поручил нам своего сына, чтобы мы отвезли его в Браунсберг [56] или Оломоуц, однако, видимо, какие-то причины заставили его отложить это. Но все-таки мы увезли с собой одного юношу, сына знатного человека, лютеранина, знавшего много языков: латинский, немецкий, готский, польский, славянский и русский. За ним, мы надеемся, вскоре последуют два его брата. Из Илликсена мы направились в Ригу (столицу Ливонии, где по заключении мира обосновался польский король). Путь был труден, на пути повсюду попадались реки, через которые мы кое-как переправлялись на бесформенных лодках, сделанных из выдолбленного дерева, лошади, привязанные вожжами к корме, плыли рядом.

Король выслал навстречу нам еще за два дня свои повозки, а при приближении к Риге, по его приказу, нас встретила вся знать [57]. Затем он дал понять как московскому послу, так и рижским лютеранам, насколько высоко он чтит посланников верховного первосвященника. Поссевино много беседовал с королем о сохранении мира с Москвой, об обмене военнопленными, о помощи Ливонии, о назначении в ней епископа, и об укреплении дружбы со шведским королем, к которому король согласился отправить посла, для чего и был выбран Христофор Варшевицкий [58], от исключительного благочестия которого мы ожидаем всяческих благ.

Закончив эти дела, Поссевино отправился в Вильну, чтобы основать там по решению папы, семинарию для славян и русских, для чего тот выделил на ее содержание 1200 скуди ежегодно. В Рим мы прибыли 13 сентября вместе с московским послом.

Итак, с помощью божьей свершилось то, что эта миссия помогла прекратить кровопролитную войну, положила конец всем страхам и, наконец, заставила московитов возобновить связи не только с поляками, но, даже более того, и с самой римской церковью и заставила стремиться к истинной религии и вере.

Так как речь здесь идет о московском посольстве, не лишним будет добавить небольшое сообщение отца П. Кампани [59].

Московия находится между Скифией и Сарматией, за истоками Дона, простирается на огромном расстоянии от Каспийского до Ледяного моря. На востоке граничит со Скифией Таврической, на Западе с Ливонией, на юге с Сарматией, на севере с Ледовитым океаном. Все пространство насчитывает не менее 1000 льё [60]. Здешний народ называется москами, или московитами, и заселяет все пространство от крайних границ Европы и Азии до последнего северного предела, где только могут жить люди. Для жителей этой страны под угрозой смерти нельзя покидать пределы Московии без разрешения князя, а пришельцы, если они проникли сюда без княжеского разрешения, оказываются как бы в вечном рабстве. Но ни послам, ни купцам других народов, которые прибыли в Московию с его разрешения, не дозволяется свободный проезд по всей стране, и, пока они находятся в Московии, они содержатся как бы под почетным арестом. Назначаются особые люди, которые следят за тем, что они делают и с кем разговаривают. И во время пребывания там наших [иезуитов] обычным было то, что они не имели возможности шага ступить из дома даже, чтобы напоить лошадь, но сами московиты приносили воду, которую пили кони, сами приводили ремесленников, в услугах которых возникала надобность, сами ночью зажигали огонь в сосуде с водой и запирали на задвижки дверь спальни.

Вообще это неприветливая страна, во многих местах она не имеет жителей, и земля там не обработана. К тому же вокруг простираются огромные пустыни и леса, не тронутые временем, с вздымающимися ввысь деревьями. Для путешественников она особенно неприветлива. На таком огромном пространстве земель иногда нельзя найти никакого постоялого двора, но, где застала ночь, там и приходится ночевать, на голом, неподготовленном месте. У кого какая пища есть, тот, по-види-

мому, и возит ее с собой. Города встречаются редко, и жителей в них немного, построены они из дерева. Самый знаменитый из них Москва, или Московия, местопребывание царей, она дала имя и всей стране, и всему народу. От Рима находится приблизительно на расстоянии в 1000 льё.

Большая часть страны занята болотами, ее пересекают многочисленные реки, поэтому она более доступна для проезда зимой, чем летом, так как зимой вода скована морозами и по ней можно проехать даже в повозке. Хотя на реках по большей части и сделаны деревянные мосты, (все они обычно сооружаются по случаю приезда послов), однако сделаны они из грубого неотесанного материала, на них часто ломаются повозки, а путешественников это невероятно утомляет и обессиливает. Из всех рек самая большая и знаменитая — Волга, как они сами ее называют, а некоторые считают, что древние ее называли Ра. Она, пересекая всю Московию многочисленными изгибами, течет на восток через казанское и астраханское татарские царства и 72 устьями впадает в Каспийское море. По этой реке из Персии привозят одежду, затканную золотом и серебром, и дорогие ткани, которые любят московиты.

Земля плодородна, изобилует скотом, хлебом, медом. В большом почете у них соболиные меха, которые из отдаленных областей Московии вывозятся за огромную цену к нам для отделки одежды знатных людей.

Винограда они не сажают, а вино (его они называют «романией», оно встречается редко и привозится из-за границы) хранится только у самого князя, который сам распределяет его среди епископов по всей Московии для святого причастия. Пьют они пиво, приготовленное из размоченных зерен, и мед (это смесь меда и воды), а из них затем приготовляют водку, или горилку (aquam ardentem), как они ее называют, нагревают на огне и, по своему обыкновению, пьют всегда на пирах, чтобы уничтожить вздутие живота, которое вызывают местная пища и напитки. Пьянство среди простого народа карается самым суровым образом, законом запрещено продавать [водку] публично в харчевнях, что некоторым образом могло бы распространить пьянство.

Они ведут грубый образ жизни и неопрятны: садясь за стол, рук не моют, не пользуются ножами, вилками, салфетками. Пища скудна и проста в приготовлении и постоянно одна и та же. Поэтому их пиры не знают тонких изысканных разнообразных блюд, не дающих насыщения. У московитов крепкие желудки, они любят грубую пищу и поэтому едят полусырое мясо. В особенном почете у них за столом лук и капуста. Даже тот пир, на котором присутствовал Поссевино и который был, как признавали сами московиты, роскошнейшим из всех, состоял из 30 перемен, но все они были далеко не изысканными. Хлеб они обычно приготовляют из двух сортов пшеницы, и он удивительной белизны [61]. Общественных мельниц у них нет; жители, как городские, так и сельские, мелют зерно дома и дома приготовляют хлеб. Его пекут в тех же печах, которыми обогревают помещение.

Дома — деревянные, даже богатые палаты не отличаются изяществом отделки. Голые стены черны от дыма и сажи: ведь у московитов и

литовцев печи, в отличие от наших, не имеют труб, через которые огонь и дым безопасно удаляются через крышу, но у них он выходит через раскрытые окна и двери. Поэтому, когда они затапливают печь, в помещении набирается столько дыма (а они часто топят сырыми или влажными дровами), что там никаким образом невозможно находиться.

В их обиходе совсем нет ни врачей, ни аптекарей. Один только князь имеет при себе двух врачей, одного — итальянца, другого — фламандца [62].

О себе московиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех. Эту свою спесь они выражают в том, что носят богатую одежду, сверкающую золотом и серебром, и меняют ее часто по нескольку раз в день, чтобы показать из тщеславия свое богатство. Поэтому сначала они не могли спокойно видеть простую суконную одежду наших отцов [иезуитов] и настаивали, чтобы те, когда пойдут представляться их государю, обязательно ее сменили, потому что, как они говорили, это одежда монашеская. На это Поссевино ответил так, что дал им понять, как высоко он чтит монахов, но отрицал, что принадлежит к их числу: по своему обычаю латинские священники не пользуются золотом и серебром для украшения одежды, но употребляют их для украшения храмов. После такого ответа московиты, прежде настаивавшие на том, чтобы мы переменили одежду, в дальнейшем перестали выражать свое недовольство, и даже стало казаться, что они отступили от своего нелепого обычая: ведь раньше они всякий раз появлялись в новой одежде, теперь же меняли ее только тогда, когда им нужно было выйти из дома.

По отношению к своему государю угождение и почтение удивительны до такой степени, что создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они убеждают себя, что он всё знает, всё может, всё в его власти. У них часто употребляется выражение: «Бог и великий государь все ведает». Когда они желают кому-нибудь добра или что-нибудь настойчиво доказывают, говорят так: «Да будет счастлив наш великий государь!» Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь другой страны или показывают что-нибудь новое, они говорят: «Великий государь все это ведает и имеет гораздо больше этого». Ради своего царя они не отказываются ни от какой опасности и по его приказу быстро отправляются туда, откуда, они знают, никогда уже более не вернутся. Они заявляют, что всё является собственностью их государя, своим домашним имуществом и детьми они владеют по милости великого князя. Те же, кого здесь называют князьями, находятся в совершенном рабстве, большое число их князь содержит как при себе, так и в войске. И только для того, чтобы исполнить волю государя, они обычно выполняют самые незначительные поручения.

Верность и покорность этого народа делают более понятной жестокость их царей, которые вдруг приказывают убивать самых знатных людей и самого почтенного возраста или наказывать их палками как рабов. Простершись на земле, они не поднимаются до тех пор, пока наблюдающее лицо не положит конец наказанию. Они настолько при-

вязаны к князю, что не испытывают к нему никакой неприязни и не бранят за глаза; напротив, когда представляется случай, прославляют милосердие князя, пространно хваля его.

Столь большого влияния у народа государи добиваются более всего показным благочестием. Нынешний правитель Московии, Иван Васильевич, говорят, еще ночью поднимается, чтобы идти к заутрене, ежедневно бывает на дневном и вечернем богослужениях. Говорят, что, когда его спросили об этом, он ответил: «Разве мы непорочнее Давида? Почему же нам не вставать по ночам к заутрене для покаяния перед господом, не орошать слезами наше ложе, не смешивать хлеб с пеплом, питье со слезами?» Кроме того, ежедневно он кормит около 200 бедняков, которым каждое утро дает по деньге (это четверть денария), а к вечеру дает по два ковша пива. Все это настолько застилает глаза народу, что он либо совсем не видит пороков своих правителей, либо прощает их и истолковывает в лучшую сторону.

За женщинами у них самый строгий надзор. Знатным замужним женщинам очень редко, восемь или самое большее десять раз в году, в самые большие праздники разрешается ходить в церковь, в эти дни к ним присоединяются и девицы, а остальное время на народе они не показываются.

Летоисчисление московиты ведут от самого сотворения мира. Нынешний год, от рождества Христова 1582, они считают 7091 от сотворения мира. Начало года у них 1 сентября. Этот день они отмечают всеобщим весельем и всяческими развлечениями. На площади воздвигается помост, на который поднимаются митрополит и великий князь, и возвещают оттуда об окончании года. Митрополит, по обычаю, святит воду и этой водой кропит князя и стоящий вокруг народ, осеняя крестом как самого князя, так и его сыновей, молится об их долгой и счастливой жизни, а народ в это время громко кричит: «Великому государю нашему и детям его многая лета!» Все радостно поздравляют друг друга, желая каждому долгой жизни.

Еще около 500 лет назад московиты следовали нечестивому языческому поклонению богам. Христианскую религию получили они от греков в княжение Владимира, в то самое время, когда греки нечестиво отделились от латинской церкви. По этой причине из благодарности московский князь ежегодно посылает константинопольскому патриарху 500 золотых. Поэтому получилось так, что, восприняв христианскую веру от греков, они впитали также и их заблуждения, и очень многих из этих заблуждений они держатся в богопочитании до сих пор. Так, они неправильно считают, что святой дух, третья часть святой троицы, исходит лишь от бога-отца, что бог-сын располагается с правой стороны от бога-отца, а святой дух — с левой. Поэтому московиты, крестясь, говорят: «Во имя отца» — прикасаясь правой рукой ко лбу, затем, перенеся руку к правому плечу, говорят: «и сына», а затем к левому: «и святого духа». Затем они утверждают, что три ангела, явившиеся Аврааму, о чем мы читаем в писании, являют собой изображение троицы: посередине бог-отец, а с обеих сторон — бог-сын справа, святой дух — слева. Святейшее причастие совершают квасным хлебом, смешав в чаше хлеб со св. кровью, и ложками дают народу. К латинской

церкви относятся с гораздо большей неприязнью, чем к греческой. Среди них не услышишь поношения бога или святых, однако слова «латинская вера» — у них самое сильное проклятие для врагов. Правдоподобно, что это и многое другое московиты вначале получили от греков, а затем пренебрежение и невежество в церковных делах, как это бывает, принесли еще больше ошибок.

В Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями. У московитов чрезвычайно ученым считается тот, кто знает славянские буквы. Молитву господню знают очень немногие, а символ апостольский, десять заповедей и богородицу знают чрезвычайно редко. Между тем, понятие о христианской религии каждый получает только дома, где с младенчества впитывает его с молоком матери. Новый и Ветхий завет почитают с самым религиозным чувством до такой степени, что не позволяют себе коснуться его, не осенив себя перед этим крестом. Они считают, что было четыре вселенских собора по числу евангелий [63].

У них есть много греческих и латинских сочинений отцов церкви в переводе на русский язык: сочинения папы Григория, причисленного к святым, Василия Великого, Хризостома, Дамаскина и других, гомилии которых в наиболее торжественные праздники читаются народу с амвона. Среди чудотворцев они больше всего чтут Николая Мирликийского, икона которого в городе Можайске, говорят, совершила множество чудес. Кроме тех чудотворцев, которых почитает латинская церковь, московиты имеют мучеников, епископов и монахов всякого возраста, которые, как они хвастаются, вознеслись на небеса, тела же их в неприкосновенности оберегают с величайшим благоговением; они убеждены, что с их помощью происходит многое, превышающее силы человеческие. Однако когда в Новгороде, по просьбе Поссевино, архиепископ [64] показал ему гробницу князя Владимира, который впервые приобщил русских к христианской вере [65], и некоего Никифора, известного, по их словам, чудесами, то Поссевино, насколько он мог судить (ведь ему едва разрешили взглянуть), обнаружил не настоящие тела, а деревянные фигуры, одетые в платье и раскрашенные.

Святых они почитают тех же, что и мы, но в другие дни ежегодными богослужениями. День святой троицы они празднуют на второй день пятидесятницы, в этот день они украшают храмы ветвями и листьями, священник же произносит 36 длиннейших молитв, в то время как народ слушает их, простершись на земле и припав лбом к полу. День всех святых приходится у них на середину четыредесятницы. 1 ноября они отмечают день Козьмы и Дамиана, 8 ноября — день Михаила Архангела, 13-го — день святого Филиппа, 16 ноября — святого Матвея Апостола. В мае месяце два дня поминают умерших, этот праздник называется «поминанье душ». На могилах зажигают множество свечей и факелов, затем священник с ладаном и молитвой обходит могилы и разбрасывает кутью (которую готовят из меда, пшеничной муки и воды), часть ее отведывают священник и остальные присутствующие. Родственники умерших на могилы кладут хлеб и различные кушанья, половину которых берет себе священник, а остальную часть

раздают слугам и беднякам. Более состоятельные для бедняков и, конечно, для священников, устраивают пир. Все это тем более удивительно, что московиты, следуя за греками, не признают чистилища, где души благочестивых людей пребывают до тех пор, пока не очистятся огнем и, свободные от грехов, не вознесутся на небо. В том же месяце в день Константина и Елены у них бывает очень долгое молебствие, когда освящают весь город. При этом присутствует и князь, который, спустя некоторое время, возвращается домой. Вербное воскресенье они отмечают особой церемонией: митрополит садится на коня, покрытого ковром, которого за повод ведет князь, и если не он, то его сын или самый знатный боярин. Навстречу им идет много народа с повозками, на которых находятся дети, поющие псалмы, а сами повозки украшены ветками деревьев, увешанными всякого рода плодами, которые можно найти в это время года. В таком порядке в сопровождении толпы народа они торжественно продвигаются к церкви, где и совершается богослужение. За эту услугу, когда он ведет митрополита, князь (присутствовал ли он сам или присылал кого-нибудь взамен себя) получает от него около 100 рублей, то есть около 200 скуди. Но довольно об этом. У них много иных праздников, посвященных святым, и они приходятся на другие месяцы и дни и при этом сопровождаются другими церемониями по сравнению с нашими.

В праздничные дни московиты не освобождаются от занятий и телесного труда, они считают, что в эти дни запрещается не труд, а грехсвные поступки. По крайней мере, по их словам, почитание праздничных дней пошло от иностранных обычаев и восходит к иудеям, а ведь их обряды у них запрещены. Прекращение работы подобает богатым и духовным лицам, бедные же, так как они живут одним днем, не могут прекратить работу. Таким образом, всегда, будь это день Пасхи или Рождества, они трудятся. Исключение составляет только день Благовещенья, который они очень чтут и считают священным.

Уважение к иконам у них чрезвычайно велико, и им они жертвуют из чувства благочестия или по обету золотые монеты, кресты, свечи и другие небольшие дары. Но особое уважение воздается кресту господа нашего Христа. Куда ни посмотришь, везде: на перекрестках дорог, над дверями и крышами храмов — видны многочисленные его изображения. Увидя их издали, склонив голову, они крестятся (а это принято у московитов, колен же в таких случаях они не преклоняют), если же оказываются поблизости от него, из почтения сходят с коней. И более всего характеризует благочестие народа то, что, начиная всякое дело, они осеняют себя крестом. Мы заметили, когда были в Старице, что строители стен, возводившие крепость, начинали работу не раньше, чем повернувшись к крестам, воздвигнутым на храмах, чтили их должным образом. Войдя в дом, они сначала, по обычаю, крестятся на крест или икону (а их принято помещать во всех домах на самом почетном месте) и только потом приветствуют остальных. Если же случайно не окажется ни креста, ни иконы, то они не крестятся и не кладут поклона, чтобы не казалось, что этот почёт воздается стенам. Часто случалось, что мы, садясь за стол, по своему обычаю, благословляли трапезу, а приставы подходили к окнам, откуда был виден какой-нибудь крест, или хотя бы

достав крест, который они носили с собой (а все московиты, и знатные, и низкого происхождения, по своему обычаю, носят его на шее), воздавали ему должное почитание и молитвы. Если же не было ни одной иконы, они совсем не произносили молитв и говорили, что, как только попадется икона, они очистят себя молитвой. У них нет обычая осенять знаком креста пищу, напротив, они осеняют им себя. Так же, если они протягивают что-нибудь, что имеет отношение к светскому обиходу, то крестят это, если же оно относится к церковному, то из религиозного чувства прикасаются ко лбу и вискам.

Обычая обмениваться поцелуями у них вообще нет. Лики святых они пишут с исключительной скромностью и строгостью, гнушаясь тех икон, которые лишены славянской надписи, и тех, на которых есть непристойное изображение обнаженных частей тела. А ведь это может служить известным упреком нашим живописцам, которые, чтобы показать свое искусство, на картинах до предела обнажают грудь, ноги и прочие части тела, и скорее пишут легкомысленные, чем святые, картины [66].

Московиты имеют твердо установленное время постов, когда они воздерживаются от мясного и молочного. Первый их пост, по латинскому обычаю четырехдесятница, которую они начинают после шестидесятницы, тогда они не употребляют мяса. Во время пятидесятницы они не едят даже ни яиц, ни молока, затем от Троицына дня (а он, как уже было сказано празднуется на второй день после пятидесятницы) и до дней св. апостолов Петра и Павла, затем от 1 августа, а этот день считается у них днем св. Петра, до Успеньева дня.

Наконец, пост, начало которого приходится на 13 ноября (то есть, как я уже говорил, день св. Филиппа), длится до рождества. И в течение недели, в среду и пятницу, так же как и в день усекновения главы Иоанна Крестителя и в день воздвижения креста, они не употребляют мясного и молочного. Исключение составляют пасхальная неделя и время между рождеством и богоявлением, в это время они питаются мясом всю неделю. Между прочим, они не признают никаких канунов праздников, не признают и 4-х времен года. Но даже в те самые дни, когда они постятся, они не соблюдают истинного и законного порядка поста. Ведь они не употребляют только мяса и молока, но считают, что в течение дня могут принимать пищи, кто сколько захочет. Однако, когда они готовятся принять причастие (а это они делают каждый по своему усмотрению, так как у московитов по поводу этого нет никакого закона), понедельник, среду и пятницу они проводят безо всякой еды, во вторник и четверг принимают пищу только раз в день, затем, исповедовавшись священнику в грехах, наконец, в субботу вкушают тела Христова.

По всей Московии насчитывается огромное количество монастырей, так что в двух городах, Москве и Новгороде, можно насчитать 144 монашеские общины. Одну из них, расположенную на берегу Днепра, мы посетили. К храму ведут ступени, в помещении при входе помещаются кухня и трапезная, тесно заставленная низкими столами, за которые садятся только с одной стороны. К обширному двору примыкают многочисленные кельи, находящиеся друг от друга на опреде-

ленном расстоянии, впрочем, закопченные и грязные. В них нет ни кровати, ни стола, ни стульев, только лишь скамья, прикрепленная к стене печи, ею они пользуются и как столом, и как кроватью.

В этих общинах большое количество монахов: в одной 100, в другой 200, в третьей 300. Говорят, в Троицком монастыре в 20 льё от Москвы живет 350 монахов. Однако все они настолько погружены в дремучее невежество, что даже не знают, какого устава придерживаются. На вопрос, что они произносят во время молитвы, они ответили: «Господи Иисусе Христе сыне божий, помилуй нас» (в этих местах не в употреблении мысленная молитва). Эту молитву они произносят определенное число раз, перебирая четки, сделанные на манер нашего розария. Что касается материального образа жизни, то он не отличается от образа жизни наших монахов. Пища у них самая скудная, состоит из соли, хлеба и рыбы, которую они сами и ловят. Равным образом им предписано и безбрачие. Многие из монахов, по обычаю, часто отправляются к соседним народам, чтобы проповедовать им евангелие. Московиты некоторых из них, погибших за религию в Скифии и Татарии, чтут как мучеников.

Епископы выбираются из монахов, и им, как и монахам, совершенно запрещены мясная пища и брак. Выбирает их князь, посвящают два или три епископа. Храмы почитают самым строгим образом до такой степени, что не разрешают входить в них тем, кого, хотя бы во сне, посетили сладострастные видения.

Храмы строятся в форме креста, как бы с двумя крыльями, выдающимися с обеих сторон, что мы наблюдаем в древних храмах. Их обычно называют «ковчегами». В середине храма стена отделяет духовенство от публики. Передняя часть этой стены имеет две двери; из них та, что называется «царской», открывается только во время богослужения, когда выносят хлеб, приготовленный для освящения. В алтарь не разрешается входить никому, кроме духовных лиц; там, вдали от мирских взглядов, совершается святое таинство. Все пространство между дверями покрыто иконами с изображением святых. В храмах нет ни кафедры, ни органа. Однако у них есть мальчики, обученные пению, которые мелодичными голосами поют во время богослужения. Духовные лица все время стоят и, чередуясь друг с другом, читают молитвы. Входя в храм, московиты колен не преклоняют, но опускают голову и плечи и часто крестятся. Святую воду хранят только в храме, однако дают ее как испытанное средство больным для питья.

Все это, возлюбленные братья и отцы, я хотел сообщить вам не только из повиновения верховному первосвященнику, но и для того, чтобы показать, что эти люди отнюдь не католики, и чтобы тем усерднее вы молились за них, ведь скорее будут достойны сожаления те, до кого еще никогда не доходил светоч истинной католической веры, чем те, кто по своей воле и сознательно отошел от нее.

ЛИВОНИЯ

Книга Ливонии, написанная для Григория XIII

ПОЯВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ В ЛИВОНИИ

Ливония принадлежит к народам Европейской Сарматии, находящейся на севере Европы, омывается Венедским заливом или Балтийским морем, от России, принадлежащей московскому государю, отделяется рекой Нарвой, а от той части, которая называется Белой [Русью] и которая принадлежит королю польскому, собственно границами на востоке и юге. На западе к ней примыкают Самогития и Семигаллия, которая также называется Курляндией, то есть «землей куров», и она находится рядом с самой Ливонией.

Откуда произошло слово «ливонцы» тем более непонятно, что те, кто утверждает, будто бы ливонцы произошли от римлян, расходятся во мнении с древними авторами Плинием и Страбоном. Последний отрицает, что римляне перешли через Эльбу [1], первый упоминает о том, что они дошли до пруссов, но, пожалуй, скорее сделали лишь попытку овладеть Пруссией, чем покорили ее [2].

Историки нынешнего и прошлого века, занимавшиеся историей Польши, Длугош [3] и Кромер [4], пишут иное и делают иные предположения.

Первый [5] говорит: «Во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем небольшая группа римлян, покинув Италию, обосновалась на берегах Венедского залива и основала город под названием Ромов в память о столице своего государства Риме (Roma)».

Кромер [6] же пишет (хотя это место в истории может вызвать сомнение): «Небольшой отряд римлян под предводительством некоего Либона был заброшен бурей на берега Венедского залива, расположенные на востоке, пограничные с Россией». Или: «Во время ти-

рании цезарей отряд римлян, гонимый жестокостью правителей, покинул страну. Они получили название «ливонцев» от Либона. Доказательством этому может служить река Либа и город[7] того же названия, расположенный при ее впадении в Балтийское море.

Между прочим, четыре народности, которые составляют эту провинцию, обозначаются четырьмя различными названиями: куры, ливы, летты и эсты. Все они пока не объединены общностью жизни и торговыми отношениями с иностранцами, и их наречия не слились в единый язык. Поэтому и в наше время существуют эти различия, если не считать следующего: после переселения большого количества германцев на побережье в эту область по настоянию папы Гонория многие восприняли их язык и им пользуются.

Еще в самом начале к германским купцам, приезжавшим сюда ради наживы, стали присоединяться благочестивые священнослужители, чтобы просвещать варварский народ. После 1200 г. в Ливонию приехал Мейнард, зигебергский монах, горевший рвением распространять благочестие, он и был первым епископом этой области[8]. После того как Саладин вырвал из рук христиан Иерусалим[9], папа Гонорий[10] особенно стал настаивать на том, чтобы по крайней мере на севере дела оставались в хорошем состоянии. Обещая своим авторитетом великую награду от бога, отпущение грехов во имя Иисуса Христа, он призывал каждого честного и благородного саксонца без жалости отдать свою жизнь в суровой морской войне для помощи делу веры среди варваров.

Преемник Мейнарда, аббат цистерианского монастыря Бертольд, пал в битве с варварами[11]. Третьим был святой муж, епископ Альберт, впоследствии ставший первым рижским архиепископом, он был назначен папой и цезарем Генрихом правителем этой области[12]. При нем христианская вера стала быстро крепнуть, сама Рига была обнесена стеной, был построен и первый собор[13]. Сюда прибыли герцог Саксонии Альбрехт, Венцеслав, граф Рюгенский, и Барвин[14].

Северные государи в то время придерживались одной веры, не разъединены были еретическими раздорами, но повсюду несли свои победные знамена. Поэтому король Дании Вальдемар II, подведя флот, захватил Эстонию и, приказав построить город Ревель[15], позаботился о том, чтобы народ, населяющий это побережье, принял святое крещение и получил наставление от католических священников. А папа, назначив епископа для этого народа, поставил его в подчиненное положение к архиепископу лунденскому в Дании[16] в благодарность за заслуги короля датского перед церковью.

Вильгельм, епископ моденский, впоследствии ставший кардиналом сабинским, прибыл в Ливонию в качестве легата папы Григория IX[17]. Он смог вдохновить саксонского герцога Альбрехта на значительную победу и внес имя Христово на о. Эзель на Балтийском море. Так христианская вера стала распространяться на все более обширном пространстве. Были учреждены епископаты в Дерпте и на Эзеле и подчинены архиепископу рижскому. Чтобы повсюду искоренять варварство, он основал орден, или товарищество, которое было названо воинством христовым, несущим знак Креста. Отсюда и название «кре-

стоносцы»[18]. Им он присудил третью часть доходов рижского епископата. Так появилась и распространилась в Ливонии христианская религия.

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕЛ В ЛИВОНИИ

С течением времени этот орден, который назывался также «тевтонским», по-видимому, привел свои дела в наилучшее состояние. Магистр его, бывший одновременно и правителем ордена, выбрал для себя и своих людей в качестве местопребывания Венден, город, находящийся в середине Ливонии. Причем он не только не делал уступок архиепископу и прочим епископам, но даже не хотел считать их равными себе. Крестоносцы [стали] покушаться на их имущество и укрепленные города, дерптского епископа Фридриха[19] изгнали из собственного города, своего патрона, архиепископа Иоганна[20], взяли под стражу. Некоторое время спустя, поступив в высшей степени противозаконно, они отобрали у архиепископа Ригу и рижскую область[21], откуда 104 года назад этот рыцарский орден перешел в Ливонию. Если бы они держались в границах исполнения долга и веры, у них не было бы недостатка ни в божественном, ни в человеческом покровительстве, но, чувствуя свою вину, они то ставили себя в подчиненное положение к цезарю и германцам, то пытались вовлечь пруссов в сообщество и заключить с ними союз. Архиепископы защищали свои права, и получалось так, что в течение полных 80 лет к законному трибуналу апостольского престола в Риме со всех сторон шли тяжбы. И подобно тому, кто такими же средствами силой захватывает чужое государство и создает величайшие трудности, так и крестоносцы не столько оказывали помощь христианской республике, сколько причиняли ей хлопоты. Папы, снисходительно относясь к грехам ордена, когда он обращался к ним с раскаянием, тем не менее все это время испытывали очень большие затруднения; германцы и цезарь то покровительствовали крестоносцам, то справедливость заставляла их защищать архиепископов. Поэтому цезарь пытался добиться, чтобы апостольский престол назначил рижским архиепископом Оттона, герцога Померании, но не достиг этого, так как этому воспрепятствовал папа Бонифаций IX[22]. В конце концов, этот же папа, видя, что все разумные доводы тратятся понапрасну, а из-за упорства немногих можно потерять души многих, позволил Риге оставаться во власти ордена, надеясь, что это обстоятельство оздоровит положение вещей. А некто[23] смело утверждает, что он сделал это, получив 15 тыс. золотых. Те, кто пристально следил за важными событиями, происходившими тогда там и в Риме, знают, что орден уплатил, но это происходило иначе. Между прочим, он не отрицает, что действия крестоносцев в Ливонии были настолько нечестивы, что все лучшие люди считали, что этот орден скорее нужно уничтожить до основания, чем поддерживать. Поэтому еще раньше расследование здешних дел поручалось папой Климентом бременскому архиепископу Иоганну и равеннскому канонику Альберту[24], так что ни у кого нет сомнения, что крестоносцы, если бы

смогли, очень охотно попытались бы и тогда не 15 тысячами, а гораздо большей суммой откупиться от этого законного беспокойства.

Дела ливонцев стали меняться к худшему, когда московский государь начал делать попытки [овладеть Ливонией]. Конечно, его против ливонцев послал господь, чтобы в свое время наказать их за грехи. Нужно было, чтобы божий гнев обрушился на них довольно поздно, но, так как ливонцы еще не окончательно отпали от католической веры, господь не позволил, чтобы их дела совершенно пришли в упадок.

Московский князь в 1381 г. от рождества Христова огромным войском осадил Нейгаузен, крепость дерптского епископа, отстоящую от Дерпта на 18 миль, так что у осажденных не осталось никакой надежды. Но комендант крепости, обратившись в душе к богу, послал во имя господа бога стрелу в русский лагерь и пронзил сердце самого московского князя. Впоследствии эта стрела была возвращена в качестве трофея и как свидетельство о божественном милосердии находилась в главном храме до тех пор, пока лютеранская ересь не уничтожила святого порядка божественного богопочитания. Московитов удивительным образом объял страх, они вернулись в свои владения, а ливонцы стали жить в мире[25].

В следующем веке крестоносцы, находящиеся в Пруссии, постоянно нарушали покой Польского государства, ливонцы также были при этом их союзниками, но, хотя они и продолжали враждовать по разным поводам с епископами, однако всё еще придерживались католичества и не ощущали на себе карающей десницы господа так сильно, как это случилось впоследствии. Кроме того что они незаслуженно притесняли, с одной стороны, епископов, с другой стороны — поляков, московиты с трудом терпели соседство могучего воинства этого ордена, но они настолько до сих пор были заняты и подавлены различными войнами, что не могли вторгнуться в Ливонию. Наконец, они загорелись желанием сделать серьезные попытки этого.

Итак, в начале нынешнего века, прикрываясь различными предлогами, на самом же деле воспламененные страстью получить владычество на море и приспособить эту область для своих торговых дел (еще раньше под этим предлогом они позаботились построить храмы в Риге, Ревеле и Дерпте, где могли совершать службы по русскому обряду), они набирают большое и сильное войско. Московитами правил тогда Гавриил, впоследствии названный Василием Ивановичем, сын Софьи, дочери Фомы Палеолога[26], во главе крестоносцев в Ливонии стал Вальтер Плеттенберг[27] из Вестфалии, Западной Саксонии, муж знатного происхождения, человек деятельный и католик. Он, понимая, что нужно опередить московита, поспешно объединился с 70 городами Германии, которые задолго до этого были связаны между собой договором, по которому они добровольно объединились, подобно сцепленным друг с другом крючкам, откуда и получили свое название Ганза[28].

Он вывел против врагов 7 тысяч германской конницы и 5 тысяч куров и ливов, отобрал у московита несколько крепостей и двинулся по направлению к Пскову, весьма значительному городу этого госу-

даря. Остановившись на обширной равнине, он вступил в сражение со 100 тысячами московитов и 17 тысячами татар, которых московит расположил в первом ряду и послал вперед как авангард. Плеттенберг нанес им настолько сильное поражение, что московит попросил мира, который и был заключен сроком на 50 лет [29].

После смерти Плеттенберга для крестоносцев наступили мирные времена, но они продолжали самовластно повелевать своими крестьянами, ливонцами, а также в неменьшей степени епископами и священниками. Тогда пришло время божьего воздаяния, и те, которые всех ненавидели, сами были отвергнуты богом. Пока они имели законных слуг церкви божьей, они были способны нести обязанности христианского воинства; отвернувшись от них, они потеряли и покровительство церкви, и воинскую славу, и надежду на вечное спасение, к которому они стремились так много лет (если не сказать «несколько веков»). Сначала в Германии, а потом через посредство германцев в Ливонии появилась богомерзкая лютеранская ересь [30]. Поэтому магистр тевтонского ордена и многие другие, восприняв от лютеран ненависть к священникам, без труда впитали и другие тлетворные заблуждения. Ведь они считали, что эти изменения, касающиеся религии, окажутся чрезвычайно полезны для увеличения их богатств и изъятия доходов из рук священников при возрастающем стремлении народов легко предаваться полной необузданности.

Поэтому некий виттембергский кожевник тайно произносил в храмах Дерпта проповеди перед горожанами, побуждая их грабить церкви, а потом стал подстрекать их низвергать алтари, нечестиво топтать ногами священные предметы, наконец, бесчестить благочестивых монахов и святые монастыри и совершать всякого рода преступления. Это было в 27 году нынешнего века [31], но и последующие годы были нисколько не лучше: рвение католических священников, больше заботящихся об охране дел человеческих, нежели духовных, также остыло, между тем как ересь набирала свои силы и самым основательным образом расшатала положение в этой области, славящейся своей плодородной почвой, сильными крепостями, воинской доблестью, к тому же столь удобной для ввоза и вывоза товаров по морю и рекам. Однако Вильгельм, маркграф бранденбургский, брат прусского герцога Альберта (его мать — полька, дочь короля Казимира, сестра Сигизмунда I), ставший архиепископом рижским, в 1547 г. от рождества спасителя вступил в Ригу от имени германской империи и восстановил среди граждан истинную веру [32].

Между тем, в 1550 г. нынешнего века истек срок перемирия, заключенного при Плеттенберге, и московский князь, недавно пришедший к власти, вознамерился подчинить себе Ливонию. Он надеялся в будущем, если удастся, раздвинуть границы своей власти на западе в такой же мере, как на севере и востоке, и уже называл себя великим царем [королем] этих частей света, так как подчинил себе обе татарские орды (так называются их объединения) с их столицами Казанью и Астраханью (расположенной у Каспийского моря). Пользуясь удобным моментом для объявления войны, когда силы ливонцев были подорваны, а из первоначальной лютеранской ереси выделились раз-

личные секты, он угрожал жителям Дерпта напасть на них и подвергнуть должному наказанию, если они не признают древней власти московитов над собой. Граждане Дерпта настойчиво просили о продлении перемирия, напрасно предлагали большую сумму денег или дани, он же обещал уступить ее ливонцам на том условии, чтобы те храмы в Дерпте, Ревеле и Риге, где русские раньше совершали свои обряды, были снова отстроены (ведь они или были разрушены еретиками, или переданы так же, как и священные католические храмы, этим невеждам лютеранам для богослужений) и переданы русским. Кроме того, они должны были выплатить налог по одной марке с каждого жителя Дерпта (марка $=1/5$ золотой кроны), возместить причиненные убытки, восстановить прежнюю свободу торговли, отказаться от помощи полякам и литовцам и т. д. (эти требования войдут в приложение к этой книге вместе с некоторыми другими документами).

Чтобы иметь более благовидный предлог для объявления войны, московит, говорят, произнес следующие слова: «Если римский папа и римская империя (ведь императоры Карл V и брат его Фердинанд не пришли на помощь крестоносцам, несмотря на их многочисленные просьбы) могут спокойно переносить, что их священников и монахов преследуют зловредные лютеране, храмы разрушаются, священные вещи подвергаются надруганию, мы не можем позволить, чтобы эта секта, которая влечет за собой полную гибель всего, безнаказанно свирепствовала в наших владениях». С тех пор величайшая ненависть к лютеранам завладела московитом.

Однако, чтобы не погрешить против истины, надо сказать, что сам он, вторгнувшись в Ливонию, все ранее принадлежащее католикам или совершенно уничтожил, или по крайней мере осквернил: изгнал оттуда всех благочестивых монахов и священников, замки и здания со стенами кирпичной кладки превратил в конюшни, или, по примеру готов (как это было в Риме), разрушил так, что не оставил нетронутым ничего, что отличалось бы изяществом архитектуры и отделки.

Пока все это происходило и рижский архиепископ пытался успокоить еретиков, внесших смуту во все дела в Риге, Вильгельм Фюрстенберг, магистр тевтонского ордена, понимая, что из-за притеснения лютеран, к которым он уже раньше присоединился, его силы и части [владений] также подвергнутся притеснению, был уличен среди своих в том, что он перехватил письмо архиепископа, в котором объявлялось об уничтожении тевтонской коллегии. Тогда он собрал военный отряд и, наконец, захватил самого архиепископа, осажденного в Кокенгаузене на р. Двине, и заключил под стражу. Позже польский король Сигизмунд Август подвел войско для его освобождения, возвратил все в прежнее состояние, потребовал возместить убытки и выплатить все, что он затратил на поход[33]. Таким образом, богатства ордена, собранные дурными средствами, были до основания исчерпаны, и дела пришли в совершенный упадок.

В 1558 г. 18 июля московит захватил Дерпт и другие крепости. Был взят в плен Герман Фалькенвенский[34], епископ этого города, неблаговидными средствами захвативший власть у фон Рекке[35]. А этот последний отказался от епископства, чтобы избежать предстоящей

опасности; для него не имело значения, кто будет пасти его стадо. Удалившись во внутреннюю часть Германии, уже в пожилом возрасте он взял себе жену (если ее можно назвать женой).

Но самым жестоким бичом, доведшим Ливонию до крайностей, была ересь, и ливонцы, ослепленные ею, не раз испытывали на себе моровую язву, взаимные раздоры, наконец, попали под тяжкое ярмо московитов и потерпели множество поражений. Обо всем этом подробно и правдиво писал Тилман Бреденбах[36] в сочинении о ливонской войне и об опустошении дерптской области.

Подобно Иудее, нарушившей чистую веру и истинное богопочитание, за что она претерпела испытание исходом и была разделена на 4 владения, Ливония также оказалась раздробленной на 4 области, принадлежащие московскому царю, королям шведскому, датскому и польскому.

Шведский король Эрик, который сначала утратил католическую веру, затем королевство, а потом потерял жизнь в тюрьме, захватил тогда Ревель[37]. Магнус[38], герцог гольштинский, брат датского короля Фредерика, вторгся в епископство гапсальское. Остров Эзель, входящий в него, до сих пор находится в руках этого короля. Часть Ливонии отошла к польскому королю Сигизмунду Августу. Первые два сделали это, пользуясь различными предлогами, а последний тем, что некий архиепископ (об этом мы скоро расскажем), только по названию, но не избранный законным образом, а также другой магистр ордена отдали себя под его покровительство. Конечно, под недремлющим оком господа случилось так, что Вильгельм Фюрстенберг, магистр ордена крестоносцев, заключивший под стражу (как мы уже говорили об этом) рижского архиепископа Вильгельма, был взят в плен московитом в довольно хорошо укрепленной крепости и в Московии потерял жизнь и надежду на вечное спасение (если только не раскаялся)[39].

Его место занял Готтард Кетлер[40], происходящий из знатного вестфальского рода, отрекшийся от католической веры; понимая, что напрасно ждать помощи от Римской империи, он связал себя законным порядком клятвой верности с польским королем с тем, чтобы тот в свою очередь помогал ему в войне против московита и других врагов. Он стал герцогом Курляндии и Семигаллии, получив в вечное владение для себя и своих мужских потомков эти плодородные и многолюдные области на правах клиентелы. Прочие ливонские города и, в особенности, Рига были отданы в распоряжение королевского наместника[41]. Вскоре после этого Кетлер женился на мекленбургской княгине Анне, происходящей из семьи Оботритов, уже тогда не строго придерживающейся католичества. Она была сестрой Иоганна Альберта, зятя прусского герцога, и Христофора, номинального архиепископа рижского.

В результате всего этого культ католической веры почти повсюду был уничтожен. Остальные люди немного заботились о делах духовных, занимаясь делами земными. Кроме того, польский король Сигизмунд, слабый здоровьем, уже не мог достаточно деятельно заниматься делами государства, римская империя настолько сильно была

потрясена ударами ересей, что господь не мог ниспослать им в их настоящей болезни, когда к тому же турки терзали Венгрию, чистосердечной помощи, пока их занимали только политические соображения.

Между тем, в течение 20 лет московит постоянно вел войну с поляками, шведами и ливонцами. Хотя она была и не всегда удачной для него, тем не менее он расширил пределы своих владений и самым ревностным образом насадил в Ливонии русскую схизму: в Дерпте поставил владыку (то есть епископа). Чтобы не восстановить против себя датского короля и чтобы торговые корабли смогли свободно приходить в Нарву (это название имеют река и порт на ней), откуда товары можно было бы доставлять в Московию, он выдал за Магнуса, герцога гольштинского, племянницу, дочь своего брата, которого еще раньше отравил ядом, а также номинально назначил его королем Ливонии. Ливонцев же, отбросивших истинную религию, перебивших или изгнавших католиков и думающих, что они обрели свободу, поразил жесточайшими пытками и казнями. Толпы пленных ливонцев пригнал в Московию и большими группами приписал их к отдаленнейшим областям, расположенным близко от татар; в Казани и Москве назначил за них огромный выкуп и приказал содержать в отвратительных темницах. Позже многие из них, с его разрешения, приходили к нам и простирались у наших ног. Когда был заключен мир с польским королем Стефаном от имени вашей милости, мы позаботились об их освобождении, но, с божьей помощью, заставили их увидеть в этом покровительство святого апостольского престола, который они раньше нечестиво презирали и отвергали [42].

ПОВОДЫ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ЛИВОНИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

После смерти короля Сигизмунда у сословий долгое время были затруднения: кого избрать королем. Корону получил Генрих, брат французского короля Карла IX, но спустя немного времени вернулся во Францию, так как после смерти брата должен был получить другое королевство.

Затем большинством голосов королем Польши был избран цезарь Максимилиан, но господь рассудил иначе: он так и не взошел на королевство, а через несколько месяцев умер. Тогда призвали Стефана Батория, князя трансильванского, который был избран королем и получил знаки королевского достоинства. Он тотчас разослал послов к разным христианским государям, главным образом соседних областей, с предложениями дружбы, а к московиту отправил посольство о мире. Если же послы этого не добьются, то пусть позаботятся о перемирии, чтобы справедливо и миролюбиво решить то, что представляет предмет спора обоих государств. Сам же в это время позаботился привести гданцев, оказавшихся непокорными, к должному повиновению польским королям. Пока это происходило, московит, отказавший, по-

видимому, королевским послам, передавшим ему письмо о перемирии, пока король усмирял мятеж в Гданьске, вторгся в Ливонию и отобрал у поляков несколько крепостей. Это послужило поводом для начала войны с московитом, которая, в конце концов, закончилась возвращением Ливонии, до тех пор находившейся в его руках.

Обо всем этом я достаточно подробно писал во 2-й книге «Московии». Кроме того, в документах перемирия, когда король решительно настаивал на возвращении Ливонии, мы позаботились от имени вашей милости записать о восстановлении Ливонии. Эти документы (чтобы не занимать здесь слишком много места) будут приложены к этому сочинению, и, если когда-нибудь возникнет необходимость, из них можно будет вынести довольно ясное представление обо всем этом.

После того как дело [перемирия] с Московией было улажено в Яме Запольском, главный канцлер и главнокомандующий войсками королевства Ян Замойский, до этого с твёрдостью ожидавший исхода дела в лагере под осажденным Псковом в самый разгар жесточайшей зимы, отвел свое войско под знаменами в Ливонию. Там, отослав по условию договора из Дерпта в Московию владыку и прочих русских, он в первую очередь занялся восстановлением католической религии. Чтобы все совершилось, как полагается, он испросил у меня разрешения на свободу действий, которая дана была мне вашей милостью в этой провинции и прочих соседних, где нет католических епископов. Он, исполнив все требуемые обряды, поставил в очень известном храме своего священника[43]. Между тем, король Стефан из Вильны, куда он удалился от войска, чтобы заниматься делами королевства, а если бы мир не состоялся, набрать новое войско, прибыл в Ливонию. Возвратив Польше великое герцогство, ранее находившееся в руках московита, он основал в этом городе [Дерпте] коллегию нашего Общества[44], так как он обещал это еще во время осады [Пскова]. В Риге же, заботясь о расширении границ своей власти и прилагая усилия для распространения истинной религии (что он неоднократно обещал вашей милости), он вырвал из рук рижан, уже давно погрязших в лютеранстве, два храма. Один из них, св. Якова, отдал нашему Обществу, а другой, св. Магдалины, передал на нужды епископата. Рядом с этим храмом был монастырь, в котором до сего времени жили три очень древние благочестивые монахини, которые бестрепетно хранили свои обеты и в течение 20 лет не имели священника, подчиняясь по воле божьей только своему небесному жениху. Из них младшей 75 лет, двум другим 90 и 100 лет; все они знатного происхождения. Утвердив их как монастырскую общину, я властью, дарованной мне вашей милостью, поставил во главе аббатиссу из семьи Тепель. Этим я хотел показать некоторым знатным девицам, обычно находящимся при ней и придерживающимся ереси, что для них еще не закрыт путь к спасению.

Жители Риги годом раньше обещали на определенных условиях оказывать повиновение королю. Особенно настаивал на этом Дмитрий Соликовский, достойнейший муж, которого впоследствии король назначил архиепископом во Львове, а ваша милость его поставила и утвердила[45].

Однако рижане не очень опасались (они на это надеялись), что католическая религия снова не будет восстановлена в их городе. И король очень разумно не захотел составлять много письменных документов, чтобы новыми предписаниями не нарушить их повиновение (как случилось впоследствии). Он счел нужным договор соглашения с ними (а он будет приложен к этой книге) скрепить только литовской печатью, хотя подобного рода документы обычно скрепляют двумя печатями: Польши и Литвы. Рижане приводили всякого рода неосновательные доводы, но, увидев, что король в душе своей крепко держится благочестия, стали просить, чтобы он по крайней мере не назначал в их город людей из Общества Иисуса, о которых они от своих слуг слышали невероятные вещи, и, конечно, боялись, что придут сюда римляне и уничтожат их народ и осквернят здешние места.

Однако король настоял на своем и заложил прочное основание власти: во главе Ливонии поставил католического наместника Георгия Радзивилла, назначенного также виленским епископом. При этом дал ему в качестве первого советника и управителя всеми делами опытнейшего человека, Дмитрия Соликовского, о котором мы уже упоминали. В крепостях воеводами поставил верных поляков. Когда же жители Риги хотели расширить укрепление в своем городе, он приказал открыть ворота, которые они перед ним закрыли, с тем чтобы из королевской крепости был свободный доступ к городу.

Что касается остального, то он принял такие решения: отправил послов в Швецию и, предложив справедливые условия, через них просил отдать ему крепость Нарву, взятую шведским королем у московита, с той целью, чтобы отвратить московита от покушений на Ливонию. Однако они вернулись, не закончив дела. Остров Эзель он оставил за королем Дании, некоторые другие крепости — за его братом, занявшим их в предыдущие годы, а кое-какие крепости — за неким Бюрингом[46], впоследствии убитым. Это было сделано, чтобы не возбудить новых раздоров, так как дела были еще недостаточно хорошо устроены. По Ливонии разослал люстраторов (их называют также ревизорами и комиссарами), которые должны будут доложить о положении в этой области сейму, назначенному собраться в Варшаве.

Город Венден и доходы от него приписал будущему новому ливонскому епископату, в нем когда-то имел свое местопребывание первый епископ этой провинции, а затем располагался как бы в центре тевтонский орден, как мы уже говорили.

Когда я, сопровождая посольство московитов к вашей милости, прибыл из Московии в Ригу[47], он обещал мне отправить почетное посольство, чтобы засвидетельствовать вашей милости покорность Ливонии. Затем он дал мне много других поручений, в частности, чтобы я переговорил со знатными ливонцами о восстановлении того, чего они добивались. Он это сделал с тем намерением, чтобы они поняли, как много благодеяний получают они от апостольского престола, авторитет которого они отвергали в течение многих лет. Это обстоятельство дало различные поводы к раскрытию истины, так что они увидели, как заботятся на деле в других королевствах об обращении ере-

тиков, и узнали, сколько усилий прилагает для этого апостольский престол, благодаря советам и руководству которого они сами когда-то были учреждены и процветали; поэтому не нужно щадить сил, чтобы вернуться к прежнему состоянию. Между прочим, присланные в Ливонию вармийским епископом Мартином Кромером некоторые священники из браунсбергской семинарии, которую благословенной памяти кардинал Гозиуш поручил учредить коллегии нашего Общества, помогали делу. Кроме того, сам Соликовский проявил очень много старания, правда, пользуясь помощью переводчиков, для восстановления повсюду благочестия. Наконец, в нынешнем году туда прибыли, получив приказание, люди из нашего Общества и германской коллегии, которых я привез по поручению вашей милости.

В конце прошлого года в Варшаве король проводил сейм, на котором предложенный московскими послами мир и соглашение, заключенные между ними, были скреплены клятвой. Король пытался также укрепить дела в Ливонии и установить способ управления этой провинцией. Поэтому, во-первых, он назначил аббата Тжемешского епископом венденским[48], о чем послал доложить вашей милости, затем сделал и другие распоряжения. На сейме, однако, было одно неприятное обстоятельство, а именно: в ответ на настойчивые требования ливонцев об объявлении аугсбургского исповедания веры[49] это было им разрешено, и затем не чинилось препятствий, чтобы напечатать это среди прочих ливонских конституций в краковской типографии, а это, конечно, увеличило соблазн. Таким образом, блеск столь большой победы несколько померк: в те города и крепости, которыми десница божья щедро одарила [короля] после продолжительной войны, было вписано, как на чистую доску (tabula rasa) (так обычно говорил король), слово единой католической религии, но эти же города и крепости (если забыть о том, что, случись все иначе, перешли бы к шведскому или датскому королю) снова наполнились тем ядом, который не так давно послужил причиной гибели всей христианской веры и благочестия в Ливонии. Позже нашелся человек, который получил от короля письменное разрешение, которым дозволялось вывести из Бельгии в Дерпт и крайние области Ливонии некую новую колонию. Хотя король законным порядком разрешил приезжать только тем, кто исповедует римскую католическую религию, и поэтому разрешил им иметь свои учебные заведения, однако известно, что устным распоряжением дозволил приезжать также тем, кто придерживается аугсбургского исповедания веры, а это прикрывает, как завесой, анабаптизм и все другие ереси. Нет сомнения, что из Голландии, где процветают анабаптизм и кальвинизм и откуда к берегам Ливонии часто приплывают корабли, будут завезены и эти пагубные «товары», если тотчас же этому не воспрепятствовать (а это, конечно, можно сделать). Если этого не сделать, каким препятствием для распространения истинной веры и для защиты божьего дела обернется все это! Нет никого, кто, искренне веря во Христа, сына бога живого, не понимал бы этого. Я очень скорбел об этом и напомнил [королю] о его королевском обещании, данном дважды, когда я уезжал в Московию с делом мира. Этот лучший из королей откровенно поведал мне, что пытался по-

слать туда своих подданных мазовшан, предложив им плодородную землю Ливонии, но никто (хотя Мазовия неплодородна и довольно бедна) не захотел принять этого условия. Поэтому, чтобы эта область совсем не заросла лесом, так как по уходе московитов она оказалась лишенной почти всех своих жителей, он был вынужден принять такое решение, надеясь, что, когда наши люди будут там, они не только сохранят там католическую религию, но заставят еретиков принять ее, что, конечно, могло бы осуществиться на деле, если не позволять им [еретикам] иметь школы и храмы, однако в будущем доставит очень много затруднений, так как небольшое количество закваски может испортить все тесто, и господь не позволит долгое время управлять одним телом двум или трем душам. Услыхав мои доводы и исполнившись благими намерениями, король тотчас же в ответ на мою просьбу издал указ о создании католической колонии (причем на самых лучших условиях), о чем я не один раз подробно писал вашей милости и светлейшему герцогу баварскому. Кроме того, он сделал и другие распоряжения: строго приказал коменданту Дерпта, католику, не разрешать еретикам занимать самый большой храм, своды которого испорчены московитами и их не легко будет восстановить, а, говорят, по красоте и обширности он равен германским храмам. Также он издал подробное разрешение, причем в письменном виде, об учреждении второй коллегии нашего Общества в Дерпте и поддержании ее многочисленных работников имуществом.

Между тем, от имени вашей милости я настаивал, чтобы провинциал, управляющий нашими коллегиями в Польше, как можно скорее отправился в Ливонию (что он и сделал) и проследил, чтобы в Дерпте не разлился в изобилии какой-нибудь яд, и чтобы он начал в Ливонии производить набор для новой виленской семинарии. Епископу, назначенному в Венден, я высказал соображения, к которым этот честный и благочестивый муж тотчас присоединился: по-видимому, не остается ничего другого, как надеяться, что великодушие короля воспламенится великой мыслью, а самое дело будет проведено в жизнь следующими способами.

КАКИМ СПОСОБОМ ИЗБЕЖАТЬ ТРУДНОСТЕЙ И НЕ ТОЛЬКО ВОССТАНОВИТЬ КАТОЛИЧЕСКУЮ ВЕРУ В ЛИВОНИИ, НО И ПРОДВИНУТЬ ЕЕ В СЕВЕРНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ ОБЛАСТИ

Если правильно понять, в каком положении находилась Ливония год назад и в каком состоянии она теперь, то нужно будет не только воздать от души благодарность величью божьему, но и почерпнуть из этого великую надежду, что все божьи начинания будут иметь счастливое завершение и продолжение, если мы окажемся усердными и ревностными работниками.

Конечно, много значит уже то обстоятельство, что в эту провинцию, куда прежде не могла ступить нога католика, епископом назна-

чен католик, открыты коллегии, учреждены на средства вашей милости семинарии в Вильне, доступ в них свободный. Сам король — католик, и, хотя в польском государстве еще много трудностей, ересей, оно разобщено границами, тем не менее он искренне желает продвижения божьего дела. Кроме того, заключено перемирие с московитом на 9 лет, сами крепости (какие бы препятствия ни встречались при улаживании дел) находятся во власти польского королевства вместе с Ригой, знаменитым северным рынком, и Дерптом, а сельская местность вокруг него и пригороды равны герцогствам в Германии, причем не самым маленьким. Некоторые коменданты, размещенные по крепостям, католики, так же как и наместник Ливонии. Священники уже довольно свободно могут разъезжать по стране, а колонисты, приписанные этому епископату, смогут очень легко воспринять католическую веру, во-первых, потому что бедные люди скорее воспринимают святое евангелие, во-вторых, потому что у них основа древнего благочестия более крепка, чем у людей знатных, которые, обогатившись за счет церковного имущества, необузданно предаются попойкам и разным другим порокам и менее чувствительны к восприятию лучей божественного света. Тот, кто поймет, что таковы пути божественного провидения и таково его решение, чтобы мы всерьез воспользовались столь значительными поводами для проникновения католической веры, пусть пойдет в другое место, обратится к отдалённым народам и островам и там, конечно, поймет, что в начатое дело нужно вложить все свое искусство и все силы. Конечно, дело могут прервать смерть короля, который в конце концов только человек, новое вторжение московита в Ливонию, новое междуцарствие, изнуряющее государство, нарушение заключенного перемирия в случае смерти одного из государей. Да и еретики не дремлют: если бы возник мятеж на религиозной основе или представился какой-нибудь случай, столь желанный еретикам, у политиков нашлись бы соображения, чтобы смотреть сквозь пальцы на охаивание католической религии.

Перед глазами пример Англии, которая, возвратившись к католической вере, тотчас после смерти королевы Марии[50] запятнала себя прежней грязью, потому что не воспользовалась поддержкой могущественного испанского короля, не оперлась на многочисленные опоры другого характера, так что ее уже невозможно извлечь оттуда, куда она упала.

Конечно, с полным основанием можно сказать следующее: если бы тотчас туда было послано много священников (даже и не англичан), а они хотя бы и через переводчиков (как это делается в Индии) распространяли дело христово, если бы также огромное количество католических книг на английском языке, способных опровергнуть тамошние ереси, было тотчас распространено, если бы добрые руки знатных и других молодых людей (а их можно было бы найти около сотни) щедро почерпнули из своих богатств деньги, которые были бы тотчас использованы ради веры христовой, к тому же их можно было бы использовать как заложников святой церкви, дело продвинулось бы вперед, если к тому же были бы применены и другие средства. Удалось бы или сохранить уважение к религии предков, или, ока-

зывая сопротивление попыткам еретиков, сделать так, что господь стремящимся к царству божию предоставил и все остальное. Когда же религия оказалась в пренебрежении, слишком поздно поняли это и пытались восстановить католическую веру с помощью солдат и флота, но не теми способами, которые свойственны христианской вере. Впоследствии исход дела показал, как много это могло бы дать.

Поэтому в первую очередь нужно соорудить как бы медное основание, чтобы, укрепившись в своем намерении, продвигать вперед это дело в Ливонии, причем никоим образом не нужно жалеть ни людей (а недостатка в них не будет), ни небольшого количества денег, если окажется в них нужда, ни усилий (а они будут не так уже велики). А я, святейший отец, совершенно уверен в том, что ваша милость, если бы не была слишком занята делами вселенской церкви, сама (как когда-то при отъезде к шведскому королю было мне сказано) ради спасения столь значительной области двинулись бы в путь и, если нужно было бы, пролила свою кровь.

Хотя и не хватает телесных сил, клянусь священнейшими ранами Христа, все, что ваше святейшество сейчас поручило сделать, будет исполнено самым тщательным образом и, конечно, не будет потеряно зря то время, что тратится на эту провинцию, на которую апостольский престол в своих заботах имеет некое особое право.

Пока мы, как передовые солдаты, принимаем на себя первый натиск, я прошу, чтобы сегодняшний Моисей не складывал своих дланей, но простер их к господу Иисусу и самым горячим образом вдохновлял остальных, чтобы они ослабили и уничтожили этого ливонского Амалека[51], укрепившегося на севере.

На самом деле, во имя Иисуса, что сможет сделать здесь эта маленькая паства против многочисленных видов чумы и против скрежета зубов сатаны, если сверху нам не будут посылаться сюда подкрепления без перерыва. Ведь в Ливонии епископ только что избран, человек новый, хотя, конечно, искренний и честный, и ваша милость сама понимает, насколько важно воодушевлять его, находящегося почти у крайних пределов католического мира, с помощью своих посланцев и писем и вместе с тем следить, чтобы он ревностно занимался упорядочением дел в доставшейся ему провинции и был достаточно внимателен к делам духовным. Иногда с любовью его нужно расспрашивать не только о том, что относится к общим делам, о чем отсюда обычно пишут в официальном порядке, но и о частных вопросах, об обращении людей к католической религии и о другом подобного же рода, что особенно важно для исполняющего апостольскую миссию. Таким образом, Ливония снова окажется соединенной со святым апостольским престолом узами любви, которые труднее всего разорвать. Таким способом удобно все уладить. Если пользоваться другими способами, то будет очень трудно добиться не только завершения дела, но даже сколько-нибудь значительного продвижения вперед. Отсюда следует, что ему нужно дать хотя бы на время бо́льшую, чем обычно положено, свободу действий так, чтобы он легче смог очистить запятнанных ересями и святотатством, а истинную религию провести в столь отдаленный и запущенный виноградник или, лучше сказать, лес. А что-

бы он позаботился об исполнении этого, не нужно тратить денег (чтобы не навлечь хулы на нашу службу), но, надо надеяться, достаточно будет отеческих наставлений вашей милости и его честности. Однако вот что, видимо, должно вызвать серьезные опасения: как бы семинария, основанная на средства вашей милости в Вильне для обучения русских, московитов и ливонцев, в самом начале не оказалась в трудном положении. Нужно, чтобы она пользовалась надежным и определенным пенсионом в течение многих лет и смогла бы приобрести некоторое количество имущества в вечное пользование. А так как в этих местах оно не будет очень большим, то не нужно бояться, что это не заставит короля, так же как и первых людей королевства, приложить к этому делу столько же [средств]. Когда мы были при подобных обстоятельствах в Трансильвании, он предоставил самую широкую возможность для обращения тамошних обширных областей. А чтобы это не было в том состоянии, в каком на самом деле находится сейчас, конечно, полезно будет новым детям, лишенным всякой защиты (если не считать заступничества вашей милости), отказать такое наследство, которое не останется без владельцев и тотчас не исчезнет. В противном случае церковь окажется в пренебрежении и о нас будут говорить: «Они начали строить здание, а закончить не смогли». Что касается учеников, которых пришлось бы отослать оттуда, можно сказать следующее: «Позорнее выгнать гостя, чем не принять его».

Что касается областей под этим северным, так сказать, зодиаком, то я могу самым чистосердечным образом свидетельствовать вашей милости: для воодушевления цезаря, королей и епископов, к которым посылала меня ваша милость, нет более испытанного, сильного и приятного побуждения (и это проверено за мое шестилетнее пребывание здесь), чем то (а они уже поняли, что цель этих искусных приемов — единая слава божья), что милосердная десница того, образ которого — не иметь образа, в этих провинциях не требует ни единого денария св. Петра, но, напротив, отдает. Что касается сыновей мятежников, то апостольский престол имеет столь большие заслуги, что, наконец, и они обратили к себе сердца родителей, а клевета, которой еретики запятнали некоторых первосвященников, легко уничтожается (так нынешнее состояние дел уничтожает память о прошлом).

Далее. Те, кто со временем будут владеть ключами здешней церкви, побужденные столь значительным примером, узнают, что их называют от души, а не на бумаге отцами многих народов и истинными Авраамами и которые самим делом смогут сказать всему миру: «Дай мне души, остальное возьми себе».

Что касается священнического и церковного имущества, то оно погибло: либо королями и городскими властями было взято в казну, либо знатными людьми присоединено к наследственному имуществу, а совсем недавно король по необходимости приказал приписать его к Дерпту и другим крепостям для того, чтобы его сохранить. Поэтому нужно обдумать, а ваша милость вынесет решение, каким образом облегчить совесть католиков, как избавить священников от затруднений для успешного ведения дела и как легче открыть путь к сердцу ливонцев. Конечно, они не легко расстанутся с этим [имуществом], и

оно будет удерживать в ереси очень многих. Поэтому то, что я предлагал вашей милости при первом моем возвращении из Швеции, может быть, сейчас потребует нового обсуждения. Ведь эти люди во время столь продолжительных войн претерпели гибель детей, родителей и имущества и еще должны в какой-то мере претерпеть; поэтому нужно пойти на уступку и дать надежду знатнейшим людям, которые захотели бы помочь делу обращения других людей, что они займут по отношению к ним правовое положение патрона, если они назначат кого-нибудь из своих, кто бы, получив духовный сан, искренне стал служить католической церкви, и взяли бы на себя, каждый по своим возможностям, обязательство содержать определенное число своих подданных в католических семинариях или в школах для обучения бедных.

Что касается гарнизонов солдат — эта вещь в высшей степени достойна обсуждения (ведь они существуют для того, чтобы дать сильный и решительный отпор схизматику московиту и другим еретикам, зарящимся на столь лакомый кусок). Я умоляю ваше святейшество мудростью, дарованной господом, разрешить сомнение, нужно ли принять какое-нибудь более определенное и полезное решение. Ведь король (а светлый ум — его достоинство) легко поймет, что его благополучие и благополучие его подданных зависит от вашей милости. Святые таинства он принял не по принуждению, но достойным образом, увещевания о том, чтобы для содержания его солдат-католиков или тех, кто католиками становятся, законным порядком было позволено приписать то же [церковное] имущество, примет благосклонно и с любовью. Можно надеяться, а его величество это понимает, что это благодеяние не позволит укрепиться царству сатаны там, откуда царство христово, то есть церковь, получила силы и поддержку. Так как католическая религия распространена на довольно обширном пространстве, нужно надеяться, что в будущем многие добровольно отдадут то, что захватили. Это будет делаться понемногу, что никогда не случилось бы, если предположить, что в первую очередь стали бы домогаться преходящих благ, а не имели целью славу божью.

Что касается выведения католической колонии, о чем я уже упоминал, то на это нужно обратить самое пристальное внимание, чтобы о нашем времени не сказали так: «Пока в Риме советуются, Сагунт взят»[52]. Ведь даже в то время, когда я пишу, еретики спешно стараются привезти в эту провинцию своих людей. Поэтому еще и еще нужно решить на деле, а не путем долгих рассуждений, кого именно, каким образом и с помощью кого нужно привезти из числа католиков. Об этом я довольно подробно писал светлейшему кардиналу ди Комо перед своим отъездом в Трансильванию, а теперь самым почтительным образом довожу до сведения вашей милости.

Видимо, нужно написать письма к светлейшему герцогу баварскому, к которому я собираюсь отправиться, и, я уверен, мне станет понятным, насколько большое значение будут они иметь у этого лучшего из государей.

В Валлисе, находящемся в пределах Италии[53], где я думаю (если позволят другие дела) побывать, есть мастера и ремесленники, ко-

торые как колонисты имеют обыкновение переселяться в различные провинции. Среди них можно сделать своего рода набор католиков. Вообще нужно вывезти какого-нибудь книготорговца или лучше типографа, также врача, кроме того, если можно будет, некоторых итальянских купцов. К ним можно присоединить итальянских священников или тех, кто наряду с немецким знают и итальянский язык. Это не будет очень громоздким делом, если подумать, что обычно посылают многотысячные армии солдат, которые, переправляясь через моря, стремятся в отдаленнейшие области. Купцы же при незначительной затрате средств объезжают весь мир. И, конечно, полезнее и надежнее вкладывать деньги в подобного рода предприятия, чем во многое другое, что апостольский престол (хотя и руководствуясь наилучшими намерениями) пытался осуществить, но не всегда добивался цели. Кроме этих, Ливонии понадобится по крайней мере еще 20 других священников, часть которых должна помочь при учреждении нового епископата при митрополичьей церкви и для установления правильного богопочитания. А если они с самого начала покажут себя с наилучшей стороны и не присоединятся к брожению, остальные церкви будут формироваться, взяв за основу их пример; в противном случае, несомненно, вся постройка, начатая сверху, немного погодя рухнет.

Из этих 20 священников двое могут отдать свои силы виленской семинарии, где будут учиться, а выучившись, учить других. Остальные пусть едут через Ливонию и Курляндию, направляясь в самые отдаленные области. Вызванных же из германской коллегии или еще откуда-нибудь можно будет воодушевить и наставить за один месяц, чтобы они ревностно и разумно исполняли взятые на себя обязанности.

Между тем я не скрою от вашей милости своего желания, уже не нового, но которое растет изо дня в день. А именно: в городе Эльбинге в Пруссии живет много англичан, которые постоянно поддерживают связи через море со своими соплеменниками. Некоторые также со своего острова [Британии] ежегодно приплывают в Ригу и вообще на все побережье Ливонии. Кроме того, по Ледовитому океану каждый год к Петрову дню к северному побережью Московии приходят четыре английских корабля, на которых англичане привозят свои товары, а увозят московитские: меха и прочее. А эта назойливая английская королева не перестает стремиться всякого рода хитростью и уловками укрепить дружбу с польским королем, а также завязать связи со шведским королем, к которому часто засылает своих посланников. Там, где не может через своих людей, через посредство других по капле вливает этот свой яд в каждый королевский двор (как это ей свойственно), что позволяет запустить корни глубже, чем вообще подобает. Поэтому я умоляю ваше святейшество обдумать, не пришло ли время присылать на это поле боя некоторое количество наиболее зрелых учеников из английских семинарий, расположенных в Риме и Реймсе. Ведь в тех областях, которые я назвал, они могут находиться с определенной пользой для дела и, может быть, под нашим руководством управлять виленской семинарией, при этом они (так как нравы их скромны) не испугаются неудобств, что случается с некоторыми; результат же скажется не только в одной Англии: они будут добры-

ми наставниками, если придется пролить кровь во имя Иисуса Христа, так как, конечно, божественная мудрость потребует при установлении столь больших новшеств крови мучеников, без чего невозможно очищение. Я уже не говорю, как много пользы принесут распределенные при дворах северных государей некоторые молодые люди этой национальности собственным благочестивым примером или как противоядие ложным слухам, распространенным лазутчиками. Они придут на помощь своим или, наконец, тронут души королей, чтобы можно было восстановить в Англии правильное богопочитание либо при жизни этой женщины, либо после ее смерти, используя просьбы многих людей, или, может быть, иные средства.

Если же вызвать кое-кого из испанцев или тех, кто содержится там на средства вашего святейшества, они смогут быть полезнее в другом месте христианской республики, если будут присланы в здешние области. Священной наградой за этот труд будет для вашей милости полная радость на земле, они же на небесах удостоятся светлых венцов.

Что касается типографии, то ее нужно основать либо в Вильне, либо в Кракове, чтобы там издавать книги на самых различных языках и рассылать оттуда в Венгрию, Трансильванию, Литву, Россию, Ливонию и Московию, а также на часто происходящие в польском государстве ярмарки, а ваша милость снабдит [типографии] деньгами или в виде дара, или заимообразно. Это окажется чрезвычайно полезным и совершенно необходимым во всех отношениях: никакими пушками, никаким другим самым большим арсеналом север и восток не будут завоеваны быстрее. Если сейчас в Кракове и есть некоторые типографы, они обычно еретики, которые всё заполняют бранью, причем они очень деятельны. Есть и другие, столь бессильные по своей природе и вялые, что едва ли одна какая-нибудь книжонка выходит из их рук за год.

Привозить книги из Кёльна, Венеции и Франции очень дорого (я уже не говорю о реках и прочих опасностях пути), так что невозможно порой за 1000 золотых купить и трех сотен книг. Боясь этого, большинство людей не приобретает хороших книг, не распространяет их, в то время как любой еретик, который едва ли много богаче, по наущению сатаны осмеливается приискивать типографии и оттуда рассылать книги повсюду.

К этому можно добавить, что в Кракове издаются латинские и польские книги, но необходимо, чтобы это делалось на другом наречии и другими буквами, если мы хотим, чтобы столь многочисленные попытки вашей милости принесли наибольшую пользу христианской республике.

По вдохновению свыше случилось, что по поручению вашей милости на деньги, полученные от апостольского престола, здесь уже изготовлены типографские знаки почти для всех языков, из которых легко изготовить много свинцовых знаков, называющихся матрицами, как для русских, московитов, валахов и болгар, так и для всей Персии и других отдаленных областей и других народов. А что об этом до сего времени не позаботились, я сам увидел в Московии, так как

свод Флорентинского собора не принес нам никакой пользы. Если впоследствии дело изменится, московитам, которые по необходимости приезжают в Ливонию и Литву для торговли мехами, можно будет помочь книгами, а тем русским и другим столь же многочисленным молодым людям, лишенным знания книг и истинного благочестия, будет дано в руки оружие, с помощью которого они повсюду будут обращать своих родителей и родственников.

В самой Ливонии, в Дерпте, Ревеле, Эстонии, Риге и других местах простой народ пользуется литовским языком, а к этому языку католики никогда не обращались, пренебрегая им.

То, что нужно издать на шведском языке, очень важно сделать в Ревеле, где много шведов и финнов, чтобы оттуда оказывать помощь шведскому королевству, ведь шведский король, захватив несколько крепостей у московита, послал в Россию, чтобы вызвать оттуда священников, которые исповедуют веру по греческому образцу. Так еретики и схизматики не отказываются ни от каких попыток, чтобы истинную церковь сделать как бы изгнанницей.

Для типографского дела, я надеюсь, будет достаточно 4 тысяч золотых.

Если ваше святейшество соблаговолит, когда дело разрастется, отдать их на другое святое дело или самим семинариям, можно будет самым строгим образом проследить за тем, чтобы оно исполнялось.

Что же касается остального, имеющего отношение ко всей деятельности, то она такова, как я уже писал вашей милости в книге «Московия», откуда также можно будет извлечь кое-что, способствующее распространению божественного богопочитания в Ливонии.

Да ниспошлет господь вашей милости долгую жизнь во славу его имени, да пошлет ему бестрепетных работников, с помощью которых плоды столь большого поля, уже готового для жатвы, будут собраны в хранилищнице господа Иисуса Христа.

В Бартуе[54], в границах Венгрии. 30 марта 1583 г.

КОММЕНТАРИИ

МОСКОВИЯ

КНИГА I

Важнейшим историческим сочинением Поссевино является «Московия». Трактат состоит из нескольких, различных по характеру частей: описательная часть представляет собой две книги (комментарии) в виде посланий к папе Григорию XIII. В «Московию» также входит дипломатическая переписка, связанная с событиями 1581—1582 гг., запись бесед о религии и протоколы Ям-Запольского перемирия.

Первое издание «Московии» было осуществлено в 1586 г. (Possevini A. Moscovia. Vilnae, 1586). Затем издавалась в Кёльне в 1587 и 1595 гг., в Антверпене — в 1587 г., в 1592 г.— в Ферраре в переводе на итальянский язык, а также в сборнике Старчевского Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. II. Berl.— Petr., 1842, p. 275—366. Далее — Historiae Ruthenicae... Отдельные части трактата создавались в разное время. Первую книгу под назавнием «О делах московских, относящихся к религии» сам Поссевино датирует 29 сентября 1581 г. Что касается второй книги, то она написана позже. Исследователь Поссевино иезуит Павел Пирлинг считает, что она была написана в 1584 г. (Pierling P. La Russie et le Saint-Siège, v. II. Paris, 1897, p. 230. Далее — Pierling P. La Russie...). Однако высказывания самого Поссевино позволяют уточнить датировку. В трактате «Ливония», законченном 30 марта 1583 г., Поссевино дважды упоминает о «Московии» как о сочинении уже завершенном, причем ссылается именно на вторую книгу. Такое уточнение датировки заставляет пересмотреть положение Пирлинга о том, что «Московия» — сочинение, созданное в полемике с польским историком Гейденштейном (Гейденштейн Р. Записки о московской войне. Спб., 1884). «Записки о московской войне» Гейденштейна были закончены в 1584 г. (по некоторым сведениям в 1585 г. См.: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVI вв. Л., 1978, с. 169). Известно, что Поссевино был недоволен выходом в свет сочинения Гейденштейна, так как, по его мнению, оно недостаточно полно освещало роль святого престола и лично Поссевино при заключении Ям-Запольского перемирия (Pierling P. La Russie.., v. II, p. 232).

Можно предположить, что появление книги Гейденштейна заставило Поссевино поторопиться с изданием в 1586 г. уже написанной «Московии».

При работе над «Московией» Поссевино пользовался различными источниками, как письменными, так и устными. В особой записке он перечисляет эти источники (напечатана в ДАИ, с. 20—22). К письменным источникам относятся книги о России Герберштейна, Гваньини, Кобенцеля, Джовио, Кампензе, письма и инструкции пап Льва X, Климента VII, Пия V, Григория XIII при снаряжении посольств в Москву, донесения послов польского короля Сигизмунда Августа, побывавших в России, выписки из русских архивов, сделанные Поссевино в Старице. Устные источники: беседы со Стефаном Баторием в Вильно, Дисне и Полоцке, со шведским королем Юханом III, с бывшим послом императора Максимилиана Кобенцелем в Граце, с русским посланником Истомой Шевригиным, переводчиками Поплером и Паллавичино, с флорентийским купцом Джованни Тедальди и др. (Поссевино беседовал с Тедальди 11, 12 и 13 июля 1581 г. в Дисне, куда этот 78-летний флорентийский купец приехал из Гданьска, где жил постоянно. Запись этих бесед Поссевино отослал в Рим. Перевод и комментарии бесед с Тедальди см.: Шмурло Е. Известия Джованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного.— ЖМНП, 1891, № 5—6, с. 122—134). Кроме того, во второй книге «Московии» Поссевино приводит список использованной им богословской литературы, касающейся вопросов «схизмы» (см. 70—71 перевода).

Содержание первой книги «Московии» под общим названием «О делах московских, относящихся к религии» далеко выходит за рамки чисто религиозных проблем.

Изложив сначала вопросы церковной иерархии, упомянув об обрядах русской веры, не совпадающих с католическими, Поссевино высказывает мысль, которую впоследствии положит в основу своего плана окатоличивания восточных областей Европы: русские чрезвычайно религиозны, но несведущи в вопросах религии, поэтому цель посланцев апостольского престола на первых порах — просветительская, они должны разъяснять догматы и обряды «истинной веры».

Поссевино предупреждает о трудностях, которые могут встретиться папским посланцам: русские почти не дают возможности общаться с иностранцами, поэтому здесь невозможна деятельность проповедников. Кроме того, в пограничные с Россией области проникла реформация и нужно очень опасаться ее влияния. Недостаточное знакомство русских с латинским и греческим языками заставляют думать об издании книг на русском (славянском) языке и об учреждении соответствующих типографий в западных областях России.

Поссевино формулирует здесь еще в первоначальном виде свой план вовлечения России в сферу влияния папского престола: «Нужно обучать народ языку, писать книги на их наречии и их буквами, издавать их в свет, в особенности если наши люди смогут обосноваться в Полоцке или Дерпте (если Ливония отойдет от московского князя), чтобы иметь возможность из безопасного места воздействовать на московитов». Это высказывание Поссевино, сделанное до начала Ям-Запольских переговоров, чрезвычайно важно для уяснения степени беспристрастности иезуита как посредника. В соответствии с планами идеологического воздействия на Россию папскому представителю выгодно было настаивать на переходе возможно большей территории Ливонии, в особенности ее крупных городов, к Польше. И далее Поссевино советует как можно скорее принимать практические меры: основать коллегии для русских в Вильне или Полоцке, наиболее способных учеников посылать в Прагу или Оломоуц. При этом Поссевино, инспектировавший по дороге в Россию иезуитские коллегии и семинарии в Богемии и Австрии и знакомый с характером образования в них, настаивает на изменении цели преподавания, он требует большего внимания к чисто практическим дисциплинам и более тщательного изучения современных языков, знание которых можно было бы применить в настоящее время. Коллегии должны иметь прочную материальную основу, в их распоряжение нужно отдать часть земель, принадлежавших ранее русской церкви.

В первом же комментарии, отдавая известную дань традиционной оценке национального характера русских, довольно распространенной в сочинениях иностранцев о России XV—XVI вв. и свидетельствующей о поверхностном знании русской истории, Поссевино говорит о беспрекословном, впитанном с молоком матери, повиновении великому князю. Однако он полемизирует с большинством иностранцев, писавших об этой «национальной черте» характера русских (например, с Герберштейном: «Этот народ находит более удовольствия в рабстве, чем в свободе».— Герберштейн С. Записки о московитских делах. Спб., 1908, с. 74, см. также у Гваньини в Historiae Ruthenicae.., v. I. Berl.—Petr., 1841, p. 24) и объясняет эту покорность самодержавным характером власти московского князя. Тем не менее эта традиция безоговорочного подчинения, по мнению иезуита, будет очень удобной, если Московия завяжет более тесные связи с Римом и подчинится его влиянию.

Поссевино интересуют многие подробности жизни русских: семья великого князя, ритуал приема послов, одежда царя и его сыновей, имущественные взаимоотношения царя и его подданных, некоторые обычаи. С особенным раздражением упоминает он об обычае великого князя мыть руки после приема послов.

Рассказывая об обрядах русской церкви, Поссевино подчеркивает, что их различие с католическими не столь существенно, чтобы могло помешать сближению церквей.

Иезуит советует не обольщаться надеждой привлечь Ивана IV королевским титулом, на что очень рассчитывал апостольский престол: «что касается королевского или цезарского титула, тот, кто сам себе их присвоил, ничего не хочет получать из другого места» (с. 32 перевода).

Поссевино предлагает пользоваться любым предлогом, чтобы засылать в Россию католиков. Для этого можно использовать венецианских купцов, тем более что московский государь обещает им беспрепятственный въезд в страну, а если заключенный мир окажется выгодным для поляков, они также не будут этому препятствовать.

В заключение Поссевино обращает внимание папы на южные и западные области Руси, находившиеся во власти польского короля. Объединение церквей можно начать именно с этих областей, пишет иезуит, предвосхищая идею Брестской унии. Это тем более удобно, что в Остроге и Слуцке есть типографии и школы, которые можно подчинить влиянию католиков.

Перевод I и II книг «Московии» выполнен по изданию: Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. II. Berl.— Petr., 1842, p. 275—308.

[1] Ошибка Поссевино, который принял за название города наименование Крутицкого монастыря — местопребывание владык древней сарайской, а позднее крутицкой епархии.

[2] Первым митрополитом, избранным без утверждения константинопольским патриархом (в 1449 г.) был рязанский епископ Иона.— См.: Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 134.

[3] Имеется в виду Максим Грек (Михаил Триволис) (1470—1556), ученик итальянских гуманистов, последователь Савонаролы, затем монах Ватопедского афонского монастыря. В 1518 г. по просьбе Василия III прибыл в Россию для исправления переводов церковных книг. На соборах 1525 и 1531 гг. был осужден за отступление от православия, осуждение поставления русских митрополитов без утверждения константинопольским патриархом и за изменнические сношения с Турцией. В 1551 г. освобожден и переведен на жительство в Троице-Сергиев монастырь, где и умер в 1556 г. См. о нем: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 155—243; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 267—299; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

Обвинение Максима Грека в изменнических сношениях с Турцией в какой-то мере основывается на свидетельстве Поссевино. Комментируемый отрывок в переводе С. А. Аннинского выглядит так: «Несмотря на энергичные настояния турецкого императора, он так и не мог освободиться от заключения» (Смирнов И. И. К вопросу о суде над Максимом Греком.— Вопросы истории, 1946, № 2—3, с. 103). В латинском же тексте: «ne acriter quidem urgente Imperatore Turcarum», т. е. высказывание имеет противоположный смысл (см. с. 21 перевода).

[4] См.: Кобенцель И. О Московии.— ЖМНП, 1842, XXXV, № 7—9, с. 137.

[5] Неверное утверждение Поссевино. Обычай объезжать епархии существовал и в русской православной церкви.

[6] Ср. у Герберштейна: «По смерти супруги священник совершенно отрешается от исполнения служения. Если же он живет целомудренно, то может наряду с прочими низшими служителями церкви принимать участие в обеднях и других богослужениях как служка в хоре» (Герберштейн С. Записки о московитских делах. Пер. А. И. Малеина. Спб., 1908, с. 42. Далее — Герберштейн С. Записки... См. также: Кобенцель И. Указ. соч., с. 136).

[7] Не как дьяконы, а как псаломщики или иподьяконы.

[8] Ср. у Кобенцеля: «Братия, или монахи, все живут по чину Василия Великого» (Кобенцель И. Указ. соч., с. 136).

[9] «Московитском», то есть киевском, князе Владимире. Слово «московит» (Moscus) у Поссевино и у многих других авторов XVI в. употребляется в широком значении «русский».

[10] Ср. у Герберштейна: «... протягивая руку послу римской веры, государь считает, что протягивает ее человеку оскверненному и нечистому, и потому, отпустив его, тотчас моет руки» (Герберштейн С. Записки.., с. 206).

[11] Поссевино имеет в виду шапку Мономаха.

[12] То есть во время чтения кафизмов.

[13] В первом браке у Ивана IV было шестеро детей: три сына (Дмитрий, Иван, Федор) и три дочери (Анна, Мария, Евдокия).— Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978, с. 359.

[14] Мария Нагая — седьмая жена Ивана IV, пятая «законная» супруга, так как с Анной Васильчиковой и Василисой Мелентьевой царь не был связан церковным браком. С точки зрения католика Поссевино, этот последний брак не мог считаться браком в церковном смысле слова.

15 Царевичу Ивану Ивановичу на самом деле было тогда 27 лет.
16 Пострижены были Евдокия Сабурова и Параскева Соловая.
17 Истома (Фома) Леонтий Шевригин, русский посланник, отправленный в 1580 г. в Рим к папе Григорию XIII с целью добиться посредничества папского престола при заключении мира между Иваном IV и Стефаном Баторием, находился в ранге гонца (а не великого посла): «...и мы посылаем молодого паробка Истому Шевригина, потому что для войны было добра сына боярского нельзя послати».— ПДС, т. X, с. 298; Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 114. Далее — Описи царского архива... О Шевригине — см.: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. Л., 1980, с. 192—195; Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981, с. 25—27.
18 Врач фламандец, анабаптист — Иоган Эйлоф. См.: Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России. М., 1890, с. 215. Горсей также упоминает о враче Johannes Slof. Другим врачом был Роберт Якоби, присланный из Англии королевой Елизаветой в 1581 г. Русские называли его Романом Елизарьевым (Описи царского архива.., с. 116). Может быть, этим и объясняется то, что Поссевино называет его итальянцем, римлянином. См.: Рихтер В. История медицины в России, т. I. М., 1814, с. 293—300.
19 Канцелярием (канцлером) Поссевино называет Андрея Щелкалова, думного дьяка, одного из ближайших помощников Ивана IV в последние годы правления.
20 По некоторым свидетельствам, при Иване IV были разрешены протестантские церкви. См.: Горсей Е. Путешествие Е. Горсея. М., 1907, с. 24—35; Письмо Паули (из свиты герцога Магнуса) от 1 мая 1576 г.; Fechner A. V. Chronik der evangelischen Gemeindem in Moskau, Bd. I. M., 1876, S. 89—92.
21 Поссевино со слов флорентийского купца Тедальди знал о полемике Ивана IV с протестантским пастором Рокитой. См.: Шмурло Е. Известия Джованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного.— ЖМНП, 1891, № 5—6, с. 130.
22 Иван IV только обещал дать разрешение католикам хоронить умерших по католическому обряду: «...и которые торговые и всякие люди папины и венеты сюды в государство приехав помрут и тех на Москве похоронять по римскому обычаю папы римского закону с теми вместе, которые немцы ныне римского закону кладутца на Москве, в котором месте им место на то устроено».— ПДС, т. X, с. 182.
23 Имеются в виду переговоры Василия III в 1526 г. о перемирии с королем Сигизмундом I, в которых принимал участие Герберштейн — посол австрийского эрцгерцога Фердинанда, автор известного сочинения о России. На переговоры был приглашен и папский прелат Джан Франческо ди Потенца (епископ Скаренский — «Иван Френчюшко», как именуется он в Посольской книге 1525—1526 гг.). Посольская книга 1525—1526 гг. не дошла до нас, но в документах о приезде Поссевино сохранились выписки из нее, сделанные Андреем Щелкаловым по приказу царя в связи с приездом иезуита.— Описи царского архива.., с. 24; Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912, т. I, с. 316—332.
24 Паоло Джовио (Павел Иовий Новокомский), известный итальянский историк (умер в 1558 г.), автор многочисленных сочинений: «История своего времени», «Похвала знаменитым мужам» и др. Ему же принадлежит сочинение «О московском посольстве», составленное по сведениям, полученным от русского посланника Дмитрия Герасимова, находившегося в Риме в 1526 г. (См.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974, с. 8). Перевод этого сочинения см. в кн.: Герберштейн С. Записки.., с. 252—275; прим. 18 к II книге «Московии».
25 Термином «славянский язык» Поссевино обозначает язык южнославянских областей Балканского полуострова. «Славянином» он называет Дреноцкого, уроженца Загреба.
26 Имеется в виду один из спутников Поссевино, Дреноцкий. Кроме него Поссевино сопровождали: иезуит Паоло Кампани (Павел Кампанский), схоластик Андрей Модестин, богемец по происхождению, и коадъютор миланец Микель Мориено.
27 Флорентинский собор (1439 г.) принял решение об объединении католической и православной церквей.
28 Буллу Евгения IV в переводе на русский язык см.: Лопарев Х. М. Описание рукописей императорского общества любителей древней письменности. Спб., 1892.
29 Имеются в виду переводчики Посольского приказа. В латинской транскрипции их

имена выглядят так: Jacobus Saborovius, Johannes Bucovius, Christophorus Cajevius. Заборовский впоследствии был приставлен к посольству Якова Молвянинова, а затем исполнял обязанности секретаря при великих послах Троекурове и Безнине в Польше в 1586 г.— Описи царского архива.., с. 128.

30 Ср. у Герберштейна: «Простой народ и слуги по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от работы есть дело господское» (Герберштейн С. Записки.., с. 62).

31 Ср. у Герберштейна: «Они весьма редко допускают женщин в храмы» (Герберштейн С. Записки.., с. 62).

32 См.: Герберштейн С. Записки.., с. 64.

33 ПСРЛ, т. IV, с. 303—304; а также: Макарий. История русской церкви, т. VIII, Спб., 1877, с. 22—23.

34 Донатисты — религиозное течение в IV—V вв., вызвавшее раскол в западной церкви. Названо по имени епископа Доната, считавшего, что признак истинной веры заключается в личном совершенстве ее служителей. Осуждено на соборах в Риме, Карфагене, Арле.

35 Христофор (Кшыштоф) Дзержек — посланец Стефана Батория к Ивану IV.

36 На переговорах в Старице в августе 1581 г. иезуиту было сказано: «А церквам римским в нашем государстве быти не пригоже потому, что до нас прежде того обычая не было...» (ПДС, т. X, с. 130—131).

37 См.: Седельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде. — Доклады АН СССР, 1929, вып. 1; а также: Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России. М., 1890, с. 132.

38 Царский титул использовался в русских дипломатических документах еще с 70-х годов XV в. См.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений. М., 1980, с. 102—104.

39 Сергий Родонежский, основатель Троице-Сергиева монастыря, умер в 1392 г.

40 Тридентский собор (1545—1564 гг.) подтвердил догматы католической веры и утвердил авторитет пап в противовес распространившейся в Европе реформации.

41 Запись бесед Поссевино с Иваном IV в Старице, сделанная иезуитом и отосланная в Рим с П. Кампани, по словам Пирлинга, утеряна. Pierling P. La Russie.., v. II, p. VII. Русские источники не подтверждают этих высказываний Ивана IV.

42 Здесь Поссевино в первоначальном кратком виде формулирует свой план окатоличивания России, что чрезвычайно важно для понимания позиции Поссевино во время переговоров. Иезуит был заинтересован в том, чтобы возможно большее число ливонских городов отошло к Польше, так как они могут сыграть роль плацдарма для будущего идеологического наступления на Россию.

43 Марк, митрополит Эфесский (умер в 1450 г.), представитель иерусалимского патриарха на Флорентинском соборе, ревностный противник унии восточной и западной церкви, защитник православия.

44 Андреа Овиедо (1518—1577) — иезуит, в 1554 г. был послан в Абиссинию как миссионер, канонизирован (как и Лойола) в 1623 г.

45 Франциск Ксаверий (Франсуа Ксавье), чрезвычайно активный иезуитский миссионер XVI в. в Индии и Японии, впоследствии причисленный к лику святых. Его канонизация произошла одновременно с канонизацией Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов.

46 Григорий XIII в письме к нунцию Лаурео в мае 1577 г. предложил найти нескольких способных мальчиков 12—18 лет из состоятельных семей, которые, пройдя курс в греческой (афанасьевской) коллегии в Риме, вернулись бы обратно. Было завербовано трое юношей из западных областей России. Их в июне 1578 г. нунций отправил в Рим вместе с Поссевино. См.: Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI—начала XVII вв. Казань, 1898, с. 485.

47 Иезуиты почти не заботились об образовании народных масс и открытии начальных школ, так как ордену необходимо было привлечь на свою сторону в первую очередь влиятельных лиц. Ученики иезуитских школ — обычно дети аристократии, шляхты, состоятельных горожан. См.: Харлампович К. Указ. соч., с. 22.

48 Поссевино согласно данной ему в Риме инструкции должен был склонить венецианцев к более оживленным торговым связям с Москвой, чтобы таким путем создать своего рода торговую колонию в Москве и использовать купцов для пропа-

ганды католицизма среди русских. См.: Дахнович С. Иезуит Антоний Поссевин.— Тр. Киев. духовной академии, 1865, с. 135.

49 Оратор — должностное лицо в Венецианской республике, докладывающее сенату о наиболее важных делах.

50 Московские митрополиты, живя в Москве, часто именовали себя киевскими, что и могло ввести в заблуждение Поссевино.

51 Поссевино формулирует здесь в первоначальном виде программу Брестской унии 1596 г. Подобные мысли о необходимости слияния православной и католической церквей в юго-западных областях России высказал еще до его приезда в Польшу польский иезуит Петр Скарга в сочинении «О единстве церкви божьей», посвященном князю К. К. Острожскому. Там же он говорит: «Нужно иметь русские школы, пересмотреть русские книги, послать к русским ученых, которые показали бы им заблуждения веры, а также собрать небольшой собор».— Scarga P. O jedności kościoła Bożego. Warszawa, 1590, p. 8; см. также: Макарий. История русской церкви, т. IX. Спб., 1879, с. 371; Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795 гг.). Минск, 1971, с. 58—66.

52 Кроме известной типографии князей Острожских Поссевино упоминает здесь также о типографии в Слуцке, что представляет собой уникальное известие, так как в других источниках нет упоминания о слуцкой типографии. См.: Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979, с. 66.

53 Бор, или Борок,— деревня в 20 км от Новгорода.

54 Это не день Михаила Архангела, который у католиков и у православных отмечается 8 ноября, а день Михаила Гарганского — 29 сентября. См.: Добиаш-Рождественская О. А. Культ св. Михаила в латинском средневековье. Пг., 1917, с. 56—57, 195, 199. Из Старицы Поссевино выехал 14 сентября.

КНИГА II

Вторая книга «Московии» гораздо более обширна по объему, чем первая, и состоит из 19 отдельных глав.

Если в первом «комментарии» Поссевино в основном освещает вопросы религии и намечает планы идеологического наступления на Россию, то вторая книга посвящена описанию самой Московии, ее внешней и внутренней политики, городов, крепостей, обычаев и пр.

Уже в начале книги автор отмечает две стороны внешней политики России: укрепление позиций на востоке, взятие Казани и Астрахани и стремление обеспечить выход к Балтийскому морю. Причины неудач русских в Ливонии он видит в чрезвычайной растянутости фронта военных действий, в использовании только внутренних ресурсов (великий князь не пользуется солдатами-наемниками), в постоянной угрозе со стороны крымских татар, в недавно случившемся моровом поветрии, а также в казнях знатных людей.

Поссевино перечисляет наиболее значительные города русского государства (Москва, Смоленск, Новгород, Псков, Вологда, Ярославль и др.). Москва, по его мнению, имеет не больше 30 тысяч населения, так как еще не оправилась от пожара 1571 г. и моровой язвы. В Смоленске, Новгороде и Пскове — по 20 тысяч жителей. Тем не менее, пишет иезуит, русский царь может вывести в строй по крайней мере трехсоттысячное войско. Особое внимание в книге уделено характеру военных укреплений русских крепостей, чему посвящена отдельная глава. Наиболее подробно описывает он укрепления Пскова, свидетелем осады которого он был.

Поссевино отмечает необыкновенную стойкость защитников крепостей: никто из них не щадит ни сил, ни жизни, даже женщины принимают участие в защите города. Русские мужественно переносят холод и голод: «... оставшиеся в живых защитники, хотя чуть дышали, держались до последнего момента, беспокоясь лишь о том, чтобы не сдаться осаждающим» (с. 46 перевода).

Особое место во второй книге «Московии» занимает глава «Другие силы московского князя», в которой содержится наиболее богатый материал, характеризующий внутреннее состояние русского государства. Поссевино говорит о могуществе великого князя, об обширных пространствах земель, ему подвластных, о его богатой казне, хранящейся в трех местах: Москве, Ярославле и на Белом озере, отмечает единоначалие власти Ивана IV.

Обращает он внимание и на состояние экономики русского государства. Крестьяне задавлены работой, так как кроме обычной отработки для своего господина пла-

тят подати и великому князю. Для учета всех доходов существует целая административная система не только в самой Москве, но и в других областях русского государства. Пошлины невелики, поэтому иноземным купцам выгодно завязывать торговые отношения с Россией, тем более что великий князь очень им покровительствует и даже содержит их на свой счет. Английские купцы уже давно имеют самый свободный доступ в Россию через Северный Ледовитый океан и Вологду.

В особой главе Поссевино описывает ближайших советников московского князя и характер наместничества в русских городах и крепостях.

Его очень интересует семья великого князя. Убийству царевича Ивана Поссевино даже посвящает отдельную главу. Эта часть второй книги особенно интересна, ибо русские источники говорят об этом драматическом событии довольно глухо. («Того же году (7090) преставися царевич Иван Иванович в Слободе». — ПСРЛ, т. IV, с. 320; «Ноября 19 преставися царевич Иван Иванович на утрени, и лет его 28». — Летопись занятий археографической комиссии, вып. 3 (1864). Спб., 1865, с. 6).

Несколько более подробно об убийстве царевича говорят иностранные источники, причем Гейденштейн (Historiae Ruthenicae.., v. II, p. 253—256) и Одерборн (Ibidem, p. 165) приводят сходную версию: царевич Иван стремился возглавить войско под Псковом, чем и вызвал гнев великого князя. Сведения об этом событии они получили от русских пленных, содержавшихся в Польше (см.: Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени. Спб., 1867, с. 488. Далее — Коялович М. О. Указ. соч.).

Другую версию Поссевино записал со слов иезуита Дреноцкого, находившегося при московском князе во время отсутствия Поссевино. Он очень живо описывает ссору великого князя с сыном, его убийство и глубокую скорбь отца, но при этом пишет, что в этом событии он увидел «дивную милость божественного провидения и справедливости», так как оно способствовало смягчению нрава великого князя и облегчило переговоры с ним (с. 50 перевода).

Поссевино подробно описывает ритуал приема иностранных послов, его пышность и великолепие. Однако обширная свита, отмечает иезуит, способ не допустить общения иностранцев с русскими. Во время пребывания в Москве Поссевино и его спутники не имели даже возможности выйти из дома. Далее он говорит о рангах русских послов, о их функциях, а также рассказывает о переговорах в Киверовой Горке, отмечая при этом щедрость русских послов, взявших на себя заботу о содержании Поссевино и его сопровождения. Подробно рассказывает он о посольстве Якова Молвянинова в 1582 г., которое сопровождал из Москвы в Рим.

Описывая характер русского князя и его отношение к религии, иезуит говорит: «Что касается схизмы, трудно поверить, насколько он ей предан. Он считает ее приемлемой на вечные времена. Мало того, он скорее что-нибудь к ней прибавит, чем убавит» (с. 63 перевода).

В соответствии с планом папской курии привлечь Ивана Грозного к антитурецкому объединению Поссевино останавливается на взаимоотношениях Москвы с татарами, в особенности с крымскими, главными противниками русских, и Турцией.

Поссевино рассказывает об обнадеживающих событиях 1569 г., когда русские нанесли поражение турецкой армии под Астраханью. Кстати, русский царь и турецкий султан — достойные соперники, так как «это единственные правители в мире, которые держат своих людей в прямом повиновении, и поэтому они самые могущественные» (с. 65 перевода). В случае крестового похода против неверных русская армия оказалась бы чрезвычайно действенной силой (с. 65 перевода). Не нужно забывать и о другой стороне — продвижении католических миссионеров в глубь Азии. В этом отношении Московия будет очень удобным местом для распространения католицизма.

Поссевино снова возвращается здесь к своему плану окатоличивания России, высказаному еще в первой книге: нужны католические коллегии для обучения юношества, типографии, распространение книг. Нужно, чтобы посланцы Рима, уезжая из России, «оставляли себе открытыми ворота для возвращения».

Поссевино советует снаряжать в Москву небольшое посольство и в подходящий для этого момент, иначе «будет больше блеска и шума, чем пользы для дела» (с. 68 перевода). Иезуит в деталях разрабатывает планы такого посольства: указывает, сколько должно быть послов, какого возраста, национальности, сколько нужно взять с собой переводчиков, в чем будут заключаться их функции, а также обязанности врача при посольстве, и т. д. Поссевино перечисляет книги, которые должен

иметь посол: наряду с сочинениями отцов церкви — книги с более конкретным содержанием, трактующие вопросы «схизмы», в том числе сочинения краковского каноника Сакрана, иезуита Петра Скарги, польского богослова Соколовского и др. На светские книги Герберштейна, Кампензе, Гваньини полагаться не стоит, так как они содержат много ошибок в освещении религиозных вопросов.

Далее следуют чисто практические советы послу: какие подарки везти в Москву, как одеваться, какие вещи брать с собой, как соблюдать посты и пр.

В заключение Поссевино приводит полный титул Ивана IV, которым посол должен именовать его в письмах.

[1] Первая поездка к московскому князю состоялась 18 августа — 14 сентября 1581 г. Поссевино был принят царем в Старице.

[2] При дворе великого князя оставались Стефан Дреноцкий и Микель Мориено. См. прим. 26 к I книге «Московии».

[3] Ошибка Поссевино. Иван IV родился в 1530 г.

[4] «Черкесами» Поссевино называет народы Северного Кавказа и Закавказья.

[5] На самом деле войну с Персией 1578—1590 гг. вел не турецкий султан Селим II (1566—1574), а султан Мурад III (1574—1595):

[6] Ныне Дербент.

[7] Ошибка Поссевино. Попытка в 1560 г. обратить Кабарду и близлежащие области в христианство, для чего туда были направлены представители русского духовенства, не увенчалась успехом. См.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, с. 27. Сведения о черкесах-христианах Поссевино получил от Тедальди. См.: Шмурло Е. Известия Джованни Тедальди о России времен Ивана Грозного.— ЖМНП, 1891, № 5—6, с. 128.

[8] Иван IV в 1566 г. вступил в брак с дочерью кабардинского князя Темгрюка Идаровича — Кученей, принявшей при крещении имя Марии (умерла в 1569 г.). См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 234—235.

[9] Имеется в виду основание Сунжинского городка на Тереке в 1567 г. «Для городового дела князя Ондрея княже Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими людьми, да и наряд, пушки и пищали с ними в Черкесы послал, а велел на Тереке-реке Темгрюку князю по его челобитью город поставити».— ПСРЛ, т. XIII. Спб., 1904, с. 407. С подобной же просьбой кабардинский князь Канбулат обращался к царю и в 1578 г. См.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889, с. XXXVII.

[10] Сведения о характере черкесов Поссевино получил от Тедальди. — ЖМНП, 1891, № 5—6, с. 128.

[11] Описи царского архива.., с. 104.

[12] Неверная оценка событий 1502 г. См. прим. 29 к «Ливонии».

[13] Речь идет о «Московском посольстве».

[14] Эти представления о вооружении русских взяты, видимо, у Герберштейна: «Обыкновенное оружие у них составляют лук и стрелы» (Герберштейн С. Записки.., с. 75). На самом деле, уже с конца XIV в. в русском военном обиходе широко распространяется огнестрельное оружие. См.: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 77—101.

[15] Ср. у Герберштейна: «Климат страны до такой степени здоров, что люди не запомнят, чтобы свирепствовала какая-нибудь зараза» (Герберштейн С. Записки.., с. 101).

[16] ПДС, т. X, с. 316.

[17] Альберто Кампензе (Альберт Кампенский), автор сочинения «О делах московских» (Библиотека иностранных писателей о России, т. I, отд. III. Спб., 1836). Составил свое повествование на основании сведений, полученных от итальянских купцов, бывавших в России, а также от отца и брата, долгое время живших в России. Ряд сведений заимствовал из «Трактата о двух Сарматиях» М. Меховского. См.: Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в.— В кн.: Проблемы международных отношений. Л., 1972, с. 249; а также: Шаркова И. С. Заметки о русско-итальянских отношениях XV—первой трети XVI в.— Средние века, 1971, № 34, с. 207.

18 Дмитрий Герасимов («Митя Малой») — русский дипломат и переводчик, учился в одной из ливонских школ, где изучил латинский и немецкий языки. Вместе с Максимом Греком принимал участие в переводе церковных книг. М. Грек переводил с греческого на латинский, Д. Герасимов — с латинского на русский. В 1526 г. выполнял дипломатические поручения в Риме. На основании его рассказов П. Джовио составил свой трактат «О московитском посольстве». Существует мнение, что Д. Герасимов — автор перевода письма Трансильвана о путешествии Магеллана. См.: Казакова Н. А. Западная Россия в русской письменности XV—XVI вв. Л., 1980, с. 141—145; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 358—359.

19 Имеются в виду татарский набег и сожжение Москвы в 1571 г.

20 То есть Кремль и Китай-город.

21 Кремлевская стена построена в 1485—1495 гг. Руководители постройки — Антонио и Марко Фрязины, Пьетро Солари и Алевиз Фрязин. Стена Китай-города выстроена в 1534—1538 гг. Петроком Малым Фрязиным.

22 См.: Строков А. А. и Богусевич В. А. Новгород Великий. Л., 1939, с. 161.

23 См.: Алешковский М. Х. Псков. Военно-оборонительные сооружения.— В кн.: Достопримечательности псковской земли. Л., 1973, с. 104—126.

24 Поссевино был свидетелем нескольких таких неудачных штурмов Пскова.— Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова). Пер. О. Милевского. Псков, 1882, с. 114—118, 208, 216. Далее — Дневник последнего похода...

25 См.: Косточкин В. В. Древние русские крепости. М., 1964, с. 63—74.

26 Русские монеты времени Ивана IV чеканились обычно из серебра, причем сырьем для чеканки монет служили главным образом серебряные талеры, распространившиеся в Западной Европе с конца XVI в. Золотые монеты чеканились только в качестве наград воинам и широкого хождения не имели. См.: Векслер А. Г., Мельникова А. С. Московские клады. М., 1973, с. 90—92.

27 Ошибка Поссевино. По-видимому, он имеет в виду присоединение Пскова в 1510 г. и войну с Литвой, закончившуюся в 1522 г. Неправильные сведения о войне Василия III с Ливонией и Ганзой Поссевино взял у Джовио. См.: Иовий П. Книга о московитском посольстве, с. 276.— В кн.: Герберштейн С. Записки.., с. 65. Сведения о повозках, груженных золотом, см.: Кобенцель И. Указ. соч., с. 149. и Кампензе А. Указ. соч., с. 22.

28 Поссевино путает здесь Симеона Касаевича, крещеного казанского царя Едигера, умершего в 1565 г. (См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 2. Спб., 1864, с. 2), с Симеоном Бекбулатовичем. Симеон Бекбулатович, хан касимовский, крещеный татарин, которого Иван IV наделил титулом «великого князя всея Руси». «Процарствовал» в Москве около 2 лет, затем был отослан Иваном IV, давшим ему в удел Тверь и Торжок. Коломной ни один из них не владел. См.: Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович.— Из истории Татарии, вып. IV. Казань, 1970, с. 141—164.

29 О положении крестьян см.: Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, с. 11—88.

30 Ср. у Тедальди: ЖМНП, 1891, № 5—6, с. 128.

31 Поссевино полемизирует здесь с распространенной у иностранцев версией о врожденной покорности русских. См.: Герберштейн С. Записки.., с. 74.

32 Порт св. Николая — гавань в устье Северной Двины. Сюда обычно приставали купцы из английской «Московской компании».

33 В приведенном Поссевино перечне членов Ближней думы трое Мстиславских, Н. Р. Юрьев и дьяки Щелкаловы представляли земщину, В. Я. и Н. Я. Бельские, В. И. Зюзин, И. П. Татищев, Б. В. Воейков и М. А. Безнин принадлежали ко «двору». См.: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975, с. 67.

34 Иван Федорович, два сына его — Федор и Василий (а не Семен) — Мстиславские.

35 Никита Романович Юрьев-Захарьин, брат царицы Анастасии, наместник новгородский.

36 Андрей Щелкалов. См. прим. 19 к I книге «Московии».

37 Василий Щелкалов, думный дьяк; он, как и брат его Андрей Щелкалов, впервые именовались «дьяки великого государя ближния думы».

[38] Богдан Яковлевич Бельский, наместник ржевский, оружничий великого князя московского, любимец царя в последние годы. Участвовал в Ливонской войне, принимал участие в сватовстве Ивана IV к Марии Гастингс, воспитатель царевича Дмитрия; позднее играл значительную роль при царе Федоре; сторонник Годунова, затем перешел на сторону Лжедмитрия I; позже сослан в Казань.

[39] Ошибка Поссевино — не Василий Иванович, а Василий Григорьевич Зюзин, родом из Литвы, думный дворянин, наместник суздальский.

[40] Игнатий Петрович Татищев, думный дворянин с 1582 г.

[41] Баим Васильевич Воейков, думный дворянин с 1579 г.

[42] Михаил Андреевич Безнин-Нащокин, думный дворянин с 1573 г. В 1578—1579 гг.— воевода в Кореле, в 1580 г.— воевода «в большом полку» под Великими Луками. Принимал участие в Ям-Запольских переговорах. В 1583 г. послан в Смоленск для размена пленных. В 1586 г. вместе с Троекуровым — посол к Стефану Баторию. Впоследствии, после пострижения в монахи в 1586 г. видный хозяйственно-административный деятель Иосифо-Волоколамского монастыря. См.: Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина. М., 1977, с. 155—160.

[43] Петр Иванович Головин, казначей, наместник тульский.

[44] Стефан Дреноцкий. См. прим. 26 к I книге «Московии».

[45] Женская одежда того времени обычно состояла из двух сорочек: нижней (рубашка) и верхней (платье), и телогреи. Верхняя сорочка (платье) была одеждой чисто домашней, показаться в ней перед посторонними людьми, особенно перед мужчинами, считалось очень неприличным. См.: Забелин И. Домашний быт русских цариц. М., 1901, с. 515—516.

[46] Елена Шереметева. См.: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975, с. 235.

[47] О смерти царевича Ивана см.: Лихачев Н. П. Дело о приезде Поссевина. Спб., 1903, с. 181—193.

[48] «А государь и бояре были в смирном платье, в багровых и черных шубах для того, что в ту пору государя царевича князя Ивана в животе не стало».— ПДС, т. X, с. 265.

[49] После казни конюшего Ивана Петровича Челяднина в 1567 г. должность эта при дворе Ивана Грозного оставалась незанятой.

[50] Имеется в виду турецкий купец Ахмед Челеби.— Описи царского архива.., с. 98.

[51] См.: Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI—XVII столетиях. Серг. Посад, 1914, с. 142.

[52] См.: Герберштейн С. Записки.., с. 192—219.

[53] На самом же деле смоленскому епископу Сильвестру было приказано: «... а будет станет проситься к тебе в церковь соборную, ты б сему велел отказать, что ему у тебя в церкви быти не вместно и от нас к тебе в том указу нет».— ПДС, т. X, с. 386. В Смоленске произошел курьез: переводчик Поссевино перепутал «обед» с «обедней» и приглашение на трапезу принял за приглашение на богослужение.— ДАИ, с. 392.

[54] Речь идет о событии 4 марта 1582 г. См.: «Третью беседу о религии великого князя московского» (с. 84—87 перевода).

[55] Capita, quibus Graeci et Rutheni a Latinis in rebus fidei dissenserunt.— Historiae Ruthenicae.., v. II, p. 316—322.

[56] Речь идет о ростовском архиепископе Давиде. «Лета 7092 прийде из Риму от папы посол к Москве к государю о вере и егда собрашися вмести ежи бы против папина посла дати ответ, тогда ростовский архиепископ Давид ересь свою объяви. Государь же, дав ответ, папина посла отпусти. Потом же Давида ересь его изобличив, посла в монастырь под начал дондеже в чувство прийдет». Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. 9. Спб., 1892, с. 239; Скрынников Р. Г. После опричнины. Л., 1975, с. 89.

[57] «... а пришлет до него Государь своих ближних людей Остафья Михайловича Пушкина да Федора Андреевича Писемского, да диака Посника Сулдешева».— ПДС, т. X, с. 264.

[58] «... и февраля в 14 день папин посол к Москве, приехал, а стоял в Китай-городе на крестьянском на Иванове дворе Серкова».— ПДС, т. X, с. 259.

[59] В Рим были отосланы I книга «Московии», законченная 29 сентября 1581 г., и донесение от 28 апреля 1582 г., изданное впоследствии под названием «Московское посольство».

[60] Имеется в виду «Московское посольство».

[61] См. прим. 2.

[62] В латинской транскрипции эти имена выглядят так: Sunebul, Chufara, Kudear, Miroslaw, Kuroedow.

[63] В Оломоуце и Праге находились наиболее значительные коллегии иезуитского ордена.

[64] Папский нунций в Польше Болоньетти писал по этому поводу совсем иное: «Поссевин вредит репутации своего ордена, проявляя жадность к деньгам и подаркам. Доходы его значительно превосходят расходы, в особенности от продажи дорогих мехов в Вильне и тех, что он повез с собою якобы для продажи в Германии и которые в самом деле вывез в Италию».— Россия и Италия, т. 2. Спб., 1913, с. 351.

[65] Паоло Кампани.

[66] См.: Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1972, с. 15—16, 33, 85.

[67] Место, где происходили переговоры о мире между Россией и Речью Посполитой с 15 декабря 1581 г. по 15 января 1582 г.

[68] Состав русского посольства: «... отпустил Государь своих послов — дворянина своего и наместника кашинского Дмитрия Петровича Елецкого да дворянина своего и наместника козельского Романа Васильевича Олферьева да диака своего Басенка Верещагина, да подъячего Захарья Свиязева».— ПДС, т. X, с. 258, а также: Описи царского архива.., с. 68, 71.

[69] Жалобы русских послов часто имели основания. Так, посольство Якова Молвянинова на протяжении почти всего пути от Польши до Рима испытывало большую нужду в «корме» и средствах передвижения.— ПДС, т. I, с. 860, 865—866 и др.

[70] Яков Семенович Молвянинов и Василий Тишина были отправлены в 1582 г. в Рим вместе с Поссевино. Переводчиком был Яков Заборовский.— Описи царского архива.., с. 63, 115.

[71] Переводчики в посольстве Шевригина: Вильгельм (Федор) Поплер, выходец из Ливонии, и миланский купец Франческо Паллавичино, которого Шевригин, нуждаясь в итальянском переводчике, нанял в Любеке. На обратном пути из Рима в Каринтии (в г. Филлахе) Поплер в ссоре убил Паллавичино.— ПДС, т. X, с. 334—335.

[72] То есть посольстве Якова Молвянинова.

[73] Речь идет о прибытии германского императора Рудольфа II в Аугсбург в конце июня 1582 г.

[74] Этот эпизод, которому Поссевино придавал такое большое значение, русский посланник Молвянинов не счел столь важным, чтобы включить в свой отчет о посольстве.— ПДС, т. I, с. 841—906.

[75] Лоретто, город в итальянской провинции Анкона, известный почитанием лореттской божьей матери.

[76] Загородной резиденции папы.

[77] См.: ПДС, т. I, с. 841—906.

[78] В статейном списке говорится так: «... и Яков пришед к папе, поклонился близко ноги, а в ногу не целовал.., а подьячий Тишина по тому же папе поклонился близко, а в ногу не целовал же».— ПДС, т. I, с. 883.

[79] Легенда о происхождении русских царей от Прусса появилась значительно раньше начала Ливонской войны. См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

[80] Имеются в виду переговоры 1576 г., когда в Москве были послы императора Максимилиана II Кобенцель и Даниил Принц (Буховский).

[81] Гуситы — последователи Яна Гуса, возглавившего широкое реформационное и национально-освободительное движение в Чехии в XV в.

[82] Ересь Нестория — религиозное течение V в., получило название по имени константинопольского патриарха, считавшего, что в Христе представлены две раздельные сущности, человеческая и божественная; армяне же придерживались учения монофизитов.

[83] Видимо, речь идет о Джованни Тедальди, с которым Поссевино в Дисне беседо-

вал перед отъездом в Россию.— ЖМНП, 1891, № 5—6, с. 122—134.

84 В 1569 г. у Астрахани. См.: Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 249.

85 Этот проект, который Поссевино приписывает Ивану IV, на самом деле принадлежал туркам, точнее, великому визирю Селима II Магомету Соколи, задумавшему это стратегическое мероприятие для того, чтобы облегчить турецкому войску дорогу на Астрахань. См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв.— Учен. зап. МГУ, вып. 94. М., 1946, с. 100—101, 111—112.

86 После поражения под Астраханью (сентябрь 1569 г.) крымский хан повел турецкие войска к Азову через Кабарду по безводной дороге. См.: Смирнов. Н. А. Указ. соч., с. 114.

87 То есть Магомет Соколи. См. выше, прим. 85.

88 Кардинал Мороне — папский легат в Рейнсгейме (Германия) в 1576 г. См.: Пирлинг П. Россия и папский престол, т. I. Спб., 1912, с. 426—429.

89 Имеется в виду Рудольф Кленхен (Кленке), доктор теологии. В 1576 г. кардинал Мороне по поручению папы Григория XIII готовил его для посольства в Москву (цель посольства — соединение церквей и совместная борьба против турок). Умер Кленхен в 1578 г. См.: Пирлинг П. Россия и папский престол, т. I, с. 428—431.

90 Не совсем точные сведения. Джованни Франческо Мацца Канобио (а не Алессандро, как пишет Поссевино) в 1561 г. был послан папой Пием IV в Москву с целью пригласить русское духовенство принять участие в Тридентском соборе, но не был пропущен польским королем Сигизмундом. Любопытно, что ошибка в имени (Алессандро вместо Джованни Франческо) встречается в сочинении о «царевиче Димитрии», изданном в 1605 г. в Венеции неким Бареццо Барецци. См.: Пирлинг П. Из Смутного времени. Бареццо Барецци или Поссевино? Спб., 1902, с. 205—221.

91 Виченцо дель Портико — папский нунций в Польше в 1570 г. Папа Пий V намеревался послать его к московскому великому князю с предложением вступить в антитурецкую лигу. Впоследствии папа изменил свое решение под предлогом «жестокости московита». Пирлинг П. Россия и папский престол.., т. I, с. 403, 416. Слухи о жестокости московского князя появились в большой степени под влиянием рассказов Альберта Шлихтинга, только что вернувшегося из Москвы после семилетнего плена. См.: Шлихтинг А. Новое сказание о России времени Ивана Грозного. Пер. А. И. Малеина. Л., 1934. Письмо и инструкцию папы Поссевино читал перед отъездом в Россию.— ДАИ, с. 20. См. также: Лихачев Н. П. Письмо Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреве. Спб., 1906.

92 Андреа Калигари — папский легат в Польше в 1579 г.

93 См. прим. 17.

94 Имеется в виду переводчик Поссевино Андрей Полонский (Аполлонский), умерший во время переговоров в 1581 г. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 421.

95 См. прим. 55.

96 Здесь Поссевино перечисляет сочинения богословов, где трактуются вопросы «схизмы»:

Фома Аквинат (1225—1274) — крупнейший католический философ.

Лев IX (1049—1054) — известен спором с константинопольским патриархом Керуларием, в котором настаивал на подчинении византийского патриарха Риму.

Ансельм (1033—1109) — философ схоластик, епископ кентерберийский в Англии.
Николай I — римский папа (856—867).

Умберто Ценоманский — кардинал и легат папы Льва XI в Константинополе.

Иоанн Туррекремата — католический богослов, автор «Толкования псалтыря».

Никита Пекторат (Стифат), XI в., монах студийского монастыря в Константинополе. Написал трактат, направленный против установлений римской церкви.

Геннадий Схоларий — константинопольский патриарх (1453—1459), вместе с императором Иоанном II Палеологом принимал участие еще как светское лицо (член Государственного совета) во Флорентинском соборе. Схоларию приписывали сочинения, в которых высказывалась католическая точка зрения на религиозные догматы и обряды. Именно эти сочинения и имеет в виду Поссевино. Сакран — краковский каноник, известен как автор книги «Объяснение ошибок русской веры», изданной в Кракове в 1500 г. Сандерс Николас (1527—1582) — английский богослов, был изгнан из Англии Елизаветой, жил в Руане. Ему при-

надлежит сочинение «О происхождении и развитии английской схизмы».

Франциск Туррианский (Торрес) (1504—1584) — иезуит, богослов, принимал участие в издании библии на греческом языке в Ватикане.

Скарга Петр — польский иезуит, в орден вступил в 1569 г. в Риме, проповедник при Сигизмунде III, ректор виленской иезуитской коллегии; требовал подчинения светской власти власти духовной, т. е. короля — папе. Раздувал религиозную нетерпимость в Польше и Литве; один из авторов Брестской унии 1596 г. См. прим. 51 к I книге «Московии».

Соколовский — проповедник при Стефане Батории.

Беллармин Роберт (1542—1621) — кардинал, иезуитский богослов, в своих сочинениях в систематическом порядке изложил догматы католической веры. Наиболее известное его сочинение «Рассуждения о контроверсиях христианской веры против еретиков нашего времени» (1576 г.).

97 Иоган Фабр (1479—1531) — доминиканец, впоследствии ставший венским епископом. Составил трактат «О религии московитов» по рассказам Ивана Федоровича Ярославского и Симеона Борисовича Трофимова, русских посланников, возвращавшихся из Испании, куда были посланы в 1525 г., и останавливавшихся в Тюбингене. Перевод трактата см.: Отечественные записки, 1826, № 70 и 75.

98 См. прим. 17.

99 Гваньини Александр (1538—1614) — итальянец знатного происхождения, уроженец Вероны, прибыл в Польшу в 1561 г. как военный инженер, в 1569 г. получил польское подданство. Был в войске Ходкевича, участвовал в походе Батория на Полоцк, Великие Луки, Псков. С 1569 г. по 1587 г. — комендант Витебска. В 1578 г. в Кракове было издано его большое сочинение «Описание европейской Сарматии», где приводятся исторические и литературные сведения, часто неточные, о Польше, Литве, Ливонии, России. Пользовалось большой популярностью в Европе. Стефан Баторий отослал эту книгу, в которой описывается жестокость московского царя, самому Ивану IV (См.: Коялович М. Указ. соч., с. 36). Текст сочинения см. в Historiae Ruthenicae.., v. I, p. 3—48.

100 Новгородок Ливонский, крепость на границе Псковской области и Ливонии. Взят русскими в 1558 г. В 1582 г. перешел к Польше.

101 См. «Московское посольство».

102 Кардинал ди Комо (Птоломео Галли), секретарь папской курии при папе Григории XIII, ведавший внешнеполитическими делами.

103 Ср. с написанием титула в русских документах: «Великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси владимирский, московский, ноугородский, царь казанский, царь астраханский, государь псковский, великий князь смоленский, тверскии, югорскии, пермскии, вятцкии, болгарскии и иных» (Успенский Ф. И. Наказ царя Ивана Васильевича князю Елецкому со товарищи. Одесса, 1885, с. 11).

БЕСЕДЫ О РЕЛИГИИ

Беседы о религии, включенные в «Московию», своего рода отчет Поссевино об исполнении религиозной миссии в Москве. Иван IV долго уклонялся от обсуждения религиозных вопросов под тем предлогом, что споры о вере помешают укреплению дружественных связей между Москвой и Римом: «... мы о том говорити не хотим для супротивных слов, что вам за досаду наши речи, и мы для того и говорити не хотим, чтобы розна меж нас с папою за то и гневу не было и любовь бы наша, что почалась меж папы Григория с нами, тем не порвалася» (ПДС, т. X, с. 302). Тем не менеее диспуты о вере состоялись 21, 23 февраля и 4 марта. Поссевино, надеясь на свой талант опытного проповедника, думал в публичной дискуссии разбить доводы «московитов», не искушенных, по его мнению, в богословии. Поссевино сделал запись этих бесед, но внес в нее только то, что считал нужным. Интересно сравнить эту запись с русскими источниками (ПДС, т. X, с. 298—326). Поссевино представляет беседы с русским царем как своего рода проповедь, прерываемую изредка возражениями Ивана IV, которые иезуит легко опровергает. Судя же по русским источникам, Иван IV взял инициативу в диспутах в свои руки, обвиняя «наместника бога на земле» в неуважении к святыням: «... в том в первом нашей вере хрестьянской будет рознь: в нашей вере хрестьянской крест Христов на врага победа и поклоняемся ему ... у нас того не ведетца крест ниже пояса носити» (ПДС, т. X, с. 303),

в гордыне и забвении апостольских заповедей, поражая иезуита знанием священного писания и обширными цитатами из него. В конце диспута Грозный в ответ на многоречивые доводы иезуита в гневе сказал: «Который папа не по христовому учению и не по апостольскому преданию почнет жити, и тот папа волк есть, а не пастырь». Поссевино в своих записях из соображений дипломатии выпускает последние слова и пишет о продолжении диспута, в то время как в русских источниках значится: «И посол Антоней и престал говорити, коли деи уж папа волк, мне что уж и говорити» (ПДС, т. X, с. 307—308).

Запись бесед о религии убедительно свидетельствует о поражении, которое потерпел искушенный в тонкостях европейской дипломатии иезуит, столкнувшись с твердой позицией русского царя в религиозной политике.

Перевод выполнен по изданию: Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. II. Berl.—Petr., 1842, p. 308—316.

1 «...и тебе, Антонью, о вере с нами не говорити, чтоб нашему делу с папою порухи в нашей ссылке о любви не было».— ПДС, т. X, с. 299.

2 «Яз у государя хочю быти не наедине, в том государева воля кого у себя оставит бояр и ближних людей».— ПДС, т. X, с. 226.

3 «...а в избе государь оставил у себя бояр и дворян сверстных и служилых князей ... а стольников и дворян выслать велел».— ПДС, т. X, с. 298.

4 В русских посольских делах говорится: «Коли будет вера одна и церковь одна греческая с римскою совокуплено будет вместе, а ты, великий государь, будешь с папою с Григорьем, и с цесарем с Руделфом и все государи и в любви и в соединенье и ты, великий государь, не токмо будешь на прародительской вотчине в Киеве, но и во царствующем граде государем будешь, а папа и цесарь и все государи великие о том будут старатца».— ПДС, т. X, с. 300.

5 «Ты, Антоней, говорить хочешь и ты на то от папы прислан, а и сам еси поп и ты потому и говорить дерзаеш, а нам без рукоположенья митрополича и всего освещенного совету Собора не уметь говорити. Нам с вами не сойдетца в вере, наша вера хрестьянская из давных лет была себе, а римская церковь была себе».— ПДС, т. X, с. 301.

6 «...который папа не по христовому ученью и не по апостольскому преданью почнет жити, и тот папа волк есть, а не пастырь».— ПДС, т. X, с. 307.

7 Русские источники говорят о прекращении диспута, Поссевино же говорит о его продолжении и о возражениях Ивана IV, которые в русских источниках изложены раньше этих слов иезуита.— ПДС, т. X, с. 302—307.

8 «...и папа не Христос, а престол, на чем папу носят не облак, а которые носят его, те не ангелы — папе Григорью не подобает Христу подобитись и сопрестольником ему быть».— ПДС, т. X, с. 306—307.

9 «...папа Григорей сидит на престоле, а целуют его в ногу в сапог, а на сапоге у папы крыж, а на крыже распятие Господа бога нашего и только так ино пригожее ль дело?» — ПДС, т. X, с. 302.

10 На эту цитату из священного писания (Библия. Исайя, 49, 22; 49, 33) любили ссылаться иезуиты еще со времен Лойолы: так как их орден носит имя Иисуса, то его почитание должно переноситься и на членов ордена.

11 Геннадия Схолария. См. прим. 96 к II книге «Московии».

12 Ошибка Поссевино. Храм Успения пресвятой богородицы, т. е. Успенский собор, имеет не семь, а пять куполов.

13 Храм Иоанна Лествичника.

14 В русских же источниках: «...в церковь государь иду и смотрети чину церковного хочу».— ПДС, т. X, с. 324.

15 Иван IV сказал по этому поводу: «Называешься учителем и сказываешь, что пришел еси учити, а ты и того не знаешь, что говоришь... Коли не ведаешь, ино яз тебе скажю, что митрополит на обедне руки умыв да тою водою очи свои просвещает рукою, да и мы тою водою очи свои просвещаем.

...и то преобразование страсти господни, что при страсти своей Господь Иисус Христос руки свои умыл и очи свои помазал и то есть преобразование страсти Господни, а не почесть митрополича, и папин посол Антоней тому ответа не дал».— ПДС, т. X, с. 324.

16 В русских источниках: «и как папин посол Антоней с приставы пошел к Пречи-

стой и похотел итти тотчас в церковь, не дожидаясь государского приходу и Остафей Пушкин со товарыщи его поуняли, чтоб он подождал государя... а Антоней начал сердитовати, а ждати государя не похотел, а хотел ехати себе на подворье».— ПДС, т. X, с. 326.

[17] «...и он бы не пригожево дела не делал, не хочет в церковь ити, и он бы не ходил, то на его воле и он бы шел к ответу в ответную палату к боярам».— ПДС, т. X, с. 326.

[18] На самом деле, в то время как Поссевино считал, что его пытаются заманить в русский храм, у епископа смоленского Сильвестра лежала грамота от митрополита Дионисия с выписками из соборных правил: «Яко не даяти еретикам входити в дом божий, пребывающим в ереси» и со строгим наказом без особого царского указа Поссевино в храмы не пускать.— Тр. Киев. духовной академии, 1865, с. 239—240.

[19] Здесь Поссевино, вероятно, передает какие-то слухи о судьбе убитого митрополита Филиппа и, возможно, намекает на уход в отставку митрополита Антония, предшественника Дионисия.

ПИСЬМА В «Московию» включена дипломатическая переписка, связанная с событиями 1581—1582 гг. (47 писем). Эпистолярная часть дает много конкретных сведений о ходе переговоров, воссоздает общую картину положения дел в Ливонии, помогает лучше понять роль Поссевино — арбитра Ям-Запольского перемирия.

Письма Поссевино, ставившего целью возможно скорее закончить дела перемирия и приступить к основной, религиозной, миссии в России, характеризуют всю двусмысленность и неискренность его политики.

Если, обращаясь к Баторию, Поссевино говорит о трудностях, возникших у поляков в ходе военных действий, то в письмах к Ивану IV он использует весь свой талант опытного казуиста, чтобы убедить Грозного отказаться от «чрезмерных» притязаний на Ливонию: польский король, вступая на престол, дал клятву освободить Ливонию. Поэтому, если часть ливонских земель останется у русских, неизбежно возобновление войны. Псков не взят поляками лишь потому, что это послужило бы препятствием к заключению перемирия. Что касается того, что войско Батория состоит из людей различных национальностей, польский король сделал это из желания сохранить в неприкосновенности силы своего королевства. Польское войско находится в русских областях, поэтому сельская местность в Польше не разграблена, так что мощь польского государства все время возрастает. Поссевино пишет в Москву о прибытии в польский лагерь под Псков новых отрядов солдат с большим запасом пороха и ядер, в то время как сами поляки жаловались на ничтожные запасы пороха и незначительное подкрепление (150 солдат-шотландцев). — Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова). Пер. О. Милевского. Псков, 1882, с. 174, 177. Далее — Дневник последнего похода...

Письма к шведскому королю Поссевино использует как предлог, чтобы напомнить Юхану III о своем пребывании в Швеции и «поставить в пример» великого князя далекой Московии, якобы чрезвычайно расположенного к святому престолу и уже почти склонившегося к католичеству. Переписка Поссевино с Замойским проливает свет на его взаимоотношения с польским канцлером. Ян Замойский, получивший образование в Италии, знаток языков и древностей, бывший ректор академии в Падуе, оставил несколько писем, написанных, вероятно, в походных условиях и стилистически не отделанных (с. 116—117, 121—123, 137—138 перевода). Поссевино издал эти письма в «Московии» в таком виде и этим навлек на себя неудовольствие канцлера. Впоследствии Поссевино оправдывался тем, что все документы были опубликованы с разрешения Батория, но сделал он это лишь после смерти польского короля (P i e r l i n g P. La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1897, v. II, p. 233). Перевод выполнен по изданию: Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. II. Berl.—Petr., 1842, p. 339—366.

[1] Папа Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи) (1572—1585), поддерживал католическую реакцию, снаряжал многочисленные миссионерские экспедиции в различные

страны; при нем в Риме основаны учебные коллегии: венгерская, греческая, английская, армянская и др., отданные на откуп иезуитам, с которыми папа поддерживал самые тесные отношения. При Григории XIII были проведены исправления мартиролога, канонического права и календаря (григорианский календарь).

2 «С печатью рыболовства».— ПДС, т. X, с. 71. Signum Piscatoris — особый перстень, обычно находившийся у папы, иногда у его секретаря; им запечатывались папские бреве. См.: Лихачев Н. П. Письмо папы Пия IV к царю Ивану Грозному. Спб., 1906, с. 59.

3 Русский текст письма см.: ПДС, т. X, с. 80—85.

4 См.: Григорович И. Переписка пап с русскими государями в XVI в. Спб., 1834.

5 Византийский император Иоанн II Палеолог (1425—1448), принимал участие во Флорентинском соборе, настаивал на соединении церквей.

6 Русский текст письма см.: ПДС, т. X, с. 88—89.

7 Русский текст письма см.: ПДС, т. X, с. 89—90.

8 Письмо ошибочно адресовано великой княгине Анастасии (Романовой), умершей в 1560 г. Русский текст письма см.: ПДС, т. X, с. 85—86.

9 При опубликовании этого письма в «Московии» Поссевино несколько сократил текст и внес некоторые стилистические изменения. Такая переработка писем, выпускаемых в свет, характерна для Поссевино. Латинский текст см. также: Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do roku 1690. Berl.—Pozn, 1864, t. I, p. 346—348. Далее — Relacye...

10 См. прим. 71 к II книге «Московии».

11 Германский император Рудольф II (1576—1612).

12 Условия мира, предложенные Баторием Ивану IV см.: Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени. Спб., 1867, с. 250—251.

13 Дисна — крепость неподалеку (ок. 50 км) от Полоцка. Из Вильно в Дисну Поссевино ехал вместе с канцлером Яном Замойским.— Дневник последнего похода.., с. 24.

14 Русский текст писем см.: ПДС, т. I, с. 835—841.

15 Шевригин из Праги отправился в Любек, минуя Польшу, оттуда морем в Россию (ПДС, т. X, с. 334). Маршруты русских послов зависели от отношений с соседними странами. После Ям-Запольского перемирия до 1599 г. русские послы проезжали через территорию Речи Посполитой. См.: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности. Л., 1980, с. 189.

16 О письмах Шевригина см.: Лихачев Н. П. Дело о приезде Поссевина. Спб., 1903, с. 154—162.

17 Василий Замесский (Амасский), исполнявший при Поссевино должность переводчика, русский по происхождению, член иезуитского ордена. Ему принадлежит сочинение на русском языке (извлечение из Геннадия Схолария о Флорентинском соборе), напечатанное в 1581 г. в виленской типографии. См.: Макарий. История русской церкви, т. IX. Спб., 1879, с. 421, 425.

18 Василий Герибин (Heribun). Поссевино в своей записке об источниках «Московии» упоминает о продолжительных беседах в течение шести дней с Василием Герибиным, знатным русским, которого польский король отрядил для сопровождения Поссевино от Полоцка до Орши. «Он в течение 6 лет содержался в Московии как пленник. С божьей помощью обращен нами из русской веры в католичество».— ДАИ, с. 21.

19 Матвей Пжеворский — гонец Стефана Батория, доставил Ивану IV оскорбительное письмо польского короля от 2 августа 1581 г. и был задержан в Москве как пленник.

20 Латинский текст см.: Relacye.., t. I, p. 349—353.

21 Беседа состоялась 6 октября. «На совете у короля был Поссевин, которого русский князь называет «сивый папа». Должно быть, докладывал обо всём. Кроме сенаторов никого туда допущено не было».— Дневник последнего похода.., с. 119.

22 Белый Камень, ок. 100 км от Ревеля (Таллина). Взят русскими в 1573 г., захвачен шведами в 1581 г.— ПДС, т X, с. 151, 176, 204.

23 Никита Хвостов — начальник отряда, пытавшийся прорваться в Псков, был взят в плен с отрядом из 15 солдат 3 октября 1581 г. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 96—97, 100; ПДС, т. X, с. 250; Дневник последнего похода.., с. 146—147.

[24] Последних слов нет в русском тексте. Далее в русском тексте есть фраза: «Што хотя вжо не велми много в земли Ливонской городов маешь, чтоб и того без кровопролитья хрестьянского поступился еси».— ПДС, т. X, с. 250.

[25] Перемирие между Россией и Речью Посполитой было заключено 25 марта 1578 г. на 3 года, но в следующем же 1579 г. Стефан Баторий нарушил его, начав военные действия под Полоцком.

[26] Весной 1581 г. в Вильно русские послы Пушкин и Писемский вели переговоры о прекращении войны.

[27] Паоло Кампани.

[28] Далее опущен весь заключительный раздел письма, который есть в русском тексте, где Поссевино просит охранные грамоты для послов, упоминает о русских, скрывающихся в лесах, которым грозит смерть от холода или оружия польских солдат, о письмах, данных переводчику и гонцу Андрею Полонскому для ливонских людей, содержащихся в плену в Москве.— ПДС, т. X, с. 256.

[29] Шведский король Юхан III Ваза, бывший герцог финляндский. Был женат на Екатерине Ягеллон, сестре Сигизмунда II и польской королевы Анны.

[30] Поссевино дважды был в Швеции, в 1578 и 1579 гг. Цель поездок — борьба с реформацией в Швеции и возвращение короля в лоно католической церкви. Обе миссии не дали сколько-нибудь значительных результатов.

[31] В русских документах по этому поводу сказано: «Государь, царь и великий князь с сыном своим царевичем Иваном Ивановичем и с бояры приговорил с Свейским королем вместе с Литовским королём миритца не пригоже, а папину послу отказати».— ПДС, с. X, с. 186.

[32] По обычаю, шведский король мог вести переговоры с московским царем только через новгородских воевод. Шведский король считал этот обычай унизительным и всячески старался добиться прямых дипломатических сношений с Москвой. См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. VI. М., 1960, с. 497.

[33] Анна Ягеллон — королева польская, дочь Сигизмунда I, сестра Сигизмунда II и шведской королевы Екатерины.

[34] Имеется в виду Паоло Кампани.

[35] Текст письма см.: ДАИ, с. 49.

[36] См. прим. 103 к II книге «Московии».

[37] Захар Болтин — гонец («лёгкий гончик») великого князя московского.— ПДС, т. X, с. 73, 77.

[38] См.: Успенский Ф. И. Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищи. Одесса. 1885.

[39] Русский текст письма см.: Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581—1582 г. Одесса, 1887, с. 33—34. Латинский текст см.: ДАИ, с. 47—49, а также, Relacye..., t. I, p. 353—354.

[40] Второй гонец — польский шляхтич Ян Бенитцкий. См.: Успенский Ф. И. Переговоры о мире.., с. 35.

[41] Латинский текст письма см.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, т. I. Спб., 1841, с. 369—370; ДАИ, с. 53—54; Relacye.., t. I, p. 356—357; Успенский Ф. И. Переговоры о мире.., с. 39—40; Коялович М. О. Указ. соч., с. 433.

[42] Ян Замойский (1541—1605), великий гетман, главнокомандующий войска польского, канцлер; был ближайшим помощником Батория.

[43] Филон Кмита — один из деятельных военачальников Батория, ротмистр, староста оршанский, называвший себя также воеводой смоленским.

[44] См. прим. 17.

[45] Письмо это было написано 14 (а не 16) ноября. В «Московии» помещено с многочисленными стилистическими переделками и изменениями. Более точный текст см.: Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, т. II. М., 1843, с. 211—212; см. также: Успенский Ф. И. Переговоры о мире.., с. 37—39; Коялович М. О. Указ. соч., с. 375—377; ДАИ, с. 51.

[46] Польские послы: воевода браславский Януш Збаражский, литовский князь Альбрехт Радзивилл, секретарь посольства Михаил Гарабурда.

[47] Пристав Ян Бурба. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 379.

[48] Николай (Миколай) Зебжидовский — ротмистр, конюший королевы, подчаший;

впоследствии один из организаторов «рокоша» (бунта) против короля Сигизмунда III в 1606 г.

49 Имеется в виду Януш Збаражский.

50 Латинский текст письма см. также: ДАИ, с. 57—59; Коялович М. О. Указ. соч., с. 390—392; Relacye.., t. I, p. 359—361.

51 В феврале 1578 г. в Варшаве королевский сейм принял решение о возобновлении военных действий в Ливонии.

52 На самом деле наемные солдаты в войске Батория постоянно требовали уплаты жалования. Польский король по этому поводу вынужден был созвать 24 октября специальное собрание ротмистров, где говорил: «Товарищи ваши жалуются... я понимаю, войско не может служить без жалованья, но убеждаю вас терпеливо сносить это замедление».— Дневник последнего похода.., с. 195.

53 Имеется в виду взятие русскими Полоцка в 1563 г. и Пернова (Пярну) в 1575 г. при короле Генрихе Валуа.

54 Поссевино упоминает здесь о войне Ивана III с Новгородом в 1471—1478 гг.

55 Текст письма см.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 386—388; Relacye.., t. I, p. 361—363.

56 Поссевино, проезжая мимо Порхова с отрядом польских солдат, захотел поближе рассмотреть его укрепления. Русские сделали вылазку из города, чем очень напугали Поссевино.— ПДС, т. X, с. 554; Коялович М. О. Указ. соч., с. 383.

57 Ошибка Поссевино: не брат, а сын Андрея Безнина — Михаил Андреевич Безнин.— ПДС, т. X, с. 138; Коялович М. О. Указ. соч., с. 383.

58 См. предыдущее письмо от 7 декабря.

59 В наказе русским послам по этому поводу говорилось следующее: «А будет учнут послы или Антоней Посевинус говорить, а замиривать захотят Свейского короля, и послам то отговаривать о свейском у них ни в наказе нет, ни говорить им не наказано». Успенский Ф. И. Наказ.., с. 22.

60 Латинский текст письма см.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 384—386; Relacye.., t. I, p. 51.

61 Латинский текст письма см.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 383—384.

62 См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 379.

63 7 декабря Замойский устроил засаду у стен Пскова, в результате которой ему удалось захватить несколько русских солдат вместе с их начальником Петром Колтовским. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 381, 383; Дневник последнего похода.., с. 247—248.

64 Скортинский, секретарь канцлера Замойского. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 678.

65 Имеется в виду Василий Замесский (см. прим. 17).

66 Герцог Магнус, принц датский, сын Христиана III. Иван IV выдал за него свою племянницу Марию, дочь Владимира Старицкого, и назначил правителем Ливонии (1571 г.); в 1578 г. Магнус перешел на сторону Стефана Батория.

67 Ганс Бюринг, военачальник ливонского ордена, секретарь администратора Ливонии Ходкевича. Русские источники называют его «Иван Биринк».— ПДС, т. X, с. 223.

68 Это версия Поссевино. В действительности, захваченные в плен русские рассказывали о достаточном количестве продовольствия во Пскове.— Дневник последнего похода.., с. 215, 248.

69 На самом деле сейм чрезвычайно неохотно субсидировал военные походы Батория, и ему приходилось вкладывать как свои средства, так и делать займы у других лиц. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 144, 156 и др.

70 Замойский рассказывает здесь о поимке 12 декабря ротмистром Гроздецким русского гонца Юрия Пузикова, который утверждал, что едет с письмами царя к Поссевино, но возбудил подозрение, что послан в Псков. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 392—395, 531; Дневник последнего похода.., с. 251—252.

71 Латинский текст письма см.: ДАИ, с. 65; Коялович М. О. Указ. соч., с. 418—422; Relacye.., t. I, p. 368—371.

72 Подьячий Захар Свиязев.

73 Не посол, а дьяк при посольстве Никита (Басенка) Верещагин.

74 То есть Януш Збаражский.

75 Латинский текст письма см.: ДАИ, с. 68.

76 Станислав Жолкевский, коронный гетман; в 1606 г. принимал участие в польско-

шведской интервенции в Россию.
[77] Латинский текст письма см.: Relacye.., t. I, p. 371—372.
[78] Латинский текст письма см.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 427.
[79] Латинский текст письма см.: там же, с. 433—434.
[80] См. прим. 70.
[81] Латинский текст письма см.: Relacye.., t. I, p. 372—375.
[82] См. прим. 70.
[83] То есть Дреноцкий и Мориено. См. прим. 26 к I книге «Московии».
[84] Латинский текст письма см.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 452—453.
[85] Ян Пиотровский, гонец от Замойского, брат Станислава Пиотровского — автора «Дневника последнего похода Стефана Батория на Россию».— Дневник последнего похода.., с. 255—257.
[86] Автор «Дневника» так выражает отношение поляков к Поссевино: «Вообще этот ксёндз нам подозрителен, он хочет, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, он готов присягнуть, что московский князь сделается католиком. Он ни на грош не имеет у нас кредита, и мы склоняемся к убеждению, что он подослан со стороны Австрии» (с. 253). «Поссевину ни на грош не верим. Подозреваем, что он двуличная душа» (с. 257).
[87] Латинский текст письма см. Коялович М. О. Указ. соч., с. 464—467.
[88] Варшевицкий Христороф (Кшыштоф), польский писатель и политический деятель (1543—1603). Исполнял при Батории должность секретаря, в 1582 г. в качестве посла был в Швеции у Юхана III, с 1596 г.— каноник в Кракове. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 456, 466, 468, 470 и др.
[89] Печерский монастырь (ок. 40 км от Пскова) — с 20 октября 1581 г. по 24 февраля 1582 г. стойко выдерживал осаду польских, немецких и венгерских отрядов. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 124, 137, 138, 140; ПДС, т. X, с. 293.
[90] Фома (Thomas), переводчик при Поссевино. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 543—545.
[91] Латинский текст письма см.: ДАИ, с. 70; Коялович М. О. Указ. соч., с. 543—545.
[92] Имеется в виду православный владыка.
[93] См. прим. 48.
[94] Андрей Баторий, племянник польского короля, воспитанник иезуитской коллегии в Полоцке, впоследствии кардинал.
[95] Латинский текст этого письма в ДАИ датирован 23 января 1582 г.
[96] Понтус Делагарди, шведский военачальник, исполнявший также дипломатические поручения шведского короля Юхана III.
[97] Альбрехт Радзивилл (род. в 1558 г.), один из послов на Ям-Запольском съезде, сын Николая Радзивилла Чёрного, последователя кальвинизма. Под влиянием иезуита Петра Скарги в 1575 г. Альбрехт вместе с братьями Георгием и Станиславом принял католичество. См.: Макарий. История русской церкви, т. IX, с. 362.
[98] Латинский текст у М. Кояловича датирован 19 января 1582 г. См. Коялович М. О. Указ. соч., с. 601—602.
[99] Замойский просит Поссевино узнать у Ивана IV о его планах, касающихся крымских татар.— ПДС, т. X, с. 270—271.
[100] Латинский текст письма см.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 619, 622.
[101] При отправлении Поссевино в Швецию (в 1578 г.) ему были даны самые широкие полномочия: он был назначен апостольским легатом и викарием во всех северных странах.
[102] Альберто Болоньетти, папский нунций в Польше в 1581 г., относившийся к Поссевино очень неприязненно.— Россия и Италия, т. 2. Спб., 1913, с. 330—397.
[103] См. прим. 99.
[104] Гербест Бенедикт, иезуит, бывший одно время ректором ярославской иезуитской коллегии в Галиции. В 1586 г. издал на польском языке сочинение «Выводы веры костёла римского». См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 682, 686; Макарий. История русской церкви, т. IX, с. 421—422.
[105] Лоренцо Коньоло, посланец от шведского военачальника Понтуса Делагарди к Замойскому.
[106] Латинский текст письма см.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 683—684; Relacye.., t. I, p. 440—441.

107 Петр Пивов — русский гонец, не был допущен в Псков после заключения перемирия. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 684.
108 В польском лагере о смерти царевича Ивана узнали 25 декабря из письма польского ротмистра Иордана Замойскому. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 473.
109 Латинский текст письма см.: ДАИ, с. 386.
110 Несмотря на заключение перемирия, стычки между поляками и русскими происходили еще довольно долго. В Острове русские напали на сторожей, охранявших пушки и имущество польского короля, и убили несколько человек. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 686.
111 См. прим. 99.
112 Имеются в виду литовские купцы Мартин Мамонич, Витнвич и Якуш Максимов из Вильно. Они были задержаны в Москве на время военных действий.— ПДС, т. X, с. 287, 296, 308, 315, 316.
113 То есть Болоньетти. См. прим. 102.
114 Русский текст письма см.: ПДС, т. X, с. 351—355.
115 В русском тексте конкретный перечень: «с братом нашем Руделфом Цесарем, и с Францовским королем, и с Ишпанским королем, и с Англейскою королевою и с Дацким королем, и с Свейским королем».— ПДС, т. X, с. 354.
116 В русском тексте только: «велели взяти».— ПДС, т. X, с. 354.
117 Михаил Протопопов, сын боярский, гонец Ивана IV.— ПДС, т. X, с. 327; Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 77.
118 Исидор, митрополит, грек по происхождению. В 1437 г. по утверждению константинопольского патриарха назначен митрополитом в Москве; представлял русскую церковь на Флорентинском соборе 1439 г., признал унию католической и православной церквей. По возвращении в Москву был заключен в Чудов монастырь по обвинению в том, что предал русскую церковь; бежал в Италию; умер в сане кардинала.

ПРОТОКОЛЫ ЯМ-ЗАПОЛЬСКОГО ПЕРЕМИРИЯ

Протоколы Ям-Запольского перемирия представляют собой документальную запись переговоров о мире. Ценность их тем более велика, что велись они непосредственно на заседаниях и обрабатывались в тот же день. Русские же документы в виде отчета о Ям-Запольских переговорах (см.: Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581—1582 гг. Одесса, 1887) были составлены уже после возвращения послов в Москву.

Перевод выполнен по изданию: Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. II. Berl.—Petr., 1842, p. 47—84.

1 Христофор (Кшыштоф) Варшевицкий. См. прим. 88 к «Письмам».
2 Ошибка Поссевино. Вторым послом, официально не входившим в состав посольства, но принимавшим деятельное участие в переговорах, был Михаил Андреевич Безнин. См. прим. 42 к II книге «Московии».
3 Иван IV дал русским послам подробную инструкцию с перечнем городов и крепостей в Ливонии, которые они могли передать польской стороне. См.: Успенский Ф. И. Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому со товарищи. Одесса, 1885.
4 Первые два посольства: И. В. Сицкого и Р. М. Пивова в июле 1580 г. и Е. М. Пушкина и Ф. А. Писемского в марте 1581 г.
5 См. примечание 76 к «Письмам».
6 О задержке гонца Юрия Пузикова см. прим. 70 к «Письмам».
7 Ян Пиотровский. См. прим. 85 к «Письмам».
8 К 25 марта.
9 Гонорий и Аркадий, римско-византийские императоры начала V века. Гонорий управлял западной частью империи, Аркадий — восточной.

[10] Или Крещения — 6 января.
[11] К 15 августа. Троицын день в 1582 г. был 10 июня.
[12] Перемирную грамоту русских послов см.: ДРВ, ч. XII, с. 210—225.
[13] В латинском тексте — Voronecium, в русском — Уваровичи.— Там же, с. 219.
[14] В латинском тексте — Besichum, в русском — Вчич (Отчич).— Там же.
[15] В латинском тексте — Moszajcum, в русском — Мосальск.— Там же, с. 223.
[16] В латинском тексте — Dusna, в русском — Дегна.— Там же.
[17] В латинском тексте — Vrepejetum, в русском — Ужеперeть.— Там же.
[18] В латинском тексте — Sariam, в русском — Шуя.— Там же.
[19] В латинском тексте — Dorecziam, в русском — Поречье.— Там же.
[20] В латинском тексте — Radiszczuniam, в русском — Руды щучьи.— Там же.
[21] В латинском тексте — Vyszniévolocum, в русском — Бесна Бологa.— Там же.
[22] Далее в латинском тексте следует польская перемирная грамота (Historiae Rhutenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. II. Berl.—Petr., 1842, p. 71—76), которая представляет собой точную копию русской с одним различием: Иван IV в ней не именуется «великим князем смоленским и ливонским».

МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО «Московское посольство» представляет собой соединение донесения Поссевино от 28 апреля 1582 г. генералу ордена Клаудио Аквавиве и заметок о пребывании в России спутника Поссевино — иезуита Джованни Паоло Кампани, впоследствии занимавшего должность иезуитского провинциала в Польше. Впервые это сочинение в очень небольшом числе экземпляров было напечатано в 1584 г. в «Ежегоднике», издававшемся иезуитским орденом исключительно для его членов. Широкой публикации этот доклад не подлежал. В 1882 г. он был издан в Париже известным исследователем Поссевино Павлом Пирлингом.

Поссевино освещает здесь в основном вопросы, связанные с политической и дипломатической сторонами миссии. Кампани, итальянец по рождению, долгое время живший в Богемии и поэтому знавший славянские языки, приводит любопытные данные об экономике, быте, обычаях России конца XVI в. Сведения эти иногда подаются чрезвычайно тенденциозно, с позиций посланца папского престола и в плане, свойственном подавляющему большинству сочинений иностранцев о России, изображающих Московию страной дикой, с необычными, на взгляд европейца, порядками и обычаями.

По свидетельству Поссевино, сочинение Паоло Кампани в известной мере основывается на сообщениях польского посланца Кшыштофа Дзержка, несколько раз побывавшего в России и сообщившего свои наблюдения Кампани, когда тот по пути в Рим останавливался в Полоцке (ДАИ, с. 21).

«Московское посольство» не свободно и от прямых ошибок (рассказ о гробнице киевского князя Владимира в Новгороде, легенда о выражении «хлеб-соль»). Отчасти это можно объяснить незначительным сроком пребывания Кампани в России. Тем не менее многие мысли и факты, изложенные в «Московском посольстве», впоследствии были использованы Поссевино в «Московии», развиты и переработаны в соответствии с теми планами, которые Поссевино ставил в своей работе. Таким образом, «Московское посольство» можно считать тем ядром, из которого выросла «Московия».

«Московское посольство», не предназначавшееся для широкой публикации, написано простым и четким языком делового донесения, без излишних риторических украшений и нарочито «темных» мест.

Перевод выполнен по изданию: Possevini A. Missio Moscovitica. Paris, 1882.

[1] См. прим. 17 к I книге «Московии».
[2] 11, 16 и 18 апреля 1581 г. См.: Possevini A. Missio Moscovitica. Paris, 1882, p. 92.
[3] Августин Барбариго.— Там же.
[4] Эрцгерцог Карл, сын императора Фердинанда I.— Там же.

[5] Герцогиня Мария, супруга Карла, дочь герцога баварского Альберта V.— Там же.
[6] 30 апреля 1581 г.— Там же.
[7] См. прим. 26 к I книге «Московии».
[8] Рудольф II.
[9] Имеется в виду Джерино. См.: Possevini A. Missio Moscovitica, p. 92.
[10] Епископ вроцлавский Мартин Герстман.— Там же.
[11] Датированные 12 мая 1581 г. См.: Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени. Спб., 1867, с. 208. Далее — Коялович М. О. Указ. соч.
[12] См. прим. 36 к «Письмам».
[13] Ян Замойский.— Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова). Пер. О. Милевского. Псков, 1882, с. 24. Далее — Дневник последнего похода...
[14] Христофор (Кшыштоф) Дзержек.
[15] От 29 июня. Дзержек прибыл к королю в Полоцк 15 июля. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 275—277.
[16] 19 и 29 июля. — Дневник последнего похода., с. 47.
[17] См. прим. 18 к «Письмам».
[18] Смоленский воевода Данила Андреевич Ногтев.— ПДС, т. X, с. 54—55.
[19] «Странное», с точки зрения Поссевино, поведение русских приставов объясняется на самом деле приказами из Старицы. Иван IV несколько раз переносил день прибытия посольства в Старицу, о чем писал приставу Залешенину Волохову, который и действовал в соответствии с этими приказами. См.: Лихачев Н. П. Дело о приезде Поссевина. Спб., 1903. Материалы, с. XX—XXII.
[20] «... а с иноходцем к папину послу навстречу послал от себя государь Елизарья Благово».— ПДС, т. X, с. 68.
[21] Стольник Иван Данилович Бельский.— ПДС, т. X, с. 64.
[22] Неверное истолкование выражения «хлеб да соль» и легенда об изгнании беса не имеют ни фольклорного, ни литературного основания.
[23] Окольничий Степан Васильевич Годунов. — ПДС, т. X, с. 72.
[24] Дьяк Афанасий Демьянов.— ПДС, т. X, с .73.
[25] См.: прим. 8 к «Письмам».
[26] Мария Нагая.
[27] Переговоры с Поссевино вели: Василий Григорьевич Зюзин, Роман Михайлович Пивов, дьяки — Андрей Щелкалов (его Поссевино называет «канцеллярий», канцлер), Афанасий Демьянов и Иван Стрешнев. — ПДС, т. X, с. 74.
[28] Князья Федор и Василий Ивановичи Мстиславские. — ПДС, т. X, с. 80.
[29] Русскими источниками этот эпизод не подтверждается.
[30] От 19 мая 1581 г.— ПДС, т. I, с. 818—821.
[31] От 15 марта 1581 г.— ПДС, т. X, с. 80—85.
[32] Иоганна Эйлофа. См. прим. 18 к I книге «Московии».
[33] См. прим. 36 к II книге «Московии».
[34] Паоло Кампани.
[35] Стефан Дреноцкий и Микель Мориено.
[36] От 2 августа 1581 г. См.: Коялович М. О. Указ. соч., с. 287, 328.
[37] Русские копии документов, касающихся переговоров в Старице, не сохранились. По словам Пирлинга, в Ватиканском архиве в отделе «Германия, 93» находятся только немецкие переводы и резюме на латинском языке следующих документов: письма Ивана IV папе Григорию XIII, опасной грамоты для венецианских купцов и письма царевича Ивана Ивановича Григорию XIII. См.: Possevini A. Missio Moscovitica, p. 96.
[38] См. прим. 18 к «Письмам».
[39] «Ночью шел снег и потом сильно заморозило, палатки наши не приспособлены к этому, морозы усиливаются, пехотинцы гибнут от холода...» — Дневник последнего похода.., с. 149—150.
[40] 15 декабря 1581 г.
[41] Михаил Гарабурда. См.: Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979, с. 67—68.
[42] 14 февраля.— ПДС, т. X, с. 259.
[43] ПДС, т. X, с. 351—374.
[44] 21, 23 февраля и 4 марта 1582 г.

[45] См. прим. 51 к II книге «Московии».
[46] См. прим. 18 к I книге «Московии».
[47] Ср.: Горсей Д. Записки о Московии XVI в. Спб., 1909, с. 42—43.
[48] Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. II. Berl.— Petr., 1842, p. 326—330.
[49] В русских источниках упоминается о 25 итальянцах и испанцах.— ПДС, т. X, с. 316.
[50] ПДС, т. X, с. 328.
[51] Там же.
[52] См. прим. 50 к II книге «Московии».
[53] См. прим. 70 к II книге «Московии».
[54] Имеется в виду известный польский историк Александр Гваньини. Комендантом Витебска был с 1569 по 1587 г. См. прим. 99 к II книге «Московии».
[55] Феофан Богдан Рипинский, полоцкий архиепископ; управлял несколькими монастырями в могилевской и мстиславской епархиях, причем отдавал эти монастыри в аренду и получал оттуда довольно большие доходы. См.: Макарий. История русской церкви, т. IX. Спб., 1879, с. 393, 440, 441.
[56] В Браунсберге (Восточная Пруссия) в 1565 г. кардиналом Станиславом Гозиушем была основана первая в восточных областях иезуитская коллегия; в 1578 г. Поссевино во время поездки в Швецию основал здесь семинарию для неимущих учеников.
[57] 24 марта 1582 г.
[58] Христофор (Кшыштоф) Варшевицкий. См. прим. 88 к «Письмам».
[59] Публикацию этого источника см.: Вестн. МГУ. Серия X. История, 1969, № 6, с. 80—85.
[60] leuca — льё = около 4,5 км.
[61] Кампани называет эти сорта «triticum» и «siligo».
[62] См. прим. 18 к I книге «Московии».
[63] Неверно. Русская церковь признавала семь вселенских соборов. См. например: ПДС, т. X, с. 360.
[64] Архиепископ Александр; с. 1589 г.— митрополит.
[65] Ошибка Поссевино. Ему показали мощи не киевского князя Владимира, а князя Владимира Ярославича, умершего в 1052 г.
[66] Во время пребывания в Италии посольства Якова Молвянинова (сентябрь 1582 г.) Поссевино приказал перед приходом русских в Ватикане и Бельведере закрыть статуи Афродиты и Клеопатры простынями и завесить стены с фресками Фра Анжелико коврами.— Pierling P. La Russie et le Saint-Siège, v. II. Paris, 1897, p. 202.

ЛИВОНИЯ

Трактат «Ливония» практически неизвестен в русской исторической литературе. Интересна судьба рукописи этого сочинения. Оно было написано 30 марта 1583 г. в Венгрии и тотчас отослано в Рим. В 1841 г. профессор дерптского университета Виктор Гейн, находившийся в Риме, разыскал эту рукопись в архиве Ватикана, но ему не разрешили снять с нее копию. Вернувшись в Дерпт с некоторыми выписками из нее, он предпринял розыски в дерптской академической библиотеке и нашел там еще один экземпляр той же рукописи.

Позже графу Александру Пшеджецкому, жившему в Варшаве, в 1846—1849 гг. путешествовавшему по Европе и побывавшему в Риме, удалось снять копию с ватиканской рукописи «Ливонии», которую он и издал в 1850 г. в Варшаве в «Wiadomość bibliograficzna o rękopismach záwierających w sobie rzeczy polskie przejrzanych po niektorych bibliotekach i archiwach zagranycznych w latach 1846—1849 przez Alexandra Przezdzieckiego». Warszawa, 1850. Другую копию он передал рижскому «Обществу по исследованию древностей отечественных и дел ливонских», которое поручило издание этого трактата К. Э. Напьерскому. Последний сравнил римскую копию с дерптским экземпляром и дал комментарий. В таком виде «Ливония» и была издана в Риге в 1852 г.: (Livoniae commentarius Gregorio XIII scriptus, nunc primum editus e codice Bibliothecae Vaticanae, addito prooemio et adspersis nonnullis annotationibus. Edidit Napiersky. Rigae, 1852).

Содержание «Ливонии» также тенденциозно и целенаправленно, как и другие

сочинения Поссевино. Начав с далекой истории (высказываний Плиния и Страбона), иезуит берет лишь некоторые факты и освещает их нужным ему образом: пока Ливония была страной католической и подчинялась святому престолу, дела ее процветали. Потеряв покровительство Рима, Ливония потеряла почти всё, и только решительная религиозная политика короля-католика (Батория) поможет Ливонии восстановить свое могущество.

Как всегда, Поссевино излагает свой план возрождения католицизма в ливонских областях. Говоря об учреждении в Ливонии ряда иезуитских коллегий и настаивая на расширении их сети, он предлагает чисто иезуитский план материальной поддержки этих школ: церковное имущество, ранее принадлежавшее православной церкви и приписанное теперь этим коллегиям, фактически не существует, так как присвоено различными лицами в ходе войны. Отнимать это имущество не следует, так как это может озлобить людей, не твердых в вере, и отвратить от католичества. Пусть новые владельцы возьмут на себя обязанности поддерживать из своих средств по нескольку неимущих учеников.

Поссевино настаивает на расширении типографий в Вильне и Кракове, указывая конкретную сумму, необходимую для изготовления новых шрифтов для издания книг на славянских и других восточных языках. Он предлагает как можно чаще использовать купцов для пересылки книг в северные и восточные области: «Никакими пушками, никаким другим сильным арсеналом север и восток не будут завоеваны быстрее» (с. 230 перевода).

Однако, несмотря на тенденциозность в освещении автором фактов, «Ливония» — весьма ценный исторический источник, дающий сведения о состоянии прибалтийских областей после окончания Ливонской войны, характеризующий проводившуюся здесь Баторием религиозную политику, воссоздающий картину деятельности папского престола в северо-восточных областях Европы.

Трактат помогает уточнить время написания «Московии»: Поссевино дважды упоминает о ней как о сочинении, уже написанном, и ссылается на нее (с. 221, 231 перевода).

Авторский стиль изложения в «Ливонии» труден, насыщен терминологически сложными выражениями, неясными намеками, которые скорее затемняют смысл фраз, чем помогают их понять.

Перевод выполнен по изданию:
Livoniae commentarius Gregorio XIII scriptus, nunc primum editus e codice Bibliothecae Vaticanae, addito prooemio et adspersis nonnullis annotationibus. Edidit Napiersky. Rigae, 1852.

1 «Земли за Эльбой, лежащие у Океана, нам совершенно неизвестны. Римляне никогда не переходили по ту сторону Эльбы». См.: Strabonis. Geographica, VIII, 2, 4. Berl., 1844—52.

2 Слова Плиния Поссевино цитирует по Кромеру. См. прим. 4.

3 Ян Длугош (1415—1480), известный польский средневековый историк. Крупнейшее его сочинение — «Польская история». Длугош широко использовал в своем сочинении помимо польских анналов и хроник русские, литовские, чешские и венгерские летописи, а также сочинения античных авторов. См.: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978, с. 6—96.

4 Мартин Кромер (1512—1589), польский писатель, епископ вармийский. Деятельно способствовал возрождению католицизма в Польше. Основной его труд: Cromeri M. De origine et rebus gestis Polonorum. Basilii, 1568.

5 Dlugossi I. Historia Polonica. Lipsiae, 1712, v. II, p. 119.

6 Cromeri M. Opus cit. v. III, p. 42.

7 Город Либава.

8 Ошибка Поссевино. Каноник Мейнард, из августинского монастыря в Зигеберге (Гольштиния), приехал в Ливонию около 1180 г., а не после 1200 г. В 1184 г. в Иксеколе (Икшкиле) построил деревянную часовню, начал миссионерскую деятельность; в 1185 г. построил каменную церковь и замок в Иксеколе, затем в Гольме. В 1185 г. епископ бременский возвел его в сан епископа иксекольского. Умер в 1196 г. См.: Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и

Курляндии. Спб., 1912, с. 11.

[9] В 1192 г.

[10] Еще до Гонория III (1216—1227) папы римские: Климент III (1187—1191). Целестин III (1191—1198), Иннокентий III (1198—1216) прилагали усилия для христианизации Ливонии. Папа Гонорий III проявлял особенное рвение. Его буллы о Ливонии приходятся на время епископа Альберта, а не на время епископов Мейнарда и Бертольда.

[11] Бертольд, бывший аббат цистерианского монастыря в Локкуме (прусская провинция Ганновер). В 1196 г. был в Ливонии в качестве миссионера. Получив в Бремене сан епископа, в 1197 г. приехал в Ливонию. Встреченный местным населением очень враждебно, решил прибегнуть к силе. В 1197/98 гг. объехал Саксонию и Вестфалию, призывая к крестовому походу против ливонцев, а в 1198 г. пришел с ополчением. 24 июля 1198 г. на месте современной Риги произошло сражение, в котором саксонцы одержали победу, но сам епископ погиб. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 12; История Латвии, т. I. Рига, 1952, с. 90.

[12] Альберт, бременский каноник, в 1199 г. получил епископский сан, тогда же организовал крестовое ополчение против ливонцев при поддержке папы Иннокентия III. Перенес столицу из Иксеколе (Икшкиле) в торговое селение Ригу. В 1207 г. признал себя вассалом германского короля Филиппа. Однако Альберт не был первым рижским архиепископом, как утверждает Поссевино. В сане архиепископа рижского впервые был утвержден Альберт Зюрбер в 1255 г.— История Латвии, т. I, с. 90—91; см. также: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 14—18.

[13] Видимо, Поссевино имеет в виду кафедральный собор св. Марии, построенный еще в 1201 г., сгоревший в 1214 г. и восстановленный епископом Альбертом.

[14] В крестовом походе против эстов и жителей о. Эзель приняли участие в 1218/19 гг. герцог саксонский Альберт Ангальм, некий граф Венцеслав с о. Рюген и сын мекленбургского князя Буревина Генрих Буревин (Барвин).

[15] В 1219 г.

[16] Булла папы Григория IX от 22 марта 1236 г.— Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, т. I, 1841, с. 43.

[17] Вильгельм, епископ моденский, позже епископ сабинский и кардинал, дважды был (в 1225 и 1234 гг.) легатом в Ливонии. Приезжал также для разбора спорных вопросов из Пруссии в 1238 и 1242 г. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 32.

[18] Орден крестоносцев (меченосцев) был образован при епископе Альберте в 1202 г. Члены ордена, кроме обычных монашеских обетов, давали также обет борьбы с неверными. Папа подчинил его епископу и дал устав тамплиеров. Знак ордена — на левом плече кроме креста красный меч. Первый магистр ордена — Венно. В 1207 г. по договору между епископом Альбертом и орденом последний получил $1/3$ всех ливонских владений и доходов. Потерпев в битве при Сауле (1234 г.) тяжелое поражение, орден фактически перестал существовать. Епископы рижский, дерптский и эзельский просили папу дать согласие на присоединение остатков ордена к тевтонскому ордену, образованному в конце XII в. в Палестине, позже перенесшему свою деятельность в Трансильванию и Пруссию (немецкий орден). Остатки меченосцев, слившись с немецким орденом, дали в 1237 г. новое ответвление — ливонский орден (История Латвии, т. I, с. 100—104; Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 17—18). Верховная власть над Ливонией принадлежала германскому императору и римскому папе; однако вследствие слабости Германской империи власть императора над Ливонией была номинальной. Большим влиянием пользовалась римская курия. См. Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975, с. 27.

[19] Дерптский епископ Фридрих Газельдорф (1268—1288).

[20] В 1297 г. орден отобрал у рижского архиепископа его главные замки Трейден (Турайда) и Кокенгаузен (Кокнесе), взял самого епископа Иоганна III Шверинского в плен и заключил в Феллине. Папа Бонифаций VIII приказал ордену освободить архиепископа, который затем уехал в Италию. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 50.

[21] Рига была захвачена после длительной осады магистром ливонского ордена Эбергардом Монгеймом в 1330 г.— История Латвии, т. I, с. 115—116; Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 51.

[22] Речь идет о событиях 1392—1397 гг. Германский император Венцеслав настаивал,

чтобы споры между рижским архиепископом и орденом решались при его дворе. Однако орден обратился за помощью к папе Бонифацию IX. Получив крупную взятку (около 11 500 гульденов), папа буллами от 10 и 20 марта 1394 г. поставил архиепископство рижское в зависимое положение от ордена. Архиепископ Иоганн IV Зинтен, не желая признавать подчиненного положения архиепископства, принял папское предложение занять антиохийскую кафедру. Архиепископом в Риге был поставлен двоюродный брат великого магистра ордена Иоганн V Валенрод, вступивший в тевтонский орден и тем признавший над собой его власть. Члены соборного капитула и вассалы архиепископа не соглашались признать своим архиепископом Валенрода. Император Венцеслав, также недовольный положением дел в Ливонии, предложил избрать рижским архиепископом 14-летнего Оттона Штеттинского, сына герцога Померании Свантибора. Все эти споры об архиепископской кафедре в Риге продолжались до 1397 г., когда в Гданьске было заключено перемирие между враждующими сторонами.

23 Cromeri M. Opus cit., v. II, p. 584.

24 Булла Климента V 1319 г.

25 Вероятно, речь идет о событиях 1370 г. (а не 1381 г.): новгородцы и псковичи подошли к Нейгаузену, но не взяли его. Несколько человек из осаждавших были убиты стрелами, пущенными с городской стены. Поссевино пишет об этом эпизоде, основываясь на сообщении Бреденбаха: Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, v. I. Berl.— Petr., 1841, IX, p. 20.

26 Ошибка Поссевино. В 1501—1503 гг., когда происходили военные действия в Ливонии, великим князем московским был Иван III (1462—1505).

27 Магистр ордена Вальтер Плеттенберг (1494—1535). Родился в Вестфалии в 1450 г., 14-ти лет вступил в орден.

28 Поссевино произвольно выводит слово «Ганза» из латинского hansa (крючок). На самом деле слово «Hanse» германского происхождения, означает «множество людей». О ганзейском союзе см.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 28.

29 Поссевино излагает события 1502 г., вероятно, под влиянием Герберштейна (См.: Герберштейн С. Записки о московитских делах. Спб., 1908, с. 182). На самом деле объединенные силы литовцев и ливонского ордена пытались осадой взять Изборск и Псков, но были отбиты. Сражение у озера Смолина произошло 13 сентября 1502 г. Русские и немецкие источники дают разноречивые сведения об этом сражении. Плеттенберг, одержав победу, развить успеха не смог и, поняв, что шансов на овладение Псковом нет, возвратился в Ливонию (См.: Казакова Н. А. Указ. соч. с. 233—234). По перемирию, заключенному в апреле 1503 г. на 6 лет, к Москве отходила большая территория на всем протяжении русско-литовской границы. Перемирие 1503 г. продлевалось с 1504 г. по 1522, с. 1522 по 1531 г., а затем по 1551 г. См.: Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XVI в.). М., 1952, с. 497, 520—521.

30 Около середины XVI в. многие жители Ливонии формально приняли лютеранство. В 1554 г. на ландтаге в Валмиере была провозглашена свобода вероисповедания для лютеран во всей Ливонии.

31 В конце 1524 г. (а не в 1527 г.) в Дерпт прибыл скорняк Мельхиор Гофман, родом из Швабии, религиозный фанатик, перед тем бывший в Валмиере и высланный оттуда по приказанию магистра за возбуждающие проповеди. И в Дерпте он проповедовал о скором наступлении страшного суда, о праве всех исполнять обязанности священника, о ненадобности твердой церковной организации. 10 января 1525 г. под влиянием его проповедей толпа разграбила церкви св. Марии и Иоанна. Гофман был выслан из города. Позже, в Германии, стал вождем радикального анабаптизма. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 131.

32 Вильгельм, маркграф бранденбургский, архиепископ рижский с 1539 по 1563 г. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 139—140.

33 Так называемая «борьба коадъюторов». События 1555—1557 гг. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 149—150.

34 Герман II Везель, бывший аббат монастыря Фалькенау (Фалькенвенский), дерптский епископ с 1553 по 1558 г. Умер в Москве в 1563 г.

35 Иодок фон Рекке, дерптский епископ с 1543 г. Отрекся от епископства в 1553 г.

36 Тилман Бренденбах (1544—1587), католик, доктор богословия. Известен сочинением «Belli Livonici Historia».— Historiae Ruthenicae.., v. I, p. 1—25.

[37] 2 августа 1561 г.

[38] Герцог гольштинский Магнус (см. прим. 66 к «Письмам») получил от своего брата, датского короля Фридриха II, право на Курляндию и Эзель, так как отказался от своих прав на Гольштинию. Купил также право на епископство в Ревеле у последнего епископа Морица Врангеля. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 160.

[39] Фюрстенберг был взят в плен в 1560 г. в Феллине; умер в 1568 г. в г. Любиме, пожалованном ему Иваном IV.

[40] Готтард Кетлер (1517—1587) — последний орденский магистр. В 1561 г. подписал акт о подчинении ордена Польше (pacta subiectionis), признав себя вассалом польского короля, за что был объявлен герцогом Курляндии и Семигаллии (Земгале) с правом передачи герцогского достоинства потомкам по мужской линии. В 1566 г. женился на мекленбургской княгине Анне, находившейся под влиянием протестантской среды. См.: Арбузов Л. А. Указ. соч., с. 158, 162.

[41] Николая Радзивилла.

[42] О судьбе ливонских пленников Поссевино упоминает в «Московском посольстве» (см. 203 с. перевода).

[43] Замойский прибыл в Дерпт в феврале 1582 г. Там в храме св. Марии поставил католического священника Фому Ламковича; лютеранам был оставлен храм св. Иоанна.

[44] Иезуитская коллегия в Дерпте, видимо, была основана вскоре после приезда Замойского. В Риге иезуиты основали коллегию в 1583 г.

[45] Дмитрий Соликовский выполнял посольские поручения Сигизмунда Августа при дворе датского и шведского королей, при Стефане Батории исполнял обязанность посла в Ватикане. Баторий сначала назначил его епископом в Вендене (Цесисе), затем архиепископом во Львове.

[46] Иоганн Бюринг (см. прим. 67 к «Письмам»), захватил в 1576 г. замок Трейден, в 1578 г.— г. Венден и некоторые замки (Лемзель, Перкель и др.).

[47] В апреле 1582 г.

[48] Александр Меленский, аббат из Тжемешно. Был назначен епископом нового венденского епископства в 1582 г.

[49] Аугсбургское исповедание веры (Augustana confessionis professio) — символ протестантской церкви. Составлено сподвижником Лютера Меланхтоном; принято в 1530 г. на сейме в Аугсбурге.

[50] Мария Тюдор (Кровавая) (1553—1558).

[51] Имя библейского родоначальника племени амалекитян Амалека воспринимается в богословии, как символ зла и нечистой силы.

[52] «Пока в Риме готовятся и советуются, Сагунт уже взяли...» См.: Livii T. Ab urbe condita. Lipsiae, 1901, XXI, 7.

[53] Валлис (Валле) — пограничная область между Швейцарией и Италией.

[54] Вероятно, Бартфельд (венг. Bártfa) на р. Тепле.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею

ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика. М., 1789

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ПДС — Памятники дипломатических сношений с державами иностранными

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

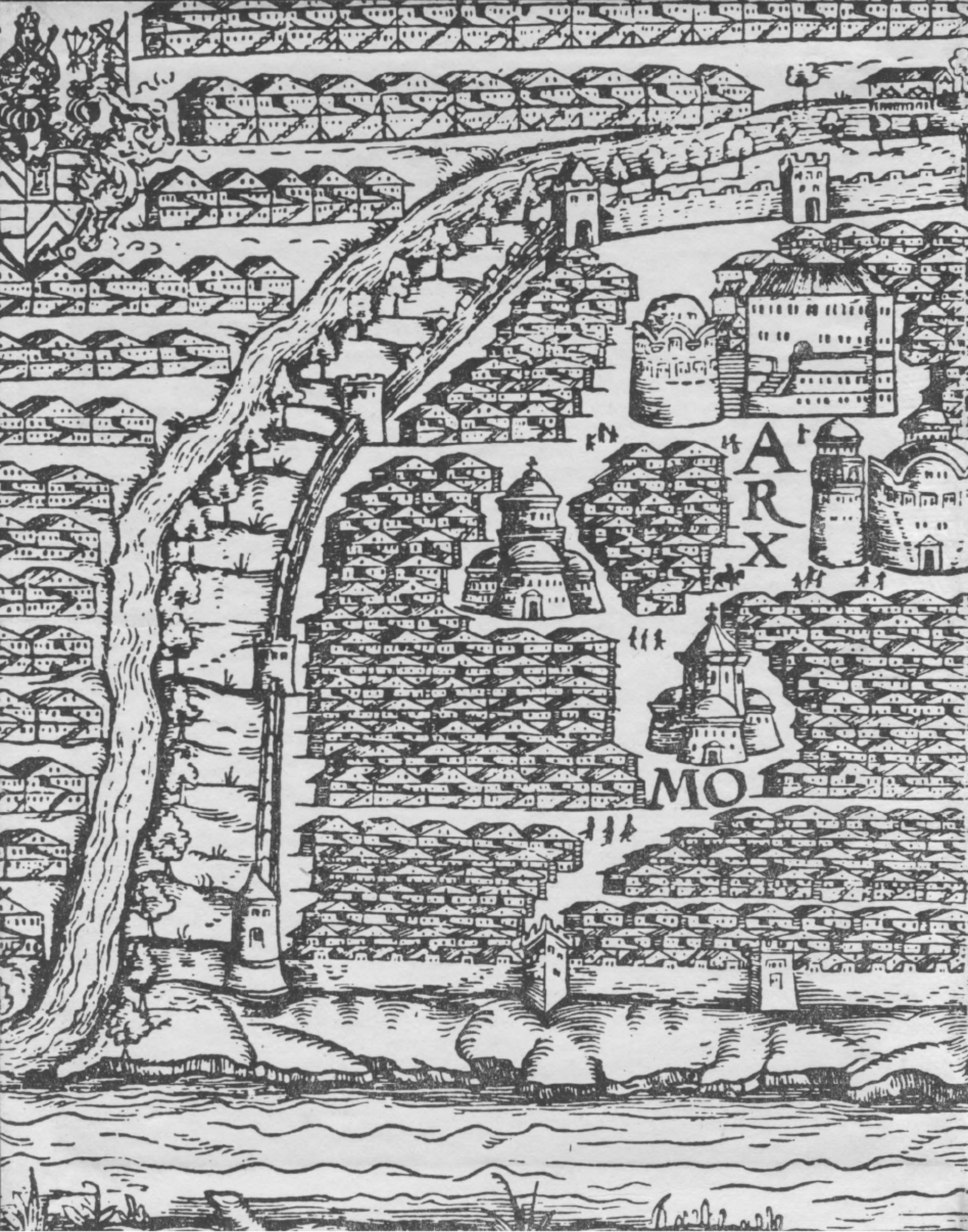
Антонио Поссевино

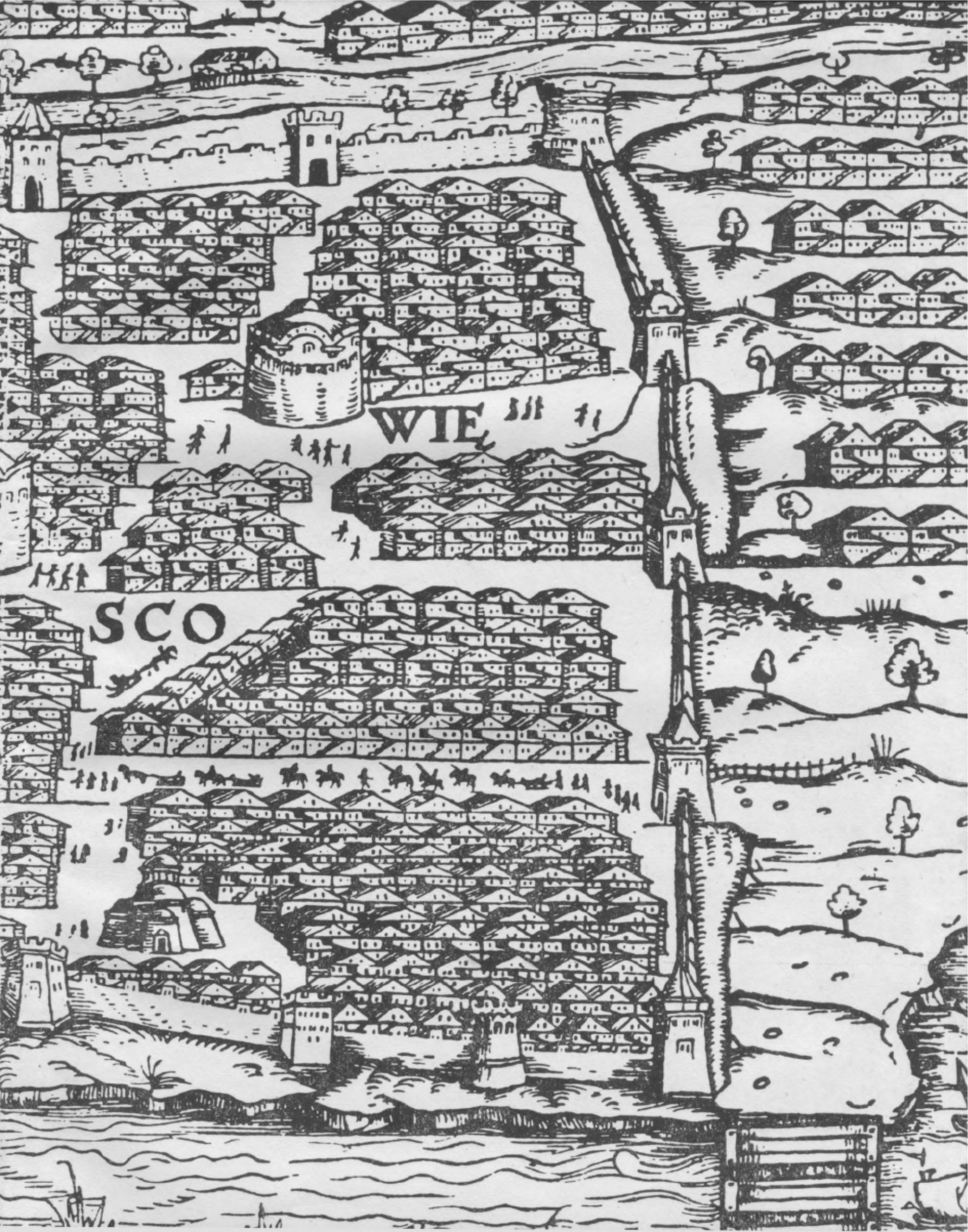
ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ О РОССИИ
XVI в.
(«МОСКОВИЯ»,
«ЛИВОНИЯ» и др.)

Заведующая редакцией
Н. М. Сидорова
Редактор
О. Н. Трифонова
Художник
О. А. Виноградов
Художественный редактор
Л. В. Мухина
Технический редактор
Г. Д. Колоскова
Корректоры
Л. А. Айдарбекова,
Л. Н. Кузнецова

Тематический план 1982 г. № 77
ИБ № 1293
Сдано в набор 22.06.82. Подписано к печати 02.12.82. Л-80882. Формат 70×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 19,89. Уч.-изд. л. 21,99. Изд. № 816. Зак. 453
Тираж 10 000 экз. Цена 1 р. 80 к.

Ордена «Знак Почета» Издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета»
издательства МГУ.
Москва, Ленинские горы

ARX
MO

WIE
SCO

1р. 80к.

МГУ

А. Поссевино
Исторические сочинения о России XVI в.